КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ И АВГУСТЪ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурой Кіевъ 19 іюля 1896 года.

ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса объ источникахъ нашей Пасхальной драмы, мы должны прежде всего остановиться на такъ называемомъ евангеліи Никодима, апокрифическомъ сочиненіи, которое когда-то и въ южной Руси пользовалось большой извѣстностью, и котораго вторая часть разсказываетъ о сошествіи Христа въ адъ и объ освобожденіи оттуда душъ праведниковъ. Литературную исторію этого знаменитаго апокрифа разработали въ послѣдніе годы два славянскіе ученые, Юрій Поливка и М. Сперанскій [2]), съ такой полнотой и подробностью, что я не буду на ней останавливаться, но воспользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи фактами, какіе добыты этими изслѣдованіями.

Никодимово евангеліе дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: полной и краткой. Полная редакція, это собственно механическій сводъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ разновременно и разными авторами, именно—такъ называемыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (Acta Pilati)—апокрифическаго разсказа о мученіяхъ и смерти Іисуса, и Сошествія Христа въ адъ (Descensus Christi ad Inferos) — сочиненія, приписываемаго въ самомъ текстѣ Левкію и Харину, сынамъ Іосифа Богопріимца, воскресшимъ изъ мертвыхъ послѣ крестной смерти Іисуса и написавшихъ на требованіе іерусалимскаго синедріона разсказъ о томъ, что они видѣли въ

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г. № 6.

[2]) *Jiří Polívka*, Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanskych (Časopis Mus. Kr. Českeho, 1891), str. 440 *М. Сперанскій*, Славянскія апокрифическія евангелія (общій обзоръ). Москва 1895, стр. 55—82.

аду во время, когда въ него сошелъ Христосъ. Оба эти сочиненія написаны по гречески и долгое время существовали независимо другъ отъ друга; только въ болѣе позднее время они были соединены въ одно цѣлое и въ такомъ видѣ переведены на латинскій языкъ. Въ греческомъ текстѣ существуютъ "Acta" отдѣльно отъ "Descensus'a," и это есть краткая редакція, которая имѣется также въ славянскихъ переводахъ съ греческаго. Текста" Descensus'a" отдѣльно отъ "Acta" нѣтъ. Въ латинскомъ переводѣ, который въ средніе вѣка былъ очень распространенъ въ западной Европѣ и имѣлъ громадное вліяніе на развитіе западно-европейскихъ литературъ, краткой редакціи нѣтъ, а есть только полная, т. е. сводная редакція обѣихъ сочиненій съ упрочившимся за ней съ IX в. названіемъ Никодимова евангелія.

Сравнивая славянскіе рукописные тексты этого апокрифа съ текстами греческими и латинскими, названные славянскіе ученые пришли къ интересному и довольно неожиданному выводу, что полная редакція Никодимова евангелія, имѣющаяся въ славянскихъ спискахъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, церковно-славянскаго перевода, восходящаго, по словамъ М. Сперанскаго, „едва ли не къ первымъ вѣкамъ христіанства у славянъ, во всякомъ случаѣ къ начальному періоду славянской литературы“ (*М. Сперанскій*, op. cit. 58), сдѣлана не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода этого апокрифа. Только позже и независимо отъ этого перевода сдѣланъ былъ переводъ съ греческаго самыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (краткой редакціи) безъ „Сошествія въ адъ“, и этотъ переводъ получилъ довольно большое распространеніе у южныхъ славянъ и на Руси. Правдоподобно, что на Руси къ этому тексту краткой редакціи апокрифа былъ присоединенъ сокращенный пересказъ „Сошествія“, и такимъ образомъ возникла особая редакція апокрифа, „смѣшанная“, по выраженію М. Сперанскаго, и не совпадающая ни съ однимъ изъ иноземныхъ текстовъ (op. cit. 69).

Насъ интересуетъ здѣсь только вторая часть апокрифа т. е. Descensus, такъ какъ эта часть именно и была основаніемъ нашей и вообще западно-европейской Пасхальной драмы или

тѣхъ ея эпизодовъ, гдѣ представлялось сошествіе Христа въ адъ. Мнѣ извѣстны два южно-русскіе списка по полной редакціи Никодимова Евангелія: Вѣнской надв. библіотеки, содержащій въ началѣ Палею, пожертвованный въ 1643 г. изъ г. Ковля на Волыни одному изъ Афонскихъ монастырей и оттуда попавшій въ Вѣну, писанный въ XVI в., и списокъ начала XVII вѣка, обрѣтающійся въ рукописномъ сборникѣ № 69, принадлежащемъ Василіанскому монастырю въ Краковѣ, Жолковскаго округа въ Галиціи. Такъ какъ я не успѣлъ списать всего текста интересующаго насъ апокрифа изъ Вѣнскаго (собственно Ковельскаго) списка, то пользуюсь однимъ только Краковскимъ спискомъ, изъ коего выписываю мѣста, которыя нашли себѣ отраженіе въ нашей драмѣ.

Каринъ и Лысинъ (въ заглавіи онъ называется „Лицѣюшъ“=Lycius, Leucius), повинуясь заклятію архіереевъ, велѣли подать себѣ бумаги и каждый отдѣльно написалъ слѣдующій разсказъ: „Егда бѣхом со всѣми отци нашими посаждені въ преглубинѣ во тмѣ несветиме, нагло сътворенно быс[ть] злато зерньце, лицемъ препрѣнномъ и царскій венецъ просвещая насъ ты въставль человѣчь родъ, в купе Адама съ всѣми предними отци и пророки возвеселящеся рѣша: отъ свѣта Вышняго свѣтъ вѣчныи сьи ес[ть] еже намъ обѣща послати равновѣчныи свои свѣтъ“. Исаія цитируетъ свое пророчество, послѣ чего приходитъ Симеонъ Богопріимецъ и разсказываетъ, какъ онъ держалъ на своихъ рукахъ младенца Іисуса и узналъ въ немъ Спасителя рода человѣческаго. „Си слышаса все множество дивящеся взрадовашас[я] и потомъ пріиде Крестителъ и вопросиша и всѣ: кто ты еси? онъ же отвещавъ рече: азъ есть пророкъ Вышнаго предгрядый предъ лицемъ пришествія его въ отданіе грѣховъ и видѣхъ приходяща его ко мнѣ, принуженъ Духомъ Святымъ исповѣдая рѣхъ: изыде се агнецъ Божіи вземлаи (sic!) грехи всего мира! и крестихъ и въ Иердансцеи рече, и видѣхъ Духъ Святый долу грядущь нань въ образе голубинѣ, и слышахъ гласъ[съ] небеси рекущъ: се есть сынъ мой возлюбленныи, о немъ же благоволихъ и ныне предъ лицемъ его предвозвести вамъ яко приближилъ ся ес[ть] посетити насъ, превыше сы[и] Сынъ Божіи

отъ вышняго, издавна седящемъ намъ во тмѣ й сѣни смертнеи". Адамъ услышавъ, что Іисусъ крестился во Іорданѣ, велитъ сыну своему Сиѳу разсказать, что возвѣстилъ ему архангелъ Михаилъ, когда борясь со смертію Адамъ послалъ было его къ раю спросить оттуда деревяннаго масла для утоленія его боли. Сиѳъ разсказываетъ, какъ архангелъ Михаилъ сказалъ ему тогда, что черезъ 5555 лѣтъ на землю придетъ возлюбленный Сынъ Божій, который долженъ креститься въ Іорданѣ и спасти весь родъ человѣческій, въ томъ числѣ и отца его Адама.

„Си всѣмъ слышащимъ отъ Сифа предніи отца вси и пророци возвеселишас[я] велиею радостью. и егда веселяхуся вси Святіи, ишедъ предніи князь Діаволъ смертныи и реч[е] ко Аду пріяти Іисуса иже славитс[я] Сынъ Божіи и со человѣкы есть бояся смерти, реч[е] бо: прискорбна ес[ть] душа моя до смерти. И много противляется зло творя много: яже азъ слѣпыи, хромыи, горбатыи, оуродивыи, глоухии, трудны сътворихъ, онъ словомъ исцѣляя (дб. исцѣли я). Но оуже азъ мертвыи къ тебѣ, и отъ тебѣ живы изведе. И отвѣша Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: которыи той ес[тъ] обладыи, да есть человѣкъ сеи бояся? вся оубо власть земная моей области покорны соуть и обяти, яж[е] ты повинны приведе твоею областію, аще оубо владычьствуя ты еси, какъ есть человѣкъ той Іисусъ, бояся смерти, власти твоеи противляется? аще тако владыи ес[ть] въ человѣчьствѣ семъ, истинно ти реку, всемогіи въ Божествѣ, и области его никто же можетъ противитис[я]. Глаголю ти оубо яко яти та хощеть, и горе тобе въ вѣчнои моуцѣ боудетъ. И отвѣщая неприязнь предни[и] къ Адоу реч[е]: что размышляеши и боишися прияти Іисуса? противникъ ес[ть] мой и твой. Азъ искусихъ и, и старейшины жидовскія навадихъ нань и въ гнѣвъ противу ему, наострихъ коніе въ прободеніе его, желчь и оцетъ смѣсихъ дати ему пити и древо приготовихъ распяти и. И приближилася ему смерть, да приведя и къ тобѣ покорива мнѣ и тобѣ. Отвещавъ адъ и глагола: аще той ес[ть], иже мертвыя отъ мене извлече? то суть иже отъ мене здѣ одержимыя, живы бо на землю отъ мене мертвыя возимая областію Божіею и ко Отцу Богу своему молбою. То бо есть Всемогій Богъ и творя

вся яж[е] хощеть. Тои ли ес[ть] Іисусъ, иж[е] словесемъ своимъ мертвыя отъ мене изведе? непьщяя, яко той ес[ть]—той бо Лазаря смердяща разгнившася и четырехъ дней, его же азъ держахъ мертва, той же востави жива чресъ слово власти твоеи (дб. своеи). Отвѣщавая Аду диаволъ реч[е]: той истый есть Іисусъ! Си слышавъ Адъ рече къ нему: заклинаю тя силами моими двоими, да не приведеши его ко мнѣ! азъ бо тогда, егда слышахъ заповѣдь словесе, вострясъся проторженъ боязиию, и вси нечестыи потяжници вкупѣ смущени быша, ни того же Лазаря оудержати могъ, но сътрясаяся яко орелъ всею быстротою и скоростію и скочивъ вонъ грядый отъ насъ; и сама земля яже держала Лазарево тѣло мертво, и скоро абие вда его жива. Тѣмъ же нынѣ азъ вѣмъ яко человѣкъ, иже можетъ то сътворити, Богъ силенъ ес[ть] и въ власти владый и въ человѣчьствѣ Спаситель ес[ть] роду человечю. И аще приведеші и ко мнѣ, и вси иже суть здѣ въ пристранѣ неразрешающейся оузъ грѣх[а]ми въклещени[1]), разрешаетъ, и въ жизнь Божияго Божества своего приведетъ.

И егда же си[и] между собою глаголаша Сотона [и] предній Моука [и] сотворенъ быс[ть] гласъ яко громъ и духовъ грай: възмѣте врата предняя и взмѣтеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славѣ. Си слышавъ Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: ищезни отъ мене вонъ! иди отъ моихъ сѣдалищъ! аще убо владый противникъ еси, борися съ царемъ славы. Что ес[ть] тобе съ нимь? И изгна Адъ Сотону отъ сѣдалищъ своихъ, и рече Мукамъ своимъ, нечестивымъ послоушникомъ: запрете врата съ пристранная мѣдная и затворы желѣзны забійте и сильно противитеся, да не буде оу[бо] боятис[я] держати обіатія. Си слышаще все множество святыхъ гласомъ веліимъ рѣкоша ко Адоу: отверзи врата твоя и внидетъ царь славѣ. И възни Давидъ [царь] и пророкъ реки[и]: воле ты! егда бѣхъ жилъ на земли, прежде поведахъ вамъ: исповѣдайтеся Господеви и милости его, и чюдеса его Сыномъ человѣчьскымъ, и иже раздроуши врата мѣдная и затворы желѣзныя сломи, приатъ ихъ отъ пути неправды ихъ.

[1]) На полѣ для объясненія добавлено: связани.

И потомъ же реч[е] Исаія ко всѣмъ святымъ: волѣ! и азъ бѣхъ егда на земли живъ, прежде повѣдахъ вамъ: въстанутъ мертвіи и въскреснутъ и иже въ гробѣхъ суть, и веселящеся по земли суть, имъж[е] роса, яже ес[ть] отъ Бога, исцѣленію имъ ес[ть], земля ж[е] нечьстивыхъ падетъ. И яко паки рѣхъ: гдѣ ты смерти жало? где ти аде побѣда? Си слышаще святіи отъ Исаия рѣша ко Аду: отвьрзи врата твоя, нынѣ преборенъ еси и изнѣмогая, не владый собою будеши. И быс[ть] гласъ веліи яко громъ рекый: отимете врата предняя ваша, и возмете ся врата вѣчная и внидеть царь славѣ! Видяже Адъ яко двократы возбаша, яко невѣдый изъ оутрь Адоу рече: кто есть тои царь славѣ? И отвѣщая Давидъ ко Аду рече: сей гласъ разумѣю, понеже азъ его духомъ пророчьствовахъ и нынѣ предповѣстоую ти: силы ть крѣпокъ и силенъ, человѣкъ силенъ во брани, тои ес[ть] царь славѣ, и той самъ Господь съ небеси на землю призрѣ оуслышати воздыхание окованныхъ, раздрѣшити сыны оумерщвеньныхъ и нынѣ скверньйшая и смердящія муко, отверзи врата твоя, да внидетъ Царь славѣ! Си рекущу Давиду ко Аду прииде царь славѣ во образѣ человѣчи, человѣкъ пресыльныи, и вѣчныя претны, просвѣти, неразрѣшимыя оузы преторже, посѣти насъ седящая во тмѣ грѣховней. Си видя Адъ и Смерть и безчестны[и] послужители ею съ злыми потяжники и вострясеся во властныхъ областехъ ихъ, познавше тако великъ свѣтъ во свѣтлости. Егда Господа на гловнихъ седящь оузрѣша, и возпиша рекуще: прес[и]лени есмы отъ тебе! Кто ты еси отъ Бога посланъ ко области нашей? Кто ты еси страшный и стлѣнію непреборимая сила, пресильный въ лютосердие наше? попираеши область нашю! Кто ты еси тако гръдыи, малъ сыи и покоривъ вышыше небесъ, царь во образѣ рабіи, и дивенъ супостатъ, и царь славѣ, мертвъ и живъ. Егда же крестъ держа убиенъ быс[ть], и мертвъ полежа во гробѣ, живъ къ намъ прійде, и въ твою смерть вся вострясеся, твари вся восколебавшася, и нынѣ восталъ еси и мертвыя свобождаеши и безчисленная наша смешая. Кто еси ты, и иж[е] прьвыми грѣх[а]ми связани отдержими бѣху, разрѣшаеши странны и во свободу перву ведеши? Кто еси ты, и еже грѣх[а]ми тмы ослеплены, Божіаго свѣта сіяниемъ, властию ты просвѣ-

щаеши? та мож[е] сущая о діаволѣ вся множества вкоупѣ оужасашас[я] страхомъ и боязнию претръжени, единѣмъ гласомъ возпиша рекуще: откоудоу еси? и се тако крѣпокъ человѣкъ чистъ и сияя силою тако, яко не можемъ зрѣти и отъ начала смертнаго и вѣсь вѣкъ земный, иже намъ бѣ преданъ доселѣ присно, и въ нашей жизни не бѣ въ насъ никогдаж[е] въ мертвыхъ таковаго человѣка посланна, никого, да такого царства адъскымъ посланна быша. Кто убо ты еси, иже тако безъ страха въ наша предѣлы ютрь вшелъ еси? и не то едино, нъ и нашея мукы не боишися, и верху того и вся отъ насъ изяти хощеши. Непщюемъ, егда ты еси Іисусъ, о немже старейший нашь діаволъ повествоваше, да твоея рад[и] смерти крестныя все человѣчьство властію ти изведеши отъ насъ? и во скорѣ абие тогда Царь славѣ, Господь крѣпокъ силою своею, поправъ смерть и имь Діавола связа [и] предасть и муце вѣчнѣй и изведе Адама во свое пресвѣтлоство. Тогда Діаволъ сваримъ Адомъ и Смертію и множествомъ нечистыхъ духовь реч[е] къ нему: воле ты началниче пагубѣ и князь пустыни, Вельзауле, и обруганне отъ ангелъ божіихъ и враже праведнымъ! чему то сътвори тако, царя славѣ на крестъ восткнути хотѣвъ, и того непщева умрети, и толь многу користь си обѣща сътворити, невлады и яко несмыслена мя содѣла. Смотри уже, се Іисусъ божества своего сияниемь прогна вся тмы смертныя, и твердыя темница имъ разломи и вонъ изятъ одержимыя, разрѣши ужники вся; иже подъ нашими обыкоша воздыхати муками, ругаются намъ, и отъ користи ихъ будуть избранни, власти наша и владычьства преможена суть, и ни малый уже боится насъ родъ человѣчь. Врьху того же и силно намъ претять, имже никогда же намъ возмозиви бяху мертвіи и никогдаже не можааху веселитися странніи. Воле ты, предніи Сотоно, всему злу началникъ и первый муко! ты прежде сего на Іисуса прю изыска злу, и ни единаго грѣха обрѣте въ немъ. Какож[е] безъ вины не испытавъ его на крестъ въстъкнути смѣаше и въ нашу область безъ долга привести и отъ вѣка держимыя погуби! Егда же то глагола Адъ ко Дияволу, тогда царь славе реч[е] къ Аду: буди Дияволъ подъ областію твоею въ вѣки вѣка на мѣсте Адамли праведнымъ судомъ

моимъ! И рече Господь простеръ руку свою: приид[ѣ]те вси святіи мои ко мнѣ, выже имате подобие образа моего, иж[е] древа Діяволя дѣля смертію осуждени бѣсте, нынѣ же видите древомъ Діявола и смерть осудихъ. И яко тако реч[е], вси святіи подъ рукою господнею быша. И держа Господь десницу Адамлю рече къ нему: миръ тобѣ со всѣми чады твоими! Адамь ж[е] на ногу Господню согнувся паде и со слезною молитвою реч[е]: Вознесу тя, Господи, яко подятъ мя и нѣси возвеселилъ врагъ моихъ о мнѣ! Ты Господь Богъ мой, возопихъ къ тобѣ и[с]цѣлилъ мя еси и изведѣ отъ Ада душу мою, и избавилъ мя еси отъ низходящихъ въ ровъ. Пойте Господу вси святіи его, исповедайте памятъ святыня его! яко гнѣвъ во ярости его и животъ въ воли его; також[е] вси святіи его, колѣна преклоньше на ногу Господню, единѣмъ гласомъ рѣша: Пріиде избавитель вѣкомъ, якож[е] закономъ и пророкы прежде возвести и дѣлы исполни; избави ны животворящимъ крестом си, и смерти ради крестныя сниде къ намъ и избави ны отъ смерти адовныя силою твоею, Господи! якоже постави писмя славы твоея на небесѣхъ, и вышьнее исполни писмя, крестъ твои постави на земли, Господи, во адѣ знамение побѣды креста своего, смерть бо не обладаеть потомъ. И простеръ Господь руку свою сотвори знамение крестово на Адамѣ и на всѣхъ своихъ святыхъ и держа десницю Адамлю выспрь иде изъ ада, и вси святіи послѣдствующе быша Богу".

Дальнѣйшій текстъ Никодимова евангелія передаетъ радостное пѣніе Давида, Аввакума и другихъ пророковъ и пришествіе праведниковъ въ рай; для изученія нашей драмы эта часть апокрифа не представляетъ никакого интереса и потому мы ее и не выписываемъ. Но за то та часть, которую мы выписали, при сравненіи ея съ нашей посхальной драмой увеличиваетъ интересность ея изученія. Перечитывая текстъ апокрифа, мы видимъ, какъ много бралъ авторъ драмы изъ этого послѣдняго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуя ему рабски, но передѣлывая его соотвѣтно особымъ цѣлямъ драмы, вставляя новые эпизоды, расширяя то, что въ апокрифѣ затронуто было вскользь, или пропуская и сокращая то, что въ апокрифѣ разсказано широко. И

такъ, во первыхъ, изъ апокрифа взялъ авторъ драмы удивившую насъ прежде персонификацію Ада, какъ верховнаго князя тьмы; въ апокрифѣ также, какъ и въ нашей драмѣ, между Адомъ и Діаволомъ существуетъ разногласіе на счетъ Іисуса; Діаволъ собирается съ силами, чтобы не только убить Іисуса, но и поймать его душу и запереть ее въ адъ вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ Адъ совѣтуетъ дѣйствовать поосторожнѣе съ Іисусомъ, котораго силу онъ узналъ по случаю воскрешенія Лазаря. Это разногласіе между Адомъ и Діаволомъ доходитъ до того, что въ критическій моментъ приближенія Христа къ дверямъ адскимъ Адъ изгоняетъ Діавола изъ своей крѣпости—сцена очень драматичная, но почемуто оставленная безъ вниманія авторомъ нашей драмы. Вмѣсто этого эпизодъ съ Іоанномъ Крестителемъ, въ апокрифѣ довольно блѣдный, авторъ драмы передѣлалъ въ яркую драматическую картину, ежели монологъ Люципера, обращенный къ Крестителю, представить себѣ какъ сопровождавшійся драматическимъ дѣйствіемъ діаволовъ, которые по велѣнію Люципера должны были заготовлять „пекельный квасокъ“ и подавать Крестителю расплавленную смолу.

Не изъ апокрифа взялъ, но въ видахъ сценической живости создалъ авторъ драмы эпизодъ съ воеводами діавольскими, которые являются другъ послѣ друга и возвѣщаютъ все новыя происшествія, при чемъ три первые приносятъ извѣстія все болѣе и болѣе радостныя для Люципера, но за то два послѣдніе возвѣщаютъ ему наближающееся его пораженіе. Въ апокрифѣ, какъ видимъ, хотя и упоминается о „потужникахъ“, „прислужникахъ“, „мукахъ“ Адовыхъ, но они не исполняютъ роли пословъ.

Также и послѣдній эпизодъ драмы — оставленіе Іисусомъ Соломона въ аду и его освобожденіе оттуда собственнымъ промысломъ—заимствованъ авторомъ драмы не изъ апокрифа, въ которомъ о Соломонѣ совсѣмъ даже не упомянуто. Такимъ образомъ сравненіе нашей драмы съ соотвѣтствующимъ ей отрывкомъ Никодимова евангелія не приводитъ насъ ни къ какому рѣшительному заключенію. Какъ извѣстно, всѣ пасхальныя драмы въ Европѣ, представлявшія также сошествіе Христа въ адъ, основывались на томъ же евангеліи Никодима, заимствовали изъ

него весь остовъ драматическаго дѣйствія, сокращая или совершенно устраняя одни эпизоды, расширяя или вставляя другіе. Значитъ, вездѣ въ Европѣ, гдѣ только мы встрѣтимъ пасхальную драму, изображающую сошествія Христа въ адъ, мы замѣчаемъ, конечно въ большей или меньшей мѣрѣ тоже литературное явленіе, что и у насъ. Вопросъ не въ томъ, основана ли извѣстная пасхальная драма на евангеліи Никодима, потому что оно легло въ основаніе всѣхъ драмъ того рода; вопросъ въ томъ, составляетъ ли данная драма передѣлку непосредственно изъ апокрифа, или же она передѣлана изъ какой-нибудь другой пасхальной драмы, переведена съ какого-нибудь другаго языка. Такимъ образомъ вопросъ объ источникахъ нашей драмы есть собственно вопросъ о большей или меньшей степени литературнаго, собственно драматическаго творчества у ея автора, о болѣе или менѣе слѣпомъ заимствованіи или рабскомъ подражаніи. Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, въ литературѣ предмета не былъ до сихъ поръ поставленъ съ достаточной опредѣленностью, быть можетъ потому, что для его рѣшенія у насъ слишкомъ мало собрано и разработано матерьяла. И не у насъ однихъ. Исторія польской старой драмы, не смотря на объемистые труды Вишневскаго, Войцицкаго, Естрейхера и новыя изслѣдованія Неринга, Брюкнера и др., до сихъ поръ темна и состоитъ изъ отрывочныхъ извѣстій и библіографическихъ указаній на неизвѣстныя никому книги и рукописи. Текстовъ церковныхъ драмъ и мистерій извѣстно очень мало. А между тѣмъ это несомнѣнный фактъ, что религіозная драма пришла въ южную Русь съ запада, именно изъ Польши, и за все время своего существованія, т. е. до появленія „Наталки Полтавки“ Котляревскаго стояла подъ польскимъ вліяніемъ. Поэтому естественно является заключеніе, что южнорусская религіозная драма не только какъ общее историко-литературное явленіе заимствована изъ Польши, но что каждая южнорусская религіозная драма есть ежели не прямый переводъ, то по крайней мѣрѣ передѣлка какого нибудь затраченнаго польскаго оригинала. Къ этой мысли склонялся и пок. М. Драгомановъ въ своей статьѣ объ Изюмской виршѣ (Ватра, стр. 127—128), хотя не могъ указать драмы, которую бы можно

считать прямымъ оригиналомъ какъ этой вирши, такъ и южнорусской драмы, послужившей матеріаломъ для ея составленія. Правда, онъ указалъ на нѣкоторыя мѣста въ нѣмецкихъ „Passionsspiele“, напоминающія своей концепціей поодинокіе эпизоды вирши, значитъ и драмы южнорусской, и эти указанія очень цѣнны. Но драмы, особенно польской, которую можно бы считать прототипомъ нашей, кажется, нѣтъ. Правда, мы имѣемъ извѣстія о польскихъ „діалогахъ“, въ которыхъ какъ эпизодъ евангельской исторіи страданій, смерти и воскресенія Спасителя, представлялось также его сошествіе въ адъ, но это былъ только эпизодъ, а не особое драматическое цѣлое. Г. Хоментовскій въ своей исторіи польскаго театра [1]) приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ хелминскаго діалога. Керберъ, сторожъ ада, говоритъ къ Люциперу:

Gościa mamy, Lucyperze,
Jezusa Nazareńskiego,
Z chorągwią jakąś czerwoną,
Krzyżem napieczętowaną.

Люциперъ:

Jużci źle, bracie Cerberze,
Pewnoć nam wszystko pobierze.
Tu Kapłani, prorokowie,
Więc znamienici panowie—
Biada, jeśli postradamy.

Керберъ:

Niezbędni dziadowie oni
Chociaż tuż są we złej toni,
Śmiele sobie rozkazują,
Musi być—Jezusa czują.
A najbardziej pan Adamek,
U nas najprzedniejszy panek.

[1]) *Wł. Chomętowski*, Dzieje teatru polskiego od najdawniejszych czasów dor. r. 1750. Warszawa 1870, стр. 86–87.

Trzeba by go poczęstować,
Z pół garnca mu smoły podać,

Адамъ:

Wypijesz ją sam, poczwaro!

Какъ видимъ изъ этого отрывка, эпизодъ о сошествіи Спасителя въ адъ въ хелминскомъ (а также очень близкомъ къ нему ченстоховскомъ) діалогѣ хотя и созданъ на канвѣ разсказа Никодимова евангелія, но далекъ отъ него на много болѣе, чѣмъ наша драма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ польскомъ діалогѣ Адаму приписана роль нѣсколько похожая на ту, какую въ нашей драмѣ играетъ Іоаннъ Креститель, включая даже до намѣренія чертей—угостить его смолой. Такъ какъ Никодимово евангеліе въ Польшѣ очень мало было извѣстно[1]), то мы едва ли ошибемся, предполагая, что интересующій насъ эпизодъ польскихъ діалоговъ былъ только передѣлкой относительныхъ эпизодовъ нѣмецкихъ или французскихъ пасхальныхъ драмъ; въ этомъ укрѣпляетъ насъ и то обстоятельство, что эпизодъ этотъ въ польскомъ діалогѣ получилъ нѣкоторую классическую закраску (Керберъ), чуждую той сферѣ миѳическихъ представленій, въ какой вращается Никодимово евангеліе. И въ этомъ отношеніи южнорусская пасхальная драма послѣдуетъ польской, вводя демона Венеру, какъ одного изъ воеводъ—помощниковъ Люцифера. Но при всемъ томъ, судя даже по приведенному отрывку хелминскаго діалога (онъ сохранился въ рукописи XVII в.), нельзя утверждать, чтобъ онъ могъ быть оригиналомъ нашей драмы.

Правда, мы не имѣемъ текстовъ болѣе древнихъ польскихъ діалоговъ XVI в., среди которыхъ самый интересный для насъ долженъ бы быть знаменитый доминиканскій діалогъ, выставленный въ Краковѣ 1533 г., состоявшій изъ восьми дѣйствій,

---

[1]) Евангеліе Никодима было переведено на польскій языкъ Кіевскимъ бискупомъ Верещинскимъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Клёновичъ въ своемъ предисловіи къ польскому переводу Устава св. Бенедикта (1597 г.): „Widzialem też uważenia godną Ewangelią Nykodema S. przez W. M. na Polskie przetlumaczoną". Къ сожалѣнію этотъ переводъ не былъ напечатанъ. Насколько онъ могъ распространиться въ рукописныхъ копіяхъ, сказать трудно.—*Ред.*

котораго представленіе продолжалось три дня сряду [1]). Но судя по всѣмъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ о немъ, это была циклическая мистерія въ родѣ тѣхъ, какія въ XV стол. создали во Франціи Арнольдъ Гребанъ, Жанъ Мишель и ихъ многочисленные послѣдователи; сошествіе Іисуса въ адъ было здѣсь тоже только однимъ изъ эпизодовъ. Разумѣется, это совсѣмъ не мѣшаетъ, что наша драма можетъ быть именно обработкой одного такого эпизода, но и здѣсь мы опять останавливаемся передъ вопросомъ: была ли она переводомъ, болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ, болѣе или менѣе самостоятельной передѣлкой чужаго оригинала.

Не имѣя возможности на почвѣ польской рѣшить интересующій насъ вопросъ, мы должны обратиться туда, откуда составители польскихъ религіозныхъ драмъ брали готовые образчики этого рода сочиненій, а иногда даже цѣлыя сочиненія, которыя они переводили или передѣлывали соотвѣтно вкусамъ и привычкамъ польской публики, т. е. къ религіозной драмѣ западной Европы, а главнымъ образомъ Франціи и Германіи. Не вдаваясь въ пересказыванье извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ началу драматическаго искусства въ средневѣковой Европѣ, мы припомнимъ только нѣкоторыя общія положенія. Средневѣковая драма западной Европы развилась изъ литургической драмы, составленной на латинскомъ языкѣ и бывшей нѣкоторое время какъ бы интегральной частью богослуженія, особенно въ извѣстные большіе праздники, служившей для возвеличенія обряда и разъясненія смысла и основанія торжественныхъ церковныхъ церемоній. Драма эта возникла въ церкви, игралась священниками, имѣла цѣлью назиданіе и пропаганду истинъ христіанскаго вѣроученія. Только со временемъ она, проникаясь именно этой цѣлью все глубже и глубже, начала впитывать въ себя все больше и больше элементовъ народнаго языка и народныхъ воззрѣній; строгая литургическая схема, не измѣняясь въ сущности, оживлялась подъ вліяніемъ той свѣжей реалистической струи,

[1]) *M. Wiszniewski*, Historya literatury polskiej, t. VII, 241, гдѣ приведены мелкіе отрывки изъ этого діалога; *Chomętowski*, op. cit. 25.

какою дышетъ литература XV столѣтія, литература разроставшихся въ то время городовъ, которые и были той почвой, на которой развилось и усовершенствовалось драматическое искусство. Изъ тиши церквей и монастырей религіозная драма постепенно переходила въ церковную ограду, а оттуда на вольный просторъ городскихъ площадей, изъ рукъ духовенства въ руки полу-мірскихъ братствъ въ родѣ знаменитой французской Confrérie de la Passion и въ концѣ въ руки городскихъ и даже сельскихъ общинъ (во Франціи главные центры мистерій были Парижъ, Руанъ, Лилль, Лиможъ, Метцъ, Дижонъ и проч. [1]), въ Германіи между прочимъ деревня Обераммергау, гдѣ представленія того рода удержались до сихъ поръ).

Хотя начатки религіозной драмы въ продолженіе среднихъ вѣковъ были почти вездѣ на пространствѣ германо-романскаго міра, но все таки несомнѣнно, что главнымъ очагомъ, гдѣ эти начатки развились и дошли до извѣстной степени совершенства, нужно считать Францію. Французскія мистеріи сдѣлались поэтому образчиками англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, а косвенно также польскихъ и южнорусскихъ. Разница существуетъ развѣ въ томъ, что переходя съ запада на востокъ театральныя представленія дѣлаются рѣже по мѣрѣ того, какъ число богатыхъ и самостоятельныхъ городовъ малѣетъ, обстановка представленій менѣе роскошна, самъ текстъ религіозныхъ драмъ сокращается, а вмѣсто того тонъ ихъ дѣлается грубѣе, композиція проще. Когда во Франціи почти всѣ города ежегодно устраивали набожныя репрезентаціи, а большіе города соперничали другъ съ другомъ въ роскошныхъ и съ громадными издержками сопряженныхъ представленіяхъ циклическихъ мистерій, въ Германіи такихъ центровъ мы находимъ меньше (главнымъ образомъ въ южной Германіи: Нюренбергъ, Мюнхенъ и др.), а въ Польшѣ имѣемъ только одинъ единственный слѣдъ циклической мистеріи; въ южную Русь доходятъ только отрывки,

---

[1]) См. *Petit de Julleville*, Les Mystères, t. II, 1—185, гдѣ собраны свидѣтельства обо всѣхъ того рода представленіяхъ въ XIV—XVI стол.

отголоски этой богатой литературы, только поодинокія звенья изъ громадныхъ цикловъ, передѣланныя, заокругленныя кое какъ и соотвѣтствующія болѣе скромнымъ требованіямъ публики небольшихъ городковъ, иногда даже деревенской. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ сценарій ченстоховской пасхальной драмы, приведенный г. Хоментовскимъ (op. cit. 85—86). „Эта *исторія* можетъ быть представлена inter ferta Paschalia, въ костелѣ или на кладбищѣ, подъ навѣсомъ, сдѣланнымъ изъ чего нибудь, хотя бы изъ вѣтвей, для защиты отъ дождя. Ежели бы это совершалось въ деревнѣ, гдѣ уборовъ нельзя добыть, можно и женскія платья передѣлать въ ризы. Парики и бороды изъ пеньки, только осторожно при огнѣ, въ виду суматохи... Въ первой части Анна и Каіафа войдутъ къ Пилату въ шатеръ сдѣланный изъ полотна, который въ деревнѣ можетъ быть выгороженъ изъ прутьевъ... Марія Іаковля, покупая масти у аптекаря, вмѣсто червонцевъ высыпаетъ мѣдные *личманы*, а ежели въ деревнѣ таковыхъ нѣтъ, можетъ нарѣзать округлыхъ пластинокъ моркови, но въ такомъ случаѣ надо ихъ медленно выкладывать изъ мошны. Магдалина высыпаетъ талеры, или, ежели бы таковыхъ не оказалось, округлые пластинки рѣпы“ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Пасхальная драма въ частности пережила такую-же судьбу въ своемъ развитіи и путешествіи съ запада на востокъ. Самая ранняя концепція этой драмы основана цѣликомъ на Евангеліи; сошествія въ адъ въ ней совсѣмъ нѣтъ [1]). Вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ литургическую драму народнаго языка (во Франціи это началось еще въ концѣ XII, въ Германіи въ концѣ XIII стол.) дѣйствіе Пасхальной драмы осложняется введеніемъ въ нее апокрифическихъ подробностей. Въ Пасхальной драмѣ по Ейнзидельнской рукописи, изданной Монэ, мы видимъ смѣсь латыни съ нѣмецкимъ языкомъ: нѣко-

---

[1]) Текстъ ея въ переводѣ съ латинскаго цѣликомъ напечатанъ въ книгѣ Пти де Жюллевилля (Les Mystères I, 61—63); латинскій текстъ опубликованъ сперва Дюканжемъ (Glossarium latinitatis, s. v. Officium sepulchri), а въ болѣе исправномъ видѣ Эдельстаномъ дю Мерилекъ (*Ed. du Meril*, Origines latines du théâtre moderne).

торые литургическіе напѣвы удержали латинскій текстъ, но драматическій разговоръ идетъ по нѣмецки. Мы приводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями этотъ эпизодъ нѣмецкой Пасхальной драмы, какъ она представлялась въ XIV стол.

Ihesus et angeli eunt ad infernum. Angeli cantant: Cum rex gloriae.—Adam cantat: Advenisti. Angeli cantant: A porta inferi eripe nos Domine [1]). Lucifer clamat:

Stoz den rygel vor dye toer,
Ich weiz nicht, waz da rouschet davoer.

Angeli cantant: Tollite portas principes vestras. Lucifer clamat: Quis est iste rex gloriae? Angeli: Dominus fortis, potens dominus, potens in proelio. Item angelus percutiens dicit:

Ir hern, schliesset uft dye toer,
Der Koning der eren ist hye voer.

Lucifer dicit:

Wer ist der Konig lobelich,
Der da stort soe geweldiglich
Mir an myne hellentoer?
Her mochte wol bliben davoer.

Angeli cantant: Tollite... Lucifer: Quis est... Angeli: Tollite... Lucifer: Quis est...

Ihesus dicit:

Ir hern uz der finsterkeit,
Ewir rufes sit ir gar ungemeit;
Balde schliset uft dye toer,
Der Koning der eren ist davoer.

Lucifer dicit:

Stoz den regel vor dye toer,
Der Koning der eren ist da voer,
Her schriget uns czue den oren.
Warlich, er mag wol toren

[1]) Это очевидно начальныя слова церковныхъ антифоновъ.

Soe vil er kan her klaffen!
Waz hat her hye czue schaffen?
Balde heiz en enweg gen,
Anders en wert eym bosze weter besten
Hye mir czewel und kelle,
Ich wil in sencken in dye helle.

Et sic frangit Ihesus tartarum, daemones ululant.

Ihesus dicit:

Nue komt myne vil liben kint,
Dye von mynem vater bekomen sint,
Ir solt mit mir ewiglich
Besiczen mynes vaters rich.

Далѣе слѣдуетъ разговоръ Іисуса съ Адамомъ и Евой. Et cantat Ihesus: Venite benedicti patris mei. Въ этомъ мѣстѣ вставленъ юмористическій эпизодъ съ душой какого то несчастнаго хлѣбопека, которая хочетъ прошмыгнуть изъ ада вмѣстѣ съ душами старозаконныхъ праведниковъ, но которую дьяволы удерживаютъ. Когда Іисусъ съ праведниками ушелъ изъ ада, Люциферъ созываетъ чертей и приказываетъ имъ, чтобы шли въ міръ и таскали новыя души въ адъ. Главный прислужникъ Люцифера—Сатана охотно берется исполнить это приказаніе, и Люциферъ даетъ ему обширную инструкцію, кого онъ долженъ тащить въ адъ. Начало этой инструкціи въ высшей степени характерно для дореформаціонныхъ временъ:

Lauf hen keyn Anion [1]),
Brenge mir den babest und den cardinal,
Patriarchen und legat,
Dye den luten geben boszen rat;
Koning und Keyser,
Dye brenge mir alczue male her [2])

По изданіямъ Ланге (Die lateinischen Osterfeiern), Вирта (*Wirth*, Die Oster-und Passionsspiele), Дю-Мериля и Маньена (*Du Meril et Magnin*, Origines latines du théatre moderne) и Куссмакера (*Coussemaker*, Drames liturgiques) мы можемъ про-

[1]) Очев[illegible] Авиньонъ.

[2]) [illegible] Schauspiele, стр. 115—120.

слѣдить постепенное развитіе Пасхальной драмы въ Западной Европѣ и спеціально развитіе интересующаго насъ эпизода—сошествія Христа въ адъ. Въ драмѣ, напечатанной Моне, мы видимъ съ одной стороны преобладающую еще литургическую схему, основанную на Никодимовомъ евангеліи, но очень далекую отъ того богатства истинно драматическихъ подробностей, какое имѣетъ апокрифъ, а съ другой стороны вторженіе современнаго, сатирическаго элемента, который со временемъ усиливался все больше и больше и доходилъ до того, что напр. въ гор. Любекѣ дьяволы по приказанію Люцифера начали таскать въ адъ грѣшниковъ, угримированныхъ, какъ купцы, ремесленники, мастеровые и т. п. тогоже города, а въ концѣ втащили туда и мѣстнаго священника, который однакожъ успѣлъ освободиться изъ ада тѣмъ, что послѣ длинныхъ споровъ съ Люцифером пригрозилъ этому послѣднему, что Христосъ опять придетъ въ адъ, чтобы его освободить [1]).

Въ этомъ послѣднемъ эпизодѣ, который навѣрное не былъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ составителя Любекской драмы, но взятъ имъ или изъ какой нибудь болѣе древней драмы, или изъ бродячаго анекдота, мы узнаемъ параллель того эпизода нашей драмы, гдѣ Соломонъ такимъ же образомъ освобождается изъ ада. Но въ той же Любекской мистеріи есть и начало этого эпизода нашей драмы (оставленіе Христомъ одного праведника въ аду), хотя приложенное къ другой личности. Тутъ дьяволы сами и остаются удержать Іоанна Крестителя, говоря ему между прочимъ:

Horet gummen her Baptiste,
Gy konnen vele arge liste,
Wolde gynn aldus untrynnen?

Представленіе о св. Іоаннѣ Крестителѣ, какъ о человѣкѣ хитромъ и изворотливомъ, довольно странное; тѣмъ болѣе интересно, что и въ нашей драмѣ, въ которой роль хитраго и изворотливаго праведника болѣе естественно приписана Соломону,

---

[1]) *Mone*, Schauspiel des Mittelalters II. (Пасхальная драма по рукописи 1464 г.).

остался отголосокъ такого-же взгляда и на Крестителя въ эпизодѣ столкновенія между имъ и Люцифером, который нѣсколько разъ отзывается о Крестителѣ, какъ о „фиглярѣ“ т. е. шутникѣ и бунтовщикѣ.

Въ своемъ „Dictionnaire des Mystéres“ попытался Дуэ *(de Douhet)* представить, такъ сказать, родословное дерево Пасхальной драмы. Эту работу продолжали болѣе систематически нѣмецкіе ученые Мильхзакъ, Ланге и Виртъ, которые кромѣ этого пытались отыскать для нѣмецкой драмы свои особые, нѣмецкіе источники. Особенно трудъ Ланге (Die lateinischen Osterfeiern, München 1887) важенъ по богатству разработаннаго матеріала; Ланге разсмотрѣлъ и изучилъ не менѣе чѣмъ 224 памятника, изъ коихъ 159 нѣмецкихъ, 52 французскихъ, 7 итальянскихъ, 2 испанскихъ, 3 голландскихъ и 1 англійскій. Какъ результатъ его работы слѣдуетъ считать слѣдующія положенія.

Основой Пасхальной драмы нужно считать т. н. Воскресное торжество (Osterfeier), которому и посвященъ исключительно трудъ Ланге.

Воскресное торжество развилось изъ богослужебнаго ритуала Свѣтлаго Воскресенья. Его развитіе перешло слѣдующія три ступени: 1) *Первобытная форма*—одна и единственная сцена, разговоръ женщинъ съ ангеломъ у гроба Спасителя; 2) *вторая степень*: двѣ сцены, а именно женщины и ангелъ у гроба и два апостола, спѣшащіе къ гробу Спасителя; 3) *третья степень:* сцена съ женщинами, сцена съ апостолами (иногда пропущена) и явленіе Христа Маріи Магдалинѣ.

Дальнѣйшей степенью развитія были т. н. Воскресныя зрѣлища (ludus paschales) и болѣе обширныя Страстныя зрѣлища (ludus passionis), коимъ посвященъ замѣчательный трудъ Вирта *(Ludwig Wirth,* Die Oster und Passionsspiele bis zum XVI Iahrhundert. Halle a. S. 1889), которымъ мы и воспользуемся.

Воскресныя зрѣлища въ свою очередь раздѣляются на двѣ группы, изъ коихъ первая представляетъ какъ по языку (смѣсь латинскихъ формулъ и гимновъ съ разговорами на народныхъ языкахъ), такъ и по композиціи болѣе древнюю степень развитія. Эта группа содержитъ обыкновенно 7 сценъ, а именно: 1) Три Маріи среди жалобныхъ причитаній идутъ ко гробу,

чтобы помазать тѣло Іисусово; 2) онѣ разговариваютъ съ торговщикомъ мастями; 3) у гроба онѣ находятъ ангела и узнаютъ о воскресеніи Христовомъ, но возвращаясь еще какъ будто не вѣрятъ и плачутъ; 4) ихъ встрѣчаетъ Христосъ, котораго онѣ принимаютъ за садовника, но потомъ узнаютъ, послѣ чего онъ исчезаетъ; 5) женщины возвѣщаютъ ученикамъ о воскресеніи Христовомъ; 6) Христосъ является ученикамъ и Ѳомѣ; 7) Петръ и Іоаннъ спѣшатъ ко гробу; окончаніе. Какъ видимъ, драмы этой группы основывались исключительно на евангельскомъ разсказѣ; сошествія въ адъ въ нихъ еще не было. Пьесъ принадлежащихъ къ этой группѣ—относительно мало; уже въ XII и XIII стол. мы встрѣчаемъ пьесы, даже совсѣмъ еще латинскія, значитъ, не вышедшія еще изъ церковной ограды и изъ рукъ духовенства, принадлежащія ко второй группѣ (см. *Wirth* op.-cit. 6), построенной по слѣдующей схемѣ: 1) Дѣйствіе начинается по погребеніи Іисуса; входитъ Пилатъ и возвѣщаетъ собранному народу, что случилось; 2) Іудеи высказываютъ свои опасенія насчетъ того, чтобы ученики не украли тѣла Іисусова, совѣщаются, что имъ дѣлать; 3) они просятъ Пилата, чтобы имъ позволилъ запечатать гробъ и приставить сторожу; въ однихъ пьесахъ Пилатъ соглашается, но велитъ Іудеямъ заплатить сторожѣ, въ другихъ онъ отказываетъ ихъ просьбѣ, послѣ чего Іудеи сами находятъ и нанимаютъ сторожу; 4) сторожа у гроба; 5) воскресеніе Іисусово; 6) сошествіе Іисуса въ адъ; 7) сторожа послѣ воскресенія, ея разговоры съ послами отъ Пилата и Іудеевъ, съ Іудеями и Пилатомъ.

Эти два типа Воскресныхъ зрѣлищъ, въ коихъ со временемъ, въ XIV и XV стол., восторжествовалъ народный языкъ, вошли въ составъ болѣе обширныхъ Страстныхъ зрѣлищъ, представлявшихъ въ драматической формѣ болѣе важные моменты послѣдней седмицы въ жизни Спасителя, начиная съ воскресенія Лазаря или торжественнаго въѣзда въ Іерусалимъ, и кончая явленіемъ Воскресшаго ученикамъ и вознесеніемъ Его на небо, или даже многіе моменты всей Его жизни, начиная съ Рождества или съ Крещенія. Какъ видимъ, интересующій насъ эпизодъ—сошествіе Іисуса въ адъ—до XVI столѣтія какъ само-

стоятельная драма обработанъ не былъ, но составлялъ только одинъ эпизодъ Воскресныхъ игрищъ второй группы или же Страстныхъ драмъ, принявшихъ въ себя Воскресныя игрища этой группы. Разсмотримъ болѣе подробно содержаніе этой сцены въ различныхъ нѣмецкихъ драмахъ этого рода. Общая схема ея такова (*Wirth* op. cit. 23—26): Послѣ Воскресенья Христосъ идетъ въ адъ, чтобы освободить души праотцевъ. Еще до его появленія у воротъ ада разливается свѣтлое сіяніе. Души праведниковъ радуются и разговариваютъ о предстоящемъ своемъ освобожденіи. Ихъ радостные возгласы обращаютъ на себя вниманіе Люципера, который немедленно велитъ запереть адскія ворота; въ нѣкоторыхъ пьесахъ ворота запираются только послѣ появленія Христа. Люциперъ созываетъ чертей на совѣщаніе, при чемъ Сатана разсказываетъ о смерти и воскресеніи Іисуса. Христосъ является у воротъ сопровождаемый пѣніемъ ангельскимъ и взываетъ Люципера, чтобы отперъ ворота; послѣ троекратнаго напраснаго воззванія Онъ разбиваетъ адскія ворота, велитъ связать Люципера и на вѣки заключить въ аду, послѣ чего взываетъ души праотцевъ послѣдовать за нимъ въ рай. Души (первобытно только Адамъ и Ева, позже и многія другія) привѣтствуютъ Спасителя и уходятъ вмѣстѣ съ нимъ изъ ада. Христосъ или самъ ведетъ ихъ въ небеса, или поручаетъ вести ихъ ангеламъ. Только одну душу (такъ названную anima infelix) дьяволы удерживаютъ въ аду и она поднимаетъ голосный вопль; иногда душъ такихъ бываетъ нѣсколько; въ одномъ случаѣ, въ упомянутой уже нами драмѣ, изданной Монэ, роль этой души играетъ Іоаннъ Креститель, при чемъ, конечно, дьяволамъ не удается удержать его. За симъ слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ драмахъ т. н. Teufelsspiel, отвѣтный французской Diablerie. Люциперъ созываетъ чертей, разговариваетъ съ Сатаной о своемъ посрамленіи, высылаетъ чертей ловить души людей разныхъ сословій, а когда дьяволы приводятъ эти души, онъ судитъ ихъ, однѣхъ велитъ задержать въ аду, другія же изгонять вонъ и оканчиваетъ этотъ эпизодъ длиннымъ разсужденіемъ о своемъ пораженіи.

Изъ пьесъ, разработанныхъ Виртомъ, только 9 содержатъ этотъ эпизодъ, а именно: Инсбрукское Воскресное зрѣлище (нашъ

эпизодъ занимаетъ въ немъ всего 54 стиха, а присоединенная къ нему diablerie—162 стиха); Вѣнское Воскресное зрѣлище, Ерлауское Воскр. зрѣл. (ч. V: 59 стиховъ); Редентинское Воскрес. зрѣлище (489 стих.) Мурская страстная драма (82 стиха); Сантъ-Галленская Стр. др. (26 ст.); Франкфуртская Стр. др., изъ которой сохранился только сценарій съ начальными стихами тирадъ поодинокихъ персонажей; Альфельдская Страстная драма (221 ст.) и Донауэшингенская стр. др. (107 ст.). Какъ видимъ, и по самому объему эпизодъ это далеко не доравниваетъ нашей, хотя и не полной драмѣ. Единственный его текстъ, болѣе или менѣе равный нашей драмѣ по количеству стиховъ, въ Редентинскомъ Воскресномъ зрѣлищѣ, достигаетъ этого не болѣе драматическимъ развитіемъ дѣйствія, не болѣе обстоятельной характеристикой дѣйствующихъ лицъ, но механическимъ накопленіемъ цитатъ изъ св. Письма, такъ какъ Христа въ аду привѣтствуютъ тамъ длинными рѣчами Адамъ, Ева, Сиѳъ, Авель, Исаія, Давидъ, Симеонъ Богопріимецъ и Іоаннъ Креститель.

Разсматривая интересующій насъ эпизодъ съ точки зрѣнія его источниковъ, нѣмецкіе ученые Мильхзакъ *(G. Milchsack* Die Oster-und Passionsspielle. I. Wolfenbüttel 1880, стр. 130 и д.) и Виртъ (op. cit. 23—24) приходятъ къ тому выводу, что хотя основаніемъ его и есть Никодимово евангеліе, но авторы средневѣковыхъ драмъ не пользовались этимъ евангеліемъ прямо, а только при посредствѣ церковнаго ритуала, въ свою очередь основаннаго въ части и на апокрифѣ. Кромѣ церковнаго ритуала авторы Пасхальныхъ драмъ пользовались произведеніями богатой средневѣковой гимнологіи, а также болѣе древними эпическими поэмами библейскаго содержанія въ родѣ „Urstende“ „Passional“ „Martina“ „Erlösung“ „Vom glauben“ и т. п. Сравнивая содержаніе „сошествія“ въ нѣмецкихъ драмахъ съ относительнымъ разсказомъ Никодимова евангелія мы видимъ, что драма только въ самыхъ общихъ чертахъ наслѣдуетъ апокрифу, не знаетъ Ада, какъ дѣйствующаго лица, не знаетъ спора между Адомъ и Сатаной и исключенія этого послѣдняго и т. п. Поэтому мы можемъ почти навѣрное сказать, что наша Пасхальная драма, хотя въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ чертахъ и сходится съ

нѣмецкимъ Воскреснымъ зрѣлищемъ (эпизодъ anima infelix, превращенной у насъ въ Соломона), по отношенію къ общему плану дѣйствія, къ ходу мыслей діалоговъ и расположенію эпизодовъ,—*должно считаться произведеніемъ совершенно независимымъ отъ нѣмецкихъ образчиковъ*. Главнымъ образомъ она безъ сравненія ближе къ тексту Никодимова евангелія, а во вторыхъ—она самостоятельное цѣлое, какого мы не обрѣтаемъ среди нѣмецкихъ памятниковъ этого рода.

Мы не можемъ съ такой же увѣренностью высказаться о французской Пасхальной драмѣ, главнымъ образомъ потому, что у насъ нѣтъ подъ рукой изданій текстовъ этой драмы. Пти де Жюллевилъ, котораго книгой мы пользуемся, даетъ вправдѣ анализъ всѣхъ дошедшихъ до насъ французскихъ мистерій, въ томъ числѣ и драмъ Пасхальныхъ, но анализъ его касательно нашего эпизода обыкновенно слишкомъ бѣглый и не даетъ понятія о ходѣ дѣйствія и расположеніи сценъ. Мы соберемъ все, что можно извлечь изъ его книги для нашей цѣли.

Самая древняя изъ сохранившихся пьесъ, содержащихъ сошествіе Христа въ адъ, это провансальская „Пассія“ 1345 г. Въ пьесѣ этой между прочимъ былъ эпизодъ съ Іудой, который предавъ Спасителя, въ длинномъ монологѣ разсказывалъ свою легендарную біографію, послѣ чего и удавлялся. О сошествіи Христа въ адъ П. де Жюллевиль только вскользь упоминаетъ (Petit de Julleville, Les mystères, II, 351).

Въ XV стол. во Франціи пошла мода на громадныя мистеріи, драматически представлявшія чуть ли не всю библейскую исторію, начиная съ созданія міра, и кончая вознесеніемъ Іисуса. Сейчасъ первая пьеса этого рода, писанная въ началѣ XV в. и опубликованная Жюбиналемъ (*A. Jubinal*, Mystères inédits du XV-e siècle, Paris 1837) содержитъ и эпизодъ сошествія въ адъ. И здѣсь, какъ въ нѣмецкихъ пьесахъ, сошествіе по техническимъ соображеніямъ, хотя и въ противорѣчіи съ церковной традиціей, поставлено послѣ Воскресенія (см. объ этомъ Wirth op. cit. 23). Содержаніе эпизода П. де Жюллевилль передаетъ слѣдующими словами: Сатана и Бельзебутъ укрѣпляются въ аду, но Іисусъ разбиваетъ ворота и освобождаетъ праведниковъ; Да-

видъ, Исаія, Іоаннъ Креститель, Аввакумъ, Адамъ и Ева выходятъ изъ преисподней, славя Бога". (op. cit. 393).

Тотъ же эпизодъ есть и въ громадной киклической драмѣ Арнольда Гребана, но мы не можемъ сказать въ какой формѣ (op. cit. 410). Тоже мы должны сказать и о мистеріи Осташа Меркде (op. cit. 421) и о мистеріи представленной въ Валансіеннѣ (op. cit. 424). Въ Страстной драмѣ Жана Мишеля содержаніе этого эпизода сходно съ мистеріей, изданной Жюбиналемъ. Тотъ же Мишель написалъ кромѣ этого Воскресную драму, которая опять таки начиналась сценой сошествія Христа въ адъ. Насколько можемъ судить изъ списка дѣйствующихъ лицъ, приведеннаго П. де Жюллевилемъ (op. cit. 447), дѣйствіе въ этой сценѣ развивалось слѣдующимъ образомъ: Керберъ, придверій ада, начиналъ сцену; далѣе слѣдовалъ разговоръ дьяволовъ: Ада, Сатаны, Левіатана, Маммоны, Гасмодея, Бельзебута, Баальдериха, Баамма, Астарота, Бериха, Вегемота, Бельдигора и Люцифера; являлся Христосъ, сопровождаемый ангелами Михаиломъ, Гавріиломъ, Рафаиломъ и Уріиломъ; съ высоты раздавался голосъ Бога Отца; являлись души разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Христомъ, и еще одна осужденная душа; затѣмъ слѣдовалъ разговоръ Христа съ душами праведниковъ, при чемъ Христа привѣтствовали Адамъ, Ева, Авель, Маѳусаилъ, Ной, жена Ноева, Мелхиседекъ (или Симъ), Іовъ, Авраамъ, Сарра, Лотъ, Исаакъ, Яковъ, Іуда патріархъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ, Самсонъ, Самуилъ, Давидъ, Товія, Юдиѳь, Есѳирь, Исаія, Іеремія, Даніилъ, Іуда Маккавей, Захарія, Симеонъ, Іоакимъ, Анна мать пресв. Дѣвы, Іоаннъ Креститель, дѣти Вифлеемскіе, убитые Иродомъ, Іосифъ мужъ Богородицы, въ концѣ предполагаемые писатели этой части Никодимова евангелія Каринъ и Левкій (здѣсь Leoncius). Какъ видимъ изъ самаго этого списка, дѣйствіе въ этой драмѣ было на много ближе къ тексту Никодимова евангелія, чѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ Пасхальныхъ драмахъ, хотя Мишель, разумѣется, расширялъ рамку апокрифическаго разсказа, вводя множество новыхъ лицъ и расширяя такъ называемые diableries, которыя здѣсь однако, по свидѣтельству

П. де Жюллевиля, выходятъ нѣсколько болѣе серьезныя, чѣмъ въ большинствѣ другихъ произведеній того рода (op. cit. 448).

Вѣкъ XVI—это вѣкъ упадка мистерій во Франціи; изъ него мы имѣемъ только одну Воскресную драму, написанную Елуа Дюмономъ ок. 1530 года, но эпизода сошествія Христа въ адъ въ ней нѣтъ (op. cit. 605).

Вотъ и все, что мы могли извлечь изъ книги Пти де Жюллевиля. Къ сожалѣнію, этого слишкомъ мало для того, чтобы судить, есть ли какая нибудь связь между нашей Пасхальной драмой и французскими, которыя могли служить образчикомъ для польскихъ „діалоговъ“ и такимъ образомъ косвенно вліять и на Южную Русь. Оставляя это дѣло нерѣшеннымъ, мы однако не можемъ не высказать мысли, что наша драма есть сочиненіе *въ значительной степени оригинальное.* Мы понимаемъ это въ такомъ смыслѣ, что авторъ не передѣлалъ ее прямо изъ какой либо другой драмы, польской, нѣмецкой или французской, но составилъ свободно, пользуясь текстомъ Никодимова евангелія и внося для разнообразія эпизоды изъ видѣнныхъ имъ Пасхальныхъ драмъ (несчастная душа=Соломонъ), или измышляя свои собственные (такимъ, мнѣ кажется, есть эпизодъ спора Люцыпера съ Іоанномъ Крестителемъ).

Оканчивая наши замѣтки по поводу открытой нами Пасхальной драмы, мы должны обратить вниманіе еще на одно интересное явленіе въ области южнорусскаго фольклора, имѣющее, какъ намъ кажется, прямую связь съ нашей драмой и происшедшей изъ нея виршей. Это народный разсказъ о томъ, какъ Соломонъ избавился изъ ада. Разсказъ этотъ, также какъ и остатки Пасхальной драмы, популяренъ на двухъ противуположныхъ концахъ территоріи, заселенной южноруссами. Разсказъ этотъ записанъ г. Ивановымъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, и напечатанъ въ Этнографическомъ обозрѣніи 1893, № 3, стр. 107—109. „Нѣтъ вѣроятно,—говоритъ г. Ивановъ—ни одного въ уѣздѣ селенія, въ которомъ эта легенда была бы совсѣмъ неизвѣстна. Но не смотря на многочисленность, варіанты ея представляютъ лишь незначительную разницу въ содержаніи, отличаясь только изложеніемъ и мелкими подробностями въ родѣ

того, что въ однихъ варіантахъ Соломонъ собирается строить въ адѣ колокольню, въ другихъ церковь, въ третьихъ монастырь,— вообще грозитъ чертямъ колокольнымъ звономъ, или тѣмъ, что Христосъ вторично явится въ адъ за нимъ лично, и такой угрозой достигаетъ своей цѣли: бѣсы сами выводятъ или вывозятъ его даже на себѣ изъ ада (op. cit. 107). Мы не выписываемъ здѣсь самаго разсказа, въ которомъ интересующая насъ подробность осложнена другими сказочными и легендарными мотивами, но замѣтимъ, что въ томъ же уѣздѣ, гдѣ этотъ разсказъ столь популяренъ, записанъ также г. Ивановымъ варіантъ Изюмской вирши, о чемъ мы упоминали выше.

Второй варіантъ этого сказанія записанъ Б. Д. Гринченко изъ устъ крестьянскаго мальчика изъ хутора Троецкаго, славяносербскаго уѣзда екатеринославской губ. [1]). Этотъ варіантъ очень кратокъ. Іисусъ, выводя всѣхъ людей изъ ада, оставляетъ въ немъ одного Соломона и говоритъ ему: „Ты, Соломоне, хитрый та мудрый, выйдешъ самъ хытрощамы та мудрощамы". Какими „хытрощамы" Соломонъ вышелъ изъ ада,—разсказъ неупоминаетъ.

Тотъ же разсказъ, сколько мнѣ помнится, неизвѣстный до сихъ поръ въ правобережной Украйнѣ, ни въ Галиціи, записалъ лѣтомъ 1895 молодый галицкій этнографъ Владиміръ Гнатюкъ въ Угорской Руси, въ селѣ Голятынѣ мараморошскаго уѣзда отъ крестьянина Андрія Брянюка. Привожу здѣсь этотъ разсказъ, напечатанный въ мало извѣстномъ русскимъ читателямъ галицкомъ журналѣ „Жите і Слово" (т. IV, стр. 346—347), пропуская начало, гдѣ разсказано, какъ Адамъ записалъ Сатанѣ себя и свое племя и какъ Сатана скрылъ этотъ „кóндратъ" (контрактъ, запись) въ камнѣ на горѣ Голгофѣ. „И самъ Сусъ Хрыстосъ чирезъ праведни души давъ сыбе на мукы и мусивъ вмыраты за православну виру свою. И якъ Сусъ Хрыстосъ оскресъ и пішовъ въ Галагофту гору и выслободывъ тотъ кондратъ, перечулы зли духы зъ передъ того трьома годы и далы такъ пекло обкуваты якъ михыръ, самовъ мидьовъ, и середъ

[1]) *Б. Д. Гринченко*, Этнографическіе матеріалы, собранные въ черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I. Черниговъ 1895, стр. 75—76.

пекла изробылы ковбыцю въ тысяча мажъ (мажа—сто фунтовъ) и на то 12 ланцивъ искувалы и 12 колодыць изробылы. И прыйшовъ Сусъ Христосъ идъ пеклу идъ воротымъ изъ святымъ Михаиломъ и каже: „Втворити князы врата свои, бо йдутъ сыны небесніи!“ Кажи другый разъ то само и кажи третый разъ. И въ читвертый разъ махне на охрестъ свойовъ паличковъ золотовъ, и вшыстко лыше хрякнуло, упало. Відтакъ прыходытъ идъ адови пекельному. И адъ пекельный каже: „Ты есь мы типерь въ рукахъ“. И каже: „Сидай идъ ковбыцы той вбырайся въ ланцы!“ „Я ни знаю, якъ ся вбыраты, хиба мы вкажишъ“. Убрався (адъ) красно и позамыкавъ. „Ино бысь ты такъ на ся взявъ!“ А Господь кажи: „ну, най буди такъ!“ И вшистко на нымъ прыросло тото. И колы почавъ собовъ быты, и ще такъ бувъ бы ся завгрубшкы проломывъ, кажи: „ни рыдай, ади пекельный! Во послідня ремя ти вшытко твое буде цьільце (що першый клясъ), а мое позадье“. Винъ такъ ся тогды зрадовавъ, що ся засміявъ, що му два зубы зъ пыска выскочылы. И тогды за собовъ души праведни Господь вшытки повівъ до раю такъ, якъ едынъ вивчарь вивци за собовъ. И премудрый Сельемонъ кажи: „Господи,—кажи,—та мине туй лышышъ?“—„Ты бувъ, Сельемони, мудрый, премудрый, та выслободы ся изъ пекла!“ И тогды Сельемонъ ставъ муруваты манастырь, велыку резыденцію. И кажи адъ пекельный: „Що ты, Сельемоне, будуешъ?“ „Я тото будую: туй прыйде Маріинъ сынъ Исусъ Хрыстосъ назадъ сюда, и будутъ изо всима святымы спиваты красно и тыміаномъ будутъ дужи красно кадыты“. И тогды кажи адъ пекельный: „Бирите го та писвіте тыхо, бысьте мине и не здроглы, и положите ще пиредъ другыхъ, бы ся замишавъ, бы ся назадъ ни вирнувъ“. И зъ Богомъ у рай премудрый Сельемонъ пишовъ якъ други праведни“.

Я не настолько начитанъ въ сборникахъ средневѣковыхъ христіанскихъ легендъ, чтобъ могъ рѣшительно сказать, встрѣчается эта легенда гдѣ нибудь въ западной Европѣ, или нѣтъ. Для меня остались недоступными капитальныя сочиненія, относящіяся къ этому предмету, а именноМори (*Maury*, Les legendes pieuses du Moyen Age), Грэссе (*Grässe*, Die grossen Sagenkreise des

Mittelalters) и Дуэ (*Douhet*, Dictionnaire des légendes). Но въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ касающихся цикла Соломоновскихъ легендъ, а именно у Веселовскаго (Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и дополненія къ этой работѣ въ Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ), у Вейля (Biblische Legenden der Muselmänner), у Грюнбаума (Die hagadischen Beiträge zur vergleichenden Mythologie въ Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen gesellschaft t. XXXI и въ Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde) подобнаго сказанія совсѣмъ нѣтъ. Я не встрѣтилъ его и въ такихъ богатыхъ коллекціяхъ средневѣковыхъ легендъ и разсказовъ, какъ Otia imperialia Гервазіи изъ Тильбери (Gervasius von Tilbury. Otia imperialia. Herausg. von F. Liebrecht), какъ Gesta Romanorum (edid. H. Oesterley) или Кирхгофовъ Wendunmuth (изд. его-же). Въ виду общепринятаго мнѣнія, что всѣ легенды о лицахъ библейской исторіи, живущія въ устахъ нашего народа,—бродячій международный матерьялъ, сочтется мнѣ, быть можетъ, за еретичество слѣдующая гипотеза о возникновеніи интересующей насъ Соломоновской легенды. Не возможно ли ея возникновеніе выяснить слѣдующимъ образомъ? Первобытнымъ основаніемъ служитъ типичный въ западноевропейской Воскресной драмѣ эпизодъ съ anima infelix, которую по исшествіи Христа съ праведниками изъ ада дьяволы удерживаютъ или пытаются удержать въ аду. Мы видѣли, что иногда эта anima infelix превращается въ одного изъ праведниковъ, напр. въ Іоанна Крестителя. На малорусской ли, или на польской, или еще на нѣмецкой или французской почвѣ возникло превращеніе этой несчастной души въ премудраго Соломона, этого за недостаточностью матерьяла мы не можемъ рѣшить. Разъ эта роль выпала Соломону, естественно явилось и то представленіе, что онъ, какъ „премудрый“, долженъ какой нибудь штукой освободиться изъ ада. Мы видѣли въ одной изъ нѣмецкихъ пасхальныхъ драмъ и первообразъ этой штуки—угрозу священника сатанѣ, что для его освобожденія Христосъ еще разъ придетъ въ адъ. Эту штуку и приложено въ нашей драмѣ къ Соломону. Только изъ драмы или возникшей на ея основаніи вирши этотъ анекдотъ перешелъ въ уста народа и удержался

именно тамъ, гдѣ сберегліись до сихъ поръ остатки одной и другой. Угорусская мѣстность, гдѣ записанъ приведенный разсказъ, довольно близка къ галицкой границѣ, а народъ оттуда ежегодно толпами ходитъ на богомолье въ галицкое Подгорье, именно въ Гошевъ (долинскаго пов.), Кохавину (жидачевскаго пов.) и Кальварію Паславскую (старомѣстскаго пов.) — мѣста, гдѣ происходитъ особенно живой обмѣнъ религіозныхъ сказаній, такъ какъ богомольцы принуждены десятками ночевать въ одной комнатѣ, обыкновенно всю ночь разсказываютъ того рода сказанія или заставляютъ грамотныхъ изъ своей среды читать того рода вещи изъ тетрадокъ, имѣющихся у нихъ всегда для такой оказіи. Кажется, что и тетрадка Ѳ. Кышко, въ которой сберегліась наша драма, сдѣлана была именно для такого употребленія. Того рода тетрадокъ есть у меня довольно значительное количество и обозрѣніемъ ихъ содержанія я займусь при другой случайности. Что же касается нашей легенды, то возникновеніе ея такимъ именно образомъ, какъ изложено выше, изъ пасхальной драмы, мнѣ кажется довольно правдоподобнымъ.

Миронъ.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

Письмо 47-е.

Мы оставили Севастополь, могу сказать, послѣдніе, и никто не можетъ подумать, что мы бѣглецы. Адмиралтейское духовенство и флотскіе іеромонахи были уже отпущены военнымъ начальствомъ, коему они подлежали. Городскія Севастопольскія власти были также упразднены. Наконецъ, какъ дѣло о церкви на базарѣ началось чрезъ главную квартиру, то я, какъ уже писалъ, спросилъ Дежурнаго генерала, который отвѣчалъ, что лучше теперь оставить это. Поелику же оставался еще нерѣшеннымъ вопросъ о необходимости священника для базарной колоніи, то я далъ слово жителямъ, что самъ буду при нихъ, возвратившись изъ Бакчисарая, и былъ тамъ до 13 сентября три раза. Время показало, что и эта надобность, какъ я уже писалъ, прошла. Тамъ остаются теперь, можно сказать, одни маркитанты. Даже воспрещено, наконецъ, тамъ селиться и строиться.

Что намъ нужно? спрашиваете. Смиреннѣйше благодаря за отеческое участіе, осмѣливаемся просить, покрайней мѣрѣ, единовременнаго денежнаго пособія. Священникъ Демяновичъ, по его словамъ, былъ бы доволенъ и сту рублямъ. Противъ него по чину справедливо будетъ дать пособіе діакону и при-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 6.

четникамъ. Есть примѣръ, что таковое пособіе недавно дано отъ Сѵнода. Балаклавскій протоіерей Аргириди, который продолжалъ получать свое жалованье, деньги квартирные, столовые, и раціонныхъ 50 р. сер. въ мѣсяцъ, получилъ изъ св. Сѵнода пособіе 300 р. сер.

О себѣ самомъ я долженъ молчать. Я обязанъ говорить о другихъ. Священникъ Демяновичъ завтра отправится въ Симферополь на праздное при Соборѣ мѣсто, Вами указанное. Оно ему нужно; я потерплю. Причетника одного беру тудаже, другого оставляю при Бакчисарайскомъ Соборѣ. Но у этихъ братьевъ Топузовыхъ есть мать, три сестры и братъ малолѣтній. Въ настоящее время это бремя и для достаточнаго человѣка. Эту вдову съ дѣтьми необходимо отправить изъ Крыма, какъ теперь все подобное выѣзжаетъ. Но на это нужны деньги. Завтра буду въ Симферополѣ и посовѣтуюсь о томъ съ о. Михаиломъ. Узнаю, нѣтъ ли тамъ мѣста для діакона, который плачетъ и просится изъ Крыма. Письмо Ваше отъ 3 сентября получилъ я только вчера.

Г-жа Хитрово говоритъ, что мнѣ необходимо оставаться при Общинѣ, которой главная квартира въ Симферополѣ. Какъ же мнѣ оставаться, не имѣя мѣста священническаго? Впрочемъ, завтра еще буду видѣться съ Пироговымъ и буду оттуда отвѣчать Вамъ.

Высокихъ гостей изъ Петербурга нѣтъ еще: они, какъ слышно, остановились въ Николаевѣ и едвали будутъ сюда. Впрочемъ есть слухъ (и еслибы онъ былъ справедливъ), что главнокомандующимъ назначенъ в. кн. Константинъ Николаевичъ съ помощникомъ кн. Долгоруковымъ, котораго въ министерствѣ смѣнитъ кн. Горчаковъ. Къ генію кн. Горчакова пало всякое довѣріе. Онъ самъ пока въ Карамеѣ и весь штабъ въ Бакчисараѣ, въ которомъ, вѣроятно, думаютъ прожить долго, ибо будутъ дѣлать шоссе. На устройство квартиръ и печей тратятся большія суммы. Страшно слышать, какъ много тратится денегъ, повидимому, на ничтожныя вещи.

Враги, повидимому, ничего не предпринимаютъ важнаго, м. б., отъ истощенія силъ, но прекрасно пользуются нашею безпечностію, въ которой выражается геній главнокомандующаго. Онъ спитъ и ничего не видитъ, и всѣ по немъ. Въ первыхъ числахъ сентября у Евпаторіи насъ на аванпостахъ захватили спящими; на дняхъ предъ наступающимъ непріятелемъ мы зажгли Саки, которые непріятель занявъ, сталъ окапываться. Мы успокоились, и въ виду враговъ повели поить лошадей, оставивъ артиллерію безъ прикрытія. Такимъ образомъ изъ пустяковъ потеряли 7 орудій. Такъ вчера разсказывали за достовѣрное.

21 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 48-е.

О Сакенѣ извѣстно, что онъ на высотахъ Инкерманскихъ. Но будетъ ли онъ счастливѣе, чѣмъ въ Севастополѣ, Богъ вѣсть. И въ немъ ничего особеннаго, кромѣ благочестія, не видятъ. Защитою Корабельной Слободки былъ лично Хрулевъ, и когда онъ 27 августа былъ раненъ, нѣкому было замѣнить его: потому и Малаховъ Курганъ остался за непріятелями до вечера. Онъ теперь въ Бакчисараѣ; ему вылущенъ большой палецъ на рукѣ, рана идетъ не совсѣмъ хорошо. Въ другихъ генералахъ не видятъ энергіи за отсутствіемъ ея въ главнокомандующемъ; плохо и нескладно дѣйствуетъ машина потому, что не имѣетъ двигателя хорошаго. Вотъ чѣмъ объяснять можно отсутствіе хорошихъ генераловъ и хорошихъ успѣховъ настоящей войны. Благодареніе Богу, я удостоился быть у Кузьмы и Демьяна [1]), къ чему доселѣ не имѣлъ случая. Тѣмъ поразительнѣе для меня было это высокое въ природѣ послѣ крайностей ужасовъ человѣческихъ. Вотъ кстати бы отдохнуть здѣсь и окомъ и слухомъ послѣ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи года, еслибы не жена и дѣти, которые со слезами давно зовутъ меня, и куда впрочемъ проситься не смѣю, развѣ Господь устроитъ сіе чрезъ милостиваго моего Архипастыря.

---

[1]) У Космо-Демьяновскаго источника на склонѣ Четырдѣга, гдѣ устроился скитъ.

Сейчасъ прибыли въ Бакчисарай жители гречес. деревни Керменчинъ (въ 4-хъ верстахъ отъ Лакъ и въ 7-ми отъ Анастасіи), отступившіе вмѣстѣ съ аванпостами предъ появившимся тамъ непріятелемъ. Это шагъ довольно дерзскій и вмѣстѣ для насъ опасный. (Безъ означ. числа).

Письмо 49-е.

Я уже писалъ Вашему Высокопреосвященству, какъ разбѣгалась постепенно колонія, образовавшаяся было на сѣверной сторонѣ Севастополя, гдѣ предполагалась для ней церковь и священникъ. Наконецъ убираются оттуда даже сами торговцы съ своими товарами, по предостереженію начальства. Такимъ образомъ нѣтъ мнѣ мѣста и въ полѣ.

Хотя мѣсто при Симферопольскомъ соборѣ предлагалось не прямо священнику Демяновичу, а одному кому либо изъ насъ; но какъ ему съ дѣтьми труднѣе оставаться безмѣстнымъ, то я охотно уступилъ ему, тѣмъ болѣе, что отъ него уже подано и прошеніе на это мѣсто.

Гдѣ же мнѣ дѣваться? Мнѣ кажется, что я теперь совершенно лишній въ Крыму. Смѣю напомнить Вашему Высокопреосвященству, что уже прошелъ годъ, какъ нахожусь въ разлукѣ съ семействомъ, что я послѣ 11-ти лѣтъ службы и 9-ти лѣтъ священства, совершенно нищъ и не имѣю своего угла, чтобы приклонить голову, и что близка пора подумать о воспитаніи дѣтей. Не имѣю дерзновенія просить объ удовлетвореніи моихъ нуждъ или о мѣстѣ, гдѣ бы какъ нибудь удовлетворять имъ, и только осмѣливаюсь сказать, что я весь въ нуждахъ, вполнѣ предаваясь волѣ и благоусмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства.

Если же почему либо меня оставите въ Крыму, то при назначеніи мнѣ мѣста, хотя бы то временнаго, благоволите имѣть въ виду то, что я состою духовникомъ при Крестовоздвиженской общинѣ, которой главная квартира теперь въ Симферополѣ. Вчера я былъ у Пирогова и объясняя ему, что теперь безъ мѣста и неизвѣстно, гдѣ получу его, спросилъ: могу ли я оставить Общину? Онъ отвѣчалъ, что не могу, ибо на-

значенъ самой Великой Княгиней (копію этой бумаги я представилъ Вашему Высокопреосвященству), и совѣтовалъ написать объ этомъ Вашему Высокопреосвященству. Я долженъ признаться, что доселѣ я почти не имѣлъ никакого вліянія на Общину вслѣдствіе системы г-жи Стаховичъ, которая хотѣла одна дѣйствовать. Теперь будетъ иначе, и г-жа Стаховичъ, кажется, скоро будетъ уволена. Впрочемъ это служба не по мнѣ, и увольненіе отъ ней было бы для меня милостію, особенно если эта одна служба будетъ препятствіемъ къ отпуску изъ Крыма.

Изъ церквей моего вѣдомства остались: Бакчисарайская, Менгумская и Біасальская (Лакская можетъ быть доселѣ оставлена; Качинской также нѣчего считать). Что за благочиніе изъ двухъ причтовъ? Въ настоящее время лучше сосредоточить власть и пріобщить эти церкви къ вѣдомству о. Михаила. Протоіерей Паксимаде мало свѣдущъ въ Русскомъ письмѣ, чтобъ быть ему благочиннымъ, и вообще въ немъ преобладаетъ греческій элементъ.

Діакону нѣтъ мѣста въ Симферополѣ, и потому я намѣренъ отпустить его въ Одессу, если не получу объ немъ особаго распоряженія. Причетниковъ Топузовыхъ можно бы обоихъ оставитъ въ Бакчисараѣ, но одного необходимо отпустить проводить куда либо за Перекопъ семейство, состоящее изъ матери, 3 сестеръ и малолѣтняго брата. Послѣ паденія Севастополя началось новое переселеніе изъ Крыма, и трудно урезонить, чтобы не бѣжали отъ вѣроятной только опасности. Изъ Бакчисарая отправили свои семейства протоіерей, діаконъ и дьячекъ. Новопоступившій священникъ Рафаилъ, хотя пріѣхалъ съ женой, также отпускаетъ ее.

О военныхъ дѣйствіяхъ ничего новаго сообщить не имѣю. Вчера въ Симферополѣ разсказывали, какъ новость, будто бы непріятели зажгли Балаклаву и Камышевый городъ, и отступаютъ, чтобы открыть въ другомъ мѣстѣ театръ войны. Еслибы это было вѣрно, то обстоятельнѣе знали бы и оффиціально.

Сейчасъ возвращаюсь въ Бакчисарай, гдѣ ожидаю дальнѣйшаго Вашего распоряженія.

24 сентября 1855 года, г. Симферополь.

Письмо 50-е.

26 сентября получилъ я отъ о. архимандрита письмо Ваше, и за отеческую Вашу заботливость о положеніи моемъ и причта приношу глубочайшую благодарность.

Не только съ Сѣверной стороны всякіе жители удалены (деревня Кучкусевка сожжена), но и съ Бельбека понуждаютъ всѣхъ удаляться. Севастопольцовъ тамъ давно нѣтъ; кто же было построилъ тамъ лавку, товары перевозятъ въ Симферополь и тамъ открываютъ балаганы.—Смѣю увѣрить Ваше Высокопреосвященство, что ни на Сѣверной, ни на Бельбекѣ нѣтъ болѣе надобности въ приходскомъ Севастопольскомъ священникѣ. Я самъ желалъ послужить съ Севастополемъ и въ полѣ но, къ сожалѣнію, его нѣтъ болѣе нигдѣ.

Оставивъ священника Демяновича въ Симферополѣ, остальнымъ причтомъ я распорядился такъ. Меньшого Топузова оставилъ при Бакчисарайскомъ Соборѣ на мѣстѣ больного пономаря Березовскаго, котораго отпустилъ къ роднымъ въ Карасубазаръ. Старшаго Топузова отпустилъ проводить за перекопъ мать съ семействомъ съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратился къ Бакчисарайскому Собору. Діакона я не рѣшался безъ Вашего разрѣшенія отпускать въ Одессу, но онъ уже потерялъ терпѣніе и жаль было смотрѣть на него. Я послушался совѣта о. архимандрита и вчера отпустилъ ради семейныхъ обстоятельствъ. Вы спрашиваете: сколько кому нужно на каждый мѣсяцъ? По моему мнѣнію, текущее содержаніе тѣмъ не нужно, кто изъ насъ имѣетъ уже мѣсто, напр. священникъ Демяновичъ и причетникъ Топузовъ. Но мы всѣ нуждаемся въ единовременномъ пособіи, вышедши изъ Севастополя какъ съ пожара. Съ 1-го августа мы въ Севастополѣ уже рѣшительно не имѣли никакихъ доходовъ, хотя до 20-го продолжали служить въ своей церкви.

Отъ о. Михаила Родіонова получили на содержаніе: священникъ Демяновичъ 25 р., причетникъ Ѳеод. Топузовъ 10 р. и Петръ Топузовъ 10 р., Діакону я велѣлъ также обратиться въ Симферополь къ о. Михаилу. На свои нужды, хотя живу въ Скитѣ, я также получилъ 25 р.

Говоря о необходимости единовременнаго пособія, не смѣю ни для себя, ни для другихъ опредѣлять его. Вамъ извѣстны наши нужды, какъ и обстоятельства жизни въ Севастополѣ. Бывъ въ Симферополѣ, я не могъ, къ удивленію, не замѣтить, что отъ тѣхъ же военныхъ обстоятельствъ, отъ коихъ въ одномъ мѣстѣ въ теченіи года мы лишались и лишались, въ другомъ болѣе насъ счастливые пріобрѣтали и пріобрѣтаютъ. Привожу сіе обстоятельство собственно для объясненія, а не отъ зависти жребію другихъ. Ибо жребіи раздаются отъ Бога.

Ваше Высокопреосвященство удостоили меня спросить о семействѣ моемъ: гдѣ оно и что для него? Симъ истинно отеческимъ участіемъ Вы тронули меня до слезъ. Скажу о его положеніи со всею откровенностію. Семейство мое съ сентября мѣсяца прошедшаго года у моего отца находилось до января, а съ января сего года въ м. Бѣлой-Церкви,—кіев. губерніи у брата моего. Отправка изъ Крыма, при общемъ бѣгствѣ жителей и движеніи войскъ, мнѣ стоила 200 р. сер., когда я имѣлъ ихъ не болѣе 50. Жена моя плачетъ и проситъ одного: мѣста постояннаго, куда могла бы прибыть ко мнѣ съ дѣтьми. Если, наконецъ, и получу такое мѣсто, я не имѣю денегъ, чтобы взять семейство обратно. Могу ли надѣяться на отпускъ, чтобы самому поѣхать за семействомъ? Съ послѣдней почтой получилъ письмо, что отецъ мой, можно сказать, въ послѣднихъ часахъ жизни: потому я желалъ бы принять отъ него послѣднее благословеніе и поклониться въ Кіевѣ святымъ мѣстамъ. Если мнѣ крайне необходимо пособіе, то именно для этой надобности, т. е. чтобы соединиться съ семействомъ. Прочія нужды восполнятся сами собою, если дастъ Богъ, буду имѣть мѣсто. Не пріймите, Милостивый Архипастырь, моихъ желаній за настоятельную просьбу. Я совершенно во всемъ предаюсь на усмотрѣніе и волю Вашу.

О военныхъ дѣйствіяхъ мало знаю, мало объ нихъ говорятъ, почти они затихли и состоятъ лишь въ приготовленіяхъ.

Занятіе непріятелемъ Керменчука оказалось ложью. Впрочемъ жители вышли изъ этой деревни въ Лаки и другія мѣста. Вчера пошла саперная рота въ Керменчукъ для построенія

тамъ укрѣпленія. Семейство Лакскаго Священника я отпустилъ за Перекопъ, но самому ему велѣлъ оставаться при своемъ мѣстѣ, пока (въ случаѣ) не будетъ приказанія отъ начальства выходить изъ деревни.

Дѣйствительно разнеслись было слухи о намѣреніи отступить далѣе съ цѣлію вывести непріятеля въ поле. Даже говорили о переводѣ главной квартиры въ Симферополь. Но третьяго дня я слышалъ отъ прибывшаго изъ позиціи офицера, что пріѣзжалъ генералъ-адъютантъ кн. Ливенъ подтвердить, чтобы всякія идеи объ отступленіи были оставлены.

Генералъ баронъ Корфъ за непростительную оплошность у Евпаторіи преданъ суду. Во уваженіе только прежнихъ заслугъ, онъ выключенъ изъ службы съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицу и поступленія куда либо на службу. Что дѣлаютъ враги? Усиливаются на Черной и гдѣ-то чрезъ горы прокладываютъ себѣ путь къ Бакчисараю. Адмиралъ Лейносъ взялъ будто бы на себя во чтобы то нистало овладѣть Константиновскимъ фортомъ. Вчера и третьяго дня была слышна усиленная пальба: не бомбардировали ли сѣверной? Впрочемъ вѣстей никакихъ оттуда. Завтра надѣюсь быть ближе къ позиціи и развѣдать что либо.

Главнокомандующій самъ еще не пріѣзжалъ въ Бакчисарай.

28-е сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 51-е.

Вечеромъ сейчасъ отъ возвращающихся въ Николаевъ морскихъ офицеровъ получилъ слѣдующія свѣдѣнія.

25-го сентября флотъ непріятельскій съ дессантомъ, примѣрно въ 40 тысячъ, снялся и пошелъ по направленію къ Одессѣ. Замѣчено также, что брали съ собою туры и фашины.

Вѣроятнѣйшимъ полагаютъ, что флотъ пошелъ къ Акмечетской бухтѣ, можетъ быть съ цѣлію отрѣзать насъ отъ Перекопа. То и дугое только предположеніе, а гдѣ очутился непріятельскій флотъ, еще неизвѣстно.

На Черной рѣчкѣ, думаютъ, непріятели будутъ оставаться лишь въ оборонительномъ положеніи.—Между тѣмъ тамъ у де-

ревни Шюли 26 сентября было и небольшое дѣло. Непріятели двигались впередъ и должны были отступить.

Сѣверное укрѣпленіе сильно страдаетъ отъ непріятельскихъ бомбъ, бросаемыхъ съ Аполконовой балки и Николаевской площади. Съ моря не было бомбандировки; но береговыя батареи наши, смотря лицемъ въ море, страдаютъ съ тылу отъ непріятельскихъ снарядовъ, туда достающихъ.

Въ Николаевской батареѣ всѣ амбразуры закрыты. Думаютъ, что ее вооружаютъ для дѣйствія по Константиновской и Михайловской. Наши силы сосредоточены на пути отъ Черной рѣчки.

Главнокомандующій—въ Каралевѣ.

28-е сентября 1855 г. г. Бакчисарай.

Письмо 52-е.

О военныхъ дѣйствіяхъ ничего особеннаго не имѣю сообщить, кромѣ печальной вѣсти, что непріятельскій флотъ, 25-го сентября оставившій Севастополь, очутился въ Одессѣ и можетъ быть, какъ уже говорятъ, бомбандируетъ ее. Сохрани васъ Господи.

Въ послѣдніе дни была усиленная бомбандировка по Сѣверной, но о результатѣ еще неизвѣстно. Выстрѣлы перестали быть слышны.

О дьячкѣ Пироговѣ считаю нужнымъ сказать, что это злой корень бывшаго порядка въ Бакчисарайскомъ Соборѣ. Пользуясь довѣренностію покойнаго настоятеля и бывши его письмоводителемъ, онъ не разъ предлагалъ къ подписи его то, о чемъ тотъ и не думалъ.

Кромѣ того какъ двоеженецъ, не имѣя уже въ виду званія высшаго,—онъ, при малѣйшемъ замѣчаніи, съ дерзостію иногда объявляетъ, что онъ готовъ оставить духовное званіе. Потому полезно удалить его отъ Собора. Выну очи мои ко Господу и къ вамъ, милостивѣйшій Архипастырь мой! Съ каждой почтой ожидаю опредѣленнаго себѣ назначенія, и не смѣю наскучать о семъ, вполнѣ предаваясь волѣ Вашего Высокопреосвященства.

30-е сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 53-е.

Главный пріютъ мой—Успенскій Скитъ, откуда, когда на хожу случай, отлучаюсь на рекогносцировку. 2-го октября съ о. архимандритомъ, которому нужно было побывать у Анастасіи, я былъ въ Лакахъ и Керменчукѣ, по направленію къ коему чрезъ горы пробирался непріятель. Тамъ уже довольно было стянуто войска нашего; но въ ночь на 1-е октября непріятель, какъ полагаютъ, предваренный татарами, внезапно отступилъ и скрылся. Штабъ 3-го корпуса, который занялъ было квартиру въ домѣ Жецкаго, опять возвратился на свою позицію. Керменчукъ, совершенно оставленный жителями, продолжаютъ укрѣплять; собственно защищаютъ дорогу, здѣсь проходящую. Впрочемъ деревня эта, въ которой было всего 4 двора христіанскихъ жителей, теперь стала веселѣе отъ многолюдства военнаго. Церковь Керменчукская (она приписная къ Лакской), съ которой, по причинѣ ветхости ея, уже три года какъ снятъ антиминсъ, разрушается и едва ли найдетъ возстановителей. Бѣдная утварь ея перенесена въ Лакскую церковь. Въ Лакахъ жители остаются, не опасаясь близости непріятеля, котораго появленіе здѣсь было, кажется, попыткою. Ущелья, и тѣснины горныя вездѣ заняты войсками, пути же пресѣчены завалами и прикрыты по мѣстамъ батареями. Инженеры, гдѣ можно, пользуются укрѣпленіями природы, ставя орудія просто на скалѣ. Прямо Анастасіи Кача пересѣчена засѣкой, и на противоположной сторонѣ устроена батарея въ 5-ть орудій, коими обстрѣливается теченіе Качи. 3-го октября былъ я у Анастасіи съ сестрами Крестовоздвиженской Общины. Раненыхъ теперь, слава Богу, мало; потому сестры воспользовались досугомъ для путешествія къ св. мѣсту, которое совершили пѣшкомъ. Всѣхъ путешественницъ было 18-ть; съ ними была и начальница сестеръ—Стаховичъ. Нашлось 7-мь, и въ числѣ ихъ сама начальница, которые пожелали взойти къ источнику. Я былъ ихъ проводникомъ туда, и какъ ни трудно было взбираться на гору, трудъ ихъ былъ вознагражденъ душевнымъ удовольствіемъ. Сестра Леди, очень слабая здоровьемъ, предприняла этотъ трудъ единственно для того, чтобы промыть св. водою слабыя глаза свои.

Огню непріятельскому по Сѣверной сторонѣ съ нашей стороны отвѣчаютъ успѣшно. Вчера отъ офицера пріѣхавшаго изъ-подъ Севастополя слышалъ я, будто кн. Горчаковъ выѣхалъ отсюда. На вопросъ мой: когда и по какому случаю? онъ отвѣчалъ: я знаю изъ приказа по арміи главнокомандующаго, коимъ даетъ знать, что онъ, по дѣламъ службы отлучаясь, передаетъ начальство графу Сакену, и что приказъ этотъ послѣдовалъ 25-го сентября. Оставляетъ ли онъ совершенно главное начальство, неизвѣстно.

Объ опасностяхъ нашихъ перестали говорить. Главная квартира, можно сказать, только считается въ Бакчисараѣ. Старшія же лица доселѣ въ Казамеѣ и не переходили въ назначенныя имъ квартиры.

Уже двухъ почтъ нѣтъ изъ Одессы. Это составляетъ предметъ нашего недоумѣнія и безпокойства. Ибо о флотѣ непріятельскомъ, что онъ дѣлаетъ, слухи противорѣчащіе носятся. Буди воля Божія.

5-е октября 1855 г., Успенскій Скитъ.

Письмо 54-е.

Сейчасъ возвратился я изъ сѣвернаго Севастополя, и спѣшу съ отходящею нынѣ почтою дать отчетъ въ томъ, что видѣлъ и слышалъ тамъ.

Сѣверная сторона стоитъ и можетъ стоять твердо. Число батарей ея увеличено до 60-ти нумеровъ. Онѣ дѣйствуютъ по непріятелю очень успѣшно. Въ городѣ нашими выстрѣлами произведено было нѣсколько пожаровъ. Непріятели боятся жить въ городѣ, и гарнизонъ ихъ, какъ полагаютъ, не превышаетъ 1½ тысячи человѣкъ. Въ Корабельной улицы перекопаны тремя параллельными рвами. Непріятели устроили мортирныя батареи въ балкахъ: Ушаковой и Аполлоновой, на графской пристани, на Александровсвой и № 8 батареяхъ. Съ моря по сѣверному укрѣпленію доселѣ не стрѣляли. Съ нашей стороны пальба всегда чаще. Что дѣлаютъ въ Николаевской батареѣ, въ которой закрыты амбразуры, доселѣ неизвѣстно, но тамъ слышенъ большой стукъ мастеровыхъ. Въ камышевой бухтѣ судовъ довольно.

На сѣверной сторонѣ жителей никакихъ нѣтъ. На бывшемъ рынкѣ всего три балаганчика. Въ двухъ кое-чѣмъ торгуютъ охотники; въ третьемъ помѣщается перевязочный пунктъ. На противоположномъ холмѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ былъ праздникъ Брянскаго, нынѣ кн. Горчакова полка, я нашелъ нѣсколько землянокъ и палатокъ, и тамъ іеромонаха о. Лаврентія, прежде служившаго въ сѣверномъ укрѣпленіи. Церковь онъ сдалъ въ дивизію, изъ которой она была выдана, а состоитъ при 31-мъ флотскомъ экипажѣ, который, можно сказать, одинъ составляетъ гарнизонъ сѣвернаго укрѣпленія и всей сѣверной стороны. Онъ увеличенъ командами другихъ службъ и доведенъ до 3 тысячъ человѣкъ; на каждое орудіе по три матроса, прочіе—изъ другихъ. Комендантъ всей сѣверной стороны контръ-адмиралъ Бартеневъ. Онъ задержалъ о. Лаврентія, который только одинъ остался изъ флотскихъ іеромонаховъ, и теперь состоитъ также при перевязочномъ пунктѣ. По его словамъ, со времени оставленія Севастополя, на сѣверной сторонѣ убитыхъ и раненныхъ всего было только 15 человѣкъ. Дѣйствительно, въ госпиталѣ на Бельбекѣ я видѣлъ больныхъ просто, а не раненныхъ. Сестеръ здѣсь всего четыре. Этотъ госпиталь скоро долженъ упразднится: ибо онъ въ палаткахъ. Больныхъ постоянно отправляютъ далѣе. Въ Дуванкѣ—слабосильные. Въ Бакчисараѣ теперь очень просторно въ дворцѣ. Раны и болѣзни такимъ образомъ вывезены съ театра войны.

На новомъ рынкѣ у Бельбека, гдѣ именно хотѣли имѣть церковь, нашелъ я около десятка балаганчиковъ, и—тѣ пусты. Торговцы жалуются, что нѣтъ никакой торговли, и они одинъ за другимъ убираются оттуда. Два раза были понуждаемы къ тому и начальствомъ. Теперь опять объявлено, что могутъ оставаться. Жителей здѣсь никакихъ. Войска постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто: потому и рынокъ возможенъ только передвижной. Мысли, что мы возвратимся въ Севастополь, нигдѣ не слышно, хотя о дальнѣйшемъ отступленіи нѣтъ болѣе слова. О. Лаврентій говорилъ мнѣ, что провизію для сѣвернаго гарнизона велѣно заготовить по февраль мѣсяцъ, между тѣмъ

какъ недавно предшествовало распоряженіе о заготовленіи оной по 1-е ноября.

Какъ же мнѣ оставаться? Еще осмѣливаюсь спросить. Къ Севастополю я ѣхалъ по Качинской долинѣ съ прямымъ намѣреніемъ видѣть тамошнюю церковь. Усердіемъ гусаръ сдѣланы на престолъ два приличныхъ одѣянія, также и на аналои. Въ воскресные дни и праздники бываетъ не безъ молящихся: но кромѣ передвигающихся войскъ жителей здѣсь—почти никакихъ. Человѣкъ 10 наберется людей дворовыхъ. Священника я не засталъ: онъ отправился проводить до Симферополя семейство, которое ѣдетъ за Перекопъ. Если обстоятельства будутъ обѣщать возможный покой, то можно освятить Качинскую церковь (съ престола была похищена и срачица). Въ противномъ случаѣ, что и святить, если покидать?

Подъ Севастополемъ слышалъ еще о взятіи непріятелями Кинбурна.

Объ Одессѣ, кромѣ того, что тамъ непріятельскій флотъ, еще ничего не знаемъ. Уповаемъ на милость Господню.

Возвращаясь съ Бельбека, видѣлъ войска наши, слѣдующія съ позиціи подъ Евпаторію. Шли съ обозами и артилеріею три девизіи—7, 9 и 14. Также—ратники и греки волонтеры.

8 октября 1855 г., г. Бахчисарай.

Письмо 55-е.

Въ два часа пополудни, сего 15 октября, полученъ мною пакетъ съ словами отеческаго утѣшенія и милостивымъ вашимъ представленіемъ св. Синоду о севастопольскомъ причтѣ. Приношу глубочайшую благодарность отъ себя и за другихъ вашему высокопреосвященству за истинно отеческое ваше попеченіе объ насъ. Отправленіе пакета съ курьеромъ свидѣтельствутъ о желаніи вашемъ скорѣе утѣшить насъ. Скорбно, что не умѣю, какъ слѣдуетъ, выразить всего того, что чувствуетъ сердце мое, тронутое вашимъ Архипастырскимъ вниманіемъ. Только любовь начальника могла въ неключимыхъ рабахъ обрѣсти то, о чемъ свидѣтельствуете за насъ предъ св. Синодомъ. Мы обязаны оправдать такое свидѣтельство, и не медля восполнить то, чего бы

не доставало на вѣсахъ строгой правды. Итакъ се рабъ вашъ какъ прежде, такъ и отселѣ—буди мнѣ по глаголу вашему. Если должно оставаться въ Крыму до конца войны, я совершенно покоряюсь распоряженію вашему, какъ ни тяжка долгая разлука съ семействомъ.

Послѣ завтра я ѣду въ Симферополь съ намѣреніемъ, если можно, пробыть съ недѣлю при общинѣ. Не могу ли я жить въ Симферополѣ, а оттуда, при случаѣ, а иногда и нарочито, навѣщать свое вѣдомство. Я не знаю, какъ меня тамъ встрѣтятъ послѣ долгаго отсутствія. Тамъ теперь другой порядокъ и строже требуютъ службы. Г-жа Стаховичъ уѣзжаетъ.

Театръ военныхъ дѣйствій, кажется, переносится къ Евпаторіи, куда стягиваются войска. Третьяго дня тамъ дали хорошій урокъ непріятелямъ, подвигавшимся впередъ за нашимъ отступленіемъ. Мы удачно обошли ихъ и заставили обратиться въ бѣгство съ большимъ уроном. Говорятъ, что вслѣдстіе этого успѣха, мы опять тѣсно обложили Евпаторію. Сегодня отправился туда главнокомандующій, и, кажется, туда же подвинетъ свою квартиру. Штабъ графа Сакена теперь въ Бакчисараѣ. На высотахъ—одинъ Сухозанетъ.

Пишу, что слышу, всего знать нельзя. Иногда и спрашивать неловко.

15 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 56-е.

Я терпѣливо сношу свое безмѣстіе, какъ дѣло необходимости. Согласно волѣ вашей бываю тамъ и тамъ, и на взгорьѣ севастопольскомъ, гдѣ, какъ я уже писалъ, нѣтъ ни жителей, ни надобности въ приходскомъ священникѣ. Оставаясь при одномъ званіи благочиннаго, я могу до времени находиться въ Симферополѣ. Тамъ по крайней мѣрѣ я буду имѣть службу при общинѣ сестеръ, при которой только считаюсь. Я не знаю, какъ меня тамъ пріймутъ послѣ долговременнаго отсутствія; однако рѣшаюсь отправиться въ Симферополь съ намѣреніемъ, если можно, остаться тамъ. Осмѣливаюсь сдѣлать сіе, не дождавшись вашего разрѣшенія, въ томъ предположеніи, что обложеніе не-

пріятельскимъ флотомъ Одессы, можетъ быть, заставило васъ на время предоставить насъ самимъ себѣ. Вчера впрочемъ графъ Сакенъ, бывши въ скитѣ, сказалъ пріятную вѣсть, что непріятельскій флотъ оставилъ Одессу, не бомбандировавъ ее. Въ военныхъ дѣйствіяхъ особеннаго ничего нѣтъ, кромѣ передвиженія. Хотя главнокомандующій и перешелъ въ Бакчисарай, но, кажется, его квартира будетъ гдѣ-то поближе къ евпаторійской позиціи. Въ Бакчисараѣ будетъ штабъ гр. Сакена. На высотахъ оставленъ одинъ ген. Сухозанетъ. Нерѣдко проносятся слухи и толки о военныхъ дѣйствіяхъ, но такіе, къ которымъ не слѣдуетъ прилагать уха.

Съ каждой почтой ожидаю милостиваго обо мнѣ распоряженія вашего высокопреосвященства. Со слезами молю: „имиже вѣсте судьбами устройте меня совершенно разстроеннаго“. Мнѣ нужно мѣсто; я не желалъ бы обнажать своихъ нуждъ, прибѣгая къ церковному пособію, хотя оно разрѣшено св. Синодомъ и вами дозволено. Не всякому нуждающемуся легко протянуть руку къ подаянію. Впрочемъ буди воля ваша! Своей воли я не хочу имѣть въ обстоятельствахъ превышающихъ, могу сказать, мое разумѣніе. Всецѣло предаюсь волѣ вашего высокопреосвященства.

15 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 57-е.

Рапортъ.

30-го октября, въ прошедшее воскресеніе, Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, съ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, изволилъ въ Бакчисарайскомъ Николаевскомъ Соборѣ слушать литургію, которая была совершена мною съ діакономъ сего Собора Петромъ Грабенкомъ. По окончаніи литургіи, Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня, гдѣ получилъ я крестъ на георгіевской лентѣ, и во все ли время осады находился въ Севастополѣ. За служеніе Всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ золотой перстень

съ брилліантами, а діакону Грабенкѣ—золотые часы. Смѣю по сему думать, что Его Императорское Величество какъ служеніемъ, такъ и порядкомъ, бывшимъ въ церкви, остался доволенъ. О чемъ Вашему Высокопреосвященству долгъ имѣю смиреннѣйше донести.

1-е ноября 1855 г., г. Симферополь.

Письмо 58-е.

Донося Вашему Высокопреосвященству о пребываніи Государя Императора въ Бакчисараѣ и полученной мною новой Монаршей милости, чувствую, что всѣмъ я обязанъ Вашему Архипастырскому о мнѣ смотрѣнію, и смиреннѣйше приношу благодарность души и сердца моего. Ублажаю и буду ублажать послушаніе начальству, которое есть лучшій путь службы, чѣмъ собственный выборъ мѣста или должности. Бѣденъ я и не имѣю никакой собственности, какъ бы сейчасъ изъ школы, но уповаю на милосердаго Бога, что когда либо и прочее, мнѣ потребное, приложится по Его милости.

Въ слѣдъ за Государемъ я поспѣшилъ въ Симферополь, имѣвъ отъ Г. Пирогова увѣдомленіе, что одна изъ сестеръ, бывшая на испытаніи, по повелѣнію Ея Высочества, имѣетъ быть приведена къ присягѣ, и полагая, не нужно ли будетъ мое присутствіе въ Общинѣ, если Государю Императору угодно будетъ видѣть оную. Община не представлялась въ своемъ составѣ, и немногимъ изъ сестеръ удалось видѣть Государя въ тѣхъ госпиталяхъ, кои Его Величеству угодно было посѣтить въ Симферополѣ. О состояніи Общины освѣдомлялся только принцъ Мекленбургскій, посѣтившій квартиру сестеръ нечаянно, гдѣ, кромѣ начальницы Хитровой и еще 4-хъ сестеръ, никого не было. Всѣ были по службѣ. Сегодня же я возвращаюсь въ Бакчисарай. Во всѣ дни пребыванія въ Бакчисараѣ, Государь Императоръ ѣздилъ къ разнымъ позиціямъ войскъ и подъ Севастополь, гдѣ благодарилъ и ободрилъ всѣхъ. Жителямъ Севастопольскимъ, представлявшимся въ Бакчисараѣ, говорилъ, что, Богъ дастъ, скоро возвратимся опять въ Севастополь. О планѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ничего не слышно. Не слышно

теперь и выстрѣловъ. Вчера носились слухи тутъ о такихъ политическихъ новостяхъ, будто бы Швеція на насъ, Наполеонъ убитъ и проч. Такъ и говорили объ этомъ, какъ о слухѣ.

(Число мѣсяца не означено).

Письмо 59-е.

Въ церкви, при посѣщеніи Государя Императора, казалось, все было въ порядкѣ. Встрѣчу дѣлали мы соборнѣ съ Оберъ-священникомъ Крымской Арміи, состоящемъ при главной квартирѣ. Въ церкви же ожидало пріѣзда Государя Императора и все военное начальство, кромѣ г. главнокомандующаго, который сопровождалъ Его Величество.

По совершеніи многолѣтія Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества изволили приложиться, къ образу Преподобнаго Сергія, который, съ переходомъ главной квартиры въ Бакчисарай, переданъ въ церковь.

Посѣтивъ главнокомандующаго, котораго квартира противъ церкви, Высокіе носѣтители отправились въ свою квартиру въ домъ Спиранде, гдѣ были встрѣчены обществомъ городскимъ. Послѣ того Государь Императоръ ѣздилъ смотрѣть войска, на Качи расположенныя. Вѣроятно они расположены или собраны у моста: ибо Его Величество скоро возвратился. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Сегодня въ скитѣ обновленіе храма, по случаю перенесенія престола на средину алтаря. Пожелалъ быть при этомъ главнокомандующій; вѣроятно будутъ съ нимъ и другіе. Счелъ нужнымъ упомянуть о семъ, полагая, что о. архимандриту сегодня недосугъ писать.

Звуку браннаго не слышно; или планы или намѣренія измѣняются. Вчера слышалъ, что 3-го сего ноября непріятели взорвали николаевскую батарею и доки. Заключаютъ, что они убираются отъ насъ.

5 ноября 1855 г.

Письмо 60-е.

Сегодня, въ праздникъ архистратига Михаила, служилъ въ Бакчисарайскомъ Никольскомъ соборѣ старшій благочинный во-

еннаго духовенства въ Крыму, называемый также оберъ-священникомъ. Служили бы соборнѣ, да недостатокъ большой въ ризницѣ, которую, дастъ Богъ, скоро построимъ.

При главной квартирѣ церкви нѣтъ, и не будутъ устраивать ее въ Бакчисараѣ, тѣмъ болѣе, что квартира главнокомандующаго у самой городской церкви. Оберъ-священникъ бумаги не имѣетъ, чтобы служить ему здѣсь, кромѣ словеснаго указанія на эту церковь отъ дежурнаго генерала. Протоіерей этотъ—человѣкъ очень добрый и благородный; претензій или неудовольствій какихъ либо отъ него ожидать нельзя. Будемъ служить по согласію—иногда соборнѣ. Не доношу рапортомъ объ этомъ новомъ лицѣ въ бакчисарайскомъ соборѣ потому, что не было объ немъ отъ военнаго начальства никакой бумаги. Вчера явился въ главную квартиру и діаконъ, вызванный изъ екатеринославской епархіи. Поскупился преосвященный Леонидъ, или лучшаго не нашлось: присланный діаконъ съ небольшимъ голосомъ и нисколько не полированъ,—ни такта, ни манеры діаконской. Жалованья ему 250 руб. сер. Это мѣсто было бы кстати моему бывшему діакону Подольскому. Я очень жалѣлъ, что не было его здѣсь при посѣщеніи Государя Императора. Оберъ-священнику Кутневичу, кажется, ближе было просить діакона въ херсонской, а не въ екатеринославской епархіи.

Военныхъ дѣйствій никакихъ нѣтъ. О николаевской батарѣе, будто она взорвана непріятелями, пронесли ложно. Въ самомъ же дѣлѣ былъ у непріятелей на такъ называемой канроберовой батареѣ взрывъ порохового погреба, гдѣ было и множество снарядовъ: бомбъ, ракетъ и пр.

Вчера явился ко мнѣ кадыковскій псалта Иванъ Политисъ, недавно выпущенный изъ плѣна и высаженный въ Ѳеодосіи. Какъ очевидецъ, онъ далъ мнѣ слѣд. свѣдѣніе *о кадыковскомъ священникѣ Георгіѣ Ментилина.* 14 сентября отслуживъ въ кодыковской церкви литургію, отъ страха онъ бѣжалъ въ Харань, откуда болѣе не возвращался въ Кадыковку. Ноября 8 или 10 онъ неизвѣстно куда скрылся по слѣд. обстоятельству: какой-то иностранецъ, по должности переводчикъ, явившись къ священнику съ дѣвицей Екатериной Ханджошу угрозами принудилъ его об-

вѣнчать ихъ ночью и притомъ не въ церкви, а въ домѣ. Когда новобрачные на другой же день подверглись наказанію начальства и въ оковахъ отправлены были въ Константинополь, священникъ, боясь послѣдствій своей вины, скрылся безъ вѣсти. По письму, полученному однимъ изъ родственниковъ, оказывается что онъ очутился въ Константинополѣ, а оттуда пробрался въ Аѳины, гдѣ и теперь находится. *О Кадыковской церкви:* вечеромъ, 14 сентября, непріятели были уже въ Кадыковкѣ и входили въ церковь съ крайнимъ безчиніемъ. Перекидывая бумаги и книги, все рвали и бросали на полъ. Надъ вещами священными онъ, Псалта Политисъ не попустилъ наругаться пока поставлена была стража къ церкви, изъ которой онъ, спустя недѣлю, съ вѣдома французскаго начальства, св. антиминсъ, сосуды церковные и другія священные вещи, а также иконы изъ иконостаса представилъ въ монастырь и сдалъ о. Архимандриту по описи. Затѣмъ кадыковская церковь обращена сначала въ госпиталь, а потомъ въ какой-то магазинъ.

О *монастырѣ*: служатъ въ Димитріевской церкви. Все довольствіе получаютъ и пользуются совершенно свободно. Іеромонахи бываютъ и въ лагерѣ непріятельскомъ, если случается надобность напутствовать или погребсти кого изъ русскихъ.

О жителяхъ вообще: жили безбѣдно, вырабатывая плату за переноску грузовъ и другія работы у купцовъ иностранныхъ.

Жена умершяго священника Рафаила Янакова вчера, при удобномъ случаѣ, отправилась въ Корсунь къ дядѣ своему, митрополиту Іосифу.

8 ноября 1856 г., г. Бакчисарай.

Письмо 61-е.

Отъ имени вашего высокопреосвященства о. архимандритъ Діонисій вручилъ мнѣ 100 руб. сер. Въ тоже время получилъ я отъ вашего высокопреосвященства назначеніе состоять при бакчисарайскомъ скитѣ. За ту и другую милость приношу вамъ, милостивый архипастырь, глубочайшую благодарность. Деньги послалъ я семейству, въ нихъ нуждающемуся; самъ надѣюсь пропитаться отъ мѣста.

13 ноября съ о. архимандритомъ Діонисіемъ былъ я подъ Севастополемъ. Во время нашего пребыванія тамъ была тишина, нарушенная лишь однимъ выстрѣломъ для о. Діонисія. Гарнизонъ сѣверной стороны скучалъ бездѣйствіемъ непріятелей, которые недѣли три вовсе не стрѣляли на сѣверную. Съ нашей стороны стрѣляютъ лишь по усмотрѣнію въ городѣ цѣли для выстрѣла. Петропавловская церковь сгорѣла недѣли три тому, обнаженныя стѣны и колонны представляютъ печальный видъ храма Божія. Государь Императоръ, бывши на сѣверной, не останавливался тамъ долго, а только проѣхалъ къ сѣверному укрѣпленію.

Съ ночи на 15-е ноября опять слышны частые выстрѣлы въ Севастополѣ.

Съ другихъ пунктовъ, ни въ самомъ Бакчисараѣ ничего особеннаго не слышно.

Наконецъ наступаетъ крымская зима. Вчера падалъ мокрый снѣгъ, сегодня идетъ дождь.

Главнокомандующему угодно, чтобы въ воскресные и праздничные дни всенощная была съ вечера, и такъ дѣлается.

16 ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 62-е.

Вчера возвратился я изъ Симферополя, куда ѣздилъ къ сестрамъ. 20 числа г-жа Хитрово вступила въ должность сестры—настоятельницы общины, мною приведена къ присягѣ и мною возложенъ на ее крестъ сей общины. Поводомъ моей поѣздки туда было между прочемъ требованіе отъ меня отзыва, на какихъ условіяхъ я могу посвящать время для общины, о чемъ спрашиваетъ великая княгиня. Я отвѣчалъ, какія условія угодно будетъ поставить Ея Высочеству, на тѣ я буду совершенно согласенъ. Между тѣмъ мнѣ объявили, что мое присутствіе и теперь необходимо при общинѣ, т. е. въ Симферополѣ. Я поставленъ въ затрудненіе, изъ котораго могу быть выведенъ только разрѣшеніемъ вашего высокопреосвященства. Если и буду разрѣшенъ, то опять буду въ затрудненіи, если въ Симферополѣ не буду имѣть какой либо опоры своей. Я буду нуждаться, мо-

жетъ быть, иногда въ церкви, если пожелаютъ сестры говѣть. Великая княгиня проситъ васъ только о разрѣшеніи оставаться мнѣ при общинѣ, но какъ мнѣ при оной оставаться,—сіе будетъ вполнѣ зависѣть отъ милостиваго усмотрѣнія вашего высокопреосвященства. Я бы не желалъ быть, хоть на время, исключеннымъ изъ службы епархіальной.

Въ войнѣ ничего новаго у насъ; 6 и 2-й корпуса оставляютъ Крымъ.

23 ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 63-е.

По горѣ—по ту и другую сторону города—горѣли бочки.

Сегодня, говорятъ, Государь Императоръ поѣдетъ къ Севастополю. Вѣроятно завтра въ Скитѣ будетъ слушать литургію. И лучше бы: въ Бакчисарайской церкви нѣтъ ризницы для такого случая.

Въ прежнемъ письмѣ я забылъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ пребыванія Государева въ Бакчисараѣ.

31-го октября Государь Императоръ имѣлъ выѣхать. Пришла мысль и желалось знать, не зайдетъ ли Его Величество въ церковь предъ выѣздомъ; думали, можетъ быть, пожелаетъ приложиться къ образу Преподобнаго Сергія, теперь находящемуся въ здѣшней церкви. Отвѣчали, что въ другихъ мѣстахъ Государь этого не дѣлалъ, но что впрочемъ дадутъ знать, если Его Величеству это угодно будетъ. Между тѣмъ Государь Императоръ утромъ поѣхалъ на позицію и оттуда возвращаясь въ два часа по полудни, пожаловалъ прямо въ церковь, и потому неожиданно. Царя не заставили ожидать: церковь была открыта. Приложившись къ образу Преподобнаго Сергія, Его Величество тотчасъ и вышелъ. Протоіерей Паксимаде не успѣлъ застать Его въ церкви, хотя былъ тутъ же въ церковномъ домѣ. Я въ то время былъ въ монастырѣ и уже на пути оттуда; отлучался, зная, что Государя нѣтъ въ городѣ и возвратится къ вечеру.

Припишите ли сіе опущеніе моей винѣ, когда это посѣщеніе Государемъ церкви было неожиданнымъ для самой свиты

Его? Можетъ быть, Его Величеству угодно было помолиться безъ свидѣтелей.

Бакчисарайскій комендантъ передалъ мнѣ, что Государь въ воскресенье, выходя изъ церкви, сказалъ, что въ такихъ церквахъ съ какимъ то особеннымъ расположеніемъ молишься, и что Его Величество былъ очень доволенъ служеніемъ.

Возвращаю письмо Великой Княгини, и не умѣю Вашему Высокопреосвященству выразить моей благодарности за отличный и милостивый отзывъ о мнѣ. Чувствую и искренно исповѣдуюсь, что у меня нѣтъ способности вполнѣ оправдать его. Буду трудиться ободренный Вашимъ благословеніемъ.

Обязанности мои въ Общинѣ письменнымъ уставомъ еще не опредѣлены. Все въ ней еще опредѣляется только, измѣняясь по указанію опыта. По отвѣту директора Общины г-на Пирогова, (такъ онъ велѣлъ отвѣчать и Вамъ) эти должности состоятъ въ участіи въ комитетѣ, коимъ отселѣ управляется Община, въ назиданіи сестеръ—и преимущественно въ назиданіи и вообще въ духовномъ попеченіи о сестрахъ. Исполненіе христіанскихъ требъ, какія случатся въ Общинѣ, или богослуженія, также относятся къ моей обязанности; но главное, что требуется отъ меня—это нравственное вліяніе на сестеръ. Потому-то мое пребываніе признается необходимымъ въ Симферополѣ, гдѣ наибольшее число ихъ и гдѣ ихъ управленіе. По желанію Пирогова, я отправляюсь туда дня черезъ два, имѣя возвратиться въ Бакчисарай, если не будетъ особой надобности, къ новому году для исполненія отчетности благочинической. Хотя я не получилъ еще Вашего разрѣшенія на сіе, но, думаю, въ данномъ Вами повелѣніи состоять при Общинѣ оно само собою заключается. Г-жа Хитрово жалуется на какой-то духъ апатіи къ своему дѣлу, замѣчаемый въ Симферопольскихъ сестрахъ противъ котораго нужны духовныя мѣры. Итакъ я долженъ ѣхать. Пироговъ оставляетъ насъ на сихъ дняхъ.

Кажется отъ простуды у меня зубы болятъ и головой страдаю, съ каждымъ днемъ хуже. Можетъ быть поэтому пробуду нѣсколько дней въ Бакчисараѣ.

Въ помощь о. Паксимаде я командирую Лакскаго священника, которому, кромѣ праздничныхъ дней, нечего дѣлать въ своемъ приходѣ.

Діаконъ, присланный изъ Екатеринослава въ главную квартиру, удаляется за нетрезвость и вообще за плохія его качества. Честь предложена Бакчисарайскому діакону Грабенкѣ, который умѣлъ обратить на себя вниманіе своими скромными, но настоящими достоинствами. Оберъ-священникъ Крымскій, получивъ его согласіе, доноситъ Оберъ-священнику въ Петербургъ, о чемъ конечно послѣдуетъ къ Вамъ отношеніе. Грабенко—добрый служитель и отличается примѣрнымъ благоговѣніемъ въ служеніи. При освященіи Даровъ всегда можно видѣть на глазахъ его слезы. Съ него можно ожидать добраго священника.

Привезли въ Бакчисарай 37 человѣкъ раненныхъ и 20 плѣнныхъ изъ небольшого дѣла, бывшаго два дня тому въ Орнустѣ.

30-ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 64-е.

Съ 5 декабря шелъ у насъ снѣгъ, который наконецъ сегодня скрѣпленъ большимъ морозомъ. Зима явилась въ Крыму въ настоящемъ видѣ.

5 же декабря достигла насъ радостная вѣсть о взятіи Карса. Но еще торжественнаго благодаренія Богу не совершали.

27 ноября при выборѣ церковнаго старосты къ бакчисарайскому собору, я не опустилъ случая напомнить обществу прихожанъ, что ихъ церковь принадлежитъ теперь не однимъ имъ, а и воинству православному, котораго главная здѣсь квартира, что тутъ преклоняютъ колѣна и молятся объ успѣхѣ оружія нашего не только вожди войскъ Россійскихъ, но и самъ Благочестивѣйшій Императоръ молился о томъ въ храмѣ семъ, что все это должно быть важно въ глазахъ ихъ, и побудить употребить и приложить всяческое попеченіе о благолѣпіи убогой ихъ церкви, къ чему теперь само военное время, чрезъ умноженіе населенія въ городѣ и оживленіе торговли, подаетъ наилучшія средства и потому просилъ воспользоваться симъ

временемъ. Я указалъ имъ на совершенный недостатокъ разницы, на бѣдный видъ церкви, на которой крестъ желѣзный и крыша черепичная, какъ и на послѣднемъ строеніи въ городѣ, на дворъ тѣсный и заваленый камнями и проч.

Результатъ былъ слѣдующій: малое общество, бывшее тутъ въ лицѣ 12 представителей, тотчасъ подписало для этой цѣли 280 руб. сер., обѣщавъ предложить и отсутствующимъ и всѣмъ торгующимъ теперь въ Бакчисараѣ православнымъ. Церковный староста, по предложенію о. настоятеля Паксимаде, изъявилъ согласіе на свой счетъ провести воду и сдѣлать фонтанъ въ церковной оградѣ, которая отъ камня уже очищена, и ямки для деревъ готовы.

Договоръ съ монастыремъ о фонтанѣ также уже сдѣланъ, и если не помѣшаетъ холодъ, къ великому посту вода будетъ проведена. О позлащенномъ крестѣ и заготовленіи желѣза для крыши позаботится, чтобы къ веснѣ то и другое было готово. Я ожидаю успѣха преимущественно отъ попечительности настоятеля, который изъ настоящаго времени можетъ извлечь къ тому средства, а также церковнаго старосты, который, въ случаѣ чего не будетъ доставать, можетъ самъ пособить. Старостой избранъ тотъ же Ергопуло, который и для скита обязался что-то поставить. На деньги, также собранныя пожертвованіемъ, заказана настоятелемъ плащаница новая, которая къ великому посту будетъ прислана изъ Кіева. Многаго или почти ничего нѣтъ въ церкви, существующей съ 1798 года. Потому-то я дорожу настоящимъ временемъ и стараюсь внушить другимъ эту мысль, чтобы, если Господь поможетъ, къ лѣту представить вамъ посильное ея обновленіе. Мысль о. Паксимаде заказать мѣдную вызолоченную доску, на которой сдѣлать надпись о посѣщеніи церкви Государемъ Императоромъ въ такомъ то году и въ такое то время. Я совершенно раздѣляю эту мысль, но предварительно испрашиваю вашего архипастырьскаго благословенія и наставленія, въ какихъ именно словахъ приличнѣе выразить это важное для церкви событіе.

Поѣздку въ Симферополь я отложилъ по причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, отъ которой вчера лишь оправился; но

необходимо завтра съѣздить въ Мангуши, гдѣ умеръ вдовый діаконъ, оставивъ сиротъ и имущество, которому надлежитъ на мѣстѣ сдѣлать опись.

Сейчасъ изъ церкви, гдѣ принесено благодарственное молебствіе о взятіи Карса. Сегодня въ 9 часовъ послѣдовало о томъ распоряженіе главнокомандующаго, который и самъ изволилъ быть въ церкви.

7 декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 65-е.

Съ прошлой почтой ничего не писалъ вашему высокопреосвященству за болѣзнію. 7 декабря въ тотъ же день, когда рапортовалъ вамъ здоровымъ, я преждевременнымъ выходомъ на холодъ возвратилъ свою болѣнь, и благодаря участію о. архимандрита Николая, который пригласилъ меня подъ свой кровъ, я опять чувствую себя здоровымъ и возвращаюсь въ городъ. Но докторъ, удерживая еще на діэтѣ, не совѣтуетъ или лучше воспрещаетъ до времени совершеннаго выздоровленія ѣхать въ Симферополь. Боюсь вновь заболѣть и хотѣлось бы благовременно явиться въ общину: колеблюсь и сокрушаюсь.

Прибывшій изъ Петербурга духовникъ общины, іеромонахъ Веніаминъ оказался мало свѣдущимъ (онъ изъ простыхъ), чтобы имѣть въ общинѣ то вліяніе, какого требуется; а потому, вслѣдствіе представленія г. Пирогова, ему велѣно еще въ маѣ мѣсяцѣ оставаться при одномъ отправленіи богослуженія и требъ въ общинѣ, имѣть же духовное попеченіе о сестрахъ поручено мнѣ. (Копію письма которое, объ этомъ писалъ мнѣ отъ имени великой княгини гофъ-маршалъ Хрущовъ, я представилъ вашему высокопреосвященству). Въ такомъ значеніи о. Веніаминъ находился въ общинѣ до отъѣзда г-жи Стаховичъ, которая, какъ казалось, и не хотѣла имѣть другого духовника. За переходомъ большаго числа сестеръ въ Симферополь, онъ остался на Бельбекѣ при той части госпиталя, гдѣ лѣтомъ была главная резиденція сестеръ, и гдѣ теперь ихъ всего три, за малымъ числомъ больныхъ тамъ. Самъ онъ не просится объ увольненіи; удалять, можетъ быть, не хотятъ, потому, что сами

поискали его для этой должности. Такимъ образомъ онъ оставался при общинѣ до послѣдняго времени. Не знаю, не сдѣлалъ ли ему Пироговъ какого предложенія предъ отъѣздомъ своимъ бывши на Бельбекѣ.

Ваше высокопреосвященство поручили мнѣ секретно вникнуть въ состояніе Успенскаго скита (что и какъ въ немъ—лица, вещи и проч.?), которымъ вы недовольны.

Послѣ Севастополя я прожилъ въ скитѣ довольно времени, и живя въ Бакчисараѣ, посѣщаю его нерѣдко. И потому могу теперь же дать свой отзывъ, если мое сужденіе, какъ міянина и человѣка малоопытнаго о предметахъ касающихся св. обители, не будетъ погрѣшительно. Пишу послушанія ради, а не сужу.

На мой судъ въ Успенскомъ скитѣ все—отъ мала до велика, отъ лицъ до вещей—порядокъ, служба, самый бытъ братіи внѣшній и внутрентій въ настоящее время въ прекрасномъ видѣ, и должно радовать, а не печалить васъ.

Богослуженіе совершается чинно и благогласно. Всякъ на своемъ мѣстѣ по способностямъ. Между братіею миръ и согласіе. Ни отъ кого неудовольствія или ропота на что либо. Со стороны не слышалъ нареканія; напротивъ похвала обители—въ устѣхъ многихъ. А теперь не безъ значительныхъ судей въ Бакчисараѣ. Трапеза безъ прихоти, сытна и обильна; въ экономіи есть все необходимое на потребу. Во внѣшнемъ отъ двора до келій, вездѣ чистота, порядокъ и благоприличіе. 5-го ноября, по случаю освященія престола перенесеннаго на средину алтаря, на приготовленной для важныхъ посѣтителей закускѣ, нельзя было не замѣтить, какъ и здѣсь все было благообразно и по чину, безъ излишества и роскоши, но много, вкусно, прилично, чисто, какъ требовалъ случай и присутствіе такихъ гостей, какъ напр., графъ Сакенъ. Военные теперь часто посѣщаютъ скитъ, и потому на внѣшнее приличіе не малое требованіе, которое впрочемъ находятъ здѣсь выполняемымъ. Обхожденіе настоятеля съ братіею болѣе братское, чѣмъ начальническое, но безъ фамиліарности. Молодые послушники подъ его надзоромъ, кромѣ пѣнія, упражняются въ письмѣ, катихи-

висѣ, русской грамматикѣ и ариѳметикѣ, а также въ разныхъ послушаніяхъ на кухнѣ и на дворѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей, на все въ обители благопотребныхъ. Вы лично знаете этого строителя, коему сіе имя вполнѣ приличествуетъ.

14 декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 66-е.

Сегодня ожидаютъ сюда генерала Лидерса. Князя Горчакова Государь Императоръ приглашаетъ для чего-то въ С.-Петербургъ; говорятъ, будто-бы по случаю безнадежности здоровья кн. Паскевича, котораго онъ долженъ занять мѣсто. Впрочемъ онъ ѣдетъ, не оставляя совершенно здѣшняго поста.

Войны у насъ нѣтъ. Зима держится, снѣгу прибавилось. Г-жа Хитрова пріѣзжала въ Бакчисарай и соизволила мнѣ оставаться въ Бакчисараѣ до совершеннаго выздоровленія. Очень прискорбно мнѣ, что завтра—въ первый день праздника—не могу прослужить. Кажется для соборнаго служенія пожалуетъ о. архимандритъ, какъ сіе угодно Его Сіятельству.

При Бакчисарайской церкви я состоялъ только двѣ недѣли по 1-е декабря, и получилъ изъ доли второго священника 15 р. сер. Съ полученіемъ приказа о назначеніи духовникомъ Общины я долженъ былъ (какъ уже писалъ о семъ) ѣхать въ Симферополь и потому оставилъ службу при Бакчисарайской церкви, къ которой, въ помощь Паксимаде, командировалъ Лакскаго священника. Между тѣмъ заболѣлъ и опять ни при чемъ. Великая Княгиня, какъ слышу, очень экономна, и доселѣ собираетъ свѣдѣнія, какое я имѣю и имѣлъ довольствіе. Доля моя такова: странствую здѣсь, но ни откуда не получаю жалованья и не имѣю никакой фундаментальной службы. Терпя потерплю Господа, и когда либо внемлетъ моимъ воздыханіямъ.

24-е декабря 1855 года, г. Бакчисарай.

Письмо 67-е.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ прибылъ въ Бакчисарай на второй день праздника. Сегодня съ Кн. Горчаковымъ, говорятъ, поѣхалъ къ Севастополю. кн. Горчаковъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ

31-го декабря. Будетъ ли Лидерсъ главнокомандующимъ или только временнымъ здѣсь начальникомъ, неизвѣстно. Въ первомъ случаѣ ожидаютъ перемѣнъ въ штабѣ и также перевода главной квартиры въ Симферополь. Молва назначаетъ Графа Сакена Генералъ-Губернаторомъ въ Москву.

Дѣйствій никакихъ. Уже два дня снѣгъ таетъ и скоро, кажется, зима скроется отъ насъ.

28-е декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 1-е.

1856 годъ.

1-го генваря весь день шелъ дождь. Съ ночи на 2-е число посыпалъ снѣгъ, задулъ сѣверный вѣтеръ, наступилъ сильный морозъ, и зима вдругъ возвратилась въ самомъ грозномъ видѣ. Теперь вѣтеръ съ мятелью. Вотъ единственная новость послѣ выѣзда кн. Горчакова, который выѣхалъ отсюда 1-го генваря. Въ церкви уже былъ во главѣ Лидерсъ.

Послѣдовала перемѣна въ дняхъ отхода почты. Узнавъ, что сегодня она отходитъ, представляю запоздалую бумагу съ сими нѣсколькими строками.

2-е генваря 1856 г., г. Бакчисарай.

Письмо 2-е.

Сейчасъ слышалъ, что вчера передалось съ нашей стороны непріятелямъ 6-ть человѣкъ, и въ томъ числѣ два унтеръ-офицера, и что будто бы поэтому главнокомандующій остановился съ преднамѣренными на завтра дѣйствіями. Бѣжавшаго одного офицера схватили съ потерею двухъ человѣкъ.

Еще разсказываютъ, что вчерашнимъ огнемъ много очень повреждено зданій въ городѣ и не мало людей. Бѣда отъ враговъ, горе и отъ домашнихъ негодяевъ.

О крестахъ, присланныхъ изъ Москвы, сегодня получу настоящее свѣдѣніе, и завтра буду отвѣчать.

Своихъ крестовъ[1]) ожидаемъ съ терпѣніемъ, тѣмъ паче, что право наше на нихъ не велико. Это милость Ваша, которая всегда будетъ благовременна.

Письмо 3-е.

Имѣя случай, еще приношу вашему высокопреосвященству глубочайщую благодарность за Севастопольское жалованье, на полученіе коего прошу благословенія.

Трудное положеніе исправляющей должность настоятельницы Общины. Не позволено мнѣ быть въ Бакчисараѣ, какъ предполагалъ.

Великая Княгиня очень печется о своей Общинѣ, требуя увѣдомленія о состояніи оной и депешами. Еще шлетъ намъ 10 сестеръ. Командующій запасною арміей проситъ у Ея Высочества сестеръ для госпиталей въ Измаилѣ, Одессѣ, Вознесенскѣ, Перекопѣ и другихъ пунктахъ. Просьбу эту Великая Княгиня желаетъ исполнить: такимъ образомъ древо Живоноснаго Креста еще шире раскинетъ вѣтви свои.

Въ госпиталяхъ Симферопольскихъ изъ 12,500 больныхъ въ сутки умираетъ 140 человѣкъ. Нужно замѣтить, что въ Симферополѣ больныхъ отъ ранъ всего теперь 400 человѣкъ. Итакъ не мечъ, а болѣзни уменьшаютъ теперь армію и уменьшаютъ страшно.

Староста Ергопуло, если немного поощрить его, будетъ полезенъ не для одной Бакчисарайской церкви, но и для скита, въ которомъ уже обѣщалъ устроить Силоамскую купѣль.

16-е февраля 1856 г., г. Симферополь.

Письмо 4-е.

Съ постомъ святымъ имѣю дерзновеніе привѣтствовать ваше высокопреосвященство. И въ сіе душеспасительное время, какъ и во всякое другое, уповаемъ въ Вашихъ Архипастырскихъ молитвахъ обрѣсти всяку благотребну намъ помощь.

---

[1]) Разумѣются бронзовые кресты на Владимірской лентѣ, пожалованные въ память войны 1853—1856 г. всему православному духовенству того времени.

Не утруждаю теперь частыми письмами, не имѣя ничего особеннаго, чтобы довести до свѣдѣнія Вашего.

23-го февраля возвратился я изъ Бакчисарая, куда, равно и на Бельбекъ, ѣздилъ по дѣламъ Общины. Бывши на Бельбекѣ, считалъ непростительнымъ не взглянуть на Севастополь, и видѣлъ его совершенно измѣнившимся по уничтоженіи Николаевской батареи, которая представляетъ длинную гряду одного щебня. Безопасно было смотрѣть теперь на городъ и ходить по берегу Сѣверной (ибо уже было время перемирія), но при очень пасмурной погодѣ мало что можно было разсмотрѣть въ печальной его картинѣ. Памятникъ Казарскому видится цѣлъ. Невредимъ также стоитъ вновь построенный Николаевскій Соборъ. Конечно, это будетъ въ будущемъ Севастополѣ первая церковь, въ которой въ скоромъ времени можно открыть богослуженіе. Наша Петропавловская едва ли удобна будетъ къ возстановленію, особенно по тому стилю, по которому она построена была. Это потребуетъ средствъ, которыя были у Лазарева[1]). Не увезены ли Апостолы (мраморные) въ Парижъ, гдѣ очутились сфинксы, лежавшіе на парадной лѣстницѣ библіотеки? Вывезти ихъ въ послѣднее время я не имѣлъ средствъ, а прежде не могъ предвидѣть того, что случилось съ Севастополемъ. Въ эту же поѣздку я узналъ, (и не хочется вѣрить, пока не увижу собственными глазами), что Инкерманская церковь рукою вражіею приведена въ первобытное печальное ея состояніе.

1-го марта 1856 г., г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Вчера поздно возвратился съ пути. Съ первою почтою представляю рапортъ, а подробнѣйшее описаніе мною видѣннаго въ непріятельской области представлю съ слѣдующею почтой.

О. Архимандритъ Геронтій (Балаклавскій) съ братіею здравствуетъ и проситъ Вашего Архипастырскаго благословенія. Послѣ храмоваго въ монастырѣ праздника онъ будетъ въ Скитѣ,

---

[1]) Возстановлена въ первобытный видъ въ 1891 году строителемъ броненосца „Синопъ“ Володинымъ на его собственныя средства, согласно желанію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

откуда будетъ писать Вамъ обо всемъ. Писать чрезъ руки или чрезъ Штабъ онъ находитъ неудобнымъ. По мнѣнію его, подвергать монастырь очищенію не для чего. Въ монастырскихъ верхнихъ зданіяхъ были больные только полуздоровые для окончательнаго поправленія здоровья, и то въ небольшомъ числѣ. Опасности болѣзненной онъ никакой не видитъ, а затруднительно и опасно оставлять обитель въ руки неизвѣстныхъ жителей.

Непріятели или гости начинаютъ собираться въ дорогу, но только еще начинаютъ. Въ Севастополѣ на развалинахъ вездѣ караулъ. Въ Камышѣ и Балаклавѣ мало суетятся о выступленіи изъ Крыма. Видѣлъ татаръ пріѣзжающихъ въ Балаклаву съ пожитками и слышалъ, что многія семейства изъ деревень Байдарскихъ уходятъ къ своимъ единовѣрцамъ на Востокъ.

Въ Бакчисарайскомъ церковномъ дворѣ, при отнесеніи неправильно искрушенной стѣны и снятіи наносной земли, оказался остатокъ древняго зданія; повидимому, это олтарная часть. Я велѣлъ оставить его до пріѣзда Вашего. О. Накротинъ имѣетъ большіе недостатки и не на мѣстѣ онъ въ Бакчисараѣ, гдѣ злоязычные греки за всѣмъ слѣдятъ. Но Паксимаде, кажется, преувеличиваетъ кое-что по своимъ видамъ.

Вчера главный штабъ прибылъ въ Симферополь и слѣдуетъ въ Одессу.

Когда община наша оставитъ Крымъ, еще нѣтъ отъ Великой Княгини извѣстія. Вѣроятно его привезетъ новая сестра-настоятельница Бакунина, о назначеніи которой сейчасъ получилъ рескриптъ Ея Высочества. Она—сестра нашей же общины. Больныхъ еще до 9-ти тысячъ, и выводятся они въ поле—въ палатки, гдѣ, быть можетъ, и мнѣ придется жить.

Въ Севастополѣ нескоро можно будетъ открыть богослуженіе. Кудаже приставить діакона Подольскаго, если уже слѣдуетъ сюда?

22-е апрѣля 1855 г., г. Симферополь.

Письмо 6-е.

Съ сею же почтою къ Вамъ слѣдуетъ бумага, которою просятъ для меня отпуска въ С.-Петербургъ. Вполнѣ предаюсь въ

семъ случаѣ, какъ и всегда, архипастырской волѣ Вашей, которая, не по заслугамъ моимъ, всегда была о мнѣ благая. Не смѣю и думать, чтобы я, съ моими немощами, оказался тамъ на что либо потребнымъ. Кажется, вся потребность во мнѣ та, что я находился при общинѣ во все время пребыванія оной въ Крыму, и могу быть свидѣтелемъ бывшихъ опытовъ ея. По возвращеніи же сестеръ въ С.-Петербургъ, какъ отчасти извѣстно, великой княгинѣ желательно заняться и окончательною организаціею (изъ лучшихъ сестеръ) своей общины, которая будетъ существовать и въ мирное время или всегда.

За полученіемъ билета, если благоволите отпустить меня, имѣю чрезъ недѣлю самъ явиться въ Одессу... Ѣду съ докторомъ общины Тарасовымъ, который имѣетъ надобность быть въ штабѣ главнокомандующаго и также возвращается въ Петербургъ, и нашъ путь избранъ чрезъ Кіевъ. Если благословите и меня въ путь сей, имѣю случай утѣшиться и скорымъ свиданіемъ съ семействомъ.

9 іюня былъ на сѣверной сторонѣ Севастополя, куда провожали тѣло покойной Хитрово для отправленія на пароходѣ въ Одессу. Опять обращался къ г. коменданту контръ-адмиралу Бартеневу, прося его согласія и распоряженія на водвореніе тамъ нашего духовенства. Онъ отвѣчалъ, что пока нѣтъ никакого распоряженія о водвореніи самихъ жителей, что гражданской власти здѣсь никакой нѣтъ, что для гарнизона есть іеромонахъ Лаврентій, который исполняетъ требы, какія случатся, что пока не будетъ чего-либо фундаментальнаго, положительнаго распоряженія отъ правительства о водвореніи севастопольцевъ, дотолѣ было бы излишне хлопотать о церкви и опредѣленномъ приходѣ. Мы сами, говоритъ онъ, не знаемъ, что мы здѣсь хозяева или нѣтъ. И я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ г. коменданта. Новая колонія состоитъ изъ ряда балагановъ, въ которыхъ торгуютъ мелкіе торгаши (большая часть караимовъ). Изъ настоящихъ гражданъ Севастопольскихъ никто не возвращается еще. По ту и другую сторону балагановъ въ землянкахъ водворяются семейства нижнихъ чиновъ морского вѣдомства, которые въ свою очередь ведутъ и торговлю. Это не

наши прихожане; по крайней мѣрѣ мы не можемъ объявить на нихъ права, безъ распоряженія отъ начальства. Занятій для священника есть и довольно, ибо довольно бываетъ и требъ, требующихъ метрическаго акта, но необхимо прежде удалить, можетъ быть, іеромонаха, чтобы не вышло какого либо соперничества и, можетъ быть, соблазна. Діаконъ Подольскій живетъ въ Бакчисараѣ; тамъ же дьячки, въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія. Но въ севастопольскомъ причтѣ, кажется, нѣтъ священника. Отецъ Михаилъ хвалился мнѣ, что сыну его разрѣшено оставаться въ Симферополѣ.

Бывши на Сѣверной, я побывалъ въ монастырѣ балаклавскомъ. Отецъ Геронтій съ братіей здравствуетъ. При мнѣ пригнали 20 лошадей, подаренныхъ монастырю французами. Уже не много осталось французовъ и англичанъ на нашей землѣ, но довольно еще складовъ, съ которыми не такъ скоро можно убраться. Въ гостинницѣ монастырской и въ самомъ монастырѣ есть еще чужіе пожильцы.

Въ Карани уже поселились наши греки.

Исправленіе моей должности ближе поручить о. Родіонову, но можно и о. Пансимадзе.

Я не писалъ вамъ съ пароходомъ, отходившимъ изъ Севастополя, полагая, что вы уже на пути къ намъ. Но пріѣхавши въ Симферополь, узналъ, что болѣзнь удержала васъ отъ путешествія, давно нами ожидаемаго.

17 іюня 1856 г., г. Севастополь.

Послѣсловіе.

Несмотря на опасность положенія отъ скопленія множества больныхъ въ госпиталяхъ и развитія тифа, автору писемъ пришлось оставаться въ Симферополѣ еще два мѣсяца, и только въ половинѣ августа могъ онъ выѣхать, вмѣстѣ съ общиной, въ Петербургъ чрезъ Кіевъ и Москву, куда призывался весь составъ Крестовоздвиженской общины съ начальницей ея Бакуниной, духовникомъ и съ старшимъ врачемъ Тарасовымъ. Путешествіе это дало ему возможность свидѣться съ своимъ

семействомъ послѣ трехлѣтней разлуки. Въ Москвѣ милостиво принятый Ея Высочествомъ, великой княгиней Еленой Павловной, и преосвященнымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, бывшимъ здѣсь по случаю коронаціи Императора Александра II-го, авторъ писемъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ вел. княгиней, 28 августа, Государю Императору, посѣтившему ее въ этотъ день по случаю годовщины кончины ея супруга, в. князя Михаила Павловича. При этомъ Его И. Величеству благоугодно было обратиться къ представляемому о. протоіерею съ словами: „вы изъ Севастополя; вы были тамъ все время осады до конца. Это было вчера". Послѣднія слова произнесены Его Величествомъ съ грустью и наклоненіемъ головы.

По прибытіи Общины въ С.-Петербургъ великая княгиня выразила было ея духовнику желаніе свое содѣйствовать опредѣленію его къ одной изъ столичныхъ церквей; послѣдуя совѣту высокопреосвященнаго Иннокентія, онъ просилъ Ея Высочество предоставить ему возвратиться въ вѣдомство своего архипастыря. Соизволивъ на это, вел. княгиня выразила къ нему благоволеніе своимъ Высочайшимъ рескриптомъ на его имя, съ выраженіемъ „благодарности за достойное и примѣрное исполненіе обязанностей духовника Общины"; при этомъ пожаловала ему большую серебряную медаль, установленную „въ память милосерднаго служенія страждующей братіи" и повелѣла отпускать ежегодно изъ своей придворной конторы по 250 руб. на приготовленіе двухъ старшихъ его сыновей въ учебныя заведенія и выдать денежное пособіе на возвращеніе изъ Петербурга.

По прибытіи въ Одессу съ семействомъ въ концѣ сентября 1856 г., авторъ писемъ состоялъ сначала на священнической вакансіи при Одесской Срѣтенской церкви, спустя годъ опредѣленъ законоучителемъ Ришельевской гимназіи и ключаремъ каѳедральнаго собора, а съ 1873 года состоитъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ томъ же соборѣ. Ко дню коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, 14 минувшаго мая, удостоенъ награжденія орденомъ 1-й степени св. Анны.

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

VIII.

Мармута, Штепа и Сезоненко, узнавъ, что жалобы о немалыхъ бояхъ, имъ причиненныхъ, отложены въ долгій ящикъ, прибыли въ Глуховъ къ началу мая, и давай обивать канцелярскіе пороги. Послѣ долговременныхъ хлопотъ и немалыхъ посулъ, доношенія ихъ, поданныя въ декабрѣ 1754 г., отправились теперь при ордерѣ въ войсковой генеральный судъ на разсмотрѣніе. Въ эту пору было только двое судей: Оболонскій и Петръ Горленко; а Д. Требинскій поспѣшилъ заявить, что г. Оболонскій находится въ тяжбѣ и ссорѣ съ нимъ. Поэтому доношенія не разсматривались. Мармута же сталъ скупенекъ на подачки, онъ на сухую началъ совершать хожденія къ судейскимъ крючкотворамъ, и они ему всякій разъ говорили одно и тоже: нужно пообождать до полнаго состава гг. судей. Но вотъ Мармута пронюхалъ какъ—то, что на дняхъ будетъ разбираться дѣло глинскаго сотника Крыжановскаго съ грекомъ Маргаритомъ. Онъ метнулся туда и сюда,—и нѣкій крючокъ, задобренный рублемъ, на ушко шепнулъ ему, что генеральная войсковая канцелярія для разсмотрѣнія того дѣла назначила судей. Тогда Мармута, Штепа и Сезоненко подали всепокорнѣйшее доношеніе въ генеральную канцелярію: „Мы нижайшіе

[1]) См. „Кіевск Стар.“ 2896 г., № 6.

извѣстились, что по дѣлу сотника глинскаго Крыжановскаго съ грекомъ Маргаритомъ велѣно присутствовать съ бунчук. товарищемъ П. Г—енко бунчук. товарищомъ Ив. Діаковскому и Ив. Туранскому; а воръ и разбойникъ Ив. Требинскій, опасаясь за свое злодѣйство, съ пути прошлаго генваря безвѣстно въ чужое государство бѣжалъ, а на оному Ивану Тр—скому нашей претенсіи состоитъ до нѣсколько сотъ рублей; того ради генеральной войсковой канцеляріи просимъ, оное дѣло наше рѣшить; а оставшійся по немъ хуторъ повелѣть арестовать и сотенному горошинскому правленію въ смотрѣніе отдать,—далѣе намъ нижайшимъ за поворованніе онымъ воромъ наши имущества и немалые бои было съ чего съ удоволствомъ нашимъ по рѣшенію того нашего дѣла получать: ибо таковіе отъ воровъ, низбегшихъ зъ россійскаго государства въ чужое, оставшіеся добра слѣдуютъ въ отдачу обидимымъ". Генеральная канцелярія, принявъ во вниманіе это доношеніе, повелѣла, дабы по дѣлу Мармуты имѣли присутствіе означенные бунчуковые товарищи. Но Ив. Туранскій немедленно же, 29 мая, изъяснилъ генеральной канцеляріи: „понеже бунч. тов. Д. Требинскій мнѣ доводится въ свойствѣ такомъ, что жена его зъ моею женою двоюродные сестри, зачѣмъ мнѣ по иску казаковъ Мармуты, Штепы и Сезоненка присутствовать не доводится,—того ради прошу въ судъ генеральный по вышеписанному дѣлу опредѣлить на мѣсто меня кого другого". Въ генеральной канцеляріи почли заявленіе Туранскаго резоннымъ и возрадовались, что еще будутъ имѣть возможность погрѣть руки въ карманахъ Мармуты. Съ назначеніемъ третьяго судьи не торопились. Каждое канцелярское колесо выжидало подмазки, по совершеніи которой, генеральные колеса завертывались—и третьимъ судьей въ концѣ іюня назначенъ Илья Марковичъ.

На этотъ разъ Данилу Тр—му не удалось остановить дѣла Мармуты: судьями оказались лица, не бывшіе съ Даниломъ въ пріятельскихъ или родственныхъ отношеніяхъ.

Пятаго іюля генеральный судъ послалъ въ генеральн. канцелярію доношеніе: 1, дабы генерал-маіора Хорвата запросить

о томъ, гдѣ находится нынѣ Иванъ Тр—скій—въ бѣгахъ или при своей командѣ, и что отъ Хорвата въ отвѣтъ сообщено будетъ—генеральному суду дано бы знать; 2, что же на Ивану Тр—му означенніе претензіи показаны и въ разбои оговоренъ, а паче, что избѣгъ въ чужое государство,—то судъ генеральный опись оному имѣнію утекшаго и отборъ з подъ владѣнія братовъ, а отдачу въ сторонній добрый присмотръ по своему мнѣнію присуждаетъ, чтобы иногда оное растеряно быть не могло". Въ первой же половинѣ іюля послали запросъ г. Хорвату, а въ полковую лубенскую канцелярію указъ объ арестованіи имѣнія Ивана Тр—скаго.

Достигши такихъ результатовъ и изрядно угостивъ канцелярскую братію, Мармута пустился безъ оглядки домой. Поспѣшая въ Каневцы, то и дѣло хватался онъ за свои карманы и только вздыхалъ; но утѣшалъ себя мыслію, что потраченное возвратится къ нему сторицею; претензію свою онъ получилъ съ имѣнія Ивана Тр—скаго, а пока что—отдохнетъ дома послѣ всего того, что претерпѣлъ въ Глуховѣ. Но ему скоро пришлось побывать тамъ, откуда такъ ретиво бѣжалъ.

IX.

Прибывъ домой, Мармута обрадовалъ домочадцевъ тѣмъ, что *претензію* свою онъ получилъ съ имѣнія Ив. Тр—го. На радостяхъ Мармута и его присные сосчитывали и соображали, какіе доходы могутъ быть съ хутора Иржавскаго, какое есть тамъ имущество и сколько его. На радостяхъ Мармута собралъ къ себѣ знакомыхъ и родныхъ и задалъ пирушку.

Угощаясь медомъ и виномъ заморскимъ, варенымъ и жаренымъ, веселые гости похваляли хозяина, что нашелся хотя одинъ казакъ—онъ Михайло Семеновичъ, который наложилъ руку на хуторъ Требинскихъ.

— Зачепывъ бы Данило Требиньскій мене, такъ я ще не те зробывъ!—произнесъ ктото изъ застольной компаніи.

— А щобъ ты зробывъ? спросилъ Мармута, подбоченясь. Хочетьця мини знать, щобъ це ты зробывъ? важно продолжалъ Мармута.

— Щобъ зробывъ.

— Эге!

— Знавъ бы, що зробывъ!—послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтилъ смѣльчакъ.

Веселая компанія захохотала.

— А воно таки тому Данилу Требиньскому щось треба зробыты!—возвысилъ голосъ Степанъ Кочерга.

— Будемо робыты! Будемо братцы—подхватили другіе.

— Утнемо таку штуку, що мабуть и не снилось и не снитеметьця! Зробымо таке, що Данило Требиньскій не сподивавсь и не сподыватиметьця!—ораторствовали охмелѣвшіе казацкіе головы.

— Кожній напише свою претенсію, та скинемось, братци, по копи грошей, и воно у суди дило наше буде доладу та доскладу—ось що!—сказалъ Кочерга.

— Якъ скинутьця, то й скинемось! Аби-бъ дило було!—сказали многіе.

— Буде, буде!—возопилъ Кочерга.

— Щожъ воно буде?—спросили нѣкоторые.

— Тежъ саме буде, що Иванови: опишемо худобу Данилову тай подилымось! Кожный яку обиду мае, та и визьме свою часть!

И занялись раздѣленіемъ имущества Данила Требинскаго. Распредѣливъ между собою плеховскія и оржицкія поля, садки, гайки, оставили пока недѣленными болото съ осокой и камышемъ, да ставокъ съ мельницей. Вопросъ о болотѣ разрѣшили сразу: этотъ предметъ былъ предоставленъ Якиму Рудьку, который не принималъ участія въ разбираніи добра Требинскихъ и былъ всецѣло преданъ Хмельницкому—то и дѣло тянулъ онъ поставецъ за поставцемъ.

— А що, Якиме, визьмешь соби оту мистину, де очерету та осоки такои богацько?

— Добре! И за це спасиби!—отозвался Якимъ.

— А може якъ раздывысся, та тоди скажешь: казнащо далы—самый очеретъ, та чаполочъ, та осоку!

Якимъ не слушалъ рѣчи, онъ занятъ былъ поставцями.

— Чы чуешь, Якиме? Чы не будешь жалкувать, що чапалочъ та осока?..

— Та часомъ и того нигдѣ взяты! Нехай буде вже такъ! сказалъ Якимъ, махнувъ рукой.

Заходили и зазвенѣли чарки по рукамъ: то поздравляли Якима съ пріобрѣтеніемъ болота въ вѣчное и потомственное владѣніе.

— Спасыби, добре люде! Спасыби! Часомъ и того нигдѣ взяты!—прыговаривалъ Якимъ, усердно выпивая и расправляя свои усы.

Порѣшивъ съ болотомъ, принялись за мельницу и ставокъ, теперь уже не поладили; всякому, кромѣ Якима, хотѣлось завладѣть этими предметами. Возникъ жаркій споръ: шумѣли, кричали, чокались чарками, цѣловались, уговаривали другъ друга пойти на уступку млынка и ставка. Даже Ст. Кочерга, получившій хорошую часть—тоже ставокъ съ мельницей—и тотъ горячился и спорилъ: ему хотѣлось заграбастать и эти спорные предметы. Упрекая Кочергу, къ согласію не приходили; тогда обратились къ Якиму Рудьку.

— Хочь бы ще ты Якиме, що разумне сказавъ!

— Бо й казатыму! Чому не казать!—пробормоталъ Якимъ.

Честная компанія настроилась слушать, что Якимъ будетъ казать—говорить, онъ не заставилъ себя долго ждать,—наполнилъ чарку, расправилъ усы, поднялся и сказалъ: „На здоровье добри люди, хозяину, хозяйци и диткамъ! Хай соби шануютьця въ добри та щасти! Щобъ у ихъ було горилки и меду стильки, скильки у тому ставку воды! Щобъ у ихъ муки було стильки, скильки перемололось зерна у тому млыни! А за той ставокъ та за той млынокъ помиркуете, люде добри, уранци натощакъ!“

— Оце добра ричъ!—воскликнула застольная компанія. „И справди, порадымось, братьци, у раньци!“ И стали чокаться за здоровье хозяевъ да похвалять Якима за его рѣчь.

— Якимъ якъ скаже, такъ якъ сокирою уруба! говорили.

Главнымъ образомъ восхищались тѣмъ, что онъ пожелалъ. Мармутѣ *горілки* цѣлый ставокъ; и желая хозяину такое множество—выпивали.

Пѣнился медъ, звенѣли чарки: то увлеченные рѣчью Якима частувались съ разными присказками; причемъ нѣкоторые остряки не преминули пройти и на счетъ Требинскихъ.

— Погладьмо дорогу и Данилу Требиньскому! говорили.

— Та и Ивану Требиньскому, де винъ тамъ, сердега, блукае, нехай икнетьця! раздалось за столомъ.

— Та тільки нехай не вертаетьця! подсказали.

— Оттакъ якъ не вернетьця оця чарка, що пиде у горло, такъ и ему не вертатысь!—сказалъ Кочерга.

Съ его пожеланіемъ согласились всѣ и осушили чарки за *невертання* Ивана. Въ тотъ самый моментъ взлетѣлъ въ хату Сезоненко.

— Хлибъ, силь добримъ людямъ, а гостю чарка горилки! Иванъ Требиньскій, братци, объявився!—сразу ляпнулъ Сезоненко. При этихъ словахъ всѣ пришли въ ужасъ: у иныхъ чарки выпали изъ рукъ, у иныхъ чарки такъ и остались возлѣ ртовъ, нѣкоторые ощупывали бока, какъ бы намѣреваясь вооружиться. Сезоненко, желая успокоить публику, только подбавилъ жару: „кажу що Иванъ Требиньскій объявився... ось я бачывъ...

— Де?,.. Що?... Якъ?... Видкеля?... — засыпала его вопросами изумленная и оторопѣвшая публика.

— Та чого бо вы полякалысь? Ничого тутъ страшного нема! Ось, мерщій, давайте перше чарыну, та я усе раскажу!— проговорилъ Сезоненко.

Ему поднесли нѣсколько чарокъ, онъ выпилъ залпомъ три и наполнилъ ротъ жаренымъ. Между тѣмъ изумленная компанія то и дѣло возглашала: „Дежъ бо це винъ узявсь?... Якъ же бъ то це винъ проявывсь?...

Подкрѣпившись, Сезоненко началъ разсказывать о проявленіи Ивана Тр—скаго.

Ѣздилъ это онъ, Сезоненко, въ Кременчугъ и тамъ видѣлъ тѣхъ гусаръ, которые отвели Ивана Тр—го къ Хорвату; а Хор-

ватъ посадилъ его въ желѣзахъ подъ стражу; словили Ивана съ какою то бабою въ Славяносербіи.

— Легкый на спомынкы! Ось бачъ де винъ блукавъ! А мы ось казалы, що винъ не вернетьця въ цю сторону!—сказали Сезоненку и пошли острить надъ уловленнымъ.

— Мабуть, бабу ту десь укравъ! Бо винъ бере, що подвернетця пидъ руку, а перше жинокъ, бисивъ синъ не мына!

— А тымъ часомъ сыдыть у зализахъ!...—сказали другіе.

— Та шануеться зъ бабою!...—добавилъ ктото.

— Мабуть биля бабы дуже забарывся, що не счувсь, якъ ёго злапалы!—говорили.

— А то бъ утикъ: бо винъ швидкій, и якъ не переливки, такъ заразъ навтикача!—объяснилъ Штепа.

Вѣсть о поимкѣ Ивана Тр—го привела Мармуту въ такой восторгъ, что ему представлялось, какъ это гусарина бубутъ вести въ Глуховъ, а онъ, Мармута, заберетъ имущество его. Дабы это поскорѣе совершилось, Мармута вознамѣрился сбѣгать въ Глуховъ.

— Якъ я оце поиду у Глухивъ, та объявлю, що Иванъ Требиньскій піймався, такъ его скоришь вытребують, та дило мое кончуть; тоди вже побачите, братци, якъ я настояще буду хозяйствовати въ Иржавскимъ хутори.

Такъ фантазировалъ Михайло Семеновичъ, а гости его и послащивали ему.

— Теперички замисть бабы та Михайло Семеновичъ буде шакувать Требиньскаго Ивана! Буде винъ згадувать те шанування по викъ свій!—говорили.

— Спасыби, добре люде! Спасыби!—отвѣчалъ самодовольно Михайло Степановичъ.

Съ такими словами Мармута и выпровожалъ своихъ гостей, которые, въ свою очередь, обѣщались задать и Данилу Требинскому. Здѣсь на прощаньи они еще разъ условились завтра-же *порадиться* насчетъ Данила. Но это желаніе, возникшее въ хмѣльныхъ головахъ, вмѣстѣ съ хмѣлемъ и испарилось: проспавшись, каждый поспѣшилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ и выжидалъ, что къ нему прійдутъ на раду, а главное—у каж-

даго не хватало охоты скинуться по копи грошей. Такъ рада насчетъ Данила и не состоялась. Зато Мармута что задумалъ съ вечера, то и осуществилъ утромъ.

X.

Выпроводивъ гостей, Мармута выспался хорошенько; едва блеснула утренняя зорька, онъ былъ уже на ногахъ, суетился, полѣзъ въ скрыню—досталъ оттуда нѣсколько серебряныхъ рублей на всякій случай—для большаго успѣха, и поѣхалъ на своихъ пѣгихъ.

Въ Глуховѣ немало удивились появленію Михайла Степановича, пріятно улыбались ему и вопрошали, чтобы такое такъ скоро пригнало его сюда; и просилъ сдѣлать все такое, чтобы поскорѣе сюда привели Ивана Тр—го да уже и рѣшили бы его дѣло. Канцелярскіе служаки посовѣтовали Мармутѣ обратиться съ такою просьбою къ генеральному обозному. Мармута сейчасъ же и проникъ, куда ему указали. Обозный любезно принялъ просителя и далъ слово сдѣлать все къ удовольствію его.

Низенько поклонившись Кочубею, Мармута весь сіяющій забѣжалъ въ генер. канцелярію и повѣдалъ о явкѣ къ обозному. Господа канцелярскіе, слушая рѣчи Мармуты, потирали руки въ ожиданіи предстоящаго удовольствія, какое за добрый совѣтъ онъ долженъ былъ доставить имъ.

Изъ присутственныхъ мѣстъ шествовалъ Михайло Семеновичъ въ сопровожденіи канцелярской ораторіи, которую въ надлежащемъ мѣстѣ угостилъ. Во время угощенія ему сказали, что за добрый совѣтъ слѣдуетъ еще завтра и дорожку погладить. Михайло Семен., хотя и далъ слово, но дорожки завтра не гладили,—это глаженье комомъ сидѣло въ карманахъ его. Раненько утромъ, ни свѣтъ, ни заря, Мармута утрясся изъ Глухова.

Генеральный обозный Кочубей исполнилъ, что обѣщалъ. Немедленно же онъ послалъ Хорвату письмо, чтобы прислать Ивана Требинскаго въ генеральный судъ.

Хорватъ 30 іюня увѣдомилъ „высокоблагороднаго“ обознаго, что „23 іюня Иванъ Требинскій сысканъ и по оказавшемуся *важному дѣлу* содержится заклепанъ въ ножныхъ кандалахъ подъ карауломъ; когда же по тому дѣлу дѣло надъ нимъ окончится, тогда вамъ дано знать будетъ, о чемъ во извѣстіе вамъ объявляю“.

Какимъ же способомъ поймалась въ клѣтку такая важная птица залетная, съ которою не справились Рубанъ съ командою и капралъ съ гусарами? Эту птицу попутало влеченіе къ чутовской красавицѣ.

XI.

Почти всѣ молодыя бабы, обитавшія въ Иржанскомъ хуторѣ, плачивали дань державцу своему—гусарину Ивану. Кромѣ этихъ разнообразныхъ и случайныхъ жертвъ, у Ивана Тр—го была любовница—нѣкая Ганнуся, кіевская торговка, которую онъ привезъ къ себѣ вскорѣ послѣ водворенія своего въ Чутовкѣ. Ганнуся пользовалась особеннымъ его вниманіемъ. Это была забористая молодка: черноокая, дородная—она имѣла изящныя формы, роскошные черные волосы и замѣчательной бѣлизны тѣло.

Намѣреваясь предаться бѣгству въ польскую область, Иванъ Тр—скій сожалѣлъ, что такой лакомый кусочекъ остается, такъ сказать, на произволъ судьбы и, пожалуй, попадетъ въ чьи-либо руки; потому строго наказывалъ Ганнусѣ никуда не отлучаться и дожидаться его.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а гусаринъ Иванъ не возвращался въ свой хуторъ: въ новомъ мѣстѣ, съ новыми людьми—удалыми польскими шляхтичами ему жилось хорошо; да и нужно было подольше здѣсь въ Польшѣ погулять, чтобы хотя немного поистерлись слѣды разбоя, учиненнаго въ Канеццахъ. Но вотъ у Ивана явилось страстное желаніе позабавиться Ганнусей; по ней ему даже взгрустилось. Она, думалъ онъ, ждетъ его и скучаетъ за нимъ. Ктому же хотѣлось узнать и объ обстоятельствахъ своего дѣла.

Къ путешествію въ Чутовку, весьма небезопасному, Иванъ Тр—скій приготовился надлежаще: досталъ себѣ лихого скакуна, облекся въ польскій кунтушъ, обрѣзалъ косу, подкрасилъ волосы и запасся паспортомъ на имя нѣкоего шляхтича Людвика Гудзиньскаго. Преобразившись такимъ образомъ, Иванъ Тр—скій пустился въ путь. На вторые сутки Людвикъ уже близился къ Чутовкѣ; разсчитывалъ онъ прибыть туда ночью, и потому на день залегъ въ лѣсу. Какъ только солнце стало спускаться за горизонтъ, Людвикъ выпорхнулъ на опушку лѣса и остановился, и въ суровыхъ очахъ его свѣтился восторгъ. Тамъ впереди раскинулись долы и холмы, они были объяты свѣтло-голубой мглой и алѣли въ лучахъ заходящаго свѣтила; но не видъ ихъ занималъ Ивана, не понимавшаго красотъ природы: онъ отыскивалъ ту ближайшую точку, достигнувъ которой можно было узрѣть хуторъ Иржавскій; онъ восхищался тѣмъ, что вотъ только вспрыгнетъ туда—на тотъ холмикъ, такъ сразу и очутится въ объятіяхъ роскошной Ганнуси; и при мысли объ этихъ объятіяхъ въ горячей натурѣ Ивана заклокотала кровь, заклокотали страсти,—онъ рванулся впередъ, какъ тигръ, и полетѣлъ стрѣлой къ намѣченной точкѣ.

Уже потухли послѣдніе солнечные лучи, долы и холмы потонули въ тьмѣ ночной, уже водворилась въ нихъ тишина, а Людвикъ все вихремъ летѣлъ на лихомъ конѣ и болѣе и болѣе воспламенялся, воображая, какъ онъ будетъ утопать въ объятіяхъ черноокой пышной Ганны, будетъ наслаждаться прелестями ея. Наконецъ онъ достигъ до желаннаго холма, птицей взлетѣлъ на вершину его, остановился и сталъ прислушиваться: изъ хутора доносился лай собакъ, да гдѣто прокричалъ филинъ. Крикъ его покоробилъ Ивана, ему чудилось, будто мертвецъ стоналъ и звалъ его къ себѣ. Тѣмъ скорѣе, дабы заглушить такое непріятное чувство, Людвикъ пришпорилъ коня, хотѣлось поскорѣе добраться до Ганны. Она покоится въ безмятежномъ снѣ, а быть можетъ, кохается съ кѣмъ нибудь—подумалъ Иванъ. Но эта мысль только промелькнула въ головѣ Ивана—и сразу улетучилась.

Обогнувъ уголъ усадьбы, Иванъ подъѣхалъ къ воротамъ; оказалось, что ворота и калитка заперты; вскорѣ оказалось, что и входы въ домъ заперты; онъ—къ окнамъ, и окна заколочены! Онъ обезумѣлъ и началъ метаться по двору; людская хата, конюшня, сараи, амбаръ—все было затворено и заперто. Разъяренный вскочилъ онъ на коня, надѣясь узрѣть Ганну въ Плеховѣ. При выѣздѣ изъ хутора на встрѣчу ему попался какой-то человѣкъ; этотъ человѣкъ окликнулъ: кто ѣдетъ? Верховецъ отвѣтилъ, что это ѣдетъ панъ Людвикъ—шляхтичъ польскій; и оба начали перекидываться словами.

— Чого жъ бо то панъ у таке времня издыть? И до кого бъ то?—спросилъ человѣкъ.

— А до Ивана Требиньскаго дѣло маю. Та штось и фортка и ворота заперты, та и въ дворѣ штось никого не видно! отвѣтилъ панъ Людвикъ.

— Бо тамечки нима никого, хиба сторожъ е!—сказалъ человѣкъ.

— А дежъ Иванъ Требиньскій?

— А хто его зна! Кажуть, що у Кыивъ поихавъ лисъ купувать—чи що!..—объяснилъ осторожный мужикъ; онъ, щадя свого пана, опасался незнакомцу открыть истину, что его панъ въ бѣгахъ. Людвикъ между тѣмъ подъѣхалъ ближе и распозналъ, что это говорилъ съ нимъ его вѣрный служитель Степанъ Лобода.

— Це ты Степане!

— Эге! произнесъ въ недоуменіи Степанъ и присмотрѣвшись попристальнѣе—узналъ своего пана.

— Та це вы, мій пане:

— Онъ самой!..

— Видкиля жъ це вы?

— А ты менѣ скажи, де Ганна дѣлася?

— Яка бъ це то Ганна?

— Та моя жъ Ганна!

— Давно нема!—сказалъ Степанъ, махнувъ рукой.

— Гдѣжъ она? Куда она проклята утряслася?

— А хто іи зна!.. Кажуть би то... а тимъ часомъ... И замялся Степанъ.

— Та штожъ тамъ кажуть.. Хтожъ кажуть? горячась, воскликнулъ Иванъ.

— Та кажутъ люде, буцимъ то Миколай Петровичь іи узявъ!

— Какой Миколай Петровичъ? съ изумленіемъ спросилъ Иванъ.

— Значитьця, братець ваши!

— Братъ мой?

— Эге... кажуть... а чи справди воно такъ...

— Та што все кажуть та кажуть, а ты-жъ де былъ? горячился Иванъ.

— Я не бачывъ!

— Чево не бачивъ?

— Бо издывъ на ярмарокъ.

— Када жъ это било?

— Издивъ я, значитьця, на ярмарокъ заразъ писля заговинъ. Якъ це ихавъ, такъ Ганна ще була, а якъ пріихавъ— не було вже іи!—размахивая руками, объяснялъ Степанъ, который, вслѣдствіе такого допытыванья, уже не радъ былъ и самой встрѣчѣ со своимъ паномъ.

— Какъ же онъ узялъ еи?—пилилъ панъ своего служителя.

— Та Бигъ его Святый зна, кажу! Мабуть, що вона зъ нимъ поихала—чутка така иде.

— Та штожъ, нихто не видѣлъ, какъ она поѣхала?

— Эгъ-жъ, значитьця, що такъ: чи винъ визъ іи, чи вона сама ихала, цего нихто не бачывъ, и я не бачывъ; ничого тутечки таитысь: якъ не бачивъ—то й не бачывъ!—базиковалъ Степанъ, радуясь, что разговоръ объ этомъ предметѣ пришелъ къ концу.

Иванъ Тр—скій началъ ругаться и высказывать сожалѣніе объ исчезновеніи Ганны.

— Та чого жъ бо то журытысь? Хиба вже и кращихъ нема? Сюды—туды майнутысь—знайдутьця!—утѣшалъ Степанъ.

Кажуть, у Кіиви такихъ жинокъ добиса е, кажуть, усякыхъ—и ляхивокъ, и жидивокъ, и нимокъ; та таки, кажуть, жартовливи!—поддразнивалъ Степанъ своего пана, по простоватости своей не сообразивъ, что такія вещи опасно говорить этому пану.

Дѣйствительно, Иванъ Тр—скій, слушая такія разглагольствованія, сталъ помышлять о Приськѣ—женѣ Степана.

— Та штожъ ми тутъ балакаемъ? Може хто подслухае?—сказалъ панъ.

— Адмежъ и я кажу, чого це мы туточка балакаемо! Эге...—возразилъ Степанъ и замолкъ, смекнувъ, къ чему клонились сіи вопросы: ему не хотѣлось бы пускать волка до хаты, ему припомнились „жартованнія“ пановы съ его жинкою; и онъ сталъ заговаривать о предметѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ его хатою и жинкою.

— Та воно, бачите, Данило Петровичъ кажну недилю чы подвійчи—чи потрійчи пріиздять и тутечки, значитьця, доладу все призводять.

— Такъ штожъ што доладу? перебилъ его Требинскій.

— Эге,—продолжалъ Степанъ,—такъ воно, значитьця, воны приставили трехъ чоловика—двохъ за стороживъ, а едного за прикажчика; воны десь тамъ. Ось заразъ я ихъ пошукаю.

— На што тамъ шукать? Я вже самъ шукалъ—и у дворѣ нема никаво...

— Та кудысь, мабуть, позаходили! Отъ якъ воны стережуть паньске добро!—говорилъ Степанъ, желая сосредоточить вниманіе пана на сторожахъ и прикащикѣ.

— Та тамъ и стерегти нечево... А вотъ пайдемъ до тебѣ, менѣ надобно отпочинуть якой часъ! — рѣшительно сказалъ Требинскій.

Услыша такое, Степанъ обмеръ отъ страха.

— Эге...—совершенно машинально произнесъ онъ и побѣжалъ.

Запыхавшись влетѣлъ Степанъ въ хату и возопилъ: „Ой жинко! Утикай мерщій... нашъ панъ ось... тутечки...

— Ой лихо!—воскликнула Приська, словно громомъ оглушенная, и метнулась къ дверямъ, подбирая и подвязывая запаску; въ дверяхъ она наткнулась на Требинскаго. А онъ схватилъ въ свои лапы всю Приську цѣликомъ. Приська пищала и извивалась въ его желѣзныхъ рукахъ; онъ же вполнѣ безцеремонно любезничалъ съ нею, приговаривая: „Здорова била, Приська! Видишь, я до тебѣ въ гости заѣхалъ, душа моя, серце мое!

Степанъ въ оцѣпененіи стоялъ, понуривъ голову, и только изподлобья поглядывалъ на эту сцену да почесывалъ въ затылкѣ; онъ думалъ про себя: „що то воно зъ того вийде?.. Оце... отъ тоби якъ... и де воно у биси узялось!“... И наконецъ осмѣлился сказать гостю: „Мы и не сподивались оце теперечки бачыты васъ, паночку! Тай не маемо, чимъ угощаты васъ!

— Тай не знаемо, чого бъ душа ваша забажала!—подхватила Приська.

— Отто дурни!—сказалъ гость, зазирая въ очи своей душкѣ; и обратившись къ степану промолвилъ: „На што мене твое угощеніе! Пайди лошадь маю пасматри та ѣсть ей палажи!“ Не обращая затѣмъ вниманія на Степана, гость сталъ пуще прежняго приставать къ Приськѣ, которая не могла освободиться изъ объятій и только приговаривала: „Пустыть же мене, паночку! Пустить, родненькій!“

Наконецъ, подскочилъ Степанъ, ухватился за трепетавшую въ рукахъ Ивана Приську и сталъ ублажать Ивана: „Паночку мій голубчику! Ось посьтривайте трошечки!

— Чево ты лѣзешь?—зарычалъ разъяренный Иванъ, сверкнувъ глазами и полуобнаживъ саблю. „Пошелъ изъ хаты, када голову хочешь имѣть цѣлу!“

Степанъ моментально исчезъ изъ хаты. Тогда Приська настояще уже заголосила: „Панечку—голубчику! Ой, пустить же мене... хочь... дыхнуть трошки... Пустить...

— Отъ я тебѣ какъ махну саблею голову, такъ ты и совсѣмъ дыхать не будешь, чортовая баба!—зарычалъ панъ и такъ устрашилъ бабу, что она сразу замолкла. Степанъ уже въ хату не рѣшался войти. Сначала онъ было притаился въ сѣняхъ, а потомъ выскочилъ изъ сѣней и хотѣлъ побѣжать по сосѣдямъ;

но сообразилъ, что то будетъ напрасная и опасная тревога: сосѣди—люди собранные Иваномъ Тр—скимъ съ разныхъ концовъ свѣта и преданы ему душой и тѣломъ; наконецъ, если появленіе Ивана Тр—скаго получитъ огласку и онъ попадетъ подъ арестъ, то братья Данило и Николай съ грунта выгонятъ его, Степана, или убьютъ его. Такъ раздумывалъ Степанъ и все только бѣгалъ взадъ и впередъ возлѣ хаты, ломая руки, хватаясь за голову. Наконецъ, ему въ голову пришла интересная мысль; съ нею онъ метнулся въ хату и восликнулъ: „братци, гукъ такій великій... Объіздні неначе!“...

Пана Ивана какъ иглой кольнуло, онъ вылетѣлъ изъ хаты.

— Коня менѣ!.. Да ты брешешь, гдѣ тотъ гукъ? Никакова гука нема!

— Та то, мабуть, вони притаились, або-що!.. Прислухаютьця, кажить; бо кожну ничъ вони тутечки шастають.

Взявъ во вниманіе эту рѣчь, гость потихоньку выѣхалъ содвора и вѣдомой ему глухой тропой пустился безъ оглядки въ Плеховъ.

Выпроводивъ такимъ манеромъ гостя, Степанъ вскочилъ въ хату. Здѣсь на лавѣ лежала Приська и тяжело дышала.

— А що жинко?

— Шыю та плечи такечки намнявъ...—жалобнымъ тономъ произнесла Приська.

— Эге, яжъ кажу... Эге!—было отвѣтомъ Степана и онъ замолкъ.

Приська лежала, повременамъ охая, а Степанъ въ какомъ то остолбенѣніи стоялъ возлѣ нея и глядѣлъ на нее.

Послѣ кратковременнаго бѣздѣйстія Степанъ метнулся къ порогу и отъ порога къ жинкѣ.

— Жинко! ворушись мерщій, та вставай, поидьмо у поле; а то якъ вернетьця—та ще намне!

Жинка съ такимъ предложеніемъ согласилась. Ѣдучи въ поле, обое нѣкоторое время молчали.

— Шыя щемить?

— Эге, шыя и плечи.

— Про те байдуже!—сказалъ Степанъ.

— Эге... не такъ плечи, якъ бока болять!—сказала Приська.

— Оце гирше усего... Тебе зразу ухопивъ, якъ скажена собака! Э такъ злякавсь, думавъ, що кишки зъ тебѣ вискочать.

Такъ разговаривалъ Степанъ съ Приською въ ту пору, когда его панъ устремлялся въ Плеховъ.

XII.

Было тихо въ селѣ и за селомъ, птички кое гдѣ стали попискивать, только-только начала заниматься заря. Всадникъ быспро скакалъ, окольнымъ путемъ вотъ-вотъ приближался къ Плехову съ мыслію поскорѣе укрыться въ домѣ брата, что и совершилось.

Данило обрадовался пріѣзду брата, разсказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и не совѣтовалъ объявляться; о Ганнѣ сказалъ, что не вѣдаетъ, куда она *дѣлася*. Лизогубовна тоже ничего не сказала о Ганнѣ. Но Иванъ вывѣдалъ у кой кого изъ дворни, что любовница его обрѣтается у брата Николая.

Дѣйствительно, Ганна кохалась теперь съ Николаемъ, и ей у было него веселѣе, чѣмъ въ Чутовкѣ. Здѣсь, по отъѣздѣ Ивана, она имѣла терпѣніе пробыть только двѣ недѣли, и это время показалось ей цѣлымъ годомъ. Сидя въ глухомъ хуторѣ, она затосковала и начала собираться въ Кіевъ съ добромъ, нажитымъ у господина своего. Во время этихъ сборовъ пріѣхалъ въ Чутовку Николай Требинскій и сошелся съ красавицей безъ затрудненій,—Ганна сразу отдалась этому новому селадону и была привезена имъ въ свой хуторъ, который находился въ Славяносербіи. Николай нажилъ себѣ хлопотъ изъ-за этой бабы: ей пришлось таки побывать въ рукахъ отчаяннаго Ивана.

XIII.

Иванъ Требинскій, дождавшись вечера, распрощался съ Даниломъ, сказавъ, что отправляется туда же, гдѣ былъ—въ польское мѣстечко Лановъ. Но онъ направилъ свой бѣгъ туда, гдѣ обрѣталась измѣнница Ганна.

Переодѣтый и подкрашенный, съ паспортомъ на имя того же ляха, гусаринъ Иванъ благополучно совершилъ путешествіе опъ приближался уже къ хуторку братца своего Николы. Были сумерки. Въѣхавъ во дворъ, Иванъ поставилъ коня возлѣ крыльца и вошелъ въ сѣнцы. Здѣсь ворочалась какая то старушка; отъ нея незнакомецъ узналъ, что пана нѣтъ дома, а есть одна хозяйка, которая легла спать. Незнакомецъ попросилъ вызвать хозяйку, чтобы передать ей дѣло, касающееся до пана. Старуха юркнула въ комнату, а господинъ вслѣдъ за нею—и здѣсь сразу узрѣлъ желанную особу. Ганна приподняла голову, глянула и окоченѣла отъ страха: ей внутренній голосъ подсказалъ, что это Иванъ.

— Палучче пасматри, такъ узнаешь, хто я таковъ! И безъ дальнѣйшихъ разсужденій предложилъ ей сію же минуту одѣться да и ѣхать съ нимъ. Ганна воспротивилась. Тогда, не теряя драгоцѣннаго времени, Требинскій схватилъ старушку, и вскочивъ какъ левъ на Ганну—колѣнями придушилъ ее, а старушку началъ вязать. Произошла борьба: Ганна царапалась и барахталась, но не могла освободиться отъ ужасныхъ клещей, охватившихъ ея нѣжное тѣло; старушка кряхтѣла и болтала своими костлявыми членами; но гость связалъ старушку, показалъ ей кинжалъ и велѣлъ ни писнуть. Затѣмъ связалъ красавицу свою, окуталъ одѣяломъ, захватилъ одежду и повлекъ непокорную до коня, вскинулъ на него живое тѣло, самъ вскочилъ, махнулъ ногайкой—и былъ таковъ.

Старушка, пролежавъ нѣсколько минутъ въ обморокѣ, пришла въ себя, разсмотрѣлась, что и Ганны и похитителя нѣтъ уже—и давай кричать во все горло: „хто въ Бога вируе—ратуйте!“

На крикъ сбѣжались служители, только-что пригнавшіе скотъ съ водопоя; они развязали старуху, которая стала разсказывать, что кто-то пріѣхалъ *верхи*, схватилъ ее и связалъ, да еще и ножа подвелъ ей „подъ самисиньки вичи“, а Ганну надушилъ, послѣ этого она ничего не помнитъ; этотъ неизвѣстный человѣкъ, говорила старуха, еще дрожавшая отъ страха великій та великій, на головѣ шапка такая *чудная*, лице у не-

го большое—съ добрый казанокъ, на затылкѣ и вискахъ *волосся* нѣтъ, усы длинные и тоненькіе, какъ у кота.

Выслушавъ такой разсказъ, служители побѣжали по хутору; собралось съ десятокъ людей, судили—рядили и на основаніи разсказовъ старухи всѣ порѣшили, что похититель Ганны былъ не кто иной, какъ татаринъ.

Пресловутый татаринъ быстро мчался. Онъ направлялъ свой бѣгъ въ одно мѣстечко, гдѣ жидъ готовилъ для него свой извощичій нарядъ—кибитку и саврасыхъ.

Панъ Людвикъ съ увѣсистымъ грузомъ прибылъ къ жиду еще до разсвѣта и на жидовской колымагѣ пустился въ дальній путь.

Неходко катилась колымага,—тощія лошаденки лишь слегка потрюхивали; но панъ не замѣчалъ этого: онъ усердно тѣшился своей жертвой въ кибиткѣ. Жидъ, слыша пановы амуры, только ежился на своемъ сѣдалищѣ, да усердно стегалъ по лошадямъ; тѣ было пускались вскачь, и чрезъ нѣсколько минутъ снова плелись тою же привычною, лѣнивою рысцей,

Въ пріятномъ путешествіи провелъ Людвикъ добрые сутки; онъ и не гадалъ, что надъ нимъ вотъ-вотъ готова была разразиться гроза.

XIV.

Николай Требинскій прибылъ домой въ ту же ночь, когда была похищена его конкубина. Вѣсть объ исчезновеніи Ганнушки поразила его, какъ громомъ; онъ не хотѣлъ вѣрить всему тому, что говорили; но фактъ былъ на лицо: Ганны не было, а измятый пуховикъ свидѣтельствовалъ, что здѣсь ея нѣжное тѣло трепетало въ рукахъ похитителя. Глядя на пустое ложе, Николай прослезился. Конецъ коханью! думалъ онъ: запропастятъ татары Аннушку въ Бакчисарай; какъ овцу выведутъ ее базаръ да и продадутъ. Нужно гнаться чрезъ всѣ степи до самаго Крыма, въ самый Бакчисарай. И помчался онъ стремглавъ къ своему командиру Шевичу.

Николай Тр—скій вскочилъ во дворъ Шевича на зарѣ и учинилъ здѣсь тревогу. Едва Шевичъ выскочилъ на крыльцо, вицекапралъ сразу и брякнулъ: „Татары набѣжали“... Огорошенный такими словами полусонный командиръ не сталъ болѣе слушать, бросился назадъ и давай бѣгать по комнатамъ. На шумъ прибѣжалъ Чубукчій, баринъ наткнулся на него и крикнулъ: „давай!“ Чубукчій, по привычкѣ, какъ угорѣлый, бросился въ уголъ, схватилъ тамъ трубку съ предлиннымъ чубукомъ и сунулъ ее въ руки барину; баринъ, облеченный въ женскій капотъ, съ воображаемымъ палашемъ шмыгнулъ въ прихожую, зооравъ во все горло: „коня! живо— о... коня!...“ Заслышавъ эти слова, многочисленная дворня пустилась стремглавъ въ перегонку до конюховъ. Въ этотъ моментъ перетрусившій вицекапралъ заступилъ Шевичу дальнѣйшій путь и сталъ объяснять ему—въ чемъ дѣло; а Чубукчій, присѣвъ на корточки, возжигалъ фиміамъ, заключенный въ трубкѣ. Командиръ при первыхъ объяснительныхъ словахъ плюнулъ, выругался и замахнулся трубкой, попалъ ею въ зубы прислужнику и вывалилъ туда жаръ табачный; прислужникъ даже и глазомъ не моргнулъ, и съ прежнимъ усердіемъ принялся снова за возжиганіе.

Шевичъ, слушая разсказъ, подвелъ къ губамъ чубукъ и началъ тянуть; онъ пускалъ клубы дыма прямо въ лицо вицекапралу и только теперь замѣтилъ, въ какомъ онъ смѣшномъ нарядѣ; почему, не дослушавъ разсказа, затопалъ ногами, закричалъ и прогналъ вицекапрала. Переодѣвшись, Шевичъ позвалъ Требинскаго, и тотъ снова говорилъ ему, что этой ночью наѣхали татары, угнали лошадей, ограбили его домъ, утащили его хозяйку, заполонили всѣхъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ. Шевичъ не сталъ гнѣваться и, возмущенный дерзостью татаръ, далъ въ распоряженіе Требинскаго сто двадцать гусаръ.

Прибывъ съ гусарами въ хуторъ, Николай Тр—скій раздѣлилъ ихъ на четыре части. Самую меньшую часть съ десятью служителями своими Требинскій отправилъ на сѣверъ—по направленію къ Кременчугу—такъ, на всякій случай: можетъ быть то и не татары *напздили*—говорилъ онъ. Три-же отряда разными путями помчались на югъ—къ рѣкѣ Волчьей.

Требинскій и шестьдесятъ гусаръ отчаянно скакали цѣлый день подъ палящими лучами солнца; нигдѣ не попадалось ни души, лишь коршуны да ястребы парили въ лазури небесной. Скакали гусары и на другой день; встрѣтили сѣчевиковъ, возвращавшихся изъ-за Конскихъ видъ. Сѣчевики сообщили, что они нигдѣ не встрѣчали татарской оравы.

Возвращаясь назадъ, Николай утѣшалъ себя, что какой-нибудь отрядъ что-нибудь да выслѣдитъ.

Такихъ же результатовъ достигли другіе два отряда, изъ коихъ одинъ привезъ командиру своему гостинецъ—двѣ дикихъ козы, убитыхъ въ Самарскихъ лѣсахъ[1]).

Четвертый отрядъ наиболѣе порадовалъ командира сего—г. Шевича: онъ привелъ ему дикаго вепря, на слѣдъ коего сразу набрелъ.

Взявъ изъ хутора на сѣверо-западъ, команда прибыла въ то мѣстечко, изъ котораго жидъ вывезъ пана Людвика. Тутъ гусары и служители шныряли по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, распрашивая о похитителяхъ дѣвокъ и бабъ. Ни отъ кого ничего не узнавъ, рѣшили направиться по большой дорогѣ на Кременчугъ. При выѣздѣ на эту дорогу—въ концѣ мѣстечка гусары завернули къ колодцу, у котораго женщина „журавлемъ“ тянула воду. Здѣсь они напоили лошадей и вступили съ женщиной въ разговоръ, спрашивали, не выѣзжалъ-ли сегодня изъ мѣстечка кто-нибудь особенный—не изъ ихнихъ.

— Ба ни!.. Не бачила никого; але у ранци до схидъ сонця жидъ когось повизъ...

— Куда жъ онъ повизъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Неначе бъ то на великій шляхъ, сказала женщина, указывая на большую дорогу.

— Ково-жъ онъ повизъ?

— А хто ёго зна! Неначе щось сидило у будьци, а хто ёго зна, що воно таке!

— Богацько жъ ихъ тамечки сидило? чій жинка тамечки була? выхватился служитель Н. Тр—скаго.

---

[1]) Въ ту пору были дремучіе лѣса вдоль Самары, впадающей въ Днѣпръ.

— Та хто ёго зна! Але мабуть не богацько, такъ щось двое неначе! отвитила женщина.

— А жинки тамечки ни було? повторилъ служитель.

— Хиба я приглядалась, чи що!

При дальнѣйшихъ распросахъ женщина сказала, какой жидъ повезъ и гдѣ онъ живетъ. Домишко его находился неподалеку отъ колодца—почти въ концѣ мѣстечка. Туда помчались гусары, во дворѣ встрѣтили жидовку и спросили, куда ея мужъ поѣхалъ. Жидовка сказала, что Шмуль поѣхалъ въ Кременчугъ, повезъ туда кожи. Такой отвѣтъ сразу показалъ, что Шмуль потаскалъ какихъ-то подозрительныхъ господъ,—и гусары тѣмъ энергичнѣе привязались къ Суркѣ, наступали, что называется, ей на горло, вопрошая, кого это мужъ ея повезъ; имъ уже извѣстно, говорили они, что Шмуль повезъ не кожи, а двоихъ *людинъ*. Но Сурка упорствовала—стояла на своемъ. Тогда гусары всполошнули жидовку нагайками—и она созналась, что какой-то ляхъ пріѣхалъ къ нимъ сегодня предъ разсвѣтомъ верхомъ и привезъ съ собою молодую бабу, баба эта была такая смутная и невеселая; ляхъ съ нею отдыхалъ въ каморѣ. И Сурка показала гусарамъ эту комору: то былъ грязный, темный чуланъ, заваленный всякой дрянью и нечиненными кожами; онѣ издавали такой отвратительный запахъ, что всѣ гусары и служители хватились за свои носы, когда распахнулась дверь бывшаго Ивановаго пріюта. Тутъ еще были замѣтны слѣды возлежанія: въ углу лежала измятая засаленная подушка и разостлано что-то вродѣ полсти, изорванной въ клочки. По осмотрѣ коморки гусары всетаки пристали къ Суркѣ съ вопросами, куда же Шмуль повезъ ляха. Сура упала на колѣни, припадала къ землѣ и рыдая клялась, что не знаетъ болѣе ничего, видѣла только, какъ они поѣхали на большой шляхъ и Шмуль говорилъ ей, что повезетъ ляха въ польскую область, и ляхъ этотъ—человѣкъ очень большаго роста, въ польскомъ нарядѣ, усы большущіе...

— И таки довгеньки та тоненьки, неначе котячи? спросилъ служитель.

— Винъ самый! отвѣтила повеселѣвшая Сура.

— И такій страшній? продолжалъ служитель.

— Воно сáме! Таке страшне! Уй, яке зтрашне!..

— И голова обголена? спрашивалъ служитель.

— Голова не бачила, бо въ сапци вони було и сапки не скидивало,—отвѣтила Сура.

— А развѣ ты видѣлъ ево? полюбопытствовали удивленные гусары.

— Бачить не бачивъ, а бачила старà...

— Какая старà? спросили.

— Аджежъ старà, що у пана надитьця...

Вона каже, що винъ такій великій та обгаленій, якъ убравсь винъ у хату, каже, якъ ухопывъ попереду іи, а пóтимъ Ганну злапавъ... Та що тутечки брехати; ніякихъ дивокъ и бабивъ нихто не бравъ, однисиньку Ганну ухопивъ, тай годи! признался служитель.

— А на штожъ казали, што якіесь татары били и дѣвокъ та бабъ покрали? спросили гусары.

— А то такечки казали... зъ ляку...

Не теряя времени, поскакали гусары большимъ шляхомъ. Промчавшись верстъ 15, встрѣтили обозъ чумаковъ. Чумаки сказали, что имъ попадались на встрѣчу конныя фуры, но всѣ онѣ были не жидовскія. Тогда команда своротила влѣво и направилась къ высокому шпилю, на коемъ виднѣлась отара. Чабаны сказали, что понадъ шпилемъ проѣхала кибитка, и указали мѣсто, гдѣ скрылась она; гусары помчались по направленію къ ближайшей днѣпровской переправѣ, которая была возлѣ м. Каменки.

Уже солнце готово было потонуть въ безпредѣльной дали степной; уже кони притомились и порядкомъ взмылились, а желанная кибитка нигдѣ не показывалась, нигдѣ не было ни коннаго, ни пѣшаго; на однообразныхъ степяхъ господствовала тишь да гладь, лишь пернатые оживляли этотъ безмолвный край. Вотъ уже потухъ послѣдній лучъ, а съ нимъ и гусары прекратили свой бѣгъ, расположившись на ночлегъ на мягкой душистой травѣ. Съ разсвѣтомъ они опять пустились въ путь. Проскакавъ немалое пространство, узрѣли гусары издали подводу;

но скоро она скрылась, спустившись въ глубокую балку. Два лихихъ скакуна помчались, и едва кибитка взобралась на высокій бугоръ, какъ уже была настигнута двумя гонцами. Гонцы, остановивъ кибитку, спросили, кто ѣдетъ. Жидъ растерялся и возжи опустилъ; панъ Людвикъ тоже было обомлѣлъ, увидивъ гусаръ; но сейчасъ-же воспрянулъ духомъ, выскочилъ моментально изъ будки, дуломъ пистолета хватилъ одного гусарина въ грудь—и тотъ грохнулся на землю, какъ бревно; а другаго гусарина двинулъ кулачищемъ по головѣ, этотъ закрутился на мѣстѣ и тоже повалился на землю. Управившись съ гонцами, Людвикъ мигомъ взлетѣлъ на своего скакуна и пустился впередъ во всѣ лопатки. Промчавшись съ версту, Людвигъ оглянулся назадъ,—погоня была далеко: онъ повеселѣлъ и сталъ внутренно торжествовать; но въ минуту ликованія со всего размаху шлепнулся на землю: сѣдло сорвалось съ лошади, а вмѣстѣ съ нимъ—и сѣдокъ. Разгоряченный конь помчался впередъ, Людвикъ пустился вслѣдъ за нимъ; но скоро былъ настигнутъ и окруженъ. Послѣ долговременной обороны онъ былъ сбитъ съ ногъ и взятъ. Онъ теперь сталъ просить пощады, говорилъ, что онъ шляхтичъ Людвикъ Гудзиньскій, а въ кибиткѣ то его жена, сбѣжавшая отъ него; но разсвирѣпѣвшіе гусары, не обращая вниманія на эти рѣчи, связали пана Людвика, повлекли его къ кибиткѣ, положили его рядомъ съ Ганною и пустились въ обратный путь прямо къ командиру.

Всю дорогу плѣнникъ надоѣдалъ командѣ: требовалъ, чтобы его *урожоннаго* польскаго шляхтича отпустили; угрожалъ, что они жестоко отвѣтствовать будутъ за *арештованіе* его; онъ приходилъ въ ярость, силясь приподняться и судорожно сжимая кулаки; онъ скрежеталъ зубами, окидывая взоромъ ненавистныхъ спутниковъ, глаза его искрились и метали молніи. Ганна, объявившая, кто она и кто онъ, только подсмѣивалась надъ этимъ связаннымъ титаномъ, зазирая ему въ глаза, и все приговаривала: „катюзи по заслузи, ходила стара по малину та у лихую годину!“ А Юхимъ Кладько, коему панъ повредилъ ногу во время взятія, подсказывалъ: „вовкъ геля полизавъ та келепивъ піймавъ!“ У пана Людвика вся внутренность пере-

ворачивалась при этихъ досадительныхъ словахъ; но въ безсиліи онъ испускалъ лишь дикіе стоны, посылалъ ругательства и похвалялся: „Постойте, постойте, я вамъ покажу ту малину та вовка! Будѣтѣ ви повѣкъ помнить малину та вовка!“ Ганна, слушая эти нахвалки, *реготалась* да повторяла надъ самыми ушами узника: „ходила стара по малину...“

Гусары представили Шевичу тройцу цѣликомъ: жида, бабу и ляха. Забѣгали глаза командира, когда онъ узрѣлъ эту бабу. Предлагая ей разные вопросы о похитителѣ, онъ нѣжно прикасался къ ея плечамъ, заглядывался на ея алыя губки и лебединую шею. Долгонько-таки онъ выпрашивалъ черноокую красавицу и никакъ не могъ ею налюбоваться. Пойманный стоялъ на своемъ: выдавалъ себя за польскаго шляхтича Людвика Гудзиньскаго, во удостовѣреніе чего и подалъ свой паспортъ. Шевичъ пана Гудзиньскаго посадилъ подъ стражу, а маложонкѣ его отвелъ удобное помѣщеніе. Явился Николай Требинскій, и результаты очной ставки были таковы, что дали возможность Шевичу задерживать у себя черноокую сирену. На очной ставкѣ Иванъ Требинскій, прямо глядя въ очи и Николаю, и Шевичу, и Ганнѣ, рѣшительно отрекался отъ родства съ этимъ Николаемъ, говорилъ, что первый разъ видитъ его, изумлялся и не понималъ, зачѣмъ это признаютъ его за *нѣякогось Ивана Требѣньскаго*. Николай Тр—скій, щадя своего брата и до сихъ поръ не видѣвши его обстриженнымъ и въ польскомъ нарядѣ—находился въ недоумѣніи; онъ не утверждалъ, что это навѣрное его братъ Иванъ; только Ганна утверждала это. А нѣякійсь панъ отвѣтствовалъ, *что тое маложонка его невѣрная* говоритъ *для того*, чтобы освободиться отъ него: потому что за невѣрность ей предстоитъ жестокая судебная кара. Шевичъ тоже изумленъ былъ той сценой, которая происходила предъ нимъ; онъ говорилъ, что такое загадочное и непонятное видитъ и слышитъ первый разъ въ жизни своей; и объявилъ Николаю Тр—скому, что эту женщину выдастъ ему лишь по наведеніи надобныхъ справокъ. Но справокъ Шевичъ не наводилъ, а *Ганзю* держалъ у себя для пріятнаго препровожденія времени. Только когда уже жена надѣлала ему кучу непріятно-

стей, а подначальный вицекапралъ сталъ неотступно надоѣдать просьбами, отпустилъ Ганзю восвояси; Людвика же Гудзиньскаго подъ сильнымъ карауломъ отправилъ къ Хорвату.

XV.

Хорватъ пришелъ въ азартъ, когда увидѣлъ ту образину, которая выдавала себя за шляхтича Гудзиньскаго; онъ велѣлъ заклепать своего голомозаго гусара въ желѣза и посадить въ тюрьму.

Новосербскій командиръ не думалъ посылать своего гусарина въ войсковой генеральный судъ: ибо своими худыми дѣлами, которыя раскроются на судѣ, онъ обезчестилъ бы всю Новую Сербію; а обезчеститъ ее—дѣло крайне неудобное: вѣдь она то, сербская команда, и водворена на окраинѣ россійской для искорененія воровъ и разбойниковъ.

Мармута, не вѣдая такихъ соображеній, надѣялся, что Иванъ Требинскій вотъ-вотъ появится въ генеральномъ судѣ; но тщетны были эти ожиданія.

Заарестованіе имущества, принадлежащаго этому Требинскому, тоже не осуществилось какъ думалъ и гадалъ Мармута. Жовнинскій атаманъ Булюбашъ и козакъ сотни лукомской И. Афанасіевъ, по приказу полковой лубенской канцеляріи, въ первыхъ числахъ августа 1755 г явились въ Чутовку, учинили опись имѣнія Ивана Тр—го и поручили это имѣніе *въ досмотръ* оржицкимъ козакамъ Артему Боровку и И. Москаленку.

Боровко и Москаленко, принявши иржавское имущество *за росписками*, прилагали къ смотрѣнію его много труда; но недолго имъ пришлось *присматривать*. Въ Чутовку явился Данило Требинскій и сталъ непріятности причинять Бровку и Москаленку, не допускалъ ихъ собиранію порученной имъ части корысти, да еще похвалялся смертно бить ихъ, козаковъ, если будутъ препятствовать ему, употреблять въ работу описанныхъ людей".

Боровко и Москаленко письменно донесли сотенной горошинской канцеляріи, что „чрезъ тѣ похвалки и угрозы они, оп-

редѣленіе, будучи опасни, а наипаче, даби имъ за то не подпасть отвѣту, либо въ нихъ тое взятое Даниломъ Тр—мъ имущество не взискано било, тѣмъ доношеніемъ просятъ—куда надлежитъ о томъ представить".

Не успѣли Боровко и Москаленко получить сатисфакціи насчетъ Данила, какъ на Иржавскій хуторъ нагрянулъ братецъ его Николай. Этотъ еще болѣе страху нагналъ на смотрителей: „едного съ нихъ, Боровки, намѣревался связать, а другаго—побить, и *выгналъ* изъ слободки того и другаго; и уже оныхъ вовсе не допуская въ слободку, похвалки произносилъ *смертно бить*; людей же нѣкоторыхъ въ свой хуторъ выслалъ, а нѣкоторые же люди чрезъ многіе чинимые отъ него, Ник. Тр—го, озлобленія въ побѣгъ удалилися".

Въ побѣгъ удалилися Боровко и Москаленко; они рады были, что головы свои цѣлыми унесли изъ Чутовки; и по прибытіи домой они снова доношеніями представили о столь плачевныхъ результатахъ *смотренія*.

Мармута узнавъ объ изгнаніи Оржинскихъ казаковъ изъ Чутовки, и носа не показывалъ сюда—опасно было. Въ тоже время онъ *увѣдомился* о другой непріятности,—что Хорватъ не присылаетъ въ Глуховъ Ивана Тр—го, и чрезъ то дѣло его, Мармуты, остается безъ разсмотрѣнія.

Получивъ такую вѣсть Мармута отправился къ Хорвату.

— Зайду ще зъ цего кинця! Воно щось зъ того та буде! говорилъ онъ знакомымъ, собираясь въ Новомиргородъ.

Новосербскій командиръ довольно ласково принялъ каневецкаго козака и даже сдѣлалъ ему удовольствіе: показалъ ему узника своего. На очной ставкѣ Иванъ Тр—скій удивлялся всему тому, что говорилъ Мармута; а Мармута говорилъ то, что слыхаилъ изъ устъ Литвиненка. Требинскій отвѣтствовалъ, что никакого Литвиненка онъ не знаетъ и никакого Литвиненка у него небыло въ услуженіи. Мармута выпучилъ глаза и только вздвигивалъ плечами, взирая на генералъ-маіора, который прехладнокровно слушалъ рѣчи своего гусара, пуская клубы дыма.

— Щей не бачивъ такого! Прямисенько щей въ вичи зазира, неначе не винъ!—сказалъ Мармута, перекрестившись. Кажешь, що не грабувавъ мене?

— Я тебе не знаю, кто ты таковъ и гдѣ живешь!—отвѣтилъ Требинскій, смѣрявъ съ ногъ до головы Мармуту.

— Ще, мабуть, скажешь, що ты не втикавъ видъ насъ?..

— Я жизнь свою спасалъ отъ васъ! отвѣтилъ Требинскій.

— Ще, мабуть, скажешь, що ты не бивъ мене у Плехови обухомъ у двери Данила, та не наставлявъ мини дула въ груди!..

— Какъ васъ, разбойниковъ, много било, такъ каждово не можно било примѣты видѣти! Вы всѣ единъ на едново схоже! отпалилъ Иванъ.

— Чи чуете, пане, якъ господинъ капралъ зобижа и мене и козацьку команду! обратился Мармута къ Хорвату.

— Я вижу, что съ вашихъ разговоровъ никакого толку не будетъ! Сказалъ Хорватъ и велѣлъ убрать своего гусара.

Такъ кончилась эта очная ставка. Мармута отправился домой, вполнѣ увѣренный въ томъ, что сказалъ ему Хорватъ; а Хорватъ пообѣщалъ прислать Ивана Тр—го въ Генеральный Судъ черезъ три недѣли—когда окончится надъ нимъ слѣдствіе по очень важному дѣлу.

Когда Мармута вошелъ въ хату, жена спросила: „А що, якъ? бачывъ Требиньскаго?“

— Бачывъ! сказалъ Мармута вздохнувъ. Тамъ такій клятій та цикавій! Тамъ такъ бреше, такъ бреше, та ще й прямисинько въ вичи заглядае и мини и енералови!... Буцимъ-то винъ и ничого не робивъ, и ничого не бачивъ, и ничого не зна—тай годи!... Якъ би ты бачила—тамъ такій якъ зъ неба знятій, неначе святій та преподобній!... Та енералъ цему усему не потура! У зализахъ закованій... Казавъ Хорватъ, що отправить его у Глухивъ; тильки треба цего пидождати недили зо три: якеесь тамечки за нимъ дило тряпляиться, велике якесь—казавъ енералъ.

— Отъ тоби й на!.. воскликнула Домаха. Ще пидождать! Доки же ждатимемъ! Мабуть, и кинця не буде тому жданню!..

Буде!... Перемелитьця—мука буде! лаконически отвѣтилъ Михайло.

XVI.

Домаха правду сказала: мельница Мармутова вяло вертѣлась, а мука уже и совсѣмъ не мололась.

Хорватъ обѣщанія своего не выполнилъ: Ивана Требинскаго онъ держалъ у себя подъ строжайшимъ арестомъ и еженедѣльно продѣлывалъ надъ нимъ одно и тоже. Зачастую, въ часы досуга или скуки, приводили узника И. Требинскаго предъ лице Хорвата, и генералъ-маіоръ, сидя съ трубкою въ зубахъ у камина, вопрошалъ завзятаго гусарина: зачѣмъ онъ совершилъ разбой у Мармуты, какъ онъ смѣлъ перевязать и перебить конвойныхъ, ведшихъ его въ Лубны *ко очищенію*, какъ онъ смѣлъ дезертирству предаться, зачѣмъ *выкралъ бабу*, учинилъ немалые бои и пораненіе командѣ Шевича?

Требинскій на всѣ эти выспрашиванья отвѣчалъ, не запинаясь: въ грабительствѣ Мармуты онъ не принималъ участія и даже въ то время не былъ дома, ѣздилъ въ Глуховъ до Кочубея съ письмомъ отъ него—генералъ-маіора, которое письмо оные Мармута и рубанъ изорвали; отъ конвойныхъ онъ вырвался потому, что тѣ конвойные въ дорогѣ мучили его—не давали ѣсть и пить, смѣялись надъ нимъ и поносили его, Рубанъ и Мармута нападали на его хуторъ по злобѣ, что онъ и братья его сербской націи люди, и хотѣли убить его, и это случилось бы, какъ бы не убѣжалъ онъ къ брату; и какъ въ такомъ своемъ зломъ умыслѣ они не успѣли, то и подали доносъ въ генеральный судъ на его, Ивана, якобы вора и разбойника; но они сами воры и разбойники: ибо днемъ грабили хуторъ, принадлежащій ему и братьямъ его, такой гвалтъ сдѣлали въ томъ хуторѣ, что многія женщины съ перепугу мертвыхъ дѣтей порождали, а многихъ женщинъ и дѣвокъ поизнасиловали, людей изъ хутора разогнали, имущество въ домѣ его

и братьевъ его забрали; въ судахъ же своихъ малороссійскихъ оные Мармута и Рубанъ имѣютъ свойственниковъ и родственниковъ, и его всенепремѣнно засудили бы понапрасну; и какъ онъ на пути узналъ, что козаки по той сторонѣ Днѣпра собрались въ немаломъ количествѣ, дабы убить его, то просился онъ у конвойныхъ везти его обратно къ нему—генералъ-маіору на объясненіе и великое справедливое его усмотрѣніе; но какъ конвойные на такіе просьбы не обращали ни и малѣйшаго вниманія, то онъ въ сердцахъ, яко человѣкъ поступилъ съ ними нехорошо, а потомъ уже бо́ялся явиться и къ его милости—генералъ-маіору. Ганна тоже обидѣла его Ивана: она выкрала у него все серебро и золото, много другого добра забрала; и какъ до этой злохитростной бабы его не допускали, то онъ, плачась о такомъ своемъ несчастіи, и принужденъ былъ насильно взять ту бабу, дабы вывѣдать, гдѣ она то добро подѣвала; команда же его нагнала и хотѣла *въ смерть забить*, поэтому онъ, защищая свой животъ, отбивался отъ той команды.

Такъ выправлялся Иванъ Требинскій предъ своимъ командиромъ. Предъ Хорватомъ стояла невинная жертва, несчастный страдалецъ, котораго всѣ обижаютъ, начиная съ Мармуты и кончая бабою. Командиръ только покачивалъ головою да постукивалъ чубукомъ, выслушивая оправдательныя рѣчи гусара своего; онъ зналъ, что это за птица, и не довѣрялъ такимъ рѣчамъ; по́долгу онъ его выпрашивалъ, усовѣщевалъ, прикрикивалъ и угрожалъ, но слышалъ одно и тоже—гусаръ не винился. Тогда его уводили восвояси—въ тюрьму, причемъ приказывалось ему обдуматься и сказать всю правду.

Спустя нѣсколько дней снова приводили къ Хорвату тогоже узника. Командиръ съ тою же неразлучною трубкою и у того же камина выслушивалъ тѣже рѣчи; узникъ не поступался ни единымъ словомъ, сказаннымъ въ первый разъ; напротивъ, съ каждымъ новымъ появленіемъ предъ лицо командира И. Тр—скій становился рѣчистѣе, говорилъ съ большимъ апломбомъ; онъ призывалъ во свидѣтели Бога, „Матку Божу“, всѣхъ святыхъ, клялся, взывалъ къ человѣколюбію. Иногда Хорватъ добывалъ кой-какія улики: опровергалось, напр., воровство Ган-

ною вещей; дурное обхожденіе конвойныхъ съ Ив. Тр—скимъ оказывалось ложью. Но Требинскій, и глазомъ не моргая, ладилъ одно и тоже, говорилъ, что всѣ сговорились противъ него по злобѣ и хотятъ отомстить ему: конвойные за то, что онъ не отдалъ имъ своихъ лошадей, Ганна за то, что онъ не женился на ней. И опять Требинскаго уводили для дальнѣйшаго думанья.

Такъ-таки Хорватъ ничего и не добился отъ своего узника; зато узникъ вынесъ большую пользу отъ этихъ допросовъ: эти допросы были для него, такъ сказать, репетиціей для будущихъ показаній въ Генеральномъ Судѣ; у Хорвата онъ свои рѣчи оформилъ, округлилъ и затвердилъ,—надлежаще приготовился къ ораторству въ Генеральномъ Судѣ.

На доношенія Боровка и Москаленка объ обидахъ и изгнаніи ихъ изъ Иржавскаго хутора не обратили надлежащаго вниманія: лишь по истеченіи трехъ мѣсяцевъ эти доношенія отправлены были изъ полковой Лубенской канцеляріи въ Генеральный Судъ; о прописанномъ въ нихъ испрашивали *резолюціи*—какъ о томъ повелѣно будетъ. Генеральный судъ, положивъ доношенія подъ сукно, ничего не повелѣвалъ. Узнавъ объ этомъ, Мармута съ товарищами—Штепою, Сезоненкомъ, Боровкомъ и Москаленкомъ—поѣхалъ въ Глуховъ послѣ „Різдвяныхъ святокъ“ 1756 года.

Компанія—Мармута съ товарищи—далась знать и суду и генеральной канцеляріи: ни свѣтъ, ни заря—какъ козаки уже стояли у входа въ судилище, затѣмъ проникали въ самую глубь храма Ѳемиды и тутъ, что называется, наступали на горло крюкамъ. Эти съ судейскимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ отдѣлывались отъ козаковъ: посылали ихъ въ генеральную канцелярію, а генеральная канцелярія отправляла просителей въ генеральный судъ. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ ходили козаки взадъ и впередъ—изъ одного мѣста въ другое.

— Таки до чóгось доходимось! говорили козаки.

— Воно якъ по чарци, такъ неначе якось веселійшъ ходити! прибавилъ однажды Штепа.

Его желаніе одобрили и оно съ той поры выполнялось.

Мармута и его товарищи доходились таки: изъ генер. суда послали доношеніе въ генер. канцелярію: „понеже суду генеральному небезизвѣстно, яко Николай Требинскій при сербской командѣ обрѣтается, и чтобъ его за прописанную противность арештовать—судъ генеральный дати дозволенія полковой Лубенской канцеляріи не можетъ; якожъ жалобливая сторона—козакъ Мармута съ товарищи просятъ въ обидахъ своихъ отъ суда генеральнаго неотступно сатисфакціи,—того ради судъ генеральный опредѣляетъ: Боровку и Москаленку продолжать смотреніе Иржавскаго хутора; будеже воспослѣдуютъ отъ Требинскихъ какія препятія къ тому смотренію, то сотенная Горошинская канцелярія въ помощь имъ имѣетъ нарядить команду козаковъ.“

Мармута пріѣхалъ домой невеселымъ: ибо въ Глуховѣ поистратилъ немало серебряныхъ рублей; а еще такая же трата предстояла въ Лубнахъ и Горошинѣ. Въ Лубны онъ ѣздилъ два раза, въ Горошинѣ же обрѣтался до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, вырядили Боровка и Москаленка въ Иржавскій хуторъ. Сюда явились они въ концѣ марта 1756 г. съ приличною командою—въ сопровожденіи ста козаковъ надлежаще вооруженныхъ.

Въ части, принадлежащей Ив. Требинскому, козачья команда нашла полное запустѣніе: во дворѣ, въ домѣ, въ амбарахъ и сараяхъ, хоть шаромъ покати; хаты людскія—пусты, иныя безъ оконъ и дверей; мельница—безъ колесъ и поставовъ, гребелька разрушена, камышъ дочиста вырѣзанъ; только вороны да воробьи нѣсколько оживляли этотъ жалкій пустырь. Боровко и Москаленко водворились на этомъ пустырѣ и стали рачительно присматривать за нимъ.

А. Полиицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ)[1].

ГЛАВА 5-я.

Что Общество благотворенія съ самаго начала своего существованія задавалось самыми широкими планами, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только учрежденіе Института, но и (особенно) сдѣланная Совѣтомъ впервые попытка практическаго осуществленія мысли о взаимномъ кредитѣ между членами Общества. Правда, на основаніе этого перваго въ провинціи кредитнаго учрежденія, (соединявшаго въ себѣ нѣкоторыя черты и современныхъ намъ кредитныхъ обществъ и тогдашнихъ ломбардовъ), могли оказать вліяніе своими уставами существованія уже съ 1763 года (при воспитательныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ) сохранная и ссудная кассы, но по частной иниціативѣ, такое учрежденіе если не считать „филотехническаго общества“ [2]), нарождалось тогда въ провинціи впервые. Образцовый порядокъ, установленный въ сохранной и ссудной кассахъ Импе-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г. № 6.

[2]) Филотехническое общество, основанное В. Н. Каразинымъ на акціяхъ еще въ 1811 г., представляло, по словамъ г-на Абрамова, „нѣчто среднее между ученымъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ и коммерческимъ предпріятіемъ“. См. Уставъ или правила Филотехническаго Общества въ XXXI томѣ полнаго собранія законовъ Росс. Имперіи.

ратрицею Маріею Ѳеодоровною и преобразованныхъ ею опекунскимъ совѣтомъ, поразительные результаты ихъ финансовыхъ операцій, давшихъ Императрицѣ обильныя средства для ея многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій,—все это должно было вліять на болѣе просвѣщенныхъ современниковъ, побуждая ихъ къ основанію подобныхъ кредитныхъ учрежденій и въ другихъ городахъ Россіи. Такую же цѣль могло преслѣдовать и Слободско—Украинское дворянство, вѣроятно, также желавшее соединить въ созидаемомъ обществѣ благотворительность съ кредитными операціями. По крайней мѣрѣ, уже въ первомъ засѣданіи своемъ, 29 апрѣля 1812 г., какъ мы уже говорили, совѣтъ постановляетъ: „сумму общества, вносимую въ капиталъ и достигшую къ тому времени 4.600 рублей, отдавать желающимъ взять взаймы подъ проценты, причемъ выдавать ссуды преимущественно помѣщикамъ здѣшней губерніи, коихъ имѣнія достаточно было бы подъ залогъ занимаемой ими суммы, за поручительствомъ двухъ извѣстнаго состоянія помѣщиковъ той же губерніи, срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ,—и взимать шесть процентовъ узаконенныхъ и 4% въ пользу благотворительныхъ учрежденій“ [1]). Какъ видно изъ отчетовъ 1812, 1813 и 1814 г.г., дворяне очень часто и охотно обращались въ общество съ просьбами о выдачѣ имъ ссудъ, такъ что денегъ далеко не хватало на удовлетвореніе всѣхъ просьбъ.

Уже въ 1812 году было выдано, по просьбамъ членовъ,—5566 рублей, въ 1813—6200 рублей и 1000 рублей—въ 1814 году, а всего за три года: 12776 рублей. Такъ какъ требованія все возрастали, а денегъ свободныхъ было мало, то Совѣтъ, очевидно, ожидая, что дворянство охотно будетъ помѣщать свои излишки на сбереженіе и приращеніе процентами въ кассу общества, рѣшился уже въ началѣ 1815 года выработать для своихъ кредитныхъ операцій разъ навсегда опредѣленныя пра-

[1]) Впослѣдствіи Совѣтъ увеличилъ проценты до 12. Впрочемъ первоначально и сохранная касса, принимая капиталы по 5%, выдавала ихъ по 10% подъ залогъ имущества, а ломбардъ бралъ по 12%. Только впослѣдствіи ломбардъ сталъ взимать по 9% и наконецъ по 6%. См. Имп. М. Ѳ., С.-ПБ., 1832 г., стр. 22.

вила и сдѣлать ихъ извѣстными, при помощи печати, болѣе широкому кругу публики. Одинъ экземпляръ подобныхъ печатныхъ правилъ сохранился въ дѣлахъ Институтскаго архива [1]), и мы приведемъ здѣсь этотъ довольно любопытный памятникъ кредитныхъ операцій Общества.

„1815 года марта 26 дня въ засѣданіи Совѣта Харьковскаго Общества благотворенія опредѣлено:

„Входя въ разсужденіе, что многіе изъ живущихъ въ городѣ Харьковѣ и временно бывающіе въ ономъ разнаго званія люди [2]) весьма часто, по встрѣчающимся обстоятельствамъ своимъ, имѣютъ нужду въ займѣ денегъ для своихъ оборотовъ на короткое время, но при семъ желаніи не могутъ достать ихъ, черезъ что терпятъ убытки и разстройство въ своихъ дѣлахъ торговыхъ или другихъ подобныхъ. Вслѣдствіе этого Совѣтъ, руководствуясь Высочайше утвержденными правилами своими и сообразно цѣли учрежденія Общества, по мѣрѣ возможности, доставлять всякаго рода пособія всѣмъ и каждому, постановляетъ слѣдующее.

1. Изъ капитальной суммы Общества отдѣляется на первый случай 5000 рублей, которые и выданы будутъ правителю дѣлъ Общества для роздачи желающимъ взять изъ оной взаймы. Для записыванія таковой выдачи, получаемыхъ процентовъ и закладываемыхъ вещей, получитъ онъ изъ Совѣта шнуровыя книги.

2. Раздача сей вспомогательной суммы производится всякаго состоянія людямъ подъ залогъ разнаго рода и достоинства

---

[1]) См. Институт. Арх. дѣло № 5: „по прошеніямъ разныхъ лицъ, требующихъ заимообразно изъ суммъ Общества благотворенія". Это и есть то самое дѣло которымъ воспользовался авторъ біографіи Г. Ѳ. Квитки, г-нъ С. Р., но, къ сожалѣнію, нужно сказать воспользовался несовсѣмъ удачно, допустивъ очень странные промахи, которые можно объяснить развѣ только спѣшностью работы. Такъ авторъ утверждаетъ, что Общество благотворенія начало свои кредитныя операціи только *черезъ три года послѣ своего основанія*, но читатель могъ убѣдиться, что документы доказываютъ совершенно другое. Положимъ, г-нъ С. Р. имѣлъ подъ руками только одно дѣло № 5, но изъ этого дѣла легко усмотрѣть, что *нѣкоторые займы относятся къ 1812, 13 и 14 му годамъ*.

[2]) Во время ярмарокъ.

вещей, не болѣе 1000 рублей и не менѣе 10 рублей въ однѣ руки, срокомъ отъ 3-хъ дней и до 3-хъ мѣсяцевъ.

3. Имѣющій надобность занять изъ сей вспомогательной суммы относится къ правителю дѣлъ Общества во всякое время съ объявленіемъ и при ономъ представляетъ закладываемую вещь въ обезпеченіе занимаемой имъ суммы. Правитель дѣлъ принимаетъ вещь по своему произволенію и отвѣчаетъ Совѣту и всему Обществу за достоинство ея; слѣдовательно оцѣнка ея остается на его единственной отвѣтственности.

4. Представившій въ залогъ вещь вписываетъ ее съ обстоятельною описью ея въ данную изъ Совѣта Правителю дѣлъ книгу, прикладываетъ къ вещи свою печать и получаетъ росписку въ пріемѣ вещи. Получая же деньги, уплачиваетъ впередъ проценты за нихъ, слѣдующіе по особому росписанію [1]).

5. Сроки выдачи въ займы суммы могутъ быть: 3, 7 и 14 дней; 1, 1 и 3 мѣсяца. Кромѣ того, на всякій непредвидимый для занимающаго деньги случай, назначаются льготные дни на 7 дней—1, на 14 дней—2, на мѣсяцъ—5, на полтора—7 и на 3 мѣсяца—10 дней.

6. По истеченіи срока, занимавшій сумму, представляетъ ее Правителю дѣлъ вмѣстѣ съ билетомъ на заложенную вещь, которую и получаетъ въ томъ видѣ, въ каковомъ ее отдалъ. Въ случаѣ же, если заложенная вещь найдена имъ будетъ поврежденною, тогда долженъ немедленно заявить о томъ Совѣту, отъ котораго въ первомъ засѣданіи будетъ доставлено ему удовлетвореніе.

7. Если самъ занимавшій деньги не можетъ явиться за полученіемъ заложенной вещи, въ такомъ случаѣ надписываетъ на оборотѣ билета, кому довѣряетъ получить ее. Безъ предъявленія билета вещь не выдается.

---

[1]) Росписаніе это, сдѣланное рукою того же неутомимаго Г. Ѳ., находится въ томъ же дѣлѣ на листѣ 27. Вотъ проценты на 10 и на 1000 руб. *За 10 руб.* на 3 дня—10 коп., на 7 дней—12 коп., на 14 дней—15—коп., на 1 мѣс.—20 коп., на 1½ мѣс.—25 к., на 3 мѣс.—30 коп. *За 1000 руб.* на 3 дня—3 руб., на 7 дней—4 руб. 50 коп., на 14 дней—5 руб., на 1 мѣс.—10 руб., на 1½ мѣс.—15 руб., 3 мѣс.—30 руб.

8. Въ случаѣ же, если занимавшій сумму не внесетъ ее и по прошествіи льготныхъ дней, тогда Правитель дѣлъ Общества послѣ того въ первый день предлагаетъ одному изъ членовъ Совѣта сдѣлать въ книгѣ помѣтку, что срокъ прошелъ и заложенная вещь должна итти въ продажу съ аукціона.

9. Невыкупленныя (изъ залога) вещи представляются Совѣту въ ближайшемъ засѣданіи и, по приложеніи къ нимъ печатей членовъ, записываются въ особый реестръ и для продажи ихъ съ аукціона назначается удобный день.

10. Если сумма за проданную съ аукціона вещь будетъ превышать данную подъ залогъ ея, тогда, удержавъ проценты, слѣдующіе по день продажи вещи, излишекъ суммы возвращается залогодателю.

11. По истеченіи каждаго мѣсяца Совѣтъ считаетъ наличную сумму капитала, повѣряетъ всѣ книги и подписомъ членовъ утверждаетъ вѣрность счетовъ.

12. При ежемѣсячной повѣркѣ суммъ Правитель дѣлъ изъ полученныхъ на розданныя взаймы деньги процентовъ часть, т. е. 6% выдаетъ казначею на обыкновенные расходы; прочіе же доходы вносятъ тогда же въ общую приходную капитальную книгу *особою статьею въ числѣ пожертвованій* и въ этомъ видѣ показывается въ отчетахъ публичныхъ и представляемыхъ министерству полиціи.

13. Если кто пожелаетъ внести собственный свой капиталъ для приращенія процентами, онъ можетъ заявить о желаніи своемъ Совѣту и заключить съ нимъ условія о срокѣ (вклада) и платежѣ процентовъ. Условія эти будутъ сохраняемы во всей ихъ силѣ свято и ненарушимо. Внесшему на извѣстныхъ условіяхъ какую либо сумму выданъ будетъ билетъ, обезпечивающій цѣлость и срокъ возврата ея, въ чемъ замедленія не будетъ ни одного дня.

14. Желающій внести какой бы то ни было капиталъ только для сохраненія на опредѣленное время можетъ также отнестись въ Совѣтъ, который принимаетъ сумму запечатанною и за цѣлость ея ручается.

15. Для распространенія въ публикѣ свѣдѣній о такихъ постановленіяхъ Совѣта напечатать ихъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и разослать ихъ жителямъ города Харькова. Подписали члены Совѣта: Петръ Любовниковъ, Антонъ Мейеръ, Андрей Касовскій. Правитель дѣлъ Общества Григорій Квитка.

Правитель дѣлъ Общества считаетъ нужнымъ при семъ объявить съ своей стороны, что выдача взаймы этой вспомогательной суммы начнется съ 7-го апрѣля сего года. Желающіе получить ссуду могутъ обращаться къ нему въ канцелярію Совѣта, помѣщающуюся при Институтѣ Общества благотворенія [1]).

Такимъ образомъ Обществу не хватило только средствъ, чтобы устроить нѣчто въ родѣ городскаго ломбарда на счетъ *этой вспомогательной* суммы, которую рѣшено было выдѣлить изъ капитала. Самыя операціи Общества принимаютъ болѣе широкіе размѣры уже въ силу общедоступности ссудной кассы Общества, предназначенной для лицъ всякаго состоянія, т. е. для ярмарочнаго купечества и мѣщанства. Но главнымъ образомъ, конечно, общество выдавало ссуды *своимъ членамъ*. Такая выдача не прекращалась въ первыя 5 лѣтъ существованія Общества съ 1812 по 1817-й годъ и приносила ему значительные доходы. Но и здѣсь русская халатность и неаккуратность оказала плохую услугу Обществу. То и дѣло должники пропускали сроки, просили объ отсрочкахъ, переписывали свои обязательства и мало думали о погашеніи долга. А такъ какъ проценты шли не па увеличеніе капитала, а на ежегодные расходы, то часто въ кассѣ Общества не было вовсе свободныхъ для выдачи суммъ. Приходилось издерживать еще на содержаніе Института значительныя суммы, взятыя изъ капитала безъ на-

---

[1]) Здѣсь же приложена и форма заявленія о желаніи получить ссуду подъ залогъ вещи. См. тоже дѣло, листъ 25.

Изъ 12 пункта этихъ постановленій можно, пожалуй, заключить, что Совѣтъ не желаетъ обнаруживать настоящую цыфру процентовъ. Подписавшіеся здѣсь члены Совѣта Антонъ Эммануиловичъ Мейеръ (докторъ и инспекторъ врачебной управы) и Андрей Ивановичъ Кассовскій избраны вмѣсто выбывшаго Познанскаго, первый въ члены Совѣта, 2-й въ кандидаты къ нему въ общемъ собраніи членовъ 20 августа 1814 г., какъ видно изъ протокола, находящагося въ „Дневныхъ Запискахъ“ на листѣ 79. Здѣсь подписи 12-ти членовъ. За предсѣдателя Любовниковъ.

дѣжды когда либо пополнить его. Поэтому то денежные обороты Общества никогда не могли стать на степень доходныхъ кредитныхъ операцій. Впрочемъ кредитныя операціи всякаго рода лучше и краснорѣчивѣе всякихъ словъ обрисовываются цифрами и мы должны вновь обратиться къ отчетамъ Совѣта, чтобы получить вполнѣ вѣрное представленіе о дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ въ этой „финансовой сферѣ дѣятельности Общества.

Изъ отчетовъ за первые 4 года существованія Общества [1]) видно, что вообще капитальная сумма Общества вносилась гораздо исправнѣе ежегодной и недоимки падали, главнымъ образомъ, на эту послѣднюю. Уже въ 1812 году, какъ мы видѣли раньше ежегодная сумма по подпискѣ достигла 8,375 рублей, а ко времени перваго торжественнаго собранія членовъ Общества (18 августа того же года) изъ нея поступило всего 6,800 рублей, тогда какъ капитальная сумма внесена была почти вся именно: 4.931 р. 50 коп. и противъ подписной суммы (5.181 р. 50 к.) недоставало всего 250 рублей. Мало того, изъ того же отчета видно, что уже тогда изъ капитала выдано было въ займы 2.000 рублей и къ 18 августа 1812 г. получено 200 рублей %, изъ которыхъ 120 рублей (т. е. 6%) причислено къ ежегодной суммѣ, а 80 руб. (т. е. 4%) къ капиталу. Интересно здѣсь, между прочимъ то, что первымъ должникомъ Общества былъ знаменитый В. Н. Каразинъ. Ссуда въ 2000 рублей была ему выдана, по прошенію *отъ 12 іюня 1812 года*, за поручительствомъ *одного только помѣщика* Харьковскаго уѣзда Ивана Терентьевича Шевича, тогда какъ въ прошеніи сказано: „Въ обезпеченіе сего долгу представляю за себя двухъ поручителей изъ гг. помѣщиковъ здѣшней губерніи“ [2]). Вѣроятно, солидное состояніе Шевича играло здѣсь непослѣднюю роль, хотя и самъ Каразинъ, въ то время стоявшій во главѣ „Филотехническаго Общества“ и, кажется, до тѣхъ поръ исправно уплачивавшій проценты по его акціямъ, считался еще довольно состоятель-

---

[1]) См. „Отчеты“ въ дѣлѣ № 1, в. Институтскаго Архива.

[2]) См. дѣло Ин. Арх. № 5. „По прошеніямъ разныхъ лицъ, требующихъ заимообразно изъ суммъ Общества благотворенія денегъ“.

нымъ человѣкомъ [1]). Удержанные при выдачѣ ссуды 200 рублей (т. е. 10%) и показанные въ отчетѣ, какъ первая прибыль Общества, а равно число и годъ, выставленные на этомъ прошеніи, достаточно констатируютъ фактъ, что *денежныя операціи Общества начались гораздо раньше* основанія Института. Къ сожалѣнію изъ отчета не видно, *какъ составилась* эта первая капитальная сумма изъ пожертвованій или также изъ суммъ, вносимыхъ для приращенія процентами? Если мы вспомнимъ, что впослѣдствіи на содержаніе Института Совѣту приходилось заимствовать деньги изъ капитальной суммы, то намъ не трудно будетъ высказаться въ пользу перваго предположенія, т. е. что бо́льшая часть капитала образовалась путемъ пожертвованій. Когда же деньги вносились кѣмъ нибудь изъ членовъ для временнаго пользованія ими съ цѣлью увеличенія средствъ Общества впредь до востребованія вкладчиками, то объ этомъ всякій разъ особо отмѣчалось въ отчетахъ Совѣта, какъ можно видѣть, напр., уже въ отчетѣ 1812 года относительно майора Михаила Кондратьева, внесшаго 500 рублей въ кассу Общества лишь на время съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употреблялись на дѣла благотворенія.

Для ознакомленія читателя съ условіями подобныхъ временныхъ вкладовъ въ капиталъ общества приведемъ письмо Кондратьева отъ 28 марта 1812 года къ А. Ѳ—чу. „Желая быть членомъ Харьковскаго общества благотворенія, представляю въ капитальную сумму денегъ пятьсотъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употребляемы были въ пользу несчастныхъ, капиталъ же почитался бы принадлежащимъ мнѣ, и буде въ теченіе жизни моей не сдѣлаю тому капиталу особаго

[1]) Хотя для уплаты % по акціямъ, можетъ быть, и занималъ эту сумму. Въ отчетахъ и дѣлахъ Общества не разъ встрѣчаются эти акціи, которыя многіе помѣщики съ охотою представляли вмѣсто денегъ... Нѣсколько разъ упоминается и о полученіи процентовъ по нимъ, но изъ письма В. Маркова, которое мы приведемъ ниже, читатель увидитъ, что многіе помѣщики, жившіе по деревнямъ, процентовъ никакихъ не получали. Уже въ 1824 году (т. е. 12 лѣтъ спустя) село Кручикъ, имѣніе Каразина, было описано за долгъ его графу Подгоричани-Петровичу. (См. Пр. Н. Лащенкова. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручика, Харьковскій Сборн. на 1887 г., стр. 58—59).

опредѣленія, то по смерти моей, на основаніи 26-й статьи Высочайше утвержденныхъ сему обществу правилъ, причислить сіи деньги къ суммѣ общества". Такое же точно письмо еще отъ 16 марта 1812 года прислалъ въ общество другой жертвователь Аркадій Левшинъ (или Колпинъ, фамилія не разобрана), отдававшій 500 руб. въ пользованіе общества на тѣхъ же условіяхъ [1]). Впрочемъ, вопреки ожиданіямъ Совѣта, такіе денежные вклады въ капиталъ общества дѣлались очень рѣдко. (Мы нашли ихъ всего 3). Большинство такъ называемыхъ единовременныхъ взносовъ поступало въ видѣ *пожертвованій*. Но крупныя пожертвованія были нечасты. Въ 1812 году ихъ было всего шесть крупныхъ (отъ 100 до 500 руб.) и нѣсколько мелкихъ. Охотнѣе всего жертвовали члены акціями филотехническаго общества, очевидно, не возбуждавшими къ себѣ довѣрія. Такъ въ „Дневныхъ Запискахъ Совѣта" за 1812 годъ читаемъ слѣдующее. „1812 года 31 декабря мы, нижеподписавшіеся, члены Харьковскаго Филотехническаго общества представляемъ выданныя намъ отъ правителя дѣлъ того общества г-на Стат. Совѣтника и Кавалера Василія Назаровича Каразина въ прошломъ 1811 году сторублевыя акціи въ Совѣтъ Харьковскаго общества благотворенія съ тѣмъ, чтобы акціи эти были внесены въ капитальную сумму общества сверхъ опредѣленнаго уже нами въ ежегодный взносъ. А. Квитка, Ав. Эли, Ив. Гиржевъ, С. Левшинъ, Н. В. Лосевъ, П. Смагинъ, Іона Познанскій, Гр. Дм. Девіеръ, П. Карповъ, Василій Марковъ [2]). Въ 1813 году крупныхъ единовременныхъ взносовъ было 3, по 250 рублей каждый [3]), въ 1814 году четыре, въ 1815 и 1816 только по одному взносу въ 250 рублей и одинъ въ 25 рублей отъ неизвѣстнаго (съ подписью „русскій дворянинъ"). Только 1817 годъ отли-

---

[1]) См. Дѣло Ин. Арх. № 3. „О взнесенныхъ единовременно въ капиталъ Общества суммахъ", листы 7 и 8. Отсюда видно, какъ составлялся первоначальный капиталъ Общества.

[2]) См. Дѣло Ин. Арх. № 1, а. Противъ каждой фамиліи рукою Г. Квитки обозначено: „получено".

[3]) Пожертвовали Платонъ Карповъ, Мих. Бедрига и М. Кондратьевъ. Послѣдній отдавалъ половину изъ тѣхъ 500 рублей, которые внесъ въ общество для временнаго пользованія.

чается сравнительно обильными пожертвованіями. Вѣроятно, усилившіеся со времени посѣщенія Харькова Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ слухи о принятіи въ ближайшемъ будущемъ основаннаго обществомъ института подъ Высочайшее покровительство и главное начальство вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны были причиной такого явленія. Но объ этихъ пожертвованіяхъ, простиравшихся до 3,000 рублей (2,875 р.) [1]) и предназначенныхъ исключительно на содержаніе института мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, теперь же остановимся еще разъ на *составѣ капитала*, на сколько это можно видѣть изъ отчетовъ за 1812—15 гг. Только за первый годъ существованія общества отчетъ не выясняетъ, какимъ образомъ составился капиталъ, но въ 1813 году уже возрастаніе и составъ его обозначаются довольно опредѣленно. Къ началу 1813 года въ „заимообразной раздачѣ“ состояло уже 5566 рублей и на лицо капитала было всего 53 р. 50 к. Къ этой суммѣ въ теченіе отчетнаго года поступило: процентовъ съ капитала—222 рубля, процентовъ по акціямъ филотехническаго общества—24 рубля, за табакерку, подаренную обществу Пл. Ник. Карповымъ, выручено—310 руб., въ 2-хъ маскарадахъ, устроенныхъ въ пользу общества выручено—334 р., присланныхъ отъ неизвѣстнаго—100 рублей, выручено за продажу съ аукціона рукодѣлій воспитанницъ—453 руб., еще отъ неизвѣстнаго 10 рублей, пожертвовано въ пользу института разными лицами—456 р. Прислано П. Г. Демидовымъ (сверхъ ежегодныхъ 1000 рублей) для воспитанія юношества—200 рублей [2]). Весь оста-

---

[1]) Приводя цыфры пожертвованій, сдѣланныхъ въ 1812—17 годахъ, мы не считаемъ обычныхъ (ежегодныхъ) пожертвованій именитыхъ членовъ въ родѣ П. Г. Демидова или (вступившаго нѣсколько позже) графа Каменскаго.

[2]) Тогдаже установлено, чтобы одна воспитанница при институтѣ и одинъ воспитанникъ при гимназіи носили имя Демидовскихъ. Впослѣдствіи рѣшено было поставить портреты гр. Каменскаго и Демидова въ торжественномъ залѣ института. Подъ рубрикою „пожертвованія“, какъ помнитъ читатель, показаны и 4% на капиталъ, т. е. 456 р., слѣдовательно всего % за 1813 годъ получено 678 рублей. Въ одномъ изъ своихъ постановленій Совѣтъ съ цѣлью возвысить доходность капитала, увеличилъ взимаемые %% до 12 (какъ въ настоящее время беруть всѣ частные банки), но также скрывалъ добавочные 6%, помѣщая ихъ въ отдѣлѣ пожертво-

токъ ежегодной суммы отъ 1812 года, т. е. 1286 р. 21 к., рѣшено причислить къ капиталу, который такимъ образомъ возросъ уже до 8,901 р. 71 к.; изъ нихъ взято въ заемъ членами 7766 рублей, оставалось на лицо ко времени отчета (т. е. въ августѣ 1813 года) 1135 руб. 71 коп. Къ началу 1814 года изъ этихъ денегъ на лицо было только 972 р. 66 коп. Въ теченіе 1814 года вступило: недоимки за прежніе годы—250 рублей; за рукодѣлія воспитанницъ, проданныхъ съ аукціона—1150 рублей; за рукодѣліе, ими же по заказу работанныя,—165 р.; изъ подаренныхъ Г-мъ Стойковичемъ 200 книгъ продано 20 экземпляровъ на 95 руб. Получено: отъ А. С. Эли (%)—195 р., отъ К. П. Щербининой—35 р., П. А. Герсеванова—20 р., Д. Ф. Сердюкова—25—отъ неизвѣстнаго—25 р., отъ неизвѣстнаго *бостонной подати*—13 руб., В. Н. Каразина—120 р., неизвѣстнаго черезъ Д. И. Булычева—50 р., отъ дѣйствительныхъ членовъ Донецъ-Захаржевскаго и Адамова (по 500 р.)—1000 р., а всего капиталу 13,520 р. 50 к. Выдано въ займы изъ этой суммы: 8,766 рублей и издержано на институтъ 1336 рублей. Такимъ образомъ капиталу къ началу 1815 года на лицо было: 2990 р. 31 коп. Къ этому въ 1815 году поступило: % съ капитала, выдаваемаго въ займы,—399 р. 7 к., отъ дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ по 250 р. въ капиталъ,—775 рублей; прежней недоимки взыскано 2475 рублей, за рукодѣлія воспитанницъ выручено—1070 рублей, отъ 2-хъ неизвѣстныхъ лицъ пожертвовано—150 руб. и червонецъ, отъ П. Г. Демидова—500 р. (Совѣтъ постановилъ, чтобы портретъ этого благодѣтеля былъ повѣшенъ навсегда въ залѣ института. Им—ца Марія Ѳеодоровна утвердила это постановленіе Совѣта); получено отъ разныхъ лицъ—766 р. 22 коп., отъ дѣйствительнаго члена Николая Бразоля—250 р. Кромѣ того Г-нъ Масловичъ представилъ въ Совѣтъ 300 экземпляровъ кантаты, написанной въ похвалу Слободско-Украинскаго дворянства, учредившаго общество благотворенія, и корреспонденты общества про-

---

ваній". Хотя правительство едва ли могло имѣть что либо противъ этого Ломбарда брали до 12% годовыхъ.

дали ихъ на 80 рублей, такъ что весь капиталъ общества достигъ 16,619 руб. 74 к. Изъ него выдано въ займы: 11,536 р. и взято заимообразно на содержаніе института 3,219 руб. 23 к. Въ концѣ отчета о состояніи капитальной суммы находится слѣдующее примѣчаніе. „Совѣтъ употребить все свое стараніе вознаградить расходъ сей изъ капитала и изыщетъ способы замѣнить одну сумму другою. Обращеніе капитальной суммы выдачею въ займы на короткое время съ обезпеченіемъ представляемыми въ залогъ вещами доставляетъ ей значительное приращеніе, чему можетъ служить примѣромъ сумма въ 200 руб. выданная въ апрѣлѣ подъ % и обратившаяся къ 21 августа въ 212 руб.“ За тѣмъ перечислены различныя пожертвованія вещами на 510 рублей и заявлено о безкорыстіи А. И. Демьяненкова, безвозмездно исправляющаго обязанности правителя канцеляріи Совѣта.

Отлагая въ сторону остальные отчеты, касающіеся исключительно содержанія института, тѣмъ болѣе, что выдача денегъ взаймы послѣ 1815 года почти вовсе не практиковалась, мы сдѣлаемъ здѣсь лишь одно замѣчаніе по поводу кредитныхъ операцій общества. Какъ видитъ читатель, составъ капитальной суммы нашего общества вовсе не такой, какой мы находимъ въ современныхъ намъ кредитныхъ обществахъ. Здѣсь капиталъ весь или почти весь образовался изъ пожертвованій, въ кредитныхъ же обществахъ нашего времени онъ составляется изъ различныхъ вкладовъ, отдаваемыхъ съ цѣлью приращенія процентами, полученія дивиденда и съ другими чисто коммерческими цѣлями. Ничего подобнаго въ цѣляхъ нашего общества не было или, по крайней мѣрѣ, судя по всему только что изложенному, ни въ чемъ не обнаружилось. Общество совершенно оправдывало свое названіе, преслѣдуя цѣль чисто благотворительную, и если мы позволили себѣ (хотя и отдаленное) сравненіе операцій общества съ операціями обществъ „взаимнаго кредита“, то мы сдѣлали это, основываясь исключительно на внѣшнемъ признакѣ—на *довѣріи* общества къ членамъ, выражавшемся въ формѣ простого поручительства безъ обезпеченія

залогомъ (имущества) и напоминающемъ нашъ учетъ векселей [1]).

Возвращаясь снова къ должникамъ общества, мы должны обратить вниманіе читателя на тотъ печальный фактъ, что только очень немногіе заемщики общества платили во время, большинство прибѣгало къ постояннымъ отсрочкамъ, нѣкоторые же не платили вовсе. Тотъ же В. Н. Каразинъ, получившій ссуду, какъ мы видѣли, еще въ 1812 году, четыре раза просилъ объ отсрочкѣ и уплатилъ долгъ совсѣми % только въ 1817 году. Даже самъ пресѣдатель совѣта А. Ѳ. Квитка, получившій 4 декабря 1812 года за порукой 2-хъ членовъ (Эли и Бедряги) въ ссуду 566 руб. *на одинъ годъ*, просилъ черезъ годъ отсрочки еще на годъ, но какъ видно изъ дѣла № 5, уплатилъ ихъ только въ ноябрѣ 1816 года [2]). Изъ всѣхъ должниковъ общества наиболѣе аккуратною оказалась полковница Екатерина Петровна Щербинина, представившая въ совѣтъ занятыя ею 21 августа 1812 года 3500 руб. ровно черезъ годъ и 1 мѣсяцъ (21 сентября 1813 года) съ уплатою % и за просроченное время [3]). Напротивъ того всѣ лица, воспользовавшіяся услугами общественнаго кредита въ 1813 году, оказались самыми небрежными плательщиками. Такъ капитанъ Сер. Левшинъ, взявшій 700 руб. 28 января 1813 года, уплатилъ ихъ послѣ неоднократныхъ напоминаній и писемъ отъ совѣта, только 24 сентября 1817 года [4]).

Но особенно много хлопотъ причинили совѣту 2 его корреспондента: Зміевскій—маіоръ Михаилъ Бедряга и Купянскій

---

[1]) А пріемъ къ учету заемныхъ писемъ со всѣмъ напоминаетъ вексельную операцію Обществъ „взаимнаго кредита".

[2]) Приложивъ при этомъ еще 250 рублей взноса съ цѣлью получить званіе дѣйствительнаго члена Общества ibidem, листы 21 и 61.

[3]) „Хотя я просила Совѣтъ объ отсрочкѣ уплаты занятыхъ мною 3500 руб· еще на годъ, но нынѣ находясь при деньгахъ, желаю уплатить оныя со всѣми процентами". Ibidem, листъ 16.

[4]) При чемъ представилъ и часть добровольно пожертвованныхъ 300 руб., а всего 1000 руб. (ibidem, листъ 34). Вотъ что пишетъ ему Квитка: „отсрочки въ занятыхъ вами деньгами сдѣлать отнюдь нельзя: деньги нужны на покупку дома, почему и назначается послѣдній срокъ уплатѣ 15 августа сего 1816 года". То же повторяется въ оффиціальномъ отношеніи Совѣта, но Левшинъ уплатилъ слишкомъ годъ спустя послѣ этого.

Ав. Ст. Эли. Оба они взяли довольно значительныя суммы: первый—1000 руб., 2-й—4750 руб., оба уплатили долгъ свой гораздо позже другихъ должниковъ и даже не самому обществу, а въ иныя учрежденія, которымъ общество благотворенія передало свои обязательства. Михаилъ Бедряга получилъ еще 16 января 1813 года свою 1000 руб. и не только не платилъ долга, но мало заботился о процентахъ, не смотря на частыя напоминанія совѣта [1]). Долгъ этотъ числился на немъ до 1818 года, когда прошло отдѣленіе института отъ общества и по просьбѣ совѣта обращенной къ экономическому комитету при слободско-украинской гимназіи и даже попечителю округа З. И. Корнѣеву, былъ принятъ слободско украинской гимназіей въ уплату за пансіонеровъ, содержимыхъ при этой гимназіи обществомъ благотворенія, однако попечитель учебнаго округа настоялъ, чтобы совѣтъ общества благотворенія взялъ на себя взысканіе съ своего корреспондента денегъ. Тогда отъ совѣта поступила жалоба въ слободско-украинское губернское правленіе съ просьбою о взысканіи съ Бедряги денегъ. „Зміевскаго уѣзда помѣщикъ маіоръ Бедряга прошлаго 1813 года 16 января занялъ изъ капитальной суммы харьковскаго общества благотворенія тысячу рублей за подлежащіе проценты, долгу своего до сихъ поръ не уплатилъ и проценты внесъ только 16 января 1815 года, съ того же времени не только не вносилъ процентовъ, но и не просилъ объ отсрочкѣ. Какъ видно изъ отношенія губернскаго правленія Бедряга долженъ былъ переписать данное имъ обязательство (т. е. прошеніе о выдачѣ съ 2-мя поручителями) на заемное письмо, но онъ предпочелъ

---

[1]) Въ дѣлѣ № 3 находится нѣсколько циркулярныхъ посланій Совѣта къ Бедрягѣ, на которыя онъ отвѣчалъ, „что не знаетъ, сколько на долю его причитается процентовъ, что исполняя различныя порученія графа Алексѣя Андреевича Аракчеева не могъ доставить Совѣту долга и что, наконецъ, удивляется зачѣмъ Совѣту получать съ него деньги, когда капиталъ Общества долженъ остаться неприкосновеннымъ и что Совѣту все равно съ кого получать проценты, которые онъ, Бедряга, не отказывается „платить“ и т. д. Но Совѣтъ, не обращая вниманія даже на „порученія графа Алексѣя Андреевича“ представилъ прошеніе Бедряги въ Губернское правленіе и тѣмъ заставилъ его предложить въ уплату долга 3 десятины лѣсу. См. Дѣло № 7, Инст. Архива.

предложить обществу вмѣсто 1000 рублей (а съ % 1205 руб.) три десятины лѣсу. По соглашенію съ дирекціей училищъ лѣсъ этотъ былъ принятъ въ уплату слободско-украинскою гимназіею, но такъ какъ онъ пошелъ по слишкомъ низкой цѣнѣ, то слободско-украинская гимназія считала еще 700 руб. за обществомъ благотворенія. По разнымъ обстоятельствамъ совѣтъ не хотѣлъ признать этого долга и дѣло затянулось. Впрочемъ объ окончаніи его мы скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ, теперь же перейдемъ къ Августу Стан. Эли. Повидимому, Эли былъ однимъ изъ тѣхъ русско-нѣмецкихъ чиновниковъ, которые состоя долгое время въ русской службѣ и пріобрѣтя имѣніи въ слободско-украинской губерніи, все еще тяготѣли къ Германіи. Даже самое имѣніе Эли носило нѣмецкое названіе Луизенталь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Эли могъ бы возвратить взятыя имъ деньги во время, но онъ не хотѣлъ этого дѣлать, видя, какъ легко можно отсрочивать долги свои. Онъ или отмалчивался на запросы совѣта объ уплатѣ долга или процентовъ, или вновь переписывалъ свое обязательство, увеличивая, а не погашая свой долгъ. Ко времени отдѣленія института отъ общества, долгъ Эли возросъ, очевидно, до значительной цифры и ловкій нѣмецъ, не желая платить деньги немедленно (въ виду возможнаго взысканія по суду) придумалъ очень выгодный для себя исходъ: онъ предложилъ совѣту института поставлять въ институтъ въ счетъ долга всѣ съѣстные припасы (муку, крупу, свиное сало и т. д.) со скидкою 20% противъ справочныхъ цѣнъ. Тогда же былъ заключенъ съ нимъ контрактъ. Но какъ исполнялся имъ этотъ контрактъ видно изъ того, что Совѣтъ постарался, какъ можно скорѣе развязаться съ нимъ, передавши, между прочимъ, его заемное письмо на сумму 7600 руб. уходившему въ то время изъ совѣта Г. Ѳ. Квиткѣ [1]). Это было уже въ 1821 году.

Такъ долго могли оттягивать уплату должники общества! Говоря о крупныхъ должникахъ, мы не должны упустить изъ

---

[1]) См. дѣло Ин. Архива № 23. „О должныхъ Купянскимъ помѣщикомъ Густавомъ Эли деньгахъ обществу благотворенія и о поставкѣ въ счетъ долга разныхъ припасовъ институту благородныхъ дѣвицъ".

виду и мелкихъ потому, что мелкія ссуды, выдаваемыя изъ „вспомогательной“ суммы должны были приносить обществу больше пользы, нежели крупныя. Но и здѣсь на каждомъ шагу обнаруживается неопытность привитела дѣлъ и членовъ совѣта, удовлетворявшихъ прошенія лицъ, часто не заслуживавшихъ довѣрія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Еще въ 1813 году проѣзжалъ черезъ Харьковъ командированный изъ Петербурга на Кавказъ форштмейстеръ Ив. Егоровъ Лундегрейнъ. Издержавъ данные ему прогоны, онъ заявляетъ совѣту, что потерялъ на дорогѣ къ Харькову 80 руб. и не можетъ добраться до мѣста своего назначенія. Совѣтъ выдалъ ему 35 руб. и взялъ отъ него росписку безъ всякаго поручительства въ уплатѣ. Единственнымъ документомъ кромѣ его росписки была копія съ подорожной, выданной форштмейстеру отъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязьмитинова. Получивъ эту небольшую сумму, Лендегрейнъ, повидимому, совершенно забылъ о ней. Тогда совѣтъ обратился съ жалобой на него въ кавказское губернское правленіе, которое, въ свою очередь, обратилось съ запросомъ о Лунденгрейнѣ къ оберфорштмейстеру Новикову. Мы не знаемъ, каковъ былъ отвѣтъ этого послѣдняго и получилъ ли совѣтъ удовлетвореніе, но видимъ ясно, какъ могла быть чувствительна для общества потеря даже такой незначительной суммы, если совѣтъ и правитель дѣлъ такъ долго вели о ней переписку. Долго также велась переписка по поводу заемныхъ писемъ, представленныхъ въ общество для обезпеченія долга. Такъ подпоручикъ Сильвестръ Давыдовъ заложилъ обществу заемное письмо на 400 руб. поручика Марандаки, но совѣтъ не смотря на частые запросы и жалобы въ таврическое губернское правительство [1]) денегъ по заемному письму съ поручика не получилъ. Таковъ же, кажется, былъ результатъ иска по заемному письму шт. капитана Хвостова, выданному имъ 13 февраля 1812 года срокомъ по ноября того же года капитану Ник. Давыдову. Этотъ, своего рода, учетъ векселей, кажется, менѣе всего удался обществу, которое при учетѣ удер-

[1]) А ое „Правленіе“, см. дѣло № 5, листъ 18 и др.

живало значительные проценты, но за то много теряло, не получая вовсе капитальной ссумы. Впрочемъ такихъ случаевъ мы насчитаемъ всего 3. Гораздо легче производилась выдача ссудъ подъ залогъ вещей. Изъ нѣкоторыхъ указаній отчета можно заключить, что выдача эта производилась въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ можно судить по уцѣлѣвшимъ документамъ. Въ дѣлѣ № 5 сохранилось только 2 росписки о закладѣ вещей губернскаго секретаря Ленскаго, 2 иностранца Алландера и 2 помѣщика Тебѣкина, отъ имени котораго заложилъ вещи какой то Токаренковъ, не пожелавшій возвратить ему залоговую квитанцію, на что Тебѣкинъ жаловался совѣту и взамѣнъ получилъ новую квитанцію. Иностранецъ же Алландеръ, получившій подъ залогъ вещей по первой квитанціи 500 руб., по 2-й—100 руб. учелъ кромѣ того 2 заемныя письма: одно на его имя выданное Выдринымъ, другое выданное Осипомъ Калиновскимъ на имя магистра Шумана. По обоимъ письмамъ пришлось начать взысканіе, которое, повидимому, привело къ благопріятнымъ результатамъ. Дѣло Алландера обращаетъ на себя вниманіе еще по резолюціямъ совѣта о выдачѣ денегъ. Такъ на первомъ прошеніи о выдачѣ подъ залогъ вещей стоитъ резолюція: „выдать 300 рублей—изъ капитальной суммы; 200 руб.—изъ *демидовскихъ* суммъ". И такъ капиталу не хватало и приходилось брать ссуды изъ другихъ источниковъ. Въ случаѣ неуплаты—приходилось урѣзывать деньги, опредѣляемыя на содержаніе воспитанниковъ при гимназіи и на другіе расходы. Дѣла запутывались болѣе и болѣе и общество принуждено было вовсе прекратить свои финансовыя операціи. Послѣднія ссуды относятся къ 1816 году [1]), хотя въ черновой донесенія министру полиціи, писанной еще въ 1815 году, какъ мы видѣли, совѣтъ заявляетъ о необходимости прекратить выдачу денегъ взаймы вслѣдствіе неаккуратнаго поступленія взносовъ. И такъ общество потерпѣло и здѣсь фіаско. Въ сравненіи съ колоссальными кредитными операціями нашего времени эта сторона дѣятельности нашего общества покажется читателю, навѣрное, ничтожной и мизерной, но мы позволимъ себѣ напомнить читателю, что и совре-

[1]) Подъ заемныя письма, какъ болѣе надежные документы.

менные намъ банки, ворочающіе теперь огромными капиталами начинали свою дѣятельность съ крайне ничтожными капиталами. Только времена теперь другіе и всякая добрая иниціатива находитъ себѣ энергическую поддержку въ обществѣ [1]). А общество благотворенія преслѣдовало при томъ не одну, а нѣсколько слишкомъ широкихъ задачъ, исполнить которыя въ то время еще не было возможности. За нимъ осталась, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что съ именемъ его навсегда связана память о воспитаніи мѣстнаго юношества [2]) и объ учрежденіи перваго женскаго учебнаго заведенія, имѣвшаго большое значеніе для всего юга Россіи.

В. Лапинъ.

---

[1] Харьковскій городской банкъ началъ съ основн. капиталомъ въ 10.000 рублей: черезъ 25 лѣтъ онъ ворочалъ милліонами.

[2]) Въ дѣлѣ арх. дворян. депутат. собранія за № 15, Г. Ѳ. Квитка въ запискѣ о дѣятельности Общества благотворенія за 1812—1818 годы такъ опредѣляетъ число воспитанниковъ, обучавшихся на счетъ Общества.

Изъ воспитанниковъ Общества благотворенія въ пансіонѣ при гимназіи опредѣлено въ военную службу 16, изъ которыхъ 7 эпикированы были на коштъ Общества. Поступилъ въ студенты университета—1 чел. Продолжаютъ ученіе—пять. Изъ дѣла Инст. Архива № 6 „О питомцахъ воспитывавшихся въ Слободско-украинской гимназіи на счетъ Общества благотворенія съ 1812 по 1816 годъ“ видно, что Совѣтъ въ 1813 году, извѣщая министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи института для 20 бѣдныхъ дѣвицъ, просилъ министра о дозволеніи замѣщать воспитанниками Общества 5 ваканцій казеннокоштныхъ воспитанниковъ при гимназіи, но министръ графъ Алексѣй Разумовскій отвѣчалъ, что не находитъ нужнымъ оставлять эти ваканціи для воспитанниковъ Общества, такъ какъ на нихъ и безъ того много кандидатовъ. Изъ дѣла Инст. архива № 7, „о должныхъ Харьковскимъ Обществомъ благотворенія Харьковской гимназіи за бывшихъ въ оной воспитанниковъ 700 р. денегъ“ (на 85 листахъ) и изъ дѣлъ Архива харьковской 1-й гимназіи №№ 166, (1812 года) 202, (1813 г.), 19, (1814 г.), и 55, (1816 года), видно, какъ Обществу съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе выплачивать гимназіи деньги за содержаніе воспитанниковъ. Уже въ 1820 году совѣтъ вовсе не находилъ средствъ для уплаты долговъ Общества Харьковской гимназіи за воспитанниковъ: Цебриковыхъ и Богуславскаго. Постоянныя жалобы на безденежье со стороны Совѣта, обратили, наконецъ на себя вниманіе правительства, которое предписало впослѣдствіи приказамъ общественнаго призрѣнія тѣхъ губерній, откуда родомъ были воспитанники, уплачивать содержаніе и обученіе ихъ въ Слободско—украинской гимназіи.

Очерки дореформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи.

Площадь Полтавскаго Побережья, орошаемая Днѣпромъ и его притоками, поросшая большими лѣсами, въ старые годы представляла большія удобства для хлѣбопашества. Пріятно было пахарю бросать сѣмена въ сырую землю съ увѣренностію, что трудъ его вознаградится сторицею. Среди обширнаго поля, сколько глазъ захватитъ раскинулся зеленый коверъ: цвѣты въ безпорядкѣ перемѣшали свои краски, слили воедино свой запахъ, стоятъ неподвижной стѣной; стада въ безпорядкѣ бродятъ, рога едва видны изъ зеленой травы, и только фырканье ретивыхъ коней, да изрѣдка ревъ быка, чующаго близкое присутствіе волка, давали знать о присутствіи стада. Въ полдень, когда стадо нестройной толпой пустится къ водопою, какихъ стройныхъ, тучныхъ животныхъ провожаетъ наблюдательный глазъ. Вдали послышался голосъ: чья это пѣсня раздается среди безмолвной степной тишины? Чумакъ затянулъ нескончаемо длинную пѣсню „Пугача“ и поетъ проходя безлюдныя степи; привольно ему тянуться, лежа, покачиваясь на своемъ громадномъ возу, покрытомъ сверху хорошо пропитанной дегтемъ кожей, и наполненномъ зернистой красной пшеницей или, при обратномъ движеніи отъ соляныхъ озеръ, дорогой тогда солью. Только эхо вторитъ его пѣснѣ. Степь, раздольная степь, не ты ли сложила эту пѣсню своему страннику чумаку?.. Скрипъ и стукъ колесъ слышится ближе и вслѣдъ затѣмъ протяжное „тпру“ водворяетъ тишину. Возы стали, пора чумакамъ ночевать, волы распряжены, тутъ же разбрелись по зеленой травѣ;

блеснулъ у воза огонекъ и каша кипитъ въ казанъ. Привольно пасутся волы, объѣздныхъ нѣтъ, штрафовъ никто не беретъ; покойно до самаго утра спятъ чумаки. Лишь солнце блеснетъ, опять заскрипѣли возы, и снова запѣлъ свою пѣсню „Пугача“ чумакъ, „гей, гей!“ изрѣдка покрикивая на воловъ.

Малороссійскій чумакъ совсѣмъ не то, что русскій извозчикъ, хотя цѣль ихъ одна и та же: свезти мѣстные продукты и мѣнять на иногородніе. Извозчикъ велъ свое дѣло на лошадяхъ и хотя колесилъ во всѣ концы матушки Россіи, но шелъ всегда мѣстами людными, избиралъ трактовыя дороги, не бралъ съ собой никакихъ запасовъ, кромѣ мошны съ серебряными рублевиками. Онъ зналъ, что вездѣ по дворамъ найдетъ сѣно, овесъ и сытныя щи. Чумаку путь лежалъ изъ Малороссіи въ Крымъ; проходилъ онъ по безлюднымъ степямъ, нога за ногой, совершая три ходки въ лѣто къ соляннымъ озерамъ, сбывъ соль, повозвращеніи на мѣсто, торговцамъ, зимовалъ дома, гдѣ ожидала его семья съ полнымъ запасомъ красной зернистой пшеницы и полновѣсной ржи и роскошь гречиха, вареники съ сыромъ, облитые масломъ, и ласка чорноокой козачки, и зимняя длинная ночь, и теплая хата, и мягкія пуховыя подушки; а для воловъ пахучее сѣно, роскошная барда—награда за всѣ путевые лишенія.

Въ старые годы чуманство въ Малороссіи было въ большомъ развитіи. Вызвало его, главнымъ образомъ, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и изобиліе рогатаго скота. Въ то время въ Малороссіи сѣяли хлѣбныхъ злаковъ сравнительно очень мало но урожаи были обильные, сбытъ хлѣба, несмотря на близость черноморскихъ портовъ, былъ затруднителенъ; дешевая продажа его на мѣстѣ не представляла никакихъ выгодъ для хлѣбопашца, а потому волей-неволей надо было искать другихъ доходныхъ источниковъ. Успѣшная хлѣбная торговля велась только лишь въ мѣстахъ, лежащихъ близь Днѣпра. Отправка хлѣба по Днѣпру шла съ успѣхомъ въ верхъ, когда усиливался запросъ изъ Литвы. Сплавъ его внизъ затрудняли пороги, почему многіе предпочитали отправлять хлѣбъ съ чумаками въ объѣздъ пороговъ, ниже которыхъ установляло разъѣзды въ Переславѣ и Ко-

хавкѣ, куда преимущественно и направляли свой путь чумаки, гдѣ, распродавъ хлѣбъ и махорку, въ то время въ изобиліи производившуюся въ Малороссіи, шли дальше къ солянымъ озерамъ. Чумакствомъ занимались не только козаки, а даже и помѣщики снаряжали самостоятетьно свои валки подъ управленіемъ довѣренныхъ лицъ изъ довѣренныхъ крѣпостныхъ.

Козаки и въ настоящее время во многомъ сохранили свои характерныя черты и весьма рѣзко выдѣляются изъ общей среды. Солидарности между козаками и крестьянами никогда не существовало. Сословное преимущество козаки признавали, да и теперь признаютъ за собой; такъ напр. выдать дочь за крестьянина или взять невѣсту изъ крестьянской семьи допускалось только лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Чумаки преимущественно отвозили къ портамъ свой хлѣбъ и только при недостачѣ на всѣ партію брали „фуру". Фурой называется кладь отъ другого лица. Въ старые годы были села, населеніе которыхъ все, безъ исключенія, занималось чумачествомъ, а велось это дѣло такъ: собиралась валка возовъ въ тридцать—сорокъ; опытный чумакъ избирался ватагомъ, ему то поручались всѣ дѣла, относящіяся ко всей партіи такъ, что ватагъ имѣлъ право принимать въ свою партію кого ему угодно, рѣшалъ продажу и покупку продукта, уславливался въ цѣнѣ за извозъ, осматривалъ исправность возовъ и худобы и велъ всѣ дорожніе расходы. Съ четырьмя парами воловъ легко управлялся одинъ рабочій. Въ такихъ селахъ считали плохимъ хозяиномъ того, кто не посылалъ въ Крымъ по соль или на Донъ по рыбу хотя бы одну—двѣ пары; но зато въ этихъ селахъ были и такіе зажиточные съ предковъ богачи, что однимъ своимъ дворомъ собирали полную валку. Запѣли жаворонки—вѣстники весны и чумаки уже тянутся къ югу, на встрѣчу ему журавли, перекликнулись путники, счастливаго пути одинъ другому пожелали и безлюдная степь за зиму, не слыхавшая ни одного звука, снова огласилась пѣснею чумака. Легкая кладь на пару воловъ считалась въ пятьдесятъ пудовъ. Хорошіе волы везли обыкновенно шестьдесятъ—семьдесятъ пудовъ; а кто *кохався въ худоби* и держалъ хорошихъ воловъ, тотъ клалъ и девяносто пудовъ

на пару, но тогда уже больше двухъ ходокъ въ лѣто не дѣлалъ. Хорошая и удачная ходка, когда волы не болѣютъ и хороши корма по пути приносила среднимъ числомъ въ одинъ оборотъ двадцать пять—тридцать рублей на пару, такимъ порядкомъ чумакъ имѣетъ въ лѣто отъ пары воловъ за всѣми расходами семьдесятъ пять — девяносто рублей, причемъ еще иногда имѣли возможность дома *трохы пидгоратысь*.

Козакъ на Побережьи, такъ зовется приднѣпровская мѣстность,—всего имѣетъ у себя полную чашу: хлѣба у него полные закрома. *Срибни карбованци и червинци скрыню ломалы*; коровы даютъ молоко, жирныя свиньи не только для домашняго обихода, но и для продажи снабжали претолстѣйшимъ саломъ; а въ *борщи завжде кыпыть курка*. Дѣйствительно, козаки всегда имѣли у себя чисто и вкусно приготовленную пищу: молочная каша, вареники, а на вечерю непремѣнно *гречани галушки* съ саломъ, а въ постный день—„*звари менѣ, жинко, чабака*“.

Кромѣ птицы, употребляли баранину и свинину, говядины тогда не ѣли. Чумаки смотрѣли на вола, какъ на своего друга, сотрудника. Онъ дѣлитъ съ нимъ всѣ невзгоды во время пути и наслаждатся роскошью зимней стоянки у себя дома, гдѣ такъ тепло и уютно. Даже при несчастіи, когда быкъ сломаетъ ногу или получитъ другое какое увѣчье, и тогда чумакъ не подыметъ руки на своего друга вола и со слезами сдаетъ его торговцу. Вслѣдствіе хорошаго довольства, козакъ, несмотря на тяжелую, трудовую жизнь, не скоро старѣется и даже въ немолодые годы имѣетъ привлекательный видъ. И потому среди сельскаго населенія всегда легко отличить козачку не только по ея богатому наряду, но и по привлекательному типу: роскошная черная коса и бѣлое лицо, и полныя груди и даже рука подъ развитіемъ усиленнаго физическаго труда не получила той неправильной и грубой формы, какимъ отличается крестьянка при своемъ среднемъ довольствѣ.

Козакъ Побережья щеголеватѣй козака отдаленныхъ мѣстъ. Высокія чорныя или сивыя смушковыя шапки даже въ лѣтнюю пору замѣняются соломенными или войлочными брылями лишь только въ рабочіе дни: въ праздники же, идя въ церковь, не-

пременно одѣваетъ смушковую шапку, жупанъ синяго тонкаго сукна, широкіе китайковые штаны, хорошо смазанные дегтемъ *чоботы*, *червоная стежка* и *червоный поясъ* завершали роскошь наряда. Козачка обувала непремѣнно *сальяници;* подолъ бѣлой тонкой сорочки, вышитый гладью, всегда видѣнъ изъ подъ роскошной шелковой или гарусной плахты; смотря по времени, байковая, или ситцевая юбка обхватываетъ стройный станъ; на шеѣ—дорогіе мониста, *золотие* и *срибни дукачи*, а чорная коса такъ перевита лентами всѣхъ цвѣтовъ, что не видно даже волосъ.

Взрослые сыновья и даже женатые только въ исключительныхъ случаяхъ отдѣлялись отъ семействъ и жили самостоятельно; преимущестиенно же до смерти отца жили всѣ вмѣстѣ, работая на одно хозяйство. Свадебные обряды совершались, какъ и теперь, со всѣми общепринятыми обычаями старины; часто бывало такъ, что невѣста подаетъ слово, не видѣвши своего жениха, причемъ старосты обмѣниваютъ хлѣбъ и тогда только знакомили жениха съ невѣстой. Безъ *старостивъ* необходилось дѣло даже тогда, когда невѣста давно намѣтила себѣ суженаго и совершенно съ нимъ сговорилась. За обмѣномъ хлѣба слѣдуютъ *розглядины*: родные невѣсты ѣдутъ къ жениху и при обычныхъ угощеніяхъ водятъ сватовъ по амбарамъ и коморамъ, показываютъ имъ свое трудомъ нажитое добро: волы, возы, скрыни, одежду и все хозяйство. Затѣтъ старосты вновь являлись къ невѣстѣ, съ ними и женихъ. Жениху и невѣстѣ представляли полную свободу для знакомства, а старосты хлопотали о выдачѣ *рушниковъ*. Когда невѣста повяжетъ *старостивъ* рушниками, тогда дѣло считается безповоротно рѣшеннымъ. Начинаются сговоры на счетъ подарковъ отъ жениха отцу и матери невѣсты, а о приданномъ ничего не говорятъ. Во время свадебнаго празднованія, уже тогда, когда женихъ забиралъ къ себѣ невѣсту, отецъ и мать дарили дочь, чѣмъ сами знали, а скрыня и одежда сдавалась дочери еще до вѣнца. По окончаніи сговоровъ назначали день вѣнчанья и свадьбы. Послѣ чего женихъ собиралъ человѣкъ двѣнадцать бояръ изъ молодежи. Старшій боярinъ, кромѣ хустки, въ отличіе отъ другихъ, получалъ бантъ

на грудь, а жениху невѣста пришивала его на шапкѣ, и вотъ вся партія стройно, верхами на лошадяхъ, отправлялась созывать на свадьбу родныхъ и добрыхъ знакомыхъ; а невѣста съ своей стороны сначала шла звать подругъ въ дружки, а затѣмъ уже, когда соберетъ ихъ большую партію, съ пѣснями обходила все село, всѣмъ встрѣчнымъ кланяясь, роднымъ и знакомымъ дарила фигурно испеченный хлѣбъ *„шишки“* и приглашала на коровай. Горѣлка, медъ, варенуха приготовлялись заблаговременно цѣлыми бочками; музыка въ двѣ скрипки съ бубной развлекали молодежь. Такъ какъ свадьбы обыкновенно совершаются въ свободное отъ полевыхъ работъ время, то пиршества иногда продолжались нѣсколько дней сряду: сначала у невѣсты, а потомъ ѣхали всѣ къ молодому. Если невѣсту брали въ другое селеніе, то парубки задерживали молодыхъ при выѣздѣ изъ села и брали съ нихъ выкупъ горѣлкою, что и называлось „пропить молодую“.

Въ зимнее время, кромѣ ухода за домашними животными, по деревнямъ работъ никакихъ не бывало, развѣ кто думалъ строиться, надо подготовить лѣсныхъ матеріаловъ, либо состроить плужокъ, борону, изукрасить рѣзьбой ярмо на сѣрыхъ рогатыхъ и только. Женщины преимущественно пряли нитки и занимались ткацствомъ. По вечерамъ дѣвушки собирались на *вечерныци*. Здѣсь то на *вечерныцяхъ* молодежь занималась и весилилась отъ души. Пѣсни, разсказы про старое отдаленное время составляли главное развлеченіе, подъ часъ бубенъ и скрипка вызывали молодцовъ пойти въ присядку, но это только въ праздники, когда дѣвушки не заняты пряжей и всѣ свободны. Подсолнухи—лучшій десертъ, каждая имѣла у себя полную пазуху и съ доброхотствомъ угощала ими *парубковъ*. Всѣ участники собранія приносили хозяйкѣ что либо съѣстное: сала, гречневой муки, пшена, соли, десятка яицъ, а то такъ и *курку*. Захватитъ безъ вѣдома матери и такимъ порядкомъ составляли довольно сытный ужинъ. Порубки покупали горилку и тогда уже подъ музыку лихого скрипача шла разудалая пляска, и кружились головы молодыхъ дивчинъ.

Въ старые годы козакъ отличался радушіемъ и гостепріимствомъ. Онъ всегда радъ былъ принять у себя не только своего односельчанина, но и совершенно незнакомаго ему чужестраннаго путника: накормитъ, напоитъ его и конямъ задастъ въ волю овса и сѣна. Въ Малороссіи всегда бывало много захожихъ людей. Богъ вѣсть откуда, переходили они изъ села въ село, носили съ собой срисованные виды Афонской горы и проч. Ерусалимскихъ рѣдкостей, крестики, кольца, образки и все это роздавали даромъ благодушнымъ хозяевамъ, напрощанье снабжавшимъ гостя и холстами, и деньгами, и разными яствами. Старцы, лирники и бандуристы переходили изъ села въ село. Ихъ пѣсни, ихъ разсказы про старое время, когда еще Сѣчь существовала, коротали длинные зимніе вечера и развлекали не одну заслушавшуюся семью. Я помню, съ какимъ бывало нетерпѣніемъ и въ нашей семьѣ ожидали прихода Іуды Искаріотскаго, а наша семья дворянская, къ намъ уже пробился свѣтъ науки, у насъ были учителя семинаристы, много книгъ, въ числѣ коихъ Конекъ-Горбунекъ, по своему интересу занималъ самое видное мѣсто. Іуда всегда появлялся въ нашихъ мѣстахъ въ одно время, около Кузьмина дня, и всегда въ вечернихъ сумеркахъ, когда уже самоваръ стоитъ на столѣ, когда всѣ мы собрались къ круглому столу, а нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала комнату, и вдругъ съ коридора дверь отворяется и на порогѣ ея высокая исхудалая фигура. Матушка всматривается: „О! и Іуда явился!“ мы всѣ вскакиваемъ изъ за стола и окружаемъ его. Онъ неуспѣваетъ отвѣчать на наши вопросы. Его усаживаютъ тутъ же за столъ и онъ, обогрѣвшись чашкой горячаго чая, начинаетъ свои повѣствованія. Здѣсь и Ерусалимъ, здѣсь и Афонъ—да словомъ предъ нами развертывалось все. Съ какимъ интересомъ до поздней ночи мы всѣ слушали его разсказы! Ему отводили особую въ домѣ комнату и онъ уходилъ; но мы все еще полны интереса не успокаивались. Намъ хотѣлось видѣть его вериги, какъ онъ препоясываясь ремнями и изнурялъ и безъ того свое тощее исхудалое тѣло. Для чего это онъ дѣлаетъ? Намъ говорили, что это святой человѣкъ, и мы этому вѣрили безусловно. Іуда Искаріотскій мнѣ особенно

нравился, я даже мечталъ о томъ, какъ хорошо сдѣлаться странникомъ, съ посохомъ въ рукахъ обойти весь свѣтъ, побывать на Аѳонѣ, который я считалъ тогда крайнимъ предѣломъ нашей планеты, но время, ненасытное время, съѣло мои младенческіе мечты, показавъ другія картины, иныхъ людей, дало мысли иное направленіе, оставляя въ сторонѣ и Аѳонъ и Іуду съ его веригами и все, что такъ тѣшило тогда мое воображеніе.

Хорошій и умный священникъ среди сельскаго козачьяго населенія, катался какъ сыръ въ маслѣ: зажиточные хозяева устраивали у себя въ зимнее время бесѣды и зазывали священника съ причтомъ и послѣ обычной молитвы шло угощенье, а при прощаньи одѣляли священника и причтъ всѣмъ, чего пожелаетъ душа. Впрочемъ, тогда, всѣ безъ исключенія смотрѣли на козака, какъ на дойную корову, и небыло судейскаго паныча, который бы при случаѣ чѣмъ либо не поживился отъ него. Козаки тогда подчинялись волостямъ, которыя въ свою очередь отчетовались за свою дѣятельность окружнымъ начальникамъ. Полиція также имѣла долю своего права, но весьма незначительную. Львиная доля лакомства принадлежала окружнымъ начальникамъ; лакомства эти были настолько значительны, что окружные начальники, несмотря на малые оклады жалованья, жили съ полною роскошью. Козачки простачки и сами безъ всякаго вымогательства любили ублаготворять свое начальство, даже небудучи въ чемъ предъ ними повинны. Поздравить начальника съ праздникомъ, входило въ обычный порядокъ, какъ равно и съ окончаніемъ своего чумацкаго дѣла: гляди, несетъ начальнику полный годовой запасъ. Да были и между начальниками люди лихіе, на всѣ лады изощрялись, какъ бы побольше взять, и хитри не хитри козакъ, а подавай осетра.

Въ старые годы, когда еще не такъ густо было населеніе, простую, но какую прелестную картину представляло собой каждое козачье селеніе! Дворы огорожены, за ними обширныя левады, гдѣ привольно пасутся дойныя коровы, направо огороды и сады. Взгляните на хату: бѣлая, свѣтлая, чиста и опрятна внутри и снаружи, стоитъ она среди прочихъ построекъ, какъ грибомъ, окутанная совсѣхъ сторонъ зеленью роскошныхъ

вѣковыхъ осокоровъ, серебристыхъ тополей, за которыми раскинулись густою зеленью вишни, сливы и другія фруктовыя деревья; дальше огородъ, въ которомъ хотя и не найдете культурныхъ растеній въ родѣ спаржи и цвѣтной капусты, но зато все необходимое въ отличнѣйшемъ видѣ. Глядя на эти прекрасные огороды, сады, левады, уютно расположенныя избы, зимой манящія своей несомнѣнной теплотой и радушіемъ хозяевъ, а лѣтомъ прохладой въ тѣни густой листвы деревъ, невольно думается: здѣсь ли не культура, здѣсь ли не та правильная, роскошная жизнь, гдѣ нѣтъ ни суеты, ни лести, ни обмана. Не это-ль тотъ священный уголокъ, гдѣ могъ бы всякъ съ своей разбитой жизнью найти привѣтъ и вдохновеніе, гдѣ могъ бы отдохнуть всякъ, оставившій всею черты этого уголка всю пустоту праздной и безтолковой свѣтской жизни! И это такъ хорошо и прочно на много лѣтъ устроился тотъ самый козакъ, котораго въ лѣтнюю пору вамъ часто приходилось видѣть въ его чумацкомъ до невозможности грязномъ костюмѣ, а зимой въ кожухѣ бѣлѣе снѣга, опушенномъ дорогими сѣрыми смушками, и черной смушевой шапки. Смотрите, любуетесь и глазамъ невѣрите, когда это онъ могъ такъ себя *очепурить*. Ждетъ его, недождется черноокая,—любящая жена: Уже и бѣлая тонкая сорочка готова, и китайковые штаны, и полный *шапликъ* согрѣтой воды для купанья, настоянной барвинкомъ, васильками и душистымъ чебрецомъ, и бѣлыя, мягкія подушки, и теплый претеплый *листникъ*, и сама, полная страсти, давно уже жданнымъ бредитъ во снѣ, *„а его нима, тай нема! чы вилы похворилы, чы возы не насправи!... Колы це у вечери: „птру“!... сталы волы. Заскрыпилы ворота, гей-гей!... помоленьку возы цокотятъ, зоставылы двиръ“.*

Козакъ всегда любилъ и сознавалъ необходимость грамоты; но по недостатку школъ немногіе могли воспользоваться наукой у сельскаго дьяка, который самъ по своей малограмотности и неумѣнію преподавать, немногихъ выучивалъ читать псалтырь, а писать почти никого. Но зато школяръ, зазубрившій отъ слова до слова псалтырь, пріобрѣталъ себѣ въ семьѣ особое благоволеніе, а въ обществѣ почетъ, особенно когда имѣлъ

достаточно смѣлости и выходилъ въ церкви читать апостола. Книгъ для народнаго чтенія, кромѣ церковныхъ, тогда несуществовало. „Бова Королевичъ и Соловей Разбойникъ“ непредставляли для малоросса интереснаго чтенія; кромѣ того, что они писаны на русскомъ языкѣ, малороссійскій народъ имѣетъ въ своемъ прошломъ много несказочныхъ богатырей, а истыхъ героевъ, слава о которыхъ за недавностію ихъ подвиговъ съ достовѣрностію передавалась въ разсказахъ и пѣсняхъ кобзарями. Разсказы эти съ особеннымъ интересомъ выслушивались молодежью, и часто на *вечирныцяхъ* смолкалъ не только говоръ и смѣхъ, но даже шумъ веретенъ, и водворялась тишина, среди которой раздаются звуки кобзы и воспѣвается слава Наливайки и другихъ героевъ старины. И въ старые годы ученыхъ кобзарей не много было на Украини, а теперь уже они и подавно перевелись. И хотя часто приходится на сельскихъ ярмаркахъ встрѣчать цѣлую араву слѣпцовъ, поющихъ пѣсни и наигривающихъ на кобзѣ и бандурѣ, но весь ихъ репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ лирницкихъ, гдѣ преимущественно воспѣвается убогій Лазарь. Кобзарь по профессіи совсѣмъ не то, что кобзарь по призванію. Ихъ музыка, ихъ пѣсни обратились для потомства въ науку. Истому кобзарю ненадо было ничего, кромѣ кобзы, съ ней онъ проходилъ всю Украину, съ ней онъ шагалъ по безлюднымъ Херсонскимъ степямъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, и гдѣ только была горсть малороссійскаго народа, вездѣ его пѣсня вызывала слезы, вездѣ ему привѣтъ и сытный обѣдъ, а что дороже для поэта,—его душевная потребность удовлетворена. Какая радость для чумака, когда его валка остановилась на ночлегъ, волы разбрелись по роскошной травѣ и среди мертвящей степной тишины вдругъ неожиданно раздаются звуки кобзы и пѣсня кобзаря! Сотни лѣтъ минули съ той поры, какъ Наливайко на своемъ добромъ конѣ съ сотнею лихихъ запорожцевъ по этимъ степямъ гналъ татарву, и вотъ эта степь слушаетъ пѣсню славы его; а чумаки вокругъ огнища сидятъ, пріуныли: и козанокъ уже кипитъ, и галушки пора саломъ *затовкты* и *посолыты*, а никто съ мѣста не трогается, боятся помѣшать кобзарю. И невольно идетъ имъ на мысль дума: время,

куда ты ушло?... зачѣмъ унесло съ собой нашу привольную жизнь предковскую, когда небыло ни стрянчого, *що жинка его любитъ осятра, ни судьи, ни подсудка. Ухъ! стара-старына, за тобою жалкуемъ, а може тоди ще гирши було!*

Не только села отличаются роскошью, хутора также красиво раскинулись по обширнымъ полямъ, также тщательно окутаны вишневыми садами, такіе же прекрасные огороды и бѣлыя, акуратно отстроенныя хаты. Но жизнь хуторянина болѣе однообразна. Занятый хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, онъ окруженъ царствомъ животныхъ и пернатыхъ, требующихъ постояннаго ухода, и потому у него нѣтъ времени для чумацкаго промысла. Одинокая хуторская жизнь сдѣлала его угрюмымъ, необщительнымъ и сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ. Онъ имѣлъ въ своемъ хозяйствѣ все необходимое для продовольствія и одежи и покупалъ только лишь предметы роскоши, для чего самъ, когда и отправлялся въ городъ совмѣстно съ женой, то наровилъ непремѣнно къ вечеру возвратиться домой. Жизнь хуторской молодежи тоже далеко уже не та. Хуторокъ въ три-четыре хаты не собираетъ *вечерыць*, и если дѣвушки когда соберутся на *посыденьки*, тамъ уже нѣтъ ни кобзаря, ни скрипача самоучки, да и все собраніе почти свои семья или близкая родня.

Въ общемъ семейная жизнь козака всегда была хороша. Конечно, тамъ, гдѣ вѣчный недостатокъ, гдѣ душа и всѣ человѣческія проявленія огрубѣли, тамъ эстетическое чувство не имѣетъ мѣста, тамъ ссора и грубое обращеніе. Жена въ такой семьѣ страдалица; но такихъ семействъ въ старые годы среди козачьяго сословія было не много. Въ большинствѣ жена козака въ своей семьѣ являлась такимъ же равноправнымъ членомъ, какъ и мужъ. Въ такихъ семействахъ трудъ распредѣлялся равномѣрно и никогда одинъ другого не понукалъ выполнять свои обязанности, всякъ зналъ свое дѣло и съ гордостію хвалился успѣшнымъ его результатомъ. Мужъ уходитъ на все лѣто чумаковать. Жена остается одна при семьѣ, гдѣ она занимаетъ первое мѣсто и ведетъ мужнее дѣло; всѣ ей подчиняются и знаютъ порядокъ, даже и мужъ, возвращаясь къ зимѣ домовать,

не вмѣшивается въ ея дѣла и знаетъ только волы, да возы, да такъ кое-что поисправить: гдѣ ветхая крыша, плетень повалился, борона или плугъ не исправенъ, а все остальное дѣло жены. За ней весь порядокъ.

Самое близкое и родственное казакамъ сословіе—это казенные или государственные крестьяне. Между ними вся разница заключалась въ томъ только, что первые были родовые владѣльцы и имѣли собственные угодья, вторые жили на государственныхъ земляхъ, равномѣрно, хотя неправильно, обложенныхъ платежами. Образъ жизни ихъ и занятія одни и тѣже. Здѣсь не было той сословной разницы, какая существовала между козаками и помѣщичьими крестьянами. Это были два сословія, почти слившіяся въ одно. Они находились подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ волости и окружныхъ начальниковъ, равномѣрно распредѣляли между собой свои общественные расходы, и только воинскую повинность каждое сословіе отбывало само за себя. За ними слѣдуютъ монастырскіе крестьяне. Это было такое же захудалое сословіе, какъ и помѣщичьи крестьяне, только лишь съ отпечаткомъ кротости и смиренія. Монастырскіе крестьяне пополняли собой контигентъ странниковъ. Изъ ихъ среды являлись и Іуды Искаріотскіе, и другіе мнимо Ерусалимскіе поломники. Многіе изъ нихъ учились славянскому письму и были хорошо грамотны. Они жили на монастырскихъ земляхъ и свято выполняли всѣ требованія своихъ настоятелей.

Самое видное мѣсто въ кругу мѣстныхъ сословій, конечно, принадлежало дворянину-помѣщику. Но такъ какъ жизнь крестьянина во время крѣпостного права являлась результатомъ того, чѣмъ былъ для него владѣлецъ, то ихъ прошлое, состоя въ тѣсной связи, представляетъ одну общую картину. Ихъ нельзя раздѣлять. Они тогда только обрисуются рельефно на тускломъ фонѣ своего прошедшаго, когда будутъ стоять рука объ руку.

Дворянинъ-помѣщикъ, владѣлецъ крѣпостныхъ душъ, всегда представлялъ собою что-то чуждое духу Малороссіи, привитое ей извнѣ, а не выработанное условіями ея прошлой жизни

и потому плохо гармонировавшее съ ея мирнымъ, благодушнымъ бытомъ. Какъ явленіе наносное, дворянство такъ и не успѣло органически слиться съ общимъ строемъ народной жизни въ странѣ. Вотъ почему, при всѣхъ удобствахъ своего привилегированнаго положенія, не смотря на столѣтнее почти существованіе въ Малороссіи крѣпостного права, дворянинъ не съумѣлъ упрочить своего благосостоянія, и хотя казалось, что дворянство глубоко пустило свои корни, а въ концѣ концовъ очутились они на самой поверхности, и дворянинъ бѣжитъ безъ оглядки, оставляя прекрасныя поля, луга и все, что такъ долго называлъ своимъ родовымъ, сдаетъ его дѣйствительнымъ наслѣдникамъ и приходитъ къ убѣжденію, что это все не его родовое, что онъ владѣлъ имъ какъ опекунъ, а теперь, при запутанности счетовъ, взимаетъ послѣднюю контрибуцію и уходитъ, Богъ вѣсть куда, затирается среди общей массы и превращается въ пролетаріи.

Въ старые годы имущественный цензъ помѣщика опредѣляли не землей, а числомъ ревизскихъ душъ. Сто ревизскихъ душъ при выборахъ давали право самостоятельнаго голоса и причисляли къ рангу великопомѣстныхъ, почему многіе стремились укрѣпить за собой возможно большее число ревизскихъ душъ, хотябы даже и не соотвѣтственное имѣющемуся числу десятинъ земли. Оказывалось, что такіе помѣщики не въ состояніи были удовлетворять нуждъ своихъ крѣпостныхъ, и будучи окружены бѣднѣйшими, тяготились ими и, не разбирая средствъ принимали мѣры къ тому, чтобы выжать съ нихъ всѣ соки. Неудовольствія росли, и переполненная чаша разливалась, образуя лужи всѣхъ видовъ и формъ. Для большинства крестьянъ единственной исходной точкой представлялось бѣгство; а какъ въ то время въ Херсонской и Екатеринославской губерніи можно было селиться всѣмъ, то многіе, оставляя свои семейства на попеченіе владѣльца, уходили туда навсегда, гдѣ вторично женились и приписывались къ обществамъ. Бѣглыхъ изъ ревизіи не вычеркивали, государственные сборы числились на нихъ въ недоимкѣ и лежали на отвѣтственности владѣльца, который, хотя съ потугами, но все же вносилъ ихъ въ казначейство и тѣмъ

удерживалъ за собой право самостоятельнаго голоса. Между тѣмъ осиротѣлая семья бѣднѣла: изба безъ ремонтировки валилась на бокъ, окна у самой земли, крыша вся въ дырахъ, вокругъ избы ни стожка хлѣба, ни сарая, ни овцы, ни даже свиньи, такого необходимаго и заурядного животнаго въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. И сколько такихъ избъ среди непригляднои деревушки, а въ концѣ ея и самая помѣщичья усадьба красуется лишь только крышею барскаго дома, все же прочее, какъ говорила пословица того времени, „сдано воробьямъ въ аренду“, и самая деревня въ насмѣшку прозвана Голодрабовкой.

Всѣ службы при усадьбѣ въ разоренномъ состояніи: тамъ вывалилась стѣнка, тамъ въ полулежачемъ положеніи болтается повисшая на одной петлѣ дверь, жилые постройки для прислуги съ разбитыми стеклами въ оконныхъ рамахъ, борзыя собаки свободно прогуливаются въ нихъ, прыгая изъ окна въ окно; здѣсь онѣ иногда, захваченныя у самого очага барской поварни и напуганныя рогачемъ въ рукахъ грязнаго повара, застрявъ головой въ разбитомъ окнѣ, выносятъ его на своихъ плеяхъ вмѣстѣ съ рамой. Эта безъискусственная вентиляція способствовала къ тому, что въ избахъ всегда стояла прекрасная атмосфера, не смотря на скопленіе въ нихъ народа, и что неопрятныя кухарки освобождали лохань отъ помоевъ только тогда, когда она переполнится крысами и первые несчастливцы начнутъ уже показывать свои полуоблѣзшія мордочки. Заборы полуразрушены, ходы вездѣ открыты: гуси, свиньи и проч. домашняя живность безпрепятственно прогуливается въ саду и огородѣ; ихъ никто не выгоняетъ, развѣ баринъ иногда, ради потѣхи своей, запуститъ зарядъ картечью въ свиней или хватитъ по гусямъ, а подъ часъ прикажетъ спустить стаю гончихъ и, разсерженный нахальствомъ своихъ же собственныхъ голодныхъ животныхъ, задастъ имъ такую травлю, что даже сосѣдямъ въ зависть. Въ такихъ дворахъ прислуга всегда заспанная, неумытая; никто не заставлялъ ее ничего дѣлать, никогда имъ не давали ни обуви, ни бѣлья. Обо всемъ они помышляли сами и раздобывали необходимое по козачьимъ селамъ, куда

цѣлыми ватагами отправлялись ночью для поживы. Лошади, волы, коровы, если они имѣлись, находились въ самомъ тощемъ и изнуренномъ видѣ; возы съ блистающимися люшнями и не смазанными колесами скрипомъ своимъ раздирали душу; плуги и всѣ другія земледѣльческія орудія разстроены до невозможности; упряжь разорвана, экипажъ увязанъ веревочками, брязгъ разбитыхъ его колесъ слышенъ далеко, а понуканье и возгласы кучера, усердно хлеставшаго изнуренныхъ животныхъ кнутомъ, схожи съ заунывною пѣснею сыча. И кучеръ, и форейторъ, и Ванька лакей, стоящій на запяткахъ, и самъ баринъ, сидя въ коляски и покуривая сигару, думаютъ и никакъ всѣ сообща не могутъ додуматься, отчего это у нихъ кони худы и нехотятъ бѣжать, не смотря на то, что ѣдутъ же они домой, а извѣстно, животное по своему инстинкту, всегда съ охотой возвращается къ привычному стойлу,—думаютъ и общимъ совѣтомъ рѣшаютъ: вѣрно, пора имъ насосы сколоть, и завтра же опредѣляютъ позвать коновала.

Между тѣмъ на утро выдался славный осенній денекъ, ночью немного дождь приросилъ; во дворѣ всѣ засуетились, ожили въ ожиданіи хорошей травли русака, и только баринъ сердито покрикиваетъ на служанку, суетливо ухаживающую за самоваромъ и не смотря на то, что вечеромъ, украдкой отъ супруги, ласково трепалъ ее по плечу и что-то любезно нашептывалъ, теперь мечетъ на нее грозные взгляды и помахиваетъ плетью, будто готовится прищелкнуть русака, отъ страха дрожащаго на своей лежки. Но вотъ самоваръ готовъ, баринъ наскоро выпиваетъ два стакана чая, выходитъ на крыльцо и въ ожиданіи, пока дворня переловитъ голодную стаю псовъ, обрѣтаетъ сигару и куритъ. Ванька лакей, форейторъ Гришка, обладающій ловкостью, не вставая съ коня, отымать у псовъ звѣря, уже сидятъ на клячахъ, щеголяющихъ одна передъ другой своей худобой; а въ это время на гумнѣ идетъ молотьба, молотники усердствуютъ и съ нетерпѣніемъ поглядываютъ, скоро ли вся эта стая псовъ очутится въ полѣ, откуда глазъ не увидитъ, какъ они будутъ таскать барскіе мѣшки хлѣба по своимъ дворамъ.

Женское хозяйство велось немного получше. Барыни отъ нечего дѣлать таки преизрядно всѣхъ пробираютъ и, правду сказать, не жалѣютъ рукъ и, коли замѣтятъ непорядокъ, одолжить незабудутъ. Зато жъ и наливки на славу, и вкусные пирожки съ сыромъ, и въ домѣ порядокъ, и кошки и болонки въ такомъ опрятномъ видѣ, что даже Грунѣ въ зависть, а вѣдь Груня любимица. А изъ кухонной прислуги никто и подумать не смѣетъ о той роскоши, какой пользуются всѣ комнатныя собачки.

Днѣпровское Побережье, имѣетъ самую разнообразную почву. Здѣсь прекрасные заливные луга съ зарослями, и супесокъ черноземный; здѣсь и озера, полные рыбы и дичи, и лѣсъ, а за лѣсомъ потянулись черноземныя поля. На право Днѣпръ, а на лѣво Сула, Пселъ, Ворскла съ безчисленнымъ множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ. Какое обиліе влаги—роскошь для пахаря! Но такъ какъ помѣщикамъ того времени вовсе было не до хозяйства, то и въ этой прекрасной мѣстности оно велось безпорядочно, не только безъ всякихъ научныхъ приложеній, но даже безъ всякой системы, и только винокуреніе, какъ коммерческое дѣло, обращало вниманіе хозяевъ. Правительственныя мѣропріятія и участіе его въ барышахъ отъ этого дѣла въ нѣкоторой степени побуждали владѣльцевъ заводовъ къ ихъ упорядоченію; но главнымъ образомъ помѣщики обращали вниманіе на винокуреніе потому, что тогда существовала откупная система. Хотя винокуренные заводы платили въ пользу откупа акцизъ, но продажа неоплаченнаго акцизомъ вина была настолько выгодна, что всѣ владѣльцы заводовъ старались сдѣлать возможно большій выпускъ неоплаченнаго вина и размѣстить его тайно по шинкамъ. На этой дѣятельности помѣщики до того изощряли свое искусство, что никакой жидъ, контролирующій заводы, не въ состояніи былъ охранить интересы своихъ довѣрителей, и помѣщики винокуры—одинъ передъ другимъ щеголяли своими подвигами и такъ ловко крали свое собственное вино, что заводъ, дѣйствующій всю зиму, давалъ въ пользу акциза самое ничтожное количество водки, вмѣсто которой получали только чвири, а водка уходила Богъ вѣдаетъ куда. Это

пріятное и небезполезное развлеченіе многимъ нравилось, что заводы росли какъ грибы; въ воровствѣ преуспѣвали всѣ и до того имъ тщеславились, что наконецъ слово кража сдѣлалось на столько же обыкновеннымъ, какъ всякая настольная книга въ видѣ альбома съ изображеніями на первой страницѣ двухъ цѣлующихся голубковъ.

Помѣщикъ обкрадывалъ откупъ, крестьянинъ обкрадывалъ помѣщика, и въ то время, когда жидъ удивлялся, какъ это въ бочкахъ нѣтъ горѣлки, помѣщикъ, въ свою очередь, удивлялся и негодовалъ на своего приказчика, какъ это вмѣсто зерна получалась одна полова, несмотря на то, что урожай былъ хорошъ.

„*Та воно, бачыте, добротно, тилько велыке поросло, а толку мало!.. та ще покрутыло, выляло, солома пухла, черезъ те и зерна дасть Богъ!*“

Баринъ уже начиналъ сердиться: не сдобровать приказчику! Но приказчикъ въ это время начинаетъ всматриваться въ даль: присядетъ, рукой заслонитъ солнце, смотритъ, смотритъ и, наконецъ, въ восторгѣ вскрикиваетъ: „*вовкъ!.. ей же Богу вовкъ! оно-но-но побравсь до болота!*“ Баринъ напрягаетъ зрѣніе, смотритъ, рукою ко лбу на глаза, видитъ, что̀ то дѣйствительно перевалило черезъ бугорокъ и въ лощинѣ скрылось. И живо картина преобразилась: вся дворня уже на коняхъ, собаки на сворахъ, приказчикъ самъ суетится около барскаго коня, еще минута, и вся ватага понеслась по направленію къ мѣсту, гдѣ виденъ былъ будто бы волкъ; а приказчикъ покрутилъ свой усъ, заложилъ его за ухо, надвинулъ шапку на глаза и пошелъ, усмѣхаясь, въ амбаръ, гдѣ происходила какая то неспѣшная работа.

Жизнь въ то время такъ мало требовала расходовъ, что всякій помѣщикъ, какъ ни были ограничены его доходы могъ обходиться своимъ, некупленымъ: рабочихъ силъ сколько угодно; сады, огороды снабжали всѣмъ необходимымъ, птицы и всякой живности ѣшь, сколько хочешь, закуски разныхъ сортовъ, наливки и все домашняго приготовленія; портные, сапожники свои; словомъ, баринъ обутъ и одѣтъ съ ногъ до головы. Экипажъ нуженъ,—смастерятъ свои столяры и кузнецы, а коней

такихъ лихихъ можно подобрать изъ своего же табуна, что хоть изъ пекла вынесутъ. Поэтому то только помѣщики, ведя свои дѣла съ полнѣйшею неакуратностію, могли такъ долго держаться. Что хлѣбопашество не приносило имъ доходовъ, а велось въ ущербъ, видно изъ слѣдующаго процесса его производства: по уборкѣ хлѣбъ свозили въ скирды на гумно, гдѣ, случалось, оставляли до той поры, пока мыши, съѣвъ хлѣбъ, разваливали скирды, затѣмъ скирды вывозили вонъ, даже не размышляя, для чего велась вся эта процедура; или, перемолотивъ хлѣбъ, засыпаютъ его въ ямы. Хлѣбныя ямы бутылкообразной формы обжигали, затѣмъ бока середины устилали тонкимъ слоемъ соломы и, насыпавъ зерномъ, закрывали. Конечно, хлѣбъ пропадалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь трудъ по производству работъ. Привольная барская жизнь отодвигала на второй планъ всѣ хозяйскія заботы, и помѣщикъ, утопая въ довольствѣ и роскоши, не провѣрялъ никогда своихъ счетовъ, не зналъ до послѣдней минуты своего рокового дня, въ который стукнулъ молотокъ, и все кубаремъ свалилось и полетѣло въ преисподнюю. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода: были и такіе скопидомы, у которыхъ разнаго добра ни перечесть, ни на ста подводахъ не перевезть. Какими путями оно наживалось, просто, Богъ вѣдаетъ, но только у такихъ помѣщиковъ крестьяне были еще въ болѣе жалкомъ состояніи. У нихъ не стояли мельницы бокомъ и дырявыхъ крышъ не было и, хотя мышей откармливали, но за то весь навозъ, оставленный ими въ скирдахъ, вмѣстѣ съ остатками зерна сдавали на винокуренные заводы или поставляли солдатамъ для продовольствія. Тогда солдатскіе желудки были до того крѣпки, что принимали въ свое нутро не только навозную муку, но даже сало замѣняли старыми подошвами, обмакнувъ ихъ предварительно въ сальную жидкость. Такіе хозяева не теряли ничего. У нихъ не было ни гончихъ, ни борзыхъ, за то жирныя овчарки такъ акуратно берегли стада тонкорунныхъ барановъ, что пастухъ хоть и не ходи. Къ такимъ хозяевамъ всегда всѣ уже съ низкимъ поклономъ; такіе коли уже примутъ у себя какую чиновную особу, то такъ начинятъ ее всевозможнымм сластями и

пряностями, что и по возвращеніи домой, даже если на третій день утромъ войти къ особѣ въ опочивальню, ароматъ пряностей все еще слышенъ.

Я сдѣлалъ краткій очеркъ козачьяго и крестьянскаго быта и помѣщичьихъ хозяйствъ въ дореформенный періодъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось на нашемъ побережьи, какъ и во всей земледѣльческой Россіи:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась—и ударила:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Но мужику не привыкать къ терпѣнію и выносливости: этимъ добродѣтелямъ учился онъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Приспособился онъ и къ новымъ условіямъ жизни соціальной, и, какъ ни трудно въ общемъ живется ему, а все же онъ понемного да помаленько, сажень за саженью, откупаетъ у помѣщика землю, а дворянское сословіе, столь когда-то могущественное и вліятельное, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу и уступаетъ слабымъ противникамъ не только богатыя помѣстья, но и свое прежнее общественное и экономическое вліяніе. И нѣтъ той силы, которая могла бы остановить дальнѣйшій ходъ событій, нѣтъ того радикальнаго средства, которое могло бы излѣчить дворянское сословіе отъ гибельнаго разложенія, почти уже завершившаго свой роковой процессъ. Минуло 35 лѣтъ со времени реформы,—и сколько перешло помѣщичьихъ имѣній въ руки крестьянъ и козаковъ! А сколько ихъ есть и въ настоящую минуту готовыхъ къ сдачѣ! Шутка ли сказать, что къ іюньскому сроку (1896 г.) дворянскимъ банкомъ въ одной полтавской губерніи было назначено къ продажѣ 190 имѣній! А что же дѣлаемъ мы сами, дворяне, разорившіеся помѣщики? Задаемся ли мыслью о будущемъ? стараемся ли—если не въ самихъ себѣ, то хоть въ дѣтяхъ своихъ—истребить барскія привычки предразсудки, вѣковое отвращеніе отъ всякаго производительна-

го труда? Увы! Слова поэта, сказанныя почти четверть вѣка назадъ, все еще звучатъ горькой истиной:

Сословья благородныя
У насъ труду не учатся!

Такъ диво ли, что мрутъ они съ голоду, и что безъ поддержки государственной да безъ службы казенной они давно перевелись бы въ конецъ!

Н. В—цкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ [1].

Малоруссы въ современной польской этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Руликовскій.—Кольбергъ.—Поповскій. — Быковскій.—Подберезскій.—Брыкчинскій.—Зѣмба.—Густавичъ. — Грегоровичъ. — Колесса (Янъ). — Цисекъ. — Коперницкій.—Талько-Гринцевичъ.—Мошинская.—Рокоссовская. — Томашевская. — Шаблевская.—Малиновская.—Стадницкая.—Ванке.—Рашкевичъ.—Нейманъ и Z. D.

Въ польской этнографической литературѣ малоруссы всегда занимали значительное мѣсто, по близкому сосѣдству двухъ родственныхъ славянскихъ племенъ. Въ старое время въ малорусской этнографіи непослѣднее мѣсто занимали труды Доленги-Ходаковскаго, Залѣсскаго (Вацлава изъ Олѣска), Жеготы Паули, Войцицкаго, Голембіовскаго, Новосельскаго-Марцинковскаго, Турцевича. Къ новымъ польскимъ этнографамъ, посвящавшимъ свои труды малорусскому племени, можно отнести Руликовскаго, Кольберга, Мошинскую и мн. др., статьи которыхъ были помѣщены большею частью въ краковскомъ изданіи Zbiór Wiadomośći, когда Коперницкій былъ редакторомъ этого изданія. Украинско-польская этнографія характеризуется двумя чертами: 1) подавляющее большинство статей состоитъ изъ сырыхъ, этнографическихъ матеріаловъ, если не считать небольшихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, напр. статей г. Неймана о ду-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г. № 10.

махъ и о пѣсенныхъ размѣрахъ, нѣтъ совсѣмъ изслѣдованій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и по польскому фольклору изслѣдованій очень мало: сырой матеріалъ и здѣсь сказывается подавляющимъ. Новая польская этнографія вообще, а малорусскій ея отдѣлъ въ особенности, отличается обиліемъ женскаго труда; чуть ли не большинство сборничковъ пѣсенъ составлено женщинами.

Въ виду того, что польскіе сборники даютъ лишь этнографическіе матеріалы, мы на предстоящихъ страницахъ ограничимся обзоромъ ихъ содержанія. Сборники эти въ Россіи почти неизвѣстны, и библіографическій очеркъ, можетъ быть, наведетъ изслѣдователя на новые нелишенные научнаго интереса, матеріалы, по нѣкоторымъ отдѣламъ фольклора, матеріалы довольно богатые и свѣжіе.

Къ слову сказать, въ украинско-польскихъ сборникахъ очень немного—одинъ языкъ, или даже одна латиница, т. е. въ дѣйствительности это чисто малорусскіе сборники пѣсенъ и и сказокъ, записанныхъ латиницею съ большой научной добросовѣстностью и съ соблюденіемъ мѣстныхъ фонетическихъ особенностей.

Руликовскій (Эдуардъ) родился въ 1809 г., былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, солидный знатокъ малорусскихъ древностей и исторіи, скончался на 79 году жизни въ 1888 г. въ с. Геленовкѣ васильковскаго уѣзда кіевской губ. Въ теченіе своей жизни онъ усердно занимался наукою; труды свои онъ посвятилъ исключительно разработкѣ археологіи, статистики и этнографіи правобережной Малороссіи. Въ географическомъ словарѣ Сулимирскаго и Валевскаго онъ помѣстилъ рядъ историко-статистическихъ *описаній городовъ и мѣстечекъ* кіевской губ. Въ 1853 г. Руликовскій издалъ *описаніе васильковскаго уѣзда* кіевской губ., довольно объемистую книжку, въ 243 стр. Изъ 22 главъ 5 посвящены этнографіи, главнымъ образомъ глава 18, гдѣ говорится о характерѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и одеждѣ крестьянъ, и глава 19, гдѣ приведена 51 малорусская пѣсня, въ томъ числѣ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ пѣсенъ прошлаго вѣка.

Въ Ш-мъ Zbiór wiadomości (1879) напечатаны („*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*“ (62—166), сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Руликовскимъ большею частью лично отъ крестьянъ кіевской губ.

Въ началѣ сборника (62—89) помѣщены *преданія* (59 №№) большею частью историческія, и отчасти апокрифическія, напримѣръ, о нечестивыхъ великанахъ, потопленныхъ Богомъ. Интересны преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ. Жена царя Перепета съ войскомъ пошла отыскивать мужа, встрѣтила его войско, не узнала его, убила мужа, и съ горя лишила себя жизни. Надъ ними насыпаны курганы. Варіантъ преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ изданъ *Чубинскимъ* въ маленькой брошюрѣ о малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Далѣе, у Руликовскаго находимъ интересные варіанты преданій о Кожемякѣ (Деменкѣ) и сказки объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Литература предмета старательно собрана въ одной этнографической замѣткѣ *В. В. Каллаша* въ „Этнографич. Обозрѣніи“. Въ „Запискахъ“ Руликовскаго въ разрядѣ преданій встрѣчается интересная въ историко-литературномъ отношеніи сказка о Сучичѣ, варіантъ сказки, извѣстной по сборникамъ Чубинскаго, Манжуры и другихъ. Научное изслѣдованіе Потебни о Сучичѣ и др. сходныхъ ему лицахъ указано мной при обзорѣ сочиненій Потебни, съ надлежащими дополненіями по литературѣ предмета. Далѣе у Р. слѣдуетъ нѣсколько любопытныхъ преданій о кіевской старинѣ, о древнемъ названіи Кіева Арахтелемъ (62), объ Андреѣ Первозванномъ, о томъ, какъ святой Антоній заперъ демона въ чернильницѣ (69), рядъ преданій о татарахъ, о Батыѣ (72—78), Мамаѣ (79), о набѣгахъ татарскихъ (80—82), сказаніе о затонувшемъ озерѣ (варіантъ обширнаго цикла сказаній, о которомъ мы говорили въ 8 т. сборника Харьк. Истор. Фил. общества 1896 г.), сказаніе объ обращеніи двухъ любовниковъ въ селезня и утку. Совсѣмъ не къ мѣсту среди историческихъ преданій попала сказка о томъ, какъ демонъ сначала далъ лѣсничему денегъ, а потомъ удавилъ его (76). Первый отдѣлъ заканчивается преданіями о Богданѣ Хмельницкомъ, запорожцахъ и гайдамакахъ, въ этихъ преданіяхъ от-

мѣчены случаи грабежа, запорожское знахарство, ихъ одежды. Интересны и новы преданія о запорожскомъ писарѣ изъ монаховъ Журбѣ и ватажкѣ Витрогонѣ (83—87). Въ преданія вошли въ отрывкахъ двѣ думы, одна о Хмельницкомъ „Бодай Хмеля Хмельницкаго перва куля не минула", извѣстная въ болѣе подробномъ видѣ по сборнику Антоновича и Драгоманова, и начала другой неизвѣстной, забытой думы о Витрогонѣ:

Панъ Боровскій Витрогона прыпрохае,
А винъ людей не вызнавае,
А панъ его на волю пускае.
„Скажи, скажи, Игнате, хто ще бувъ зъ тобою
То я тебѣ, Игнате, пущу на волю,
Игнатъ словомъ утверждае
А людей не вызнавае.

Во второй отдѣлъ „*Mity*" (миѳы) вошли краткія замѣтки о Паликопѣ, мавкахъ, русалкахъ, вѣдьмахъ, чаровницахъ, змѣѣ летавцѣ, перелестникѣ, дивѣ, упыряхъ, вовкулакахъ, посигаловцахъ, нычкѣ и полозахъ.

Въ отдѣлѣ третьемъ (*Wierzenia*) а четвертомъ (*Wyobrażenia przyrodnicze*) находятся краткія сообщенія о *повѣрьяхъ*, связанныхъ съ разными растеніями и животными, съ силами и явленіями природы. Матеріалъ перемѣшанъ, напр., о журавлѣ говорится въ 3, а объ аистѣ въ четвертой главѣ, о кукушкѣ и дятлѣ въ 3, а о гусяхъ и ласточкахъ въ 4. Вообще, распредѣленіе матеріала составляетъ слабую сторону „Этн. записокъ" Руликовскаго.

Въ главахъ 5, 6, 7 и 8 находятся также краткія сообщенія *о колдовствѣ, народной медицинѣ, заговорахъ* (18 №№) и *гаданіяхъ*. Между прочимъ приведенъ одинъ архивный документъ XVIII в., о колдовствѣ и 10 наставленій объ уходѣ за пчелами, представляющихъ варіанты тѣхъ „наукъ", которыя находятся въ I т. Чубинскаго.

Въ 9 главѣ находится краткое описаніе *обрядовъ крестинныхъ и свадебныхъ* (стр. 120—123), матеріалъ незначительный при существующей въ печати массѣ описаній малорусской свадьбы.

Въ главѣ объ обычаяхъ, связанныхъ съ годовыми праздниками—мелкія замѣтки о народномъ календарѣ, кулачныхъ бояхъ и писанкахъ. Въ эту главу вошло (126—129) описаніе досвѣтокъ, обычаи ярмарочные и нѣсколько мелкихъ повѣрій.

Въ 11 главу вошло нѣсколько повѣрій о закладѣ хаты, названія разныхъ частей хаты, воза, плуга, ярма, сохи, бороны и одежды.

Двѣнадцатая глава носитъ названіе *Mowa* (языкъ), но здѣсь нѣтъ ничего о мѣстныхъ звуковыхъ особенностяхъ. Въ эту главу вошли названія родныхъ, названіе быковъ и коровъ, формулы привѣтствія, проклятія и брани.

Въ 13 главу вошли думы и пѣсни, всего 19 №№. Первая дума о Димитріи Вишневецкомъ ранѣе уже издана въ „Описаніи“ васильк. у., въ настоящемъ изданіи добавлено въ концѣ 7 строкъ исключенныхъ въ „Описаніи“: „якъ стрелывъ (Д. В.) то вцелывъ въ сердце султана, а султаншу въ потылыцю, а дочь султана въ помисныцю. „Отожъ тоби султане, за твою кару“. „Узлылысь язычеьци, сталы его рубаты; сталы янгелы крылмы трепаты, сталы его тило и душу съ небесъ браты“.

Вторая пѣсня объ Иванѣ Вдовыченкѣ представляетъ варіантъ думы, извѣстной по многимъ другимъ сборникамъ.

Въ 14 главу вошло 515 пословицъ и въ послѣднюю, 15 главу, 17 загадокъ—матеріалъ нелишенный интереса при сравнительномъ изученіи съ болѣе крупными русскими и иностранными сборниками.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ сборника Руликовскаго, нужно оговорить, что главы 1 и 13 заключаютъ въ себѣ историческія преданія и пѣсни, что сообщаетъ имъ большой интересъ и научную цѣнность. Остальныя же главы при другихъ сборникахъ не имѣютъ значенія, по краткости и, главное, извѣстности матеріала. Достоинство „Записокъ“ Руликовскаго состоитъ въ точности записи; слабая сторона ихъ—разбросанность матеріала.

Въ V т. „Zbiór wiadomości“ Руликовскій напечаталъ интересную статью *о каменныхъ бусахъ*, находимыхъ на правомъ берегу Днѣпра. Каменныя бусы встрѣчаются очень часто по берегамъ рѣкъ: Стугны, Унавы, Ирпеня и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменныя бусы встрѣчаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выноситъ ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слоистаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстіемъ внутри, иногда съ орнаментами наружи въ видѣ линій или зубцовъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночки“ и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли“ и приносятъ счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь“ т. е. вѣдьмъ, и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ, въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобаютъ на живитъ“. Эти надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отгонять вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменныя бусинки называются „помочниками“: помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жиды вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германіи (Мекленбургѣ) Великороссіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разныя мнѣнія, (надѣвались въ прялки и сѣти). Руликовскій держался того мнѣнія, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнаментика, народныя преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительнаго и лѣчебнаго свойства.

Кольбергъ (Оскаръ). О почтенной личности и плодотворной дѣятельности О. Кольберга былъ рядъ статей и замѣтокъ

въ 1889 году, по поводу 50 лѣтняго его юбилея, и въ 1890 г., по случаю кончины его на 76 г. жизни. Сравнительно наиболѣе подробныя біографіи Кольберга на русскомъ языкѣ *Н. А. Янчука* во II кн. „Этнограф. Обозр." 1889 г. (съ портретомъ) и *А. Н. Пыпина* въ III т. „Ист. рус. этногр." литература на польскомъ языкѣ указана въ концѣ помянутой выше статьи г. Янчука. Позднѣе вышла цѣнная статья г. Рафила-Любича—оттискъ изъ Ateneum'a 1890 г. Страстный любитель музыки К. началъ съ собиранія народныхъ мелодій и затѣмъ послѣдовательно перешелъ къ собиранію пѣсенъ и сказокъ. Онъ предпринялъ рядъ этнографическихъ экскурсій, собралъ громадный матеріалъ, и, не щадя собственныхъ очень скромныхъ средствъ, издалъ десять томовъ пѣсенъ, нотъ и сказокъ. Не перечисляя здѣсь сборники, заключающія исключительно польскій этнографическій матеріалъ, остановимся лишь на сборникахъ галицкорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

Наибольшей извѣстности заслуживаетъ цѣнный сборникъ „*Pokucie*" въ 4 томахъ, заключающій въ себѣ пѣсни и сказки гуцуловъ. Трудъ этотъ составляетъ весьма полезное дополненіе къ извѣстному сборнику пѣсенъ Головацкаго. На страницахъ „Кіев. Стар." 1884 № 3 была уже довольно подробная рецензія г. Неймана на первые 2 тома „Pokucié", повторенная затѣмъ г. Пыпинымъ въ 3 т. „Ист. русской этнографіи". Подробный обзоръ IV т. Pokucie мы дали въ „Этнограф. Обозр." 1894 г. кн. XXII. Не повторяя сказаннаго, отмѣтимъ здѣсь лишь содержаніе 3 тома, кажется, совсѣмъ неизвѣстнаго въ Россіи.

Третій томъ „Pokucie" вышелъ въ 1888 году (293 стр.). Послѣ краткаго продисловія и картинки, изображающей танецъ коломыйку, слѣдуетъ описаніе танцевъ коломыйки, вертака, чабана, серпеня, музыкальныхъ инструментовъ (1—10) и затѣмъ слѣдуетъ цѣнный сборникъ пѣсенъ коломыекъ съ нотами, всего 721 пѣсня со 102 нотами. Въ литературномъ отношеніи этотъ сборникъ коломыекъ такъ же важенъ, какъ и сборникъ Головацкаго (II и III томы). Въ отношеніи музыкальномъ это драго-

цѣнный сборникъ, по массѣ мотивовъ, записанныхъ такимъ знатокомъ музыки, какъ Кольбергъ. Желающіе изучить народную малорусскую музыку имѣютъ въ III т. „Pokucie“ полезное пособіе. У Головацкаго нотъ нѣтъ. Дума о Барабашѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ въ 7 кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г., у Чубинскаго въ III т. положено на музыку нѣсколько колядокъ и въ концѣ IV т. свадебныя пѣсни м. Борисполя Переяславскаго уѣзда (138 №№), у Закревскаго 32 №№, кое что. У Неймана въ VIII т. Zbiór Wiadom. Болѣе всего нотъ у сборникахъ Кольберга.

Большая часть III тома посвящена разъясненію народнаго міросозерцанія, какъ выразилось оно въ сказкахъ и повѣрьяхъ о происхожденіи міра и въ демонологіи (79—179). Сюда вошли: космогоническая дуалистическая сказка о сотвореніи міра Богомъ и демоновъ чертомъ, о войнѣ Бога (и ангеловъ) съ сатаной (и демонами), о происхожденіи криницъ, озеръ и рѣкъ (ныряніе сатаны на дно моря за землей), 8 разсказовъ о чертяхъ, 4 о громѣ и вѣтрѣ (молнія бьетъ въ демона; въ вихрѣ празднуетъ чертъ свадьбу), 7 разсказовъ о болѣзняхъ (въ томъ числѣ разсказъ о вѣдьмѣ въ видѣ кошки), 9 о мавкахъ или нявкахъ (наружный видъ, названіе, похищеніе дѣтей, обереги, сходство съ мамунами и дивоженами), 4—о страдчахъ (дѣтяхъ, умершихъ до крещенія, 2—о летавцѣ (обереги отъ него), объ утопленникѣ, 3—о дидѣ (духѣ охранителѣ) и дидькахъ (демонахъ), 2—о рахманахъ, замѣтки о снѣ—дримотѣ, 4 разсказа о вовкулакахъ, 49 разсказовъ о вѣдьмахъ (отдѣлъ сравнительно съ другими полный и содержательный), 29 разсказовъ о чародѣйствѣ, 28 замѣтокъ о птицахъ и животныхъ (медвѣдѣ, кротѣ, волкѣ, аистѣ, ласточкѣ, ужѣ, толкованія значенія крика птицъ), 28 замѣтокъ о растеніяхъ (чебрецѣ, василькахъ и др.), 63 повѣрья о домѣ, домашнемъ хозяйствѣ, посѣвѣ, жатвѣ, 5 примѣтъ о погодѣ, 42 толкованія сновидѣній, 96 замѣтокъ о народныхъ болѣзняхъ и лѣчебныхъ средствахъ (препленыця, золотникъ, укушеніе змѣи и др.). Затѣмъ слѣдуетъ сборникъ пословицъ (616 №), записанныхъ въ коломійскомъ округѣ (стр. 179—198).

Въ концѣ тома находятся разныя дополненія о танцѣ коломыйкѣ, чертѣ, громѣ, вѣтрѣ, майкахъ, рахманахъ, вовкунѣ и др., дополненія мелкія. Выдаются по величинѣ дополненія разсказовъ о вѣдьмахъ и упыряхъ (27 №№), чародѣйствѣ (12 №№) и замѣтки о народномъ календарѣ (220—226).

Изъ этого сухаго перечня видно уже разнообразное содержаніе III т. Многое въ немъ, правда, повторяетъ уже извѣстные изъ „Трудовъ“ Чубинскаго, но есть много оригинальныхъ мелочей. Такъ, разсказы о вѣдьмахъ могутъ составить полезное дополненіе къ сборнику г. Иванова.

Есть много любопытныхъ мелочей, напр., мѣстныя галицко-русскія названія растеній и распредѣленіе растеній на употребляемыя въ хозяйствѣ, въ чародѣйствѣ и въ медицинѣ, напр., кадыло (Dictamus albus)—оберегъ отъ мавокъ, обрамашекъ—противъ устарѣнія человѣка, попивъ-мудъ (Evonimus evropeus) отъ лишая. Послѣднее названіе встрѣчалось намъ въ Подоліи въ пріуроченіи къ писанкамъ. Попова-мудь, очевидно, по растенію. Это кустарникъ, растущій въ лѣсу и въ огородахъ, съ красными ягодами.

Интересны замѣтки о болѣзняхъ „золотникѣ“ (на 162—163 стр.). Слово золотникъ часто встрѣчается въ заговорахъ малорусскихъ и великорусскихъ (въ сборникѣ Л. Майкова), причемъ обозначаетъ матку. Въ Галиціи болѣзнь эту пріурочиваютъ къ женщинамъ и мужчинамъ. Думаютъ, что золотникъ находится подъ пупкомъ въ животѣ и, если кто подниметъ тяжелое, то опускается книзу, и человѣкъ болѣетъ.

Одновременно съ изданіемъ 3 тома Pokucie Кольбергъ напечаталъ въ краковскомъ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1888 г. XII небольшой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ изъ Подоліи „*Piesni ludu Podola rossyjskiego*“. Пѣснямъ предшествуетъ краткая замѣтка о годовыхъ праздникахъ. Всѣхъ пѣсенъ 40 съ нотами, и самыя пѣсни изданы ради музыкальнаго значенія ихъ и по содержанію ничего особеннаго не представляютъ. Въ XIII т. Zbiór изданы „Полѣсскія легенды“ (собраны въ пинскомъ

уѣздѣ) и „Свадебные полѣсскія обычаи и обряды“ (записаны тамъ же).

Четвертый (послѣдній) томъ „Pokucie“ вышелъ въ 1889 г. Сюда вошли 77 сказокъ и 205 загадокъ. Загадки могутъ представить интересъ лишь при спеціальномъ ихъ изученіи. Интереснѣе сказки. Сборникъ Кольберга восполняетъ сборники Чубинскаго, Рудченка и Манжуры интересными варіантами и представляетъ кое-что новое. Подробный библіографическій обзоръ всѣхъ галицко-русскихъ сказокъ въ изданіи Кольберга, съ указаніемъ литературы, сдѣланъ нами въ XXII кн. „Этнограф. Обозрѣнія“ 1894 г. Наиболѣе интересныя въ историко-литературномъ отношеніи сказки подъ №№ 1, 18 и 21 о трудныхъ задачахъ, подъ № 8 о подмѣнѣ ребенка злой женщиной, подъ № 7 объ отцеубійствѣ и покаяніи убійцы, изъ круга апокрифовъ, подъ № 32 повѣсть о мученіи прядева, подъ №№ 50, 51 о мудрой дѣвѣ, подъ №№ 49, 50, 76 сказки съ загадками, соотвѣтствующія великорусскимъ пѣснямъ съ загадкой о милой, сидящей на костяхъ милаго и древней повѣсти о Петрѣ и Февроніи. Сказка о покаяніи ангела (№ 41) хорошо извѣстна по великорусскому варіанту въ обработкѣ графа Л. Н. Толстаго („Чѣмъ люди живы“). Окончаніе галицкаго варіанта (о пѣніи ангела при отлетѣ на небо) отличается художественнымъ достоинствомъ. Моральнымъ достоинствомъ отличается затѣмъ сказка о судѣ Божіемъ подъ № 39 на тему, что преступникъ не остается безъ наказанія. Наряду съ этими сказками встрѣчаются сказки грубыя, съ оправданіямъ побоевъ жены (№ 38) и съ восхваленіемъ воровства (37, 58—64). Правда, сказки объ искусномъ ворѣ встрѣчаются съ давнихъ поръ у разныхъ народовъ, причемъ въ особенности популярной оказывается сказка на геродотовскую тему о похищеніи сокровища царя Рампсинита. У гуцуловъ слишкомъ много сказокъ о ворахъ, и къ ворамъ наживная мораль здѣсь относится слишкомъ снисходительно и даже одобрительно. Нѣкоторыя гуцульскія сказки представляютъ большое сходство съ западными новеллами, фацеціями и народными книгами и, по всей вѣроятности, вышли изъ нѣмецкихъ Volksbücher.

Вообще, четвертый томъ „Pokucie“ представляетъ значительный историко-литературный интересъ. Въ сказкѣ про алмазную дорогу (№ 74) къ шаблонному сказочному окончанію, въ родѣ обычнаго „и я тамъ былъ, медъ-вино пилъ“ и пр., примкнула любопытная народная пѣсня о еврейскихъ притѣсненіяхъ.

Теперъ добре все минуло,
Пришло въ свити нарикаты,
Ридну землю опускаты.
Всека нужда имъ прысыла,
Зъ жидами зворошыла,
Прійде въ свити погибаты.
Хто жъ Гуцула поратуе?
Зъ насъ ся каждый покепкуе,
Якъ терпѣчки намъ не стане.

Г. Поповскій въ VIII т. „Zbiór“ помѣстилъ Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny“. Собиратель прямо, безъ малѣйшаго предисловія, начинаетъ съ пѣсни о Нечаѣ и затѣмъ приводитъ всего 176 №№ пѣсенъ на 61 страницѣ. Не обозначено даже, какого уѣзда, какой губерніи эта Залеванщина. Въ читателяхъ, даже у записныхъ географовъ нельзя предполагать знанія всѣхъ малорусскихъ селъ. Г. Поповскій, очевидно, пропустилъ, а редакція забыла отмѣтить, гдѣ же находится Залеванщина. Нельзя требовать отъ читателя справокъ въ многотомныхъ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи“, да и справки не могутъ помочь читателю, такъ какъ Залеванщины оказываются въ разныхъ малорусскихъ губерніяхъ, могутъ находиться и въ закордонной Галиціи. По языку пѣсенъ приходится лишь догадываться, что мы имѣемъ дѣло съ украинскими пѣснями.

Сборникъ г. Поповскаго, равно какъ многіе другіе сборники малорусскихъ пѣсенъ новѣйшаго времени, г. Омельченка, № 7 Д и Неймана, Рокосовской, въ значительной степени ограничиваетъ общераспространенное мнѣніе о глубокомъ упадкѣ малорусской народной поэзіи. У г. П. многія народныя пѣсни отличаются художественностью образовъ и изяществомъ выраженій. Въ языкѣ встрѣчаются великорусскія слова. Въ сборникѣ отмѣчено, когда и отъ кого записаны пѣсни историческія. Изрѣдка встрѣчаются указанія на варіанты у Головацкаго, Чу-

бинскаго, Рудченка и Мордовцева. Распредѣленіе пѣсенъ не отличается систематичностью. Въ виду малой извѣстности сборника г. П., мы здѣсь отмѣтимъ заголовки и содержаніе главныхъ отдѣловъ и выдающихся пѣсенъ.

1) *О Нечаѣ* „Ой въ лузи, въ лузи“ и пр.—весьма распространенная пѣсня, извѣстная по многимъ сборникамъ (у Антон. и Драгом. во II т. 38 варіантовъ, въ Zbiór wiadom. VIII 162).

2) *О Гавриленкѣ* „Ей якъ ясно сонечко сходыть“ (Г. одолѣваетъ разбойниковъ).

3) *О татарскомъ набѣгѣ* „А въ недилю пораненьку“... Пѣсня сложная, вначалѣ о татарскомъ набѣгѣ на побережцевъ, въ концѣ о подчиненіи Сѣчи императрицѣ Екатеринѣ. Обѣ части оригинальны, впервые являются въ печати. Въ „Политическихъ пѣсняхъ“ подобнаго варіанта нѣтъ.

4) *„Ой зажурывся та сивъ соколонько“* отнесена г. Поповскимъ къ пѣснямъ о паденіи Запорожья, хотя въ самой пѣснѣ нѣтъ ничего о Запорожьѣ.

5) *„Ой не пугай пугаченьку“*. Г. П. ошибочно относитъ и эту пѣсню къ историческимъ, именно, къ пѣснямъ о паденіи Запорожья. Въ этой пѣснѣ рѣчь идетъ о спорѣ орла съ конемъ, о чемъ см. статью *Потебни* въ „Къ ист. звуковъ“ и мою замѣтку о ней въ 1 вып. „Соврем. малор. этногр.“ стр. 34.

6) *О гайдамакѣ Недуменкѣ*—мать совѣтуетъ Н. не пить; Н. ослушался, пошелъ въ лѣсъ и попалъ въ тюрьму—изъ разбойничьихъ пѣсенъ.

7) *Мене батько сюдовавъ*—разбойничья пѣсня на распространенный мотивъ: мужъ разбойникъ убиваетъ въ дорогѣ шурина. Подобныя великор. у *Аристова* въ соч. о разбойничьихъ пѣсняхъ, въ *Лѣтоп. рус. литер. и древн.* и др.

8) *„Ой сердене, серденечку“*, въ варіантахъ „Ой сербино, сербиночку“, „Ой свербыно, свербыночку“, извѣстна по многимъ сборникамъ *Чубин.* V 481, *Голов.* I 206, II 582, *Zbiór wiadom.* II 73, VIII 169, *Kolberg*, Pokucie II 52, Lud (польск.) I 8 (32 вар.) XVI 475, *Erben*, Czeske pis 417, 478, *Wojcick* 150; *Wisła* 1890 стр. 164; 1891 г. I. Содержаніе: дѣвушка на-

вязывается въ жены, даетъ отраву брату, парубокъ ея не беретъ, она идетъ замужъ за нищаго и терпитъ побои.

10) *„Ой въ Кіевѣ на подолѣ“*—весьма распространенная пѣсня—баллада на мотивъ о превращеніи брата и сестры въ цвѣты. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ Zbiór wiadom. VIII 166 (Z. D. ib. 166, Чуб. V 479, Holb. Pok. II 32, 33, Erlen 483).

11) *„Ой у яру глибокимъ“*—весьма распространенная пѣсня о кровосмѣшеніи: мать бросаетъ двухъ сыновей въ Дунай, потомъ выходитъ замужъ за одного, дочку выдаетъ за другаго. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ Zbiór 167 (Чуб. V; 407, стр. 888, 485—II варіантовъ, Голов. I, 45, 73, II, 577—3 вар., Koll. Zud. I, 217, Pokucie II 29—37; Ант. и Драг. I 275, Шейнъ Бѣлор. п. 142—3 варіан.).

12) *„Коло млына червона калына“*—дѣвушка угощаетъ козака, приглашаетъ переночевать съ ней, козакъ говоритъ, что у него есть любимая жена и дѣти. Варіантъ въ „Политическ. пѣсняхъ“.

13) *„И кинь мини спотыкается“*—весьма распространенная пѣсня: козакъ спитъ, приближаются татары, дѣвушка бьетъ его травой по лицу и будитъ. Варіанты въ сказкахъ у *Манжуры* 31, *Садовникова* 30, *Караджича* 266, Шейнъ, Матер. I, 578 и мн. др. Подробнѣе объ этомъ мотивѣ мы говоримъ въ особой приготовляемой для печати монографіи.

74) *О панщинѣ*=наступила чорна хмара, затѣмъ сѣрая, была Польша, затѣмъ Россія и пр.—извѣстна по разнымъ сборникамъ (Z. D., Неймана и др.).

77) *„Та посіявъ я макъ“*—горе мужа, жена котораго утонула въ Дунаѣ и оставила ему 4 дѣтей.

176) *О свадьбѣ птицъ*—„перепелыченька не велыченька“ и пр., варіантъ у Вересая.

Большая часть пѣсенъ—любовныя—парубковъ и дивчатъ; много пѣсенъ женскихъ, изъ коихъ выдаются жалобы жены на свекра и свекруху (№№ 59, 78), на мужа пьяницу (№ 80, варіантъ пѣсни „Ой кудро кудрявая“ въ I т. Объясн. А. А. Потебни), нѣсколько характерныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (81, 82,

109—117), шутливыхъ и скабрезныхъ „гудзинокъ“ (118—175). Встрѣчаются оригинальные пѣсенные мотивы, полные одни мѣткаго юмора, другіе глубокаго чувства. Встрѣчается много пѣсенъ, характеризующихъ любовное отношеніе мужа къ женѣ. Въ одной пѣснѣ (№ 59) свекорь совѣтуетъ сыну бить жену; сынъ отвѣчаетъ.

За що ім, тату, быть,
Коли въ нею добре жыть:
Вона змеле и втовче,
И наварыть, напече,
И помые, помаже,
Билу постиль постелыть,
И со мною слати ляже,
И никому не скаже.

Въ другой пѣснѣ (№ 78) жена жалуется мужу на свекруху.

Яжъ твоеи неньци не вгоджу,
Поперу хуста на ричци,
А вона каже, що въ дижци,
Поперу хуста на води,
А вона каже въ болоти;
Поперу хуста въ мыли,
А вона каже що въ глыни
Прынесу воды, тай не пье
Замету хату—не стане,
Помію ложки—не гляне.

Мужъ отвѣчаетъ:

Не робы, мыла, не робы,
Склады рученьки та и сыды
Шежъ моя маты не стара
Принесе воды шей сама...

Въ третьей пѣснѣ (№ 152) жена хвалитъ своего мужа за то, что онъ добрый, „намеле, натовче, сухихъ дривець врубае и горилочки розидбае“.

Самая ссора супруговъ воспроизводится въ пѣсняхъ въ мягкой формѣ, съ оттѣнкомъ грусти и юмора, напримѣръ въ пьяницкой пѣснѣ (№ 011):

Не я пьяный, не я пьяный—горилочка пьяна,
Ой отчины, вориточки, Ганусю кохана,
Ты господарь, ты господарь, возьми соби хлопця,
Нехай тоби отчиняе шо вечеръ воротця.

На послѣдующія просьбы мужа сварить вечерю, постлать постель, Гануся предлагаетъ господарю нанять кухарку и горничную. Затѣмъ слѣдуетъ послѣдняя просьба господаря.

Не я пьяний, не я пьяний—горилочка пьяна
Лягай, лягай зо мною, Ганусю кохана.
Зажды мини хочъ часочокъ, зажды хочъ годынку,
Нехай же я приколышу малую дытынку.

Здѣсь чувственность введена въ строгія границы такта и обязанности.

Въ сборникѣ г. Поповскаго встрѣчается много пѣсенъ, извѣстныхъ уже по прежнимъ сборникамъ, напр. „Ой чумаче“ (105), „Зеленый дубочокъ“ (100), „Ты зиронько“ (50), „Ой пидъ гаемъ“ (42), „Сыдыть сиромаха“ (22) и др.

Встрѣчается нѣсколько великорусскихъ пѣсенъ въ передѣлкѣ на малорусскій ладъ, напр., подъ № 23 „Ой зъ пидъ камня“ и № 21 „Ой на мори на Днипри (искаженная донская пѣсня).

Попадаются странные припѣвы, напр., въ № 33 каждая вторая строка оканчивается восклицаніемъ охъ, ха, ха! въ № 69 вохъ-та-ли-ла-друмъ-друмъ! въ № 97 въ началѣ и концѣ пѣсни потворяется сложный припѣвъ:

Фить, фить, фить, техъ, техъ, техъ
Ай, ай, ай, охъ, охъ, охъ!

Это соловьиное насвистываніе могло быть усвоено отъ странствующихъ музыкантовъ.

Г. Быковскій Pieśni obzędowe ludu rusniego z okolic Pińska, въ Zbiór wiadomości do antrop. kraj. 1878 II, 260—285. Содержаніе: 1) *Кустъ*—обычай водить дѣвушку на зеленыхъ святкахъ, о чемъ упоминаетъ Мандельштамъ въ соч. „Опытъ объясн. об.“ и подробнѣе см. въ моемъ соч. „Культ. переживанія“ въ ст. „Водить тополю“. Г. Быковскій приводитъ 12 пѣсенъ „кустовыхъ“, вполнѣ малорусскихъ по языку. 2) *Пѣсни весеннія*, считаемъ 3; 3) *пѣсни лѣтнія*—всего 5, которыя точнѣе было бы назвать обжинковыми пѣснями; 4) *пѣсня осенняя*, 5) *разныя пѣсни*—всего 7, изъ коихъ 2 колядки и одна пьяницкая. Затѣмъ слѣдуетъ *описаніе свадьбы*, причемъ при-

ведено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Сборникъ небольшой и неважный.

Г. Подберскій далъ „Materyały do demonolagii ludu unraińsniego“, въ VI т. Zbiór wiadom. do antrop. urajaw. 1880 года 3—83. Матеріалы эти, собранные въ чигиринскомъ уѣздѣ, въ научномъ отношеніи представляются цѣнными; они заключаютъ въ себѣ много новыхъ подробностей, не встрѣчающихся въ изданныхъ въ Россіи сборникахъ южно русскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Повѣрья записаны непосредственно изъ народныхъ устъ. Вообще сборникъ этотъ заслуживаетъ вниманія по обилію демонологическихъ повѣрій. Содержаніе: 1) *Привидѣнія и духи*: а) мавки, лоскотки и скарбы, б) русалки, в) домовой, г) дьявольскія дѣти (одмина). 2) *упыри—олицетворенія болѣзней*: а) перелесники и обоясныки, 2) упырь изъ Макіевскаго хутора, в) о покойникѣ Харькѣ и парубкѣ Василѣ, г) упырь разгоняетъ досвитки, д) Оситняскій упырь Халявка, е) упырь на 13-й верстѣ, ж) борьба упыря съ висѣльникомъ подъ Чигирыномъ, з) происхожденіе чумы, и) появленіе холеры, і) вовкулака и Матусова. 3) *Вѣдьмы:* а) Оситянская вѣдьма, б) вѣдьма—попова жена, в) вѣдьма наречоная, г) Шалабайка (о ярчукѣ), д) Кучурвална, е) Марта Кострубаха, ж) поврежденіе креста въ полѣ (фигуры), з) шабашъ на лысой горѣ, и) китайгородская вѣдьма. 4) *Бѣсы и кикиморы*—8 разсказовъ о дьяволѣ, проживавшемъ въ горильчаномъ заводѣ, о явленіи бѣса въ видѣ свиньи, барашка и др. 5) *Колдовство*: а) знахари, характерники и планетники, б) чары, насланія, уроки, пристритъ, в) заговоры отъ болѣзней и повѣрья—13, г) Божія наказанія за несоблюденіе праздниковъ. 6) *Болѣзни* людей и скота и *заговоры* числомъ 26, съ краткой замѣткой въ концѣ о народной хирургіи (вырываніе зубовъ кузнецами).

Г. Брыкчинскій, Zapiski etnograficzne z Polesia Wołyńsniego, въ Zbiór Wiadom. 1888 XII 81—103. Краткая замѣтка о крестинахъ. Описаніе свадебныхъ обрядовъ и 30 коротенькихъ свадебныхъ пѣсенъ. Замѣтки о похоронахъ, закруткѣ, купальскихъ обрядахъ и 6 купальскихъ пѣсенъ. Кромѣ того 7 на-

родныхъ пѣсенъ, уже извѣстныхъ ранѣе въ печати. Сборникъ небольшой и малосодержательный.

Г. Земба въ XII т. Zbiór'a 1888 стр. 227—230 далъ небольшую замѣтку „Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu".

Г. Густавичъ въ V т. Zbiór 1881 г. стр. 102—187 далъ интересный сводъ польскихъ и отчасти галицко-русскихъ народныхъ повѣрій о животныхъ. Статья подробная, напр. о ящерицѣ 23 повѣрья, о ласточкѣ 32, аистѣ 28, быкахъ и коровахъ 187.

Г. Грегоровичъ въ V т. Pamiętnik Tawarzystwa tatrańskiego" ч. 2, стр. 26—36 помѣстилъ небольшой, но интересный гуцульскій словарь. Такіе труды легко затериваются, а между тѣмъ путемъ накопленія ихъ можно было бы подготовить почву для серіознаго изученія лексической стороны малорусскаго языка

Колесса (Янъ) въ XIII т. Zbiór напечаталъ сборникъ этнографическихъ матеріаловъ о родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ русиновъ въ с. Ходовицахъ стрыйскаго повѣта.

Цисекъ въ XIII т. Zbiór напечаталъ интересные этнографическіе матеріалы изъ м. Жалынь перемышльскаго повѣта. Здѣсь, между прочимъ, приведено описаніе вертепа, сообщено о братствѣ, основанномъ сапожниками, приведены повѣрья о колдовствѣ.

Коперницкій (Исидоръ), извѣстный польскій антропологъ (род. 1825 † 1891), воспитанникъ кіевскаго университета, интересовался, между прочимъ, и малорусской этнографіей и въ положеніи редактора краковскаго антропологическаго сборника открылъ широкій доступъ на страницы этого изданія малорусскимъ этнографическимъ матеріаламъ. Біографія И. Коперницкаго и библіографическій обзоръ его трудовъ см. въ „Библіографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета", некрологъ въ „Кіев. Старинѣ" 1891 г. № XII 462—465. Коперницкій редактировалъ нѣкоторые вошедшіе въ Zbiór сборники малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, а въ VIII т. напечатано двѣ самостоятельныхъ статьи „Физическая характе-

ристика русскихъ горцевъ" (въ Галиціи) и „Этнографическій очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиціи". Въ отзывѣ г. В. А. въ „Кіевск. Стар." 1891 г. XI, 136 эти статьи Коперницкаго оцѣнены, „какъ работы весьма основательныя и точныя". Здѣсь же данъ обзоръ ихъ содержанія.

Талько-Гринцевичъ—авторъ небольшой статьи „Физическая характеристика украинскаго населенія" въ XIV томѣ Zbiór wiadomości. Содержаніе этой статьи и ея недостатки были отмѣчены въ XI кн. „Кіевск. Старины" 1891 года въ редакціи г. В. А.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО.

(1719—1723 и 1754 г.).

Въ „Кіевской Старинѣ“ за 1884—1886 г. Г. А. Лазаревскимъ былъ напечатанъ Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753 г.), какъ представляющій собою важнѣйшій памятникъ для изученія Малороссіи средины XVIII вѣка.

Послѣ обстоятельнаго предисловія къ этому дневнику Г. Лазаревскій говоритъ: „Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ дневникъ его авторамъ, и съ какого времени начинается онъ“. Болянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ, что дневникъ начинался съ 9 ноября 1819 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ онъ начинается съ 3 февраля 1727 и затѣмъ имѣетъ въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ недостаетъ, на примѣръ, цѣлыхъ 7 лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи А. И. Ханенко, сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже А. И. Ханенко, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда. „Можно догадываться“, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, „что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенко, въ рукахъ которыхъ одно время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во время его смерти находились на службѣ“. Нами пріобрѣтены почти всѣ бумаги покойнаго

профессора московскаго университета О. М. Бодянскаго, въ числѣ которыхъ оказался и дневникъ Ханенко, прекрасно переписанный, свѣренный съ подлинникомъ, со своеручными поправками Бидянскаго и съ записью въ концѣ рукописи: „Подлинникъ у потомка его Александра Ивановича Ханенка, черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда въ Городищѣ списано 1851 г., февраля 17 дня. Москва, О. Бодянскій".

Въ этой рукописи также не оказывается семи годовъ (1734—1741), но за то уцѣлѣло начало дневника за 1719—1723 и послѣдніе листы начала 1754 г., что нами и печатается на тѣхъ же страницахъ „Кіевской Старины", какъ пополненіе дневника Н. Ханенко.

Предположеніе напечатать дневникъ Ханенко было высказано покойнымъ редакторомъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей" еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, но несчастное дѣло по поводу помѣщенія въ чтеніяхъ сочиненія о Россіи Флетчера, слѣдствіемъ котораго было закрытіе чтеній и увольненіе секретаря Общества О. М. Бодянскаго, остановило ровно на 10 лѣтъ печатаніе дневника Ханенко. Но и впослѣдствіи только ничтожная часть его была напечатана О. М. Бодянскимъ въ 1-й книжкѣ чтеній за 1858 г. подъ заглавіемъ „Діаріушъ или журналъ о есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясновельможнаго, его милости пана Іоана Скоропадскаго, войскъ Всѣпресвѣтлѣйшаго его императорскаго величества, запорожскихъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетмана оказій и церемоній такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ наченшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по представленіи и погребеніи помянутаго жъ Гетмана ясновельможнаго Іоанна Скоропадскаго, въ мѣсяцѣ іюлѣ Войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ". Къ этой части дневника О. М. Бодянскій сдѣлалъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ широко воспользовался не только всѣмъ дневникомъ Н. Хоненка, но и другими матеріалами, врученными ему потомками послѣдняго.

У насъ уцѣлѣла переписка Бодянскаго съ Михайломъ Ивановичемъ и Александромъ Ивановичемъ Ханенко по поводу

печатанія дневника. Письма эти не только интересны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но и указываютъ на тѣ оставшіеся документы и рукописи, которые сохранялись въ 1847 г. въ родовомъ архивѣ Ханенко. Такъ первое письмо М. И. Ханенка отъ 14 декабря 1847 г. начинается спискомъ этихъ документовъ. Списокъ разныхъ бумагъ и документовъ, находящихся у М. Ханенка:

1. Копія пунктовъ Петру Великому отъ гетмана Скоропадскаго, апр. 11-го, да челобитная о Почепской межѣ и другая на указъ о учиненіи въ Глуховѣ Малор. Колегіи, въ отвѣтъ апр. 28—1722 год. поданныя въ Москвѣ, и какія на это собственной рукой императорской состоялись резолюціи.

3. Печатный указъ Импер. Петра объ удаленіи отъ престолонаслѣдія Алексѣя.

3. Приказъ Гр. Разумовскаго съ копіей указа Иностр. Колегіи о пожалованіи Почепа.

4. 1729 г. роспись о жалованіи Малороссійскимъ полкамъ изъ Государс. Колегіи.

5. Указы Петра 1-го о взятіи Азова 1696 г. о невзиманіи безъ указа подводъ и о неназываніи измѣнниками и прот. 1710 г. о произведеніи въ чины полковые и сотеные гетману изъ кандидатовъ 1715 г. О измѣнѣ Мазепы 1708 г.

6. О вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича послѣ Ал. Мих., тутъ же о содержаніи правъ и вольностей. О вступленіи на престолъ Іоанна и Петра Алексѣевичей и о подтвержденіи правъ и привилегій.

7. Ядро Исторіи Россійской изъ многихъ достовѣрныхъ историографовъ собранное къ угожденію прошказельнымъ (84 листа мелкой печати).

8. Счетъ деньгамъ, даннымъ изъ Генер. Канцеляріи хорунжему Ханенку при отправкѣ изъ Глухова въ С.-Петерб. 1750 года.

9. Печатный дипломъ изъ Академіи Голштинской Кильской В. Н. Ханенкѣ и печатныя правила той же Академіи Альберты Христины.

10. Экстрактъ изъ правъ Малороссійскихъ о земской давности, подк. судахъ или межевыхъ 1755 году, писалъ собственноручно Н. Д. Ханенко.

11. Выписка изъ статей гетмана Хмельницкаго, поданныхъ 1654 г.

12. Просьба къ Императору гетм. Скоропадскаго 1720.

13. Краткое описаніе Малороссійскаго края, народа и состоянія онаго древнемъ, такъ же о гетманахъ, какъ прежде мужественнаго онаго и вѣчныя славы достойнаго гетмана Зеновія Богд. Хмельницкаго, яко и по немъ бывшихъ, о разныхъ тожь малороссійскаго, украинскаго и козацкаго народа храбрыхъ дѣйствіяхъ, преславныхъ надъ поляками многихъ побѣдахъ и о прочемъ, что потомъ послѣдовало, собранное въ разныхъ авторовъ латинскихъ польскихъ и русскихъ, 25 листовъ.

14. Указъ Алекс. Мих. мѣщанамъ кіевскимъ на права ихъ жаловать.

15. Изъ конституціи сейма вольнаго варшавскаго, о правахъ за короля Іоана Казимира; перев. съ польскаго. *Коммиссія Годяцкая* 1659 г.

16. Указъ Импер. Петра 1723 г. Малороссійской Колегіи.

17. Челобитная поданная въ С.-Петербургѣ Колегіи иностранныхъ дѣлъ до рукъ самого Государя, сент. 15-го 1723 г. за подписью всѣхъ чиновъ малороссійскихъ. (Генер. суд. Чарныша, Полуботки пол.).

18. О книгѣ конституція варшавская 1578 г.

19. Въ генеральной войсковой канцеляріи по справкѣ съ имѣющихся Вел. Госуд. Цар. и Вел. Кн. и Импер. и Сам. Всер. грамоты такожь и привелигіанты, Кор. Польс. и Вел. Кн. Литовскаго на вольности, права и преимущества Малороссійскихъ великихъ чиновъ, шляхетства рыцарства и народа и съ другими письменными документами выписано. (Цѣлая тетрадь).

20. Списокъ о полку компанейскомъ, сколько въ немъ состоитъ членовъ и рядовыхъ съ показаніемъ жалованья и прочаго.

21. О гербахъ державы россійской и жезлахъ въ ней содержимыхъ.

22. Уставъ главнаго магистрата Петра Вел. (Печатная книга въ большой листъ изъ библіотеки Н. Д. Ханенко).

23. Подлинная инструкція изъ Генеральной Канцеляріи 1745 г. Генер. Хоруж. Н. Ханенку.

24. Промеморія изъ войсковой Генеральной Канц. въ государственную военную Колегію 1744 г.

25. Донесеніо о козакахъ 1744 г. отъ Ивана Бибикова.

26. Донесеніе посланыхъ съ нарочнымъ въ Сенатъ 1745 г.

27. О служительскихъ деньгахъ и ранговыхъ деревняхъ 1745 г. отъ Генеральной Малороссійской старшины.

28. Различныя донесенія въ Генер. Канцел., предписанія къ полковникамъ и другая форменная переписка и различные указы въ копіяхъ.

29. Указы и грамоты Петра II отъ 1728 до 1730 год.— къ Малороссіи относят. Анны Іоанновны отъ 1731 до 1736 г.

30. По силѣ указа о винныхъ маетностяхъ и, которыя состояли подъ веденіемъ министерской канцеляріи, а кто въ оныхъ управители, вѣдомость съ описаніемъ маетностямъ и какой отъ нихъ доходъ (тетрадь).

31. Указы гетмана Апостола въ Стародубскій полкъ.

32. Грамота гетману Скоропадскому на его гетманскій чинъ и на малороссійскія права 1710 г., также универсалъ Богдана Хмельницкаго о индуктахъ, отобранные у гетмана Апостола 1721 год. въ Москвѣ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ и назадъ не отданные.

32. Универсалы Самойловича 1678 года, Мазепы и другіе.

33. Меморіалъ, что къ пользѣ Малороссійскаго народа необходимо нужно, дабы здѣшнему краю сущому какъ не въ прежнемъ состояніи могло воспослѣдовать какое нибудь исправленіе.

34. Меморіалъ о нижеслѣдующихъ нуждахъ Малороссійскихъ.

35. Еще о семъ меморіалѣ.

36. Къ свѣдѣнію и произвожденію потребное.

37. Гетману доношеніе о нуждахъ малороссійскихъ (отъ кого и кому неизвѣстно).

38. Письмо Хоецкаго войска брацлавскаго судьи пограничнаго, князю примасу изъ Торговица, 1753 г.

39. Переводъ съ писемъ комисаровъ польскихъ изъ Торговица съ комисаромъ россійскимъ, отправленнымъ во время пограничной комиссіи 1753 г.

40. Каталогъ книгъ библіотеки Н. Д. Ханенко, на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, до 150 сочиненій.

41. Письма къ Н. Д. Ханенко отъ разныхъ лицъ: отъ Василія Демидова о покупкѣ овецъ, отъ Полетики, Журоховскаго, Анастасіи Полуботковой, но не заключающія въ себѣ ничего историческаго; изъ за-границы, изъ Парижа, отъ Пріода, изъ Стразбурга, отъ Гуммеля, изъ Киля, отъ Волькмана, изъ Гамбурга и проч.

42. Письма Васил. Ник. Ханенко къ отцу изъ за-границы, гдѣ онъ учился и находился на службѣ голштинскихъ войскъ, впослѣдствіи же былъ полковникомъ гвардіи и флигель-адъютантомъ Петра Ш. Описаніе его путешествія, пріемовъ при дворѣ, привозъ знамени въ Голштинію отъ Петра Ш и проч., писемъ до 50-ти.

43. Указъ Разумовскому Импер. Елизаветы о неявкѣ на комиссію украинскую запорожцевъ гайдамакъ 212-ти человѣкъ 1753 года.

44. Письма гетмана Апостола къ полковнику стародуб. судью Ник. Д. Ханенко, очень ветхія, (Апостолъ былъ женатъ на Ломиковской, которой родная сестра была матерью Н. Д. Ханенко).

45. Письма Ник. Д. Ханенко къ сыну Василію заграницу.

46. Конвертъ съ письма, на коемъ написано собственной рукой В. Н. Ханенко: Qeulques papiers au sujet des affaires du feu, M-s de Priouda, mort á Strasbourg le du juin 1758. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ, но есть черновое письмо къ банкирамъ, гдѣ онъ благодаритъ ихъ за попеченіе о немъ передъ смертью и обязывается заплатить всѣ его долги заграницей.

47. Черновыя письма Н. Д. Ханенко къ различнымъ лицамъ. Иныя очень любопытны.

48. Continuatio Diary privati 1722. Нѣсколько маленькихъ тетрадокъ, изъ коихъ въ первой окончаніе похода на Кавказъ. Кромѣ извѣстнаго Діаріума, веденнаго во время пребыванія

Скоропадскаго при дворѣ Петра I-го, есть дневникъ, писанный каждодневно собственной рукой Н. Д. Ханенко, въ продолженіе 40 лѣтъ—онъ находится у брата моего Алексѣя Ивановича Ханенко.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 декабря 1847 года М. И. пишетъ: „Исполняю Вамъ мое обѣщаніе и посылаю Діаріумъ Н. Д. Ханенко, въ немъ вы найдете во многихъ страницахъ пропуски словъ и строкъ—но это дѣло неисправимо, ибо списокъ сдѣланъ тоже съ копіи, доставшейся намъ, въ которой тѣже пропуски; оригиналъ же, мнѣ кажется, находится у Бантышъ-Каменскаго, которому былъ доставленъ покойнымъ нашимъ дядей Ив. Ханенкою, и которымъ онъ руководствовался при написаніи своей исторіи, о чемъ и упоминаетъ самъ; еслибы Вамъ случилось когда нибудь спросить его объ этомъ, то вы бы доставили намъ этимъ великое одолженіе. Но пропуски эти незначительны, вы все таки найдете очень много интереснаго и полезнаго. Условій для напечатанія этой рукописи я не предлагаю и не имѣю права предлагать никакихъ. Надѣюсь также, что Вы доставите намъ въ отдѣльно напечатанной книгѣ этотъ діаріумъ въ числѣ 25 и до 40 экземпляровъ; мнѣ бы хотѣлось раздать его добрымъ достойнымъ землякамъ, а также послать въ черниговскія гимназіи, лицей и полтавскую гимназію. Впрочемъ, во всемъ полагаюсь на Васъ; предлагаю эти условія не съ желаніемъ вознагражденія, но если это не мало не будетъ тягостно обществу, то для чего же не доставить случай имѣть другимъ? Братъ Александръ просилъ передать Вамъ, что все, что есть у него изъ старины нашей малороссійской, онъ съ удовольствіемъ предлагаетъ для напечатанія обществу“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 21 февраля 1848 г. онъ говоритъ: „видѣться съ братьями, какъ я хотѣлъ, чтобы добрать у нихъ остальное къ нашему родовому архиву, за дальностью ихъ жительства теперь не могу вскорѣ, а между тѣмъ не хочу, чтобы у меня лежало долѣе то, что обѣщалъ Вамъ, и что принадлежитъ вашему ученому разсмотрѣнію, почему, приведя кое-какъ въ порядокъ, посылаю Вамъ второй томъ, который не меньше

перваго, и который заключаетъ въ себѣ болѣе нашего, семейнаго, родового, Ханенковскаго, но, мнѣ кажется, вмѣстѣ и историческаго. Разсмотрѣвъ, Вы увидите, что я не скрылъ отъ Васъ ничего ни самаго пустого, ни самаго важнаго; въ этомъ вся моя заслуга передъ Вами, и хотя малое выраженіе моего истиннаго уваженія къ вамъ. Вмѣстѣ съ бумагами посылаю двѣ книги изъ библіотеки прадѣда: 1) Уложеніе магистрату Петра I-го, если оно имѣетъ какую нибудь важность историческую и будетъ интересно вашему обществу, то прошу передать въ библіотеку онаго. 2) Рукописная латинская, не знаю, что заключающая въ себѣ, ежели она заслужитъ какое-нибудь Ваше вниманіе, то прошу ее оставить у себя; отъ правнука въ память прадѣда. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что вся библіотека Ник. Дан. Ханенко, (каталогъ которой вы имѣете), подарена нашими бабками Новгородъ-Сѣверской гимназіи и теперь, кажется, вся на лицо. Многія книги исписаны рукою прадѣда, т. е. его замѣтками. Ежели братъ Александръ, съ которымъ я уже давно видѣлся, не отослалъ Вамъ дневника Н. Д. и другихъ его бумагъ, то могу увѣрить Васъ, что въ самомъ скоромъ времени вы ихъ получите, и тогда исповѣдь нашего семейства передъ Вами будетъ кончена, будемъ хлопотать о другихъ. Мнѣ кажется изъ письма Вашего, что вы незнакомы лично съ Ник. Андр. Маркевичемъ; этотъ человѣкъ такъ добръ, что у него можно взять послѣднюю рубаху, но нужно взять, самъ же онъ неспособенъ исполнить самого пустого обѣщанія по своей безпечности. Вотъ причина, почему Вы могли предполагать, что онъ жартуе съ вами, я постараюсь употребить все мое настояніе, чтобы добыть лѣтопись, нужную Вамъ,—но для этого нужно быть мнѣ у него. Предположеніе его о лѣтописи Казара, принадлежащей будто бы Разумовскому, какъ автору, мнѣ кажется невѣроятнымъ по многимъ даннымъ,—пусть пришлетъ ее, Ваше дѣло будетъ увѣриться или разувѣриться въ этомъ".

Въ письмѣ отъ 3 марта 1848 г. М. И. писалъ: „списокъ, присланный мною вамъ, дневникъ Ник. Дан. Ханенко, переписалъ съ единственнаго у насъ списка брата Александра, и пропуски, сдѣланные въ немъ, находятся и въ его спискѣ, одно не

сдѣлано мною, я его не успѣлъ повѣрить со спискомъ брата, написаннымъ довольно четко, что произошло отъ поспѣшности отправить вамъ, и потому пропуски останутся, кажется, навсегда, а если въ моемъ спискѣ встрѣчаются слова, которыя трудно прочесть, и Вы захотите имѣть списокъ брата Александра, то напишите ко мнѣ, онъ съ того времени у меня на удержу, до уьѣдомленія вашего. О дневникѣ Маркевича, я почти могу надѣяться доставить его вамъ для напечатанія, Алекс. Мих. изготовилъ его временно къ печати и даже написалъ предисловіе—но онъ залежался у него и какъ ему съ охотою не передать вамъ для исполненія его намѣренія и напечатанія въ чтеніяхъ Вашего общества. Когда онъ, встрѣтясь со мною и говоря объ Васъ, сдѣлалъ мнѣ укоръ, что мнѣ стыдно не передать для напечатанія Вамъ дневникъ моего предка (который онъ читалъ), но онъ мною уже былъ отосланъ, и онъ повторилъ, что я сдѣлалъ должное. Изъ этого вы можете видѣть и его мысли; и, вѣроятно, тѣ, которымъ вы говорили объ этомъ и не намекнули ему; я же воспользуюсь случаемъ за это здѣсь полезнымъ. Я слышалъ отъ кого-то, что Чижовъ его предполагалъ печатать въ своемъ журналѣ и потому не обѣщалъ ли ему Алекс. Мих. и не свяжетъ ли это послѣдняго, но и въ такомъ разѣ я не разрѣшу. Чижовъ живетъ въ нашемъ уѣздѣ, я съ нимъ часто вижусь и знаю, что кромѣ формальнаго запрещенія правительствомъ изданія его журнала, онъ и самъ, по этимъ или другимъ причинамъ, раздумалъ о своемъ изданіи—онъ мнѣ такъ говорилъ.

Алекс. Мих. Маркевичъ, потомокъ Пав. Л. Полуботки, по женской линіи, и у него я видѣлъ собственноручную записку Павла Леонтьевича—не помню года и числа когда она ведена. Числа выставлены по церковному буквами, и противу каждаго числа писано, что случилось историческаго въ этотъ день изъ исторіи древней и новой. Такъ исписанъ полулистъ. Не думаю, чтобы эта записка была интересна для напечатанія въ Чтеніяхъ общества; она драгоцѣнна для насъ по воспоминаніямъ о величайшемъ мужѣ. Жду, что вы мнѣ скажете.

Жалѣю, что я не вналъ, при Вашемъ изданіи Конисскаго, что списокъ Полуботки Вамъ интересенъ, первое потому, что

мнѣ легко было его достать, а второе, что у брата Александра, находится сдѣланный имъ семь лѣтъ тому назадъ со списка списокъ Полетики и хорошо свѣреннаго. Хотя я слышалъ отъ Полетики о важности его, но не вѣрилъ ему, ибо не зналъ того, что Вы мнѣ пишете. Не хотите ли, чтобы Вамъ прислать списокъ брата Александра, Вы его просмотрите и, если найдете разницу, то я могу достать и списокъ Полетики. Полетика, слышавши, что мы послали печатать дневникъ Н. Д. Ханенко, (хотя по его воспитанію и прочему это ему не могло быть интересно), просимъ передать мнѣ черезъ родственника, что онъ доставитъ лѣтопись или черезъ меня въ ваше общество или просилъ Вашего адреса. Я сказалъ сейчасъ, что эта лѣтопись Конисскаго, но тотъ мнѣ возражалъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ и что это другая, При первой возможности, (ибо онъ живетъ за 60 верстъ), я буду у него, узнаю все и пришлю Вамъ. Напишите, какъ Вы нашли моего прадѣда. Ежели можно то прошу Васъ не покидать вашей прекрасной мысли для насъ печатать все то, что найдете достойнымъ въ нашихъ бумагахъ, по общимъ сводамъ, (изъ бумагъ рода нашего)".

Затѣмъ слѣдуетъ письмо отъ 7 апрѣля: „Исполняю Ваше желаніе и посылаю Вамъ списокъ (дневникъ Н. Д. Ханенко), принадлежащій брату Александру Иван., изъ котораго сдѣланъ мой, пересланный Вамъ,—не думаю, чтобы онъ пособилъ общей нашей потерѣ, разумѣю о нѣкоторыхъ пропускахъ въ спискѣ. Съ Александромъ Мих. Маркевичемъ надѣюсь видѣться никакъ уже не позже мая 10-го и тогда передамъ Вамъ результатъ моего свиданія. Къ Полетикѣ уже написалъ и просилъ его о присылкѣ его лѣтописей, ожидаю отвѣта и увѣдомлю васъ, почему въ ожиданіи этого не счелъ за нужное посылать списокъ съ Полетикиной лѣтописи, находящейся у брата Ал. Ив.

Отъ 21 апрѣля 1848 г. М. И. Ханенко писалъ: „черезъ два дня ѣду въ деревню къ брату Ал. Ив. и надѣюсь, что при мнѣ онъ отправитъ къ Вамъ всѣ бумаги, которыя уже и изготовилъ къ сему, о чемъ говорилъ мнѣ на дняхъ.

Благодарю Васъ за обѣщаніе высказать мнѣ мнѣніе о Ник. Дан. Хан., а притомъ, надѣюсь, о важности бумагъ, нами доставленныхъ. Біографію его нельзя очертить, не имѣя въ рукахъ его 40 лѣтняго дневника, который вы скоро получите, а при этомъ позвольте-ка вамъ передать кое-что, что знаю о немъ, какъ о предкѣ своемъ.

Н. А. Маркевичъ добрый человѣкъ, а тому, что онъ разсказываетъ, вѣрить нельзя и потому, ежели онъ пишетъ, что предложилъ академіи наукъ грам. и слов. Косенко, то надо предполагать, что это только была мечта и вполнѣ можно ручаться, что не исполнится и успокоиться. За вѣрность моего показанія мѣстоположенія Вышенекъ я могу ручаться офиціально, ибо прошедшее лѣто, по должности моей предводителя дворянства, производилъ тамъ посредническое, довольно большое поземельное дѣло. Подробности же другія, слышанныя, повѣрялъ на мѣстѣ, жилъ же я самъ въ домѣ фельдмаршала.

Посылаю Вамъ въ подлинникѣ письмо Полетики, чтобы Вы изъ него усмотрѣли, что я дѣлалъ, что могъ и надѣюсь, при свиданіи, сдѣлать окончательно, что могу, а между тѣмъ, не найдете ли Вы или не укажете ли мнѣ другихъ путей къ его двоюродному брату,—братъ же мой Алек. Ив. доставитъ вамъ свою копію Конисскаго". Вслѣдъ за этимъ, въ тотъ же день О. М. Бодянскій получилъ письмо отъ Ал. Ив. Ханенко: „Давно я собирался послать къ Вамъ находящіяся у меня бумаги прадѣда моего Николая Даниловича Ханенко, но, желая представить Вамъ ихъ въ лучшемъ видѣ и имѣя въ продолженіи нѣкотораго времени много занятій по службѣ, я отлагалъ это до свободнаго времени, чтобы порыться въ старыхъ сундукахъ съ дѣлами, относящимися къ имѣнію, гдѣ частію отысканы и сіи бумаги. Но, услышавши отъ брата Михаила Ив. пріятнѣйшую для меня вѣсть, что Вы въ предстоящее вакаціонное время хотите при изданіи части дневника помянутаго прадѣда моего, приложить его біографію, я поспѣшаю при семъ препроводить къ Вамъ нѣкоторыя изъ тѣхъ бумагъ, въ которыхъ вы найдете матеріалъ для этого предмета, и дневникъ, часть котораго была передана покойнымъ дядею моимъ Александромъ Ив. Ха-

ненко Бантышу-Каменскому, съ которой копія получена мною отъ того же дяди моего, а списокъ уже съ оной доставленъ вамъ братомъ моимъ. Еще также передалъ мнѣ братъ, что Вамъ угодно имѣть мой списокъ Исторіи Коннискаго, переписанной слово въ слово изъ рукописи, находящейся у Якова Павл. Полетики, съ радостью всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить Вамъ, но нужнымъ считаю объяснить, что хотя сей Полетика и потомокъ того извѣстнаго депутата Полетики, но рукопись его, кажется не предковская, а досталась ему изъ Безбородкинской Гриневской библіотеки и притомъ очень неисправная, а подлиннаго экземпляра надо искать у полтавскихъ Полетикъ, двоюродныхъ его братьевъ. Ежели Вамъ угодно будетъ, я, какъ знакомый съ ними, напишу къ нимъ объ этомъ и извѣщу Васъ о послѣдствіяхъ моего розысканія. Возвратясь изъ Чернигова, я постараюсь скорѣе собрать остальныя бумаги и также переслать ихъ Вамъ, изъ которыхъ все, что вамъ угодно будетъ, прошу Васъ напечатать въ Изданіи Общества, и, по разсмотрѣніи ихъ, когда онѣ уже будутъ ненужны, покорнѣйше прошу возвратить ихъ мнѣ, по прилагаемому адресу.

P. S. Между посылаемыми бумагами Вы найдете универсалы Меньшикова опошнянскимъ жителямъ послѣ полтавской битвы. Они переданы мнѣ родною теткой жены моей, жительствующей возлѣ самой Опошни въ селѣ Мискихъ Млинахъ, а ей достались отъ предка ея сотника опошнянскаго Корицкаго".

Въ заключеніе мы должны сказать, что недостающія части дневника Н. Ханенко. по нашему мнѣнію, должно искать, какъ это видно изъ письма А. И. Ханенко, въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Бантышъ-Каменскаго.

1896 февраля 13. **Андрей Титовъ.**

1719 годъ Партикулярный журналъ.

Мѣсяцъ ноеврій.

9. Полковникъ [1]) литовскій панъ Антоній Танскій прислалъ мнѣ коня мастью гнѣдого, а панъ Василь Кочубей—вороного.

---

[1]) Пропуски въ рукописи Бодянскаго.

10. Товарищъ бончуковый панъ Стефаній Тарнавскій и канцеляристъ войсковый панъ Григорій Яснополскій посланы въ полкъ миргородскій для ревѣзій дворовыхъ числа людей посполитыхъ.

28. Братъ Иванъ отъѣхалъ зъ Глухова зъ писмами гетманскими до епископа переславского преосвященного Кирила Шумлянского.

Декабрь.

1. . . . . .

9. Началося веселье въ домѣ гетманскомъ братанича гетманского жъ его милости пана Михаила Василіевича Скоропадского, обозного полкового чернѣговского, передъ которого начаткомъ говорилъ я орацію, просячи у гетмана и у гетмановой, такожъ и у отца благословенія и того жъ дня отъѣхали въ Дунаецъ.

10. Тамъ въ Дунайцѣ принялъ шлюбъ панъ Михаило Скоропадскій зъ невѣстою своею панною Іуліаною, княжною Четвертенскою, послѣ которой церемоніи обѣдъ продолжался допозна въ ночь, а при концу обѣда давано марцепаны, и коровай раздѣланъ.

11. Отъѣхали мы въ Глуховъ, а прочая веселная компанѣя тамъ осталась.

Сегож числа, за прибытіемъ моимъ въ Глуховъ, вручена мнѣ отъ пана дядка асаула полкового кіевского Федора Лаврентіевича Ханенка лаговница и унѣверсалъ небожчика Григорія Гетманича, полковника чернѣговского, на добра, налѣжне жены дядковой Параскевіи Товстолѣсовны служачіе.

22. Универсалъ гетманскій справленъ пану дядку на добра, въ полку чернѣговскомъ по женѣ доставшееся.

27. Противъ сего числа въ ночи громъ былъ и блискавиця.

30. Синъ молодшій его милости пана Семена Савича, писара войскового енералного, Михаилъ Савичъ передъ свѣтомъ за годину преставился.

31. Попроважено тѣло покойного пана писаревича до монастыря петропавловского глуховского, куда и мы зъ его милостью, паномъ писаремъ, отъѣхали.

Февраль.

1. Погребеніе ономужъ пану цисаревичу отправлено.

3. Принесены двѣ грамоты къ гетману отъ сина енерала лейтнанта Бутурлина: одна о приготовленю ся въ походъ, другая о заготовленіи работниковъ на работу до фортецъ, въ Малой Росіи будучихъ.

6. Яну Юрію Каспару, купцу вроцлавскому, виданъ декретъ на Стефана Рубана.

7. Захоровалъ я на горячку и хоровалъ по 11 число сего мѣсяца.

19. Посланъ универсалъ гетманскій пану дядку на добра въ чернѣговскомъ полку по женѣ доставшееся, справленный.

Мартъ.

3. Панъ Михаило Скоропадскій обѣщалъ мнѣ коня.

9. Пришла вѣдомость къ гетману чрезъ Шостакова, что свѣтлѣйшый князь Александръ Даниловичь Меншиковъ ѣдетъ въ Украину.

10. Віѣхалъ ясновельможный и прочіе пани, имѣвшіесь въ Глуховѣ, а тамъ же и мы, канцеляристи, забираючи путь къ Шептакамъ на встрѣчу свѣтлѣйшого князя.

11. Зъ Гамаліевки рано віѣхавши, проѣхали Новгородокъ и прибыли на ночь въ Шептаки.

17. Свѣтлѣйшій князь зъ княгинею и со всѣмъ своимъ домомъ прибылъ до Шептаковъ уже позно; которого и самъ ясневелможный и многіе присутствовавшіе особы встрѣчали опол-милѣ за Шептаками.

18. Пріймовалъ ясневелможный на квартирѣ своей въ домѣ попа шептаковского свѣтлѣйшого князя зо всѣмъ его домомъ и ассистенціею, и княгиня по обѣдѣ заразъ отъѣхала, а князь забавился ажъ довѣчера при стрѣляню зъ гарматъ, и мождировъ; тамъ велѣлъ взять подъ караулъ чернцювъ новгородского моностыря, знаменія на небѣ видѣвшихъ, свѣтлѣйшій князь. По отъѣздѣ княжомъ, полковникъ миргородскій Даніилъ Апостолъ зъ полковникомъ гадяцкимъ Михаиломъ Милорадовичомъ поссорились въ квартирѣ гетманской.

19. Рано ясневелможный, отъѣхавъ зъ Шептаковъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ крестилъ дитину у пана Кутневского, а на ночъ отъѣхалъ въ Гамаліевку.

20. Прибыли въ Глуховъ.

Апрiля.

30. Прибыли зъ ясне велможнымъ въ Гадячь, гдѣ уже свѣтлѣйшого князя застали и якъ въѣздилъ гетманъ въ городъ, то палено зъ пушокъ, и сталъ квартерою въ замку, гдѣ цѣлая рота драгунская совсѣми офицерами зъ знаменъ и зъ музикою поставлена была на караулѣ, имъ отдавала честь гетману зъ барабаннымъ боемъ походу и зъ граньемъ музики.

Май.

1. Панове полковники и енералные персоны были у свѣтлѣйшого князя (а гетманъ не былъ, бо жестоко еще на дорогѣ занемогъ) на обѣдѣ послѣ службы и послѣ казанія.

5. Пана асаула енералного Жураковского и пана Валкевича отправлено до Стародуба для межованя Почепа.

15. Свѣтлѣйшый князь отъѣхалъ зъ Гадяча.

16. Ясневелможный отъ толъ же вiѣхалъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая сего году женился пане Федоръ Чуйкевичь въ Кролевцѣ на дочерѣ умершого священника тамошнего Маковского.

Iюнь.

30. Написанъ пану Яну Голембiовскому на село Засуху уневерсалъ.

Iюль.

1. Оный же унѣверсалъ ему виданъ.

11. Купилъ у пана Корецкого наметъ, за которiй далъ 5 р. 50 коп.

31. Преосвященный епископъ переясловскiй Кирилъ Шумлянскiй отъѣхалъ зъ Глухова къ Москвѣ.

Августъ.

7. Панъ Валкевичъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

14. Купилъ рондъ, въ которомъ ваги сребра 4 гривны безъ двохъ лотовъ и двохъ золотниковъ; дано за оный 17 рублей.

17. Зъ Яснополскимъ перемовимось.

19. Слухана справа пана полковника чернѣговского Полуботка зъ Цибулскимъ.

25. Виданъ дикретъ пану Моусѣю Костантиновичу Левицкому, асаулу полковому нѣжинскому, за которій обѣщалъ коня въ 30 талерей.

Септеврій.

6. Виданъ дикретъ пану полковниковѣ чернѣговскому въ справѣ его зъ Цибулскимъ, за которого переписыване начисто далъ я пану Григорію Максимовичу канцеляристѣ 11 локоть атласу зеленого.

14. Преосвященный епископъ переясловскій Кирилъ Шумлянскій возвратился зъ Москви, и служилъ въ церкве святаго Михаила.

15. Былъ жестоко боленъ, чего для нѣсколко дней слѣдуетъ лѣчитися мусѣлъ.

21. Отправилъ слугу Томоша Лятовецкого, давши ему абшитъ, которій служилъ мнѣ болѣе двохъ годъ.

Ноеврій.

10. За уневѣрсалъ на маетности, писанный пану Семену Ганецкому, сотниковѣ погарскому, далъ онъ 5-ть талерей битыхъ.

Декаврій.

20. Принесена грамота о Григоріи Михайлову, канцеляристѣ, и о Василю Дорошенку.

1721 годъ.

Генварь.

6. Былъ у гетмана еденъ знатный полякъ Николай, прозваніемъ Бучинскій, подъчашій троцинскій столника великаго княжества литовскаго пана Юрія Сапіги и поимѣвшойся отъ

него привѣтственной мовѣ отдалъ ясне велможному отъ принципала своего изрядныхъ пару пѣстолетовъ и щирозлоченій дзигаронъ въ подарку.

10. Столникъ Федоръ Ивановичь Протасіевъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

13. Отъѣхалъ полякъ Бучинскій.

14. Отправлена експедиція до двора царского величества взглядомъ Івановича глуховского и взглядомъ Сухоты стародубовского, и декреты посланы.

18. Иванъ Граевскій, старій канцеляриста, віѣхалъ зъ канцеляріи до монастыря петропавловского совсѣмъ.

22. Отъѣхалъ панъ Стефанъ Максимовичь К. В. женитись въ Стародубъ, зъ которымъ отъѣхалъ же и панъ Яснополскій. Въ семъ мѣсяцѣ панъ Андрей Горошинскій женился.

Февраль.

7. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, отъѣхалъ до С. П. Бурха.

10. Привезлъ грамоту зъ С.-П. Бурха Онишенко о оставленю поротной станціи.

24. Пріѣхалъ въ Глуховъ енералъ Кантакузинъ.

26. Отправленъ зъ Глухова до Стародуба за стаціею и показанщиною.

28. Прибилъ въ Стародубъ и былъ у генерала Роппа, которому и листъ отъ гетмана вручилъ.

Мартъ.

8. Поданную суплѣку отъ магистрату стародуб. принявъ и о уменшеню стаціи отправилъ съ писмомъ къ ясневелможному, требуя на то указу.

9. Данилу Никитинку Дятку даны 6 р. съ полтинню на грунтъ.

11. Віехалъ зъ Стародуба къ Пактусову.

12. Былъ въ Яцковичахъ у пана Покорского.

13. Прибылъ въ Мглинъ, и былъ у тамошнего сотника пана Максима Бородки.

17. Былъ у пана Афонасія Есимонтовского въ хуторѣ Бѣловодцѣ.

18. Віѣхалъ зъ Мглина.

19. Прибылъ въ Баклань, и сталъ квартерою у Соколовского.

22. Віехалъ зъ Бакланѣ, и прибылъ первей въ Баликинъ на службу, а вечеромъ въ Погарь: гдѣ былъ у мене сотникъ пагарскій панъ Семенъ Галецкій зъ своимъ урядомъ.

27. Василью Романовичу даны отъ мене 2 р.

29. Віехалъ зъ Погари и прибылъ въ Лобки.

30. Прибылъ въ Стародубъ.

Апрель.

4. Обсилка чрезъ мене учинена знатная отъ ясне вельможного на кухнѣ естними и питейними рѣчами генералу Роппу.

20. Віѣхалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Дохновичи.

22. Прибылъ въ Новгородокъ.

26. Віѣхалъ съ Новгородка.

28. Прибылъ въ Глуховъ.

Май.

30. Былъ у гетмана олонецкого драгунского полку господинъ полковникъ Юрій Ѳедоровичъ, послѣ котораго синъ и орацію къ гетману говорилъ передъ обѣдомъ при инспекторѣ своемъ Незабитовскомъ.

Іюнь.

9. Даровалъ мнѣ ясневельможный инструментъ, якимъ можно за однымъ разомъ перо затемперовать. Сего жъ числа отправленъ до двора царского величества и до св. синода панъ Кутневскій.

10. Были у ясневельможнаго два резиденты, одинъ князь Сергій Григорьевичь Долгорукій до Полщи, другій Неплюевъ поручникъ отъ галернаго флота, до Царигорода ординованный.

21. Пріѣхали зъ С.П-Бурха асаулъ в. енерал. панъ Василій Жураковскій, обозный прилуцкій и судіа гадяцкій, да канцелярист войсковый панъ Петръ Валкевичь.

22. Тіижъ пріѣжджіи были у ясневелможного и принесли грамотъ 4: 1-я о межѣ почеповской, 2-я о лаврѣ кіевопечерской, 3-я о избраніи въ чины енералныхъ особъ вакансовыхъ. 4. о сунодѣ духовномъ, жебы писать и возносить таковою титлою: святѣйшему правительствующему суноду.

Іюль.

18. Віѣхали зъ ясневелможнымъ зъ Глухова къ Нежину.

22. Прибыли въ Нѣжинъ: и тамъ на квартерѣ гетманской застали роту зъ знаменъ на караулѣ.

23. Былъ благодарственный молебенъ о полученномъ поиску надъ шведами чрезъ енерала лейтнанта Лессі, потомъ обѣдали у полковника Петра Петровича Толстого зъ гетманомъ генералъ лейтнантъ князь Иванъ Юрьевичь Трубецкой зъ княгинею двома дочармі и племенницею.

Августъ.

8. Писана експедиція до двора царского величества въ интерессахъ полковъ гадяцкого и полтавского въ заводахъ о грунта зъ слободскими полками и отпуску козаковъ зъ Ладоги за временномъ, и тая экспедиція вручена сотнику опошнянскому Корицкому, асаулу пол., полтавскому Сибилевичу и сотнику старосанджаровскому Тарнавскому; а сіе дѣлалось въ селѣ Дубовомъ Гаю въ полку прилуцкомъ.

10. Прибыли въ Новую Греблю.

14. Прибыли къ монастырю Густинскому.

17. Прибыли въ Прилуку.

18. Віѣхали зъ Прилуки.

23. Прибыли въ Мутинъ.

26. Прибыли въ Вороглѣ, а потомъ прибыли въ Глуховъ.

Септаврій.

1. Купилъ у пана Казановича шаблю позлоцѣстую за 25-ть талерей битихъ.

7. Господарь двору рейментарского Иванъ Даровскій преставился.

23. Пришла вѣдомость зъ С. П. Бурха о состоявшемся между имперіею россійскою и короною шведскою мирѣ въ Ненштатѣ.

23-го числажъ получилъ ясне велможный отъ сунода листъ о висилки отца Тихорского и отца Горки до С. П. Бурха.

Октоврій.

2. Принесена царского величества грамота и за собственною монаршею рукою листъ изъ габинета зъ объявленіемъ о состоявшемся вѣчномъ миру зъ короною шведскою, а оная грамота принесена Даниломъ Тимофиѣвичемъ Чевкинымъ, отъ лейбъ гвардіи капитаномъ поруччикомъ. Якою вѣдомостю привѣтствуючи ясне велможного, пріѣздили господа столникъ Протасіевъ да полковники Шарфъ и Балцеровъ и для той же вѣдомости по всѣхъ церквахъ дзвонено и зъ арматъ бито.

3. Молебствіе о вчора полученной вѣдомости благодарственное въ церкве святаго Николая отправовалось и публикація о мирѣ была при пушечной стрелбѣ, и при обѣдѣ у стола гетманского палено зъ пушокъ и з межджировъ доволно.

6. Панъ Михайло Скоропадскій купно зъ паномъ Костенецкимъ отъѣхали до С. П. Бурха,

8. Женился Іосифъ Гавриловичь на свойственницѣ пана писаря енералного.

19. Отъѣхалъ господинъ Чевкинъ зъ Глухова, и полковники разъѣхались.

22. Пришла вѣдомость, что князь Петръ Алексѣевичь Галицынъ, сенаторъ и кіевскій губернаторъ, сего мѣсяца 19 числа въ Кіевѣ преставился.

Ноеврій.

12. Панъ Григорій Яснополскій зосталъ господаремъ двору рейментарского.

16. Комендантъ глуховскій господинъ полковникъ Богданъ Григоріевичъ Скорняковъ Писаревъ отъѣхалъ зъ судіею надворнымъ курскимъ господиномъ Чириковымъ на межу почеповскую-

20. Отъѣхалъ писарь войсковый енер. панъ Семенъ Савичь на межу почеповскую.

21. Машталѣръ Заецъ привезъ зъ С. П. Бурха грамоты: 1) о полкахъ, чтобъ 8 толко осталось въ Украинѣ; 2) о Нахимовскомъ и о городахъ имѣющихся дѣлитися между слободскими и полтавскими полками.

22. Посланъ я отъ гетмана къ генералъ-лейтнанту фонъ Вейзбаху зъ указами о выводѣ зъ Украины лишныхъ полковъ сверхъ осми и къ оберъ штеръ криксъ коммисару Ивану Василіевичу Панину на почтѣ.

23. Прибылъ въ Конотопъ, а ночью въ Роменъ.

24. Былъ у оберъ штеръ крикзъ коммисара Панина и ему-жъ вручилъ листъ гетманскій и указъ зъ главного военного коммисаріату.

25. Прибылъ въ Лохвицю на свитаню, оттоль до Сенчи, потомъ уже заледва ночю пріѣхалъ въ Лубнѣ.

26. Былъ у его превосходительства у господина генерала Девейзбаха рано и отдалъ надлежащые письма, потомъ у его-жъ превосходительства и обѣдалъ.

27. Такожде у генерала кушалъ обѣдъ и коммисію свою исправлялъ.

28 Отобравъ отъ генерала експедицію отвѣтную и отклонился, потомъ обѣдалъ у сотника и, вїѣхавъ зъ Лубенъ, ночевалъ въ монастырѣ Мгарскомъ.

29. Прибылъ въ Лохвицю.

30. Прибылъ въ Роменъ и былъ на трактаментѣ у полковника лубенскаго его милость панъ Андрея Марковича ради кавалерскаго праздника именинъ его.

Декамврій.

1. Передъ вїѣздомъ зъ Ромна обѣдалъ у пана Яснополскаго, потомъ былъ у старшого канцеляриста коммиссаріатского Михаила Василіевича Володимерова и оттоль поѣхалъ зъ Ромна.

2. Прибылъ съ свѣтомъ въ Конотопъ.

3. Прибылъ въ Глуховъ и писма генералскіе и отъ оберъ штеръ криксъ коммисара Панина вручилъ ясне велможному, такожъ отъ енерала и столнику Протасіеву.

6. Сего числа по запискѣ скончилось мнѣ 28 годъ отъ роду.

12. Полковникъ чернѣговскій панъ Павелъ Полуботокъ, повернувшися зъ Ладоги, прибылъ въ Глуховъ.

15. Подана суплѣка гетману о опредѣленіи деревень.

17. На оную суплеку положилъ деклярацію чрезъ пана Володковскаго.

1722 г. въ Москвѣ.

Мартъ.

8. Былъ у присяги о опредѣленіи наслѣдника престола россійского, его же позволилъ императорское величество владѣющій государь по своей воли опредѣлити, и такъ на формѣ присяги, яко и въ книгѣ о томъ подписался.

25. Въ сей Воскресенія Господня и Благовѣщенія праздникъ изволилъ его императорское величество Петръ Великій зъ государынею, и всею высочайшею фамиліею, такожъ всѣ первѣйшіе господа и гетманъ присутствовать въ церквѣ соборной успѣнской на утренѣ и на обѣднѣ, а самъ его императорское величество апостолъ читалъ.

Апрель.

21. Донесено гетману, что сего жъ апреля 19 состоялся въ сенатѣ именный указъ о опредѣленіи въ Малой Россіи коллегіи, въ которую назначенъ президентомъ Степанъ Лукичь Вильяминовъ брегадиръ.

28. Въ Преображенску подалъ гетманъ его имп. величеству пункта въ общенародныхъ нуждахъ, и челобитную въ дѣлѣ почеповского межованія, на которой самъ государь тогожъ часу собственною рукою помѣтилъ указъ для исполненія по оному изъ сената.

29. Посвященъ отецъ архимандритъ нѣжинскій Епифаній Тихорскій епископомъ бѣлгородскимъ, а игуменъ выдубецкій Лаврентій Горка поставленъ архимандритомъ воскресенскимъ, а отправовалъ надъ ними тые церемоніи преосвященный архіепископъ великоновгородскій Феодосій Яновскій съ другими 6 архіереями и архимандритами.

30. Былъ гетманъ въ сенатѣ и подалъ указъ собственноручный государевъ на челобитной гетманской, о Почепѣ написанный, а какъ возвратился зъ сенату, то принесенъ къ гетману за собственнуюжъ императорскаго величества рукою указъ о учрежденіи въ Малой Россіи великороссійскихъ судей для вышшей аппеляціи и о протчемъ.

Май.

3. Противъ оного указу учиненный отъ гетмана отвѣтъ отвезъ панъ Димитрій Володковскій до генерала прокурора Павла Ивановича Якушинского и до Петра Андреевича Толстаго.

Сегожъ числа его императорское величество изволилъ быть у гетмана на квартирѣ, и позабавится зъ годину въ ночь.

4. Государь и адмиралъ генералъ Федоръ Матвіевичь Апраксинъ изволилъ поплить на судахъ рѣкою Москвою къ Коломинску. Числа 5 знову оттоль возвратился государь въ Москву.

6. Архимандритъ кіево-межигорскій Іродіонъ Жураковскій посвященъ епископомъ въ Чернѣговъ.

12. Былъ государь въ ризницѣ патріаршой, гдѣ его величество и гетманъ кланялся.

13. Изволилъ отъѣхать государь зъ Москви, забѣрая маршъ въ походъ до Астраханѣ.

14. Посвѣщенъ архіепископомъ кіевскимъ отецъ Варламъ Ванатовичь архимандритъ тихвинскій преосвященнымъ Феофаномъ Прокоповичемъ архіепископомъ псковскимъ.

20. Поставленъ архимандритомъ заиконно-спасскимъ отецъ Гедеонъ Вишневскій и ректоромъ.

21. Принесены пункта отъ гетмана государю, подованныя за отмѣтами, противъ всякого учиненными и резолюціею.

Іюнь.

4. Свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичь Меншиковъ былъ у гетмана на квартирѣ и пожегнался съ гетманомъ.

5. Государыни цесаревны и свѣтлѣйшій князь отъѣхали до до С.-П-бурха зъ Москвы.

9. Госпожа гетманова и обозъ весь гетманскій выѣхалъ съ Москви.

10. Я зъ паномъ Столповскимъ отъѣхалъ зъ Москви калужскимъ трактомъ и ѣхалъ на Калугу, на Беліовъ, Болховъ, Карачевъ, Трубчевскъ и на Стародубъ. А оттоль

27 прибыли въ Глуховъ, куда сего жъ дня и ясне велможный господинъ гетманъ Скоропадскій прибылъ больный. По молебствіи о полтавской викторіи, въ церквѣ св. никольской отправленномъ, палено зъ пушокъ.

29. Былъ молебенъ ради тезоименитства императорского величества съ пушечною стрѣлпою, а потомъ банкетъ былъ въ домѣ гетманскомъ, токмо гетманъ ни въ церквѣ, ни при банкетѣ не присутствовалъ ради не малой своей немощи, которая що разъ болѣе умножалась.

Іюль.

1. Прибылъ въ Глуховъ полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ.

2. Сочиненъ отъ ясневелможнаго тестаментъ, на которомъ какъ самъ его велможность, такъ и господа полковникъ чернѣговскій Полуботокъ, Семенъ Савичь писарь, асаулъ Василей Жураковскій енеральные, да полковникъ лубенскій Андрей Марковичь.

3. Шестого часа пополдне ясневельможный Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ, преставился въ Глуховѣ вѣку своего—76 году, а гетманства на 14 годъ семого мѣсяца. День былъ вторникъ.

4. Тѣло гетманское церемоніално винесено зъ двора въ церковь святаго Николая.

Continuatio diarii privati.

Августъ.

22. Тарки, гдѣ просто заѣхали на дворъ князика тамошнего, зовемого Алжи Дерей Шафналѣ, которій, давши намъ первѣе авдіенцію. потомъ велѣлъ просити до фантани, на дворъ будучой, и туда висилалъ намъ своего татарского хлѣба накшталтъ-коржовъ, сира и яблокъ, а далѣ казалъ намъ же отвѣсти квартири, обѣщаючи одправити за арміею поутру. На квартиру

прислалъ возъ сѣна чрезъ своего кортана, якъ бы асаула, а потомъ знову коржами и рибою вялою обослалъ и караулъ свой на всѣ господи, где мы и казаки стояли, подавалъ, на ночь присилалъ тѣ жъ до насъ еще разовъ зъ многка зъ разными уговорами помянутого своего кормана.

23. Рано ходилисмо до Шафнала, которій еще до утра удержатись намъ совѣтовалъ, и для коней знову велѣлъ сѣна дати и корову живую на кухню намъ прислалъ, якую забивши, на всѣхъ раздѣлить велѣлисмо, а тутъ же въ Торкахъ и сей день пробавили

24. Былъ у насъ на квартирѣ прапорщикъ драгунского казанского полку Иванъ Ждановичь, въ Таркахъ для приставнихъ коней заставленный. Мы тежъ первѣе у Шафнала, томъ и у того прапорщика были. А Шафналъ обявилъ намъ, что сухимъ путемъ къ Дербенѣ проѣхать невозможно для татаръ противнихъ товлинцовъ и слимчевцовъ(?), всѣ дороги заступившихъ. Того ради казалъ намъ забиратися воднимъ путемъ до Дербенѣ на бусѣ, которимъ мѣлъ онъ же дербенскихъ аманатовъ туда отпускати, и оное судно намъ показано, але вночѣ противъ.

25 числа, когда зъ горъ великій повсталъ вѣтеръ, тое назначенное намъ судно вали на морѣ разбили, и того ради усовѣтовалисьмо послать чрезъ татарина о себѣ до его превосходителства Петра Андріевича доношеніе, къ чому и Шафналъ склонился, а намъ бы доспять возвратитися до транжаменту, и потому составилисмо мененное доношеніе и особенный до пана полковника миргородского листъ, а сами еще въ Торкахъ заночевали, гдѣ въ ночѣ, спячимъ намъ, напали нѣкоторіе татаре на часового нашого козака, хотѣли его зъ оружіемъ схватати, толко татаре, придаванные намъ одъ Шафнала на каждую ночь для караулу, когда учинили окрикъ, теды тіе вори уйшли, тутъ же заплатилемъ Дмитрашковѣ запог—зол. 7.

26. Скоро свѣтъ прислалъ къ намъ Шафналъ своего кармана, же бы одалисмо писма для отвозу, куда надлежитъ, которому мы вручивши пакетъ, на имя пана полковника миргородского подписанный, (въ якомъ и доношеніе свое и другое куріеровъ Якима Савича Украинцова преображенского полку сал-

дата, да Ивана Микифоровича Сенатского зъ товарищи въключилисмо, такождо прапорщика, въ Таркахъ будучого, писмо до енерала Кропотова) отпустили оного, да онъ же корманъ пріѣхавши къ намъ на квартиру повторе, при проводилъ намъ же въ провожатіи къ Сулаку мурзака, зъ якимъ по обѣдѣ и віѣхалисмо всѣ зъ Тарковъ, а прибывши до помянутой рѣки Сулаку сами начали переправлятись, а мурзана оного зъ другими татарами, якихъ у той же рѣки застaлисмо, одпустили, въ свояси. Переправивый за сь рѣку мало до паги... натягши, стали на ночь.

Descriptio situs marum a Scythas montanos.

Тарки, помянутое мѣстечко, есть подъ самими и между горами, отъ моря одстоитъ верстъ 7—6, въ которомъ жилища татарскія суть премногіе, всѣ зъ каменя мурованные, тилко въ мѣсто вапна глиною, и не мгивъ не на хатахъ, не на мечетахъ дахового покрову; тилко стелютъ зверху грубою глиною налѣпленою, а внутръ кладенные, довгіе, небарзо товстіе, едно одругого, якъ бы въ поллоктя, бервена, а на верхъ ихъ очеретомъ настилано, же бы земля, зверху насипанная, непросипалась. Дворовъ въѣзднихъ болшихъ нѣтъ, але хати такъ густо, же зъ ѣдной на другую можна переступати, и, надѣятися, въ томъ мѣстечку самихъ людей, до бою способныхъ, коло—5.000, опрочь малихъ и старихъ. Шафналови будинки зъ тесаного камени, вышше всѣхъ жилищъ подъ горою, гдѣ зъ горѣ текуютъ води преизбытніе зъ камяня, и идутъ первіе во дворъ Шафналовъ каналами до едной на дворѣ, а до другой въ избѣ приходніой чрезъ сребрную буру, фонтаню будучихъ, а оттоль на ввесь городокъ каналами и по подземлею текутъ презрочистіе води, а на каналахъ, взявши отъ шавналового двора, ажъ внизъ ко концу мѣстечка, будетъ зъ 40 млиновъ построенныхъ, барзо лотвомелючихъ. При дворѣ шафналскомъ и брата зъ тесаного каменя здѣлано въ избахъ... Нѣкого оконъ шкляныхъ нѣтъ, але у ѣднихъ кратками подѣлано, а въ другихъ нема болшъ нѣчого, кромѣ оконницъ. Коло мѣстечка жадного валу нѣтъ, тилко Сидиръ. Оные въ вилахъ гор улицѣ въ немъ барзо малiе, заледво одною горбою проѣхать можна. Ринку до продованія и етнихъ и про-

чіихъ вещей немашъ, а тавары, якіе мѣютъ, продаютъ по дворахъ, тилко овощи—едни возятъ по улицехъ, другіе же, бы и шулъ, кто хочетъ покупать, яко то яблокъ и орѣховъ, кричатъ маліе дѣти, сидячи по хатахъ. Сами тамошніи татаре живутъ и ходятъ чирство, почеркеску, въ сервѣткахъ моднихъ и кажанахъ, а жони ихъ шпетни убіорѣ тако, ходятъ въ безіовихъ сорочкахъ, да въ штанахъ безпоясовъ. Хлѣба квасного у нихъ нѣтъ, бо и пекти его не умѣютъ, але идятъ корже прѣсніе, а о инныхъ ихъ исвіахъ не случалось бадатись; идятъ тож мясо и рибу, да не знать якъ готуютъ. Въ хатахъ ловокъ и сталовъ немашъ, але коверцами вислано и подушокъ з вовни досидѣнья наслано; печей немашъ; свѣтятъ жиромъ зъ туліеніовъ, собакъ морскихъ; въ мечетяхъ молятся по 3 рази въ сутки въ день и въ ночѣ; голови всѣ и бороди голятъ, и барзо суть хорошіи въ мужскомъ полу, хотя и въ женскомъ (опрочь строю) многіе найдуются негрубіе. Хлѣбъ пахаютъ пшеничній, ячмень и просо на низинахъ, способнихъ, не оподоль моря и на ниви водъ зъ горъ каналами пускаютъ, бо въ тамошнихъ сторонахъ дожчовъ барзо рѣдко, а горячести превеликіе; соли маютъ зъ озеръ, понадъморемъ будучихъ, доволно; маютъ овощей, такожъ не скудно, особливе винограду, яблокъ, кавуновъ и орѣховъ волоскихъ; а питя жадного, кромѣ чихиру, то есть вина свѣжого, не достать, бо тамошніе жители нѣ пивовъ, не меду, не квасу, а поветъ и борщу дѣлать не умѣютъ; погребища, гдѣ мертвихъ ховаютъ, неоподаль одъ мѣстечка, и одъ сѣлъ найдуются, а надъ кождомъ гробовищи у головахъ оставляютъ камень тесаный, столпомъ, бо тамъ окаменя нетрудно, кгдижъ все гори каменные, и щось на томъ каменѣ по татарску пишутъ. Тіежъ горскіе татаре великую охоту маютъ до оружія, а именно янчарки все зъ сребрними пасками держатъ, роги едни, а другіе ладовницѣ роговіе зъ ладунками такими, що тилко порохъ зъ нихъ висипается, носятъ; прочіе въ панцерахъ зъ мисюрками и карвашами при сагайдакахъ; ѣздятъ коней легкихъ и кулбаки добріе держатъ, и сами барзо чирство ходятъ; вмѣсто люлки, каліанъ курятъ якій. Подобный есть збанковѣ абуваютъ тіе каліани сребрніе, люсяндровіе, крішталовіе и деревяніе, при которихъ чубукъ сафянавый

крученый зверху неякое зеліе . . . тютюну. а въ низу вода и черезъ воду, якъ бардакъ, курятъ; тимъ трактаментомъ и гостей почтуютъ, а инныхъ трунковъ не тѣютъ; грошей тѣжъ передъ симъ у нихъ не было нижшою цѣною надъ пять копіокъ персіян неякая монета, а теперь уже копѣки, тилко мелкіе сребрніе, а не медніе берутъ, однакъ все дорого продаютъ; женъ каждіи мѣетъ разомъ, сколко хочетъ. Такихъ же обичаевъ суть и протчіе татаре горскіе, такъ императору нашому поклонившіеси яко и противніе, въ городкахъ и селахъ мѣшкаючіе. Гори зась тіе не всѣ ровніе, едно барзо високіе, другіе молонижшіе, а запершими горами инне превисокіе, видать на которихъ зимою и лѣтомъ лѣжатъ снѣги; каждая тежъ гора и наинижшая верстъ зъ три висотою будетъ, а все камянистіе. Да утихъ же татаръ много бидла рогатого, овецъ, и верблюдовъ барзѣ зоднимъ горбомъ наидуются. Зъ владѣльцовъ горскихъ, которіи монарсѣ нашому, поклонились сіи суть: 1 Алдідерей Тарковскій Шафналъ; другіи салтаному жъ; третитъ Асламбекъ кабардинскіе князеніи, да Накпъ дербенскій, котораго императоръ и потретомъ своимъ подарилъ.

27. Рано зночлегу рушивши и мало уѣхавши, попасовали потомъ прибыли до транжаменту о обѣдней годинѣ гдѣ, у пана Ігачского и обѣдъ кушали; яжъ у его пана сотника на мѣстѣ сталъ, а панъ Тарновскій у пану хоружого полкового прилуцкого.

28. Принесли до коменданта Маслова чрезъ татарина листи одъ енерала адмірала и отъ габінетъ секретаря Макарова, чтобъ зжданими писмами почтарей зъ Москви, и отколь нибудь прибувшихъ не отпускалъ к арміи и писемъ самъ не пересилалъ, развѣ согласіа жъ зъ тарковскимъ Шафналомъ. Тогда жъ принесена вѣдомость, что Дербень мѣсто государю нашему поклонилось, а тавлинцовъ татаръ, которіе были на армію сторонѣ камяного мосту марширующую въ нѣсколко тысячахъ порвались живцемъ пойманныхъ болшъ—20 еднихъ повѣшано, другихъ колесовано, а старого одного Абиза на поль збито, метячись затое, же и они посланныхъ одъ государя Козаковъ зъ писмами тиранско замордовали.

29. Полковникъ Чернцовъ на флотѣ къ Аграханской заливѣ прійшовшій зъ капитаномъ морскимъ Никитою Петровичемъ Велбое былъ въ транжаментѣ на службѣ Божой у коменданта на учтѣ ради именинъ онаго.

30. Vacat.

31. Помянутый флотъ, а именно 13 болшихъ суденъ, зовемихъ ластовихъ, а прочихъ шлюпокъ, якіе были наладовани запасами харчевими, и аммунѣціею, арматами, кулями, порохомъ, бомбами и проч., пойшолъ одъ Аграханѣ до Дербенѣ, за которымъ флотомъ и я на шлюпцѣ зъ паномъ сотникомъ Сребрянскимъ ѣздилъ, хотячи просити капитана Велбое, жебы и насъ на флотъ взялъ, лечъ онихъ не могши достигнути, возвратилемся и зъ великою нуждою заледво до транжаменту о годинѣ килка въ ночь прибились.

Мцъ Септеврый.

1 числа прибылъ до транжаменту епископъ орменскій съ 15-ю человѣкъ арменъ зъ Астраханѣ водою, которій и у коменданта былъ; а комендантъ сего дни писалъ объ немъ и о насъ до арміи и послалъ писмо тое чрезъ татарина Шавкалского къ Дербенѣ.

2. Вотъ судно пришло отъ Дербенѣ до тренжаменту, на которомъ привезенъ писма квартермистръ язиковъ до коменданта Маслова одъ адмирала.

3. На тотъ же ботъ по опредѣленію комендантскомъ и мы тако жъ почтари Украинцовъ зъ товарищи, и Іванъ Михаиловичь человѣкъ Наришкина, всѣли и пошли заливою одъ транжаменту въ которой за неспособною погодою на якорѣ ночовали.

4. Рано зъ заливи вийшли на море, але за противною погодою въ путь свой ити тилко ходили Реемь, и ту сѣли противъ Терку, якорь бросивши, ночовати, гдѣ превеликіе волни на судно били и многіе з насъ барзо хоровали.

5. Заданною намъ одъ Бога поносною къ Дербенѣ погодою пойшли, и первіе минули островъ, зовемій Чеченъ, потомъ и флотъ, зъ тогожъ острову поднявшійся, подъ командою помянутого капитана Вельбое будучій, оминулисмо долеть обехали кол-

тукъ, въ которій рѣка Сулакъ впала, и шли однимъ вѣтромъ добримъ и противнимъ намъ, зовенимъ нордъ—вѣстъ якій, вѣетъ между полночю и западомъ ажъ до полночи, а зъ полночи противный вѣтеръ Зіюндъ всталъ, которій не толко ѣхать, но и реіовать за превеликими волнами намъ не допустилъ, але назадъ судно погналъ, и прибилъ противъ Тарковъ, гдѣ о килко верстъ од черней, замѣривши лотомъ глубини, кинулисьмо на якорь о 5 сажень въ глубъ.

6. И тутъ чрезъ цѣлій сей день якъ гори волни на судно наше были, отчего не тилко въ страхъ великій, но и въ болѣзнь многіе, отчаеваючись житія своего, пришлисмо барзѣ и, когда ночь наступала, коло судна зась при томъ великомъ штурмѣ многіе туленѣ, то есть нѣбы собаки морскіе, плавали: а о полночи инный повѣявъ вѣтеръ, зовемій нордъ, а потомъ нордъ—вестъ, за которимъ заразъ, поднявши пароси гротъ и брифокъ, пойшли и до свѣта уйшли верстъ зъ 150, свѣтомъ зась,

7 Пливучи самимъ великимъ моремъ, зъ далека видѣли превисокіе усмеевскіе и тавлинскіе гори, гдѣ и деревнѣ видать было, одъ войскъ государевихъ попаленные, далей минули устіе Усмеи; и ажъ до полудня и плили доброю погодою, а по полудню почалъ утихати вѣтеръ, въ якое время минулисмо одно судно, шлюпку государеву, на которой будучіе люди сказывали намъ, же государь и вся армія рушили зъ за Дербенѣ назадъ. А когда стали уже видни намъ Дербенскіе гори, тоди весма на морѣ тихо стало такъ, что судно уже и рушитись не могло, того ради и лопатами греблись, а просто змѣрали къ Дербенѣ, за котораго на морѣ и флотъ стоялъ; еще зась и другое судно морское, т. е. далѣе моремъ отъ береговъ ишло, зовемое галіотъ, на которомъ первенствующимъ былъ Филипъ Петровичъ Палчиковъ подмайстерій корабельный да Іванъ Даниловичь хочетъ (кочотъ) паросный, и Тихонъ Игнатьевичь Блоковъ майстери Когдажъ сближились уже къ Дербенѣ, якъ бы о 15 верстъ, то по сей сторонѣ города виставлено на берегу морскомъ бѣлое знамя, якое самъ государь, въ капорскомъ полку пѣхотномъ велѣвши взять, виставилъ противъ нашого и помянутого другого судна, приворочали къ берегу,

албо застановились: а при знамѣ випалено разъ изъ пушки, но понеже мы на суднѣ не знали, хто и для чого стрѣляетъ, и шли прямо къ Дербенѣ, теды повторе випалено зъ пушки кулею; з чого порозумѣвшись мѣчманъ судна нашого, же поднялъ флаки не хто инный, тилко самъ государь здесь, и началъ судно къ чернямъ керовати, а на другомъ суднѣ поспущено пароси, и послана зъ людми къ берегу шлюпка до знамя; куда зъ нашого судна жадного человѣка не взяли. А якъ прибыли шлюпкою къ берегу, теды самъ государь, тамъ при знамю будучій, приказалъ на тейже шлюпцѣ привезти зъ судна нашого московскихъ почтаровъ, которихъ и побрано, а мы на суднѣ, що разъ ближше къ чернямъ прибѣраючись, заночевали, гдѣ недалеко одъ черней государева ставка и вся армія лагеромъ стояла. Судно зась бот такій есть структори: само оно въ сажней полъ 4 должнихъ сдѣлано до 6 арматокъ, на которомъ еденъ посерединѣ, другій въ кормѣ меншій каютъ, а третый въ носу и кухня, щилно з робленные и полотномъ смоленнимъ укритіе, 4 на немъ пароси, первый гротъ, другій фокъ, третій на носу клѣфокъ и сіи всѣ суть косіи, а четвертій между фокомъ и клефокомъ брифокъ простій, ровный. Гротъ машта зовѣтся тее дерево, при которомъ паросъ гротъ, а веревка при немъ боковая диринъ фалъ, а якою тотъ же паросъ подіймаютъ гродъ фалъ; которою привязуютъ, на якую сторону надобно, веровкою зовется гротшкотъ. Боковая брифокова веревка—брифокъ брасъ, а низовіе—брифокъ шкотъ. У машти веревки лѣствичніе, по которихъ лазять матроси, зовутся ванти, другіе—блокъ тали, третіе—юнфери, кормило—руль, а желѣзо, що руль оборочаетъ, руль—пень; знакъ, що на кормѣ—флакъ; що на носу—флакъ; що на маштѣ—флюдеръ дерево, що на носу—букшкарокъ; веревка, по которой фока стягаютъ штакъ; по которой брифока—лопштакъ. Два якори, одинъ большій два зубный зъ колодою, зовомою штокъ, другій меншій дрекъ у обоихъ канати, т. е. лини, на которихъ оніе пускаются въ воду, зовутъ кабалковіе, да два дерева, якіе уставичне плаваютъ на водѣ и показуютъ, гдѣ якорь въ водѣ лежитъ, зовутся буи, а веровка, на якихъ они падаютъ на воду, буйребъ. Два з боковъ судна нашталтъ крилъ зовутся шверци, а веровки до нихъ прицеп-

ленны. Шверцъ-тали, чимъ воду зъ судна виливаютъ, нососъ, на чомъ кладутъ знявши паросъ гротъ, вили гротъ и фокъ къ чому привязуются, зовутся покгони, желѣзніе, якими и все судно скрѣплено. Покровъ на болшемъ середніомъ каютѣ деревянній зовется люкъ, а полотняній брежентъ, на томъ же суднѣ найдуется, фонарь т. е. лихтарня. Компасъ, на которій смотрячи жекглютъ и въ день и въ ночѣ, шости весла, а по бокахъ стоятъ бочки зъ водою прѣсною, въ кормѣ, въ носѣ, въ каютахъ провіантовіе и прочіе запаси, на низу великіе штуки олова лежатъ, жебы судно глубше въ водѣ и шло и не такъ бы оного волни кидали; людей на томъ суднѣ боту обрѣтаючіеся матроси, лоцмани, которіе управуютъ паросами и прочіимъ, а що командуютъ судномъ къ людемъ, тотъ зовется мѣчманъ, що правитъ рулу, той есть также лоцманъ, албо кормшитъ. Вѣтри на мори принципалнѣйшіи суть чтири, полуночный зовется нордъ, всходный вестъ, полуденный зундъ, западный вестъ.

8 Числа септеврія. Скоро свѣтъ припустилисьмося съ судномъ ботомъ къ самому берегу, иже не мѣлисмо лодки, мусили брести, порозберавшись зъ сподніхъ убіоровъ, а, війшовши на берегъ, немедля помаршировали до лагеру, гдѣ стояла вся армія отъ моря верстей у 3, а прійшовши въ обозъ и допитавшись ставокъ адмиралской и Петра Андреевича, первіе Толстому, и адмиралу, потомъ и габинетъ секретарю Макарову вручилисмо писма, мало зась погодя, когда его императорское величество изволилъ пріити до ставки адмиралской, и, тамъ мало позабавивши, виходилъ зъ адмиральского намету, теды мы самому вручили одъ старшины енер. и полковниковъ нашихъ писаніе, которое пріймуючи одъ насъ изволилъ сіе формальніе слова сказати: вѣдаю я, что гетманъ умеръ, и, заразъ отдавши писмо наше Петру Андріевичу, самъ обратится изволилъ къ найпу Дербенскому, который близъ намету Петра Андріевича стоялъ, а зъ нымъ де що чрезъ толмача говорилъ, на остатокъ зась, того наипа по плечу рукою поплескуючи, сказалъ: управляйтеся здѣсь гораздѣ, а мы васъ не оставимъ. Tandem всѣлъ на коня вороного черкесского, одъ Шафкала тарковскаго дарованного, одъѣхалъ къ церквѣ, тамже недалеко разбитой, куда и

государыня императрица каретою пароконною пріѣхала, и началась служба Божія, гдѣ стоялъ государь между пѣвчими и самъ читалъ апостолъ. Ми зась по евангеліи отъѣхали до обозу козацкого, о полмилѣ одъ арміи стоявшого, и тамъ, вручивши пану Миргородскому писма, кушали, а по кушаню знову до арміи пріѣздили къ Петру Андреев., которій якъ первій, такъ и повторе сказалъ намъ ѣхати до Астраханѣ, и тамъ отправить декларовавъ, чого ради мы людей своихъ и компанѣйцовъ на тое жъ судно ботъ посадивши, ихъ водою одпустили, а сами до обозу козацкого возвратилисмося. Куда скоро прибыли, заразъ смеркомъ уже рушилось козацкое войско въ слѣдъ за бригадою Володимера Петровича Шереметева, и ночью, уйшовши милъ зъ двѣ, на дорозѣ спали и тамъ дождали свѣта.

Помянутому наипу дербенскому данъ отъ государя портретъ, которій у него пришпиленный имъ видѣлисмо, а государиня императрица ему жъ вчорайшого числа даровала злоцѣстый дзикгарасъ, онъ зась государю нѣсколько коней, а адмиралу и Петру Андреевичу по панцеру и по парѣ опеленбасовъ срѣбрнихъ. Дербень мѣста намъ отчасти видать было, которое лежитъ надъ самимъ моремъ, мури зъ обоихъ сторонъ начавшіеся мало не от самого верху горъ притягли къ самому морю, а между мурами поселенія, наверху зась всѣхъ будинковъ замокъ мурованный же, въ которомъ и арматъ килко десять штукъ найдуется, зъ якихъ, когда монархъ нашъ переходилъ оный городъ, стрѣляно. Въ тотъ замокъ введено президіумъ великороссійское, два баталіони жолнеровъ, и армати зъ суденъ впроважено до города. Въ городѣ зась и ихъ татарскіи жолнерѣ платніи найдуются, подобніи до турецкихъ янчаръ, да такіе жъ бубонки, талерки, якимъ брязглютъ, и игри мѣютъ, якъ турки. Овощей въ томъ городѣ премного, яблокъ, ореховъ волоскихъ, винограду и проч. есть, лѣски суть коло тогожъ города попадгожами, гдѣ барзо родится шаптали то есть бросквинъ, много и иныхъ овощей, между ими есть одинъ рожанъ, подобный яблокамъ, тилкожъ онихъ, не зваривши, исти нельзя, виноградовъ и дикихъ много, такожъ рижу не мало, и тамъ якое жъ колвекъ войску было пожившеніе. Тамже дано козакамъ жалованя по ко-

пѣ. Сказовали намъ нѣкоторіе въ государевомъ обозѣ, что будучи его император. величество за Дербеню (гдѣ о 15 верстъ въ Дербенѣ и транжаментъ заложивши, козаковъ 200, а великороссійскихъ 100 человѣка повелѣлъ оставити) мѣритъ самъ изволилъ ціркуломъ едну гору превисокую, зовемую Шахъ гора, якая отъ моря отстаитъ о верстъ килко десятъ, а въ висоту есть 18 верстъ и 206 сажень.

Сегожъ числа брегадиръ Володимеръ Петровичъ Шереметевъ з своей команды драгунами, и панъ Миргородскій зъ козаками зъ своихъ лагеровъ ночью рушили, и, увойшовши одъ стану верстъ съ семъ, якъ ишли лавами, такъ и ночеваии. На стану зась мененномъ, зъ якого рушили, здѣланъ ими жъ былъ по указу государевомъ невеликій транжаментикъ, и оставлено въ ономъ козаковъ нашихъ 102 и драгунъ зъ офицеромъ 30; въ ночѣ великій всталъ ветеръ барзѣ на морѣ.

9. Рушивши государь, и вся армія зъ по Дербенѣ, и, не попасуючи въ обѣдъ, натягли одъ стану о 8 верстъ на ночь. А панъ Миргородскій, пойшовши зъ своего ночлегу, о 4 версти обѣдалъ, а о 4 ночовалъ. На обѣдніомъ стану былъ у пана Миргородскаго Бековичь.

10. Присланъ указъ одъ адмирала до пана Миргородского, жебы козаки его команды ишли ровно съ арміею отъ мори десятою линіею, а армія въ 9 линый ити расположена, и потому такъ устроено.

11. Самъ его императорское величество изволилъ быть передъ обѣдомъ у пана Миргородскаго въ намѣтѣ и горѣлку ганичковую кушалъ, которая его величеству пришла до уподобаня, и любо оной государевѣ панъ Миргородскій куфу оферовавъ, однако государь сказалъ, что нѣчимъ везти, и для того велѣлъ, когда зъ барилками зъ двору присилати, давати.

12. Когда подлугъ вишь намененного указу ишли козаки въ десятой линіи при армѣи, сего числа о полудню пришли къ тимъ мѣстамъ, гдѣ по под горами текутъ натуральніе нефти, накшталтъ діогтю, що кто хотѣлъ бралъ для шмарованія осей и колѣсъ вмѣсто смоли. Тамъ же ишли мимо тепліе води, въ кото-

рихъ многіе солдати и козаки купались, а ми только мили голови.

13. Стояли при томъ мѣстцу обозами недалеко, гдѣ на армію, еще къ Дербенѣ ишовшую, вдарили были зъ горъ Тавлинцѣ татарѣ, съ которихъ якіе тогдажъ зимани были, таможе и повѣшани; о обѣдной зась годинѣ учинилась була тривога, будто знову явились зъ горъ татаре, чого опасуючись, весь уже день ишли осторожне, козаковъ донскихъ и нашихъ виборнихъ на отводъ коммендировавше. Было сее при урочищи Унчи рѣчки.

14. Пройшовши урочище Кольчи, гдѣ противъ деревнѣ Буяна вода добрая была, переправлялись чрезъ камяній мостъ на урочищи Уллучи, и, уйшовши верстъ скильканадцать, ночовали.

15. Перейшовши рѣчку Монасъ, въ которой вода добрая, натягли заледво о 2 или 3 годинѣ въ ночь къ мѣстечку владѣльца Шафкала Таркамъ и тутъ ночовали, гдѣ передомъ арміи поѣхавшихъ къ городу двоихъ трембачовъ государевихъ зарѣзали татаре, зъ которихъ поимано пять человѣкъ, и

16. тамъ же подъ Тарками казнено онихъ различно, еднимъ руки и ноги толко поперебивано, другимъ поотрубовано.

Зъ подъ Тарковъ рушила армія, а за нею уже назадѣ козаки наши надъ вечери: гдѣ когда самъ его императ. величество ѣхать изволилъ передъ арміею, подали наши старшина чолобитную о избраніи гетмана зъ вираженіемъ прошенія такового, якое и въ грамотѣ, чрезъ насъ присланной, написано, которую челобитную его император. величество вичитавши знову нашимъ отдалъ, сіе слова сказавши: есть уже писмо зъ малои Россіи такое, а будетъ о томъ впредъ указъ.

17. Весь день ишли, и ажъ

18. натягла армія и государь до рѣки Сулаку, на которой два моста были, единъ на поляхъ, другій на суднахъ устроени. Козаки зась наши

19. пришли до той же рѣки, и особенно одъ арміи обозомъ стали, гдѣ стояли чрезъ

20—и 21—числа, а

22. перешли на другой бокъ той рѣки мостами; въ сихъ числехъ надъ тою жъ рѣкою в вершинѣ другой рѣчки, зовемой

Аграханъ, заложенъ городокъ земляный, и названъ городъ Святаго Креста по сей сторонѣ рѣки оной: которій городокъ самъ государь размѣралъ и заложилъ.

На семъ стану панъ Даміанъ Мазаракій, товаришъ полку прилуцкого, преставился, которого тамъ же 23—поховали чрезъ

24—и—25 числа тотъ городокъ Армецяки и козаками здѣланъ, валомъ окопанъ, и палями оставленъ; въ которій запасовъ хлѣбнихъ и военной амунѣціи зъ арматами напроважено чи мало зъ транжаменту, на Аграханской заливѣ будучого.

26. Въ наметной церквѣ, въ томъ же городку розбитой, былъ молебенъ, куда государь, государыня, адмиралъ и другіе насъ енерали зъѣхавшись поздравляли воставленного тамъ подполковника полку драгунскаго Селиванова коммендантомъ, а когда зъ города государь, императрица и прочіе отъѣздили, палено зъ 7 штукъ арматъ разовъ сѣмъ и

Сего жъ числа всѣ пѣхотніе полки, такожъ и дворъ государевъ рушили одъ Сулаку къ Аграханской заливѣ всѣдать тамъ на судна для маршу моремъ до Астраханѣ.—Мы тежъ, пожегнавши пана Миргородскаго и всѣхъ своихъ въ обозѣ бывшихъ (зъ между которихъ оставлено въ томъ же городку 500 городовихъ, а 100 компанѣйцовъ, да 100 донцовъ подъ командою Славуя Требынскаго, сотника Іркльевского, зъ сотниками и другихъ полковъ) поѣхали за арміею, и ѣдучихъ насъ встрѣтилъ на дорозѣ господинъ полковникъ брегадиръ отъ кавалеріи Яковъ Сергѣевичъ Шамардинъ, зъ которимъ на дорозѣ разними діскурсами прі его жъ трактаментѣ годину и другую пробавили, tandem, разѣхавшись, надъ рѣчкою Аграханю въ полѣ ночовали, обминувши армію.

Сегожъ дня въ транжаментъ на Аграханскую заливу прибылъ государь.

27. Прибылисмо до того жъ надъ море транжаменту.

28. Былъ въ транжаментѣ въ наметной церквѣ молебенъ благодарственный въ воспоминаніе баталіи и полученной надъ шведомъ подъ Лѣснимъ викторіи: а по молебнѣ випалено зъ 31 штуки арматъ, а потомъ все полки пѣхотніе бѣгучимъ огнемъ стрѣляли разъ одинъ. Кушали обѣдъ всѣ господа подъ наме-

тами у государя и гуляли ажъ до позна, а скоро смеркло, начали пущатись раціи въ гору, которихъ на килка сотъ викинено зъ звѣздами и другими огненнеми фенгателями.

В семъ походѣ которіе енерали и брегадири отъ кавалеріи и інфантеріи были, тихъ имена слѣдуютъ ниже сего.

1) Главный всей арміи и флоту коммендоръ, енералъ адмиралъ Федоръ Матвѣевичь Апраксинъ.

4) Отъ инфантеріи енерали маіори Михайло Аѳонасьевичь Матюшкинъ. Иванъ Ілічь Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичь Іюсуповъ князевъ князь Юрій Юріевичь Трубецкой.

3) Отъ инфантеріи жъ брегадери Василій Яковлевичь Левяшовъ, князь Иванъ Федоровичъ Борятинскій, Александръ Ивановичь Румянцовъ.

1) Отъ кавалеріи енералъ маіоръ Гаврило Семеновичь Кропотовъ.

3) Отъ кавалеріи брегадири: Володимеръ Петровичь Шереметевъ. Яковъ Сергѣевичь Шамардинъ и иноземецъ ветераный.

Министри:

Князь Дмитрій Кантемиръ, господарь волоскій, Петръ Андрѣевичь Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

Надъ 10000 козацкаго войска наказнимъ гетманомъ былъ Даніилъ Апостолъ, полковникъ миргородскій, да при немъ цѣліи два полковники, прилуцкій Игнатъ Галаканъ, и кіевскій Антоный Танскій, а зъ прочіихъ полковъ наказніи.

Надъ 5000 донского войска атаманъ былъ Иванъ Матвѣевичь Краснощокій, да полковникъ Данило Ефремовичь.

29. Императорское величество зъ государинею императрицею и зъ всѣмъ дворомъ изволили на судна зійти и пойшолъ моремъ къ Астраханѣ за доброю погодою.

30. Бавилися мы еще въ тренжаментѣ.

Мѣсяцъ октоврый.

1. Енералъ адмиралъ и Петръ Андріевичь взойшли на судна и, когда пріѣздилъ адмиралъ противъ якового судна, зъ каждого стрѣляно и панъ Тарновскій взойшолъ на ластовое судно.

2. Я зъ паномъ сотникомъ ічанскимъ сѣли въ судна, именно на островки, въ брегадѣ господина Левашева; я зъ порутчикомъ первой роти полку пѣхотного копорского иноземцемъ Гамантомъ, а панъ сотникъ зъ капитаномъ тоеиже роти Стефаномъ Алексіевичемъ Румянцовимъ, и при божіей помощи поплили на море отъ транжаменту.

3. Въ ночѣ великая была противная погода, которая многіе судна отъ флоту одорвала; мы ишли въ флотѣ томъ, що и пѣхотніе всѣ полки.

4, 5, 6, 7, 8, 9. То поноснимъ вѣтромъ, то на гребляхъ ишли.

10. Знову была противная погода. Захоровалъ братъ Іванъ.

11. Ишли поноснимъ вѣтромъ.

12. Прибыли къ Волзѣ и, нѣсколько вѣрстъ уйшовши, ночовали на березѣ.

13. Волгою за поноснимъ вѣтромъ уйшли.

14. Флотъ ввесь тотъ, въ которомъ мы ишли, и прійшолъ въ Астрахань, и зъ Волги ввойшовши въ рѣчку, прежде званную Хотомова, а теперь одъ императорскаго величества нареченную Нева, стали, а мы, зійшовши зъ суденъ, перенеслись на господу въ городъ, гдѣ и пп. Семенъ Рубецъ и Василій Биковскій, присланныи въ томъ же интересѣ зъ сенату, стояли.

15. Vacat. 16. Прибылъ адмиралъ, и господинъ Толстой зъ моря ажъ теперь, поневажъ противная погода ихъ на червоніи морскіи води занесла была и за малимъ въ крайнее небезпеченство не приправила; а когда пріѣзджалъ подъ городъ адмиралъ выпалено на бляковзу зъ 3 пушокъ.

17. У адмирала былъ банкетъ для имянинъ брата его графа Андрея Матвіевича Апраксина, гдѣ самъ императ. величество зъ многими господами кушалъ и гулялъ доволно.

18. Былъ государь передъ обѣдомъ у адмирала jacta in hospitio vixo c... 6: nt. v. n. Ich. n. ns.

Даровалемъ хустку едвабную Стефану Алексѣевичу Румянцову 1 роти капитану полку капорского.

19. Декларована намъ одъправа.

20. Прибылъ зъ моря въ Астрахань п. Михайло Пршевдзіецкій, и отъ пана Тарновского привезъ къ мнѣ писмо.

21. Губернаторъ астраханскій господинъ Артемій Петровичь Волынскій справовалъ для вчорайшихъ именинъ своихъ банкетъ въ кремлѣ; гдѣ государь зъ императрицею и всѣ господа зъ своими паніами были на кушанню, и ажъ до вечера гуляли, а о годинѣ въ ночь одправовали тамъ же въ кремлѣ передъ государемъ и протчіими свое набоженство косолбаси: а именно несли нѣякогось хлопца въ бѣлой кошулѣ, небы на марахъ лежачого, всего стрѣлами поколотого, въ которомъ оніе стрѣли и ножъ въ серду стримѣлъ, за нимъ несли небы три хорогви зъ персидскихъ поясовъ, а одинъ абизъ на собѣ надъ головою неслъ щось накшталтъ бандекиму тилко зверхомъ убраное матеріами. Затимъ ишли паръ зъ 60 онихъ косолбасовъ, которіи всѣ скакали и кричали первей тое слово *Асамъ*, *Асамъ*, уставичне между ними едни накшталтъ походней зъ нему свѣчки невеликіе несучи свѣтили, другіе въ талерки били, а третіи зъ кіями идучи скакаръ приганяли? Потомъ, передъ палацъ губернаторскій прійшовши, всѣ много барзо танцовали ажъ до поту кричали другое щось: *Акшій*, *Бакшій*, далей, подобувавши ножовъ, начали сами себѣ голови рубати, едни ножами, другіе шаблями, а третіимъ, которіи сами себѣ рубать не хотѣли, абизи тихъ нагнувши, рубали голови, зъ якихъ всѣхъ кровь барзо текла, а они безъ перечь танцовали, и когда которій помянутого накшталтъ умершаго на марахъ лежачого миналъ, то на его головою трусилъ порубанною, и кровью кропилъ. Итакъ од того порубанія многіи з нихъ, зійшовши кровю, не могли сами пойти ку домовѣ, але ажъ они жъ поведено такого зась ихъ на божества, а раче безъ божія взяло болшъ трохъ годинъ въ ночь.

22. Взяли у Петра Андреевича одправу пану Рубцу зъ Биковскимъ ѣхать къ Москвѣ, а намъ просто на Украину; и чрезъ насъ далъ толко одъ себѣ Петръ Андреевичь да совѣтникъ Степанъ листи до пана полковника чернѣговского и старшины енеральной, а имъ далъ писмо въ сенатъ, куда такожъ и сотниковѣ ічанскому ѣхать указано

Ажъ сего числа панъ Тарновскій пріѣхалъ зъ моря.

23. Vacat. 24. v. m. r. f, c. m. c. nt. v. n. cz. n. nsf.

Сего жъ числа прибылъ панъ судія прилуцкій зъ моря.

25. Готовилисмо себѣ лодку.

26. Одъѣхали наши коллеги, то есть панъ Семенъ Рубецъ, сотникъ ічанскій, и Биковскій почтою къ Москвѣ.

1723 годъ.

Генварь.

6 и 7. Жестоко былъ боленъ на рецедиву горячки, на которую въ прошломъ году въ декабрѣ по возвращеніи изъ Астраханской и Дербенской дороги захоровалъ.

Февраль.

5. Прибылъ въ Глуховъ ундеръ лейтнантъ преображенского полку князь Петръ Володимировичь Волконскій зъ указомъ, чтобъ ѣхали въ Москву комиссары, бывшіе на межѣ почеповской, асаулъ войсковой енералный Василій Жураковскій и Петръ Васильевичъ съ товарищи, а протчихъ челобитчиковъ тутъ въ Глуховѣ повелѣно ему допрашовать.

6. Куплены у Василія Биковскаго шесть ложокъ сребрныхъ и шесть чарокъ срѣбрьныхъ же, въ которихъ вѣсу гривенъ двѣ безъ 2 золотниковъ, дано за оные 13 р. 16 к.

14. Пріѣхалъ въ Глуховъ наказный полковникъ стародубовскій панъ Петръ Корецкій съ прочими полчанами тамошними для допросу о межѣ почеповской, въ Глуховѣ имѣючемъ быть при присутствіи преображенского полку ундеръ-лейтенанта князя Волконскаго.

18. Принесены 3 грамоты: 1, о виправѣ къ крепости Святого Креста на Сулакъ 10000 козаковъ, 2, о виправѣ 5000 до Ладоги на каналъ, 3, о шпигонахъ.

19. Ночью проѣхалъ чрезъ Глуховъ куріеръ въ Кіевъ по архимандрита печерского.

Мартъ.

11. Ночью проѣхали чрезъ Глуховъ два куріера, 1 од турецкого солтана Ага Мустафа до посла турецкого, въ Москвѣ обрѣтающогось, 2 отъ французского короля. Первій съ объявле-

ніемъ войны, ежели войско посланное къ Терку не будетъ возвращено. Вторый зъ медіаціею о томъ же.

13. Привезено зъ Москвы тѣло пана Войцеховича, сотника седневского, тамъ умершого, до села Березы.

15. Въ ноче провожено отца Іоаникія Сенютовича, кіевопечерского архимандрита, подъ карауломъ къ Москвѣ, и переменено только ноччю жъ въ ратушѣ подводы, да заразъ зъ Глухова и повезенъ.

1754 году.

Для памяти повседневная записка.

Генварь.

1. Получено писмо зъ Глухова объ отставки отъ всякихъ дѣлъ Скоропадского.

2. Пріѣздилъ обозный Юркевичь и писарь Гаевскій судовый.

3. Пріѣздила Федорова Шираева зъ дочерми, а по обѣдѣ и отѣхали купно зъ вчорашними гостми.

Писалъ къ намѣстнику ичанскому Ираклію Ляпдашевичу о дровахъ чрезъ Д. Городиского.

Числа сего жъ зять Савичь зъ дочерю нашею Анастасіею отѣхалъ къ Левенкѣ и далѣе къ Кривцѣ.

4. Писалъ до Губчица о дѣлѣ зятнемъ и до зятя Рословцѣ Галя отѣхала, а я ночевалъ на Василіовцѣ зъ Ивашкомъ.

5. Одтоль возвратились паки въ домъ.

Ивашко занемогъ.

6. При водосвятіи какъ стрѣляли, то Козловскому поврежденіе на лицу сдѣлалось.

7. Писалъ писма поздравительные новымъ годомъ до старшинъ генералныхъ и до протчихъ въ Глуховъ. И до полковника прилуцкого о Горленку и въ Товкачовку.

8. Писалъ же до Якубовича и до асаула компанѣйского за Лавриномъ Цяпою.

9. Оный Цяпа зъ тими писмами отправленъ въ Глуховъ. А ночью прибылъ къ намъ зъ женою Гудовичь.

10. Онъ же, отъобѣдавъ, отѣхалъ въ путь свой до Хорола на сватбу, а вечеромъ прибыли подводы зъ Товкачовки.

11. Писалъ до Копса о лѣкарствахъ для Ивашки.

12. Писалъ писма въ Товкачовку до господаря и до Петруши; да до полковника прилуцкого о дѣлѣ стороны козаковъ поднскихъ.

13. Послѣ полдня были откупщикы Лобисевичь и турокъ за показанною и покухонным. Да козакъ Гарбузъ зъ синами и зъ атаманомъ Кистерскимъ.

14. Писалъ до черпця Михаила Ядрилы, чтобъ съ нимъ видѣться въ Стародубѣ 16 или 17 числъ.

15. Чубенку кушнеру стародубовскому за работу отъ подшиванъ нѣсколько одеждъ данъ рубль денегъ и ему жъ дано въ чинбу двѣ куницѣ, да чрезъ его жъ послано писмо до Ядрила; лѣкарь Копсъ пріѣхалъ и сотникъ погарскій.

16. Ѣздилъ въ Погаръ зъ женою, и Копсомъ на крестины сина его Петра.

17. Копсъ по обѣдѣ отѣхалъ, и за лѣкарства даны ему два червоные.

Писалъ до писара генералного за Павломъ Соломахою, да до Скоропадского о газетахъ и мужикахъ марковскихъ и до Соломахы.

18. По утру была у насъ старая Соболевская, и я поутружъ отѣхалъ и прибылъ въ Стародубъ послѣ полдни. А вечеромъ посѣщалъ Скорупину болную и сина ей Івана.

19. По утру многіе мене посѣщали и протопопъ съ священниками. Писалъ и въ домъ къ женѣ, и посилку нѣкоторую послалъ, да отдалъ на бляшкѣ образомъ маліовать маляру костобобрскому Ѳедору Завольскому, по полдни былъ у Копса и у Искрицкого, а вечеромъ были у мене Александрова Корецкая, обозный и писарь полковые.

20. Рано отъѣхавъ зъ Стародуба, заѣздилъ зъ Копсомъ до Андреевой Миклашевской въ Нижномъ, потомъ у графа Моисея отъобѣдавъ въ Топалѣ, на ночь прибылъ въ Кривець.

21. Тутъ же весь день пробылъ, а Консъ по обѣдѣ отѣхалъ ми-жъ проежджались до млиновъ Савичевыхъ, на рѣкѣ Сновѣ будучихъ.

22. Снѣцару въ Кривцѣ заказалъ дубовую скрипку дѣлать, и дано ему въ задатокъ двадцять копѣекъ.

Самъ же по ранномъ обѣдѣ отѣхалъ, и провожали насъ дѣти до своего футора, называемого Рудня, одтоль поѣхавши попасовали коней въ Ущерпѣ, откуда и писалъ до черпця Ядрила о поѣздѣ своемъ въ Лотоки. А на ночлегъ прибылъ въ Удіобное позно, гдѣ и ночевали въ домѣ Плешковомъ.

23. Прибылъ на службу Божию въ Попову гору и, тамъ откушавъ, пріѣхалъ на Івановку и тутъ ночовалъ.

24. Зъ Ивановкы переѣхалъ въ Лотоки и сталъ въ своемъ дворѣ. А пополдни ѣздилъ на Пліужѣ (?) до построеннаго млина и ступника нашого.

25. Зъ попомъ Семеономъ Пригарою, и знач. товарищемъ Василемъ Озерскимъ розговоры были поутру о обидахъ, людемъ нашимъ отъ ихъ дѣлаючихся.

26. Получены писма въ покетѣ зъ разныхъ мѣстъ, изъ которыхъ сина Василя и Мироновскаго писма въ моемъ до жены писмѣ посланы къ Юркевичу, обозному полковному, для пересилки. А самъ отѣхалъ до Кургановки, и тамъ у Ивана Курганского ночовалъ.

27. Поутру оттоль отѣхалъ въ Николаевку, и тамъ отобѣдавъ, прибылъ на ночь въ Лотоки.

28. Попу лотоковскому выговоровалъ за здирства людскіе, а по обѣдѣ ѣздилъ къ млину и на Ивановку, а оттоль возвратясь, посилалъ за разскольщиками, чрезъ фарпостъ зъ свиными салами пропущенными.

29. При оныхъ салахъ бывшого пристава съ слободы Злинки Матвія и пашпортъ, у него бывшій зъ губернской смоленской канцеляріи, квитъ индукторскій, и карту сотника случановскаго пропускную при моемъ извѣстіи въ полковую стародубовскую канцелярію отправилъ и о томъ же до поруччика Сергія Тихонова въ Тимошкинъ перевозъ писалъ, и тутже былъ у мене тихъ салъ

хозяинъ Федоръ Подсевалщиковъ и капралъ форпостный. Послѣ полдня ѣздилъ въ Макаричи.

Въ писмахъ отъ сина выражено.

Въ 1-мъ, ноября отъ 17 n. s. 1746 году полученномъ: въ С.петербурхѣ декабря 2 тогожъ году началъ онъ науки 1 курсъ философическій, состоящій въ 12 частяхъ, а именно: in logica, politica, phisica, hipothetica, historia philosophiae, metaphisica. ethica, pneumatologia, theologia naturali juris divini naturali scientia, patrologia, ethico-phisica, et juris divini positivi prudentia. Proffessor Gentzke.

2, Collegium Mathematicum. Proffessor Kosius.

3. Латинскаго языка у професcора Захаріаса.

4. Гисторію юрисъ пруденціи у професcора Дреера, а по воскресеніи имѣлъ начать юрисъ пруденцію.

Въ 2-мъ, тогожъ году, отъ 29 декабря n. s., полученномъ 14 генваря 1747 году.

Разные части философіи, такожъ и математику, и исторію juris germanici, и латинскій языкъ.

Въ 3-мъ, 1747 году, 9 января n. s., полученномъ января 18.

Всю систему философіи г. професcора Gentzke.

Такожъ и математику г. професcора Козе.

Да гисторію юрисъ пруденціи у професcора Дреера.

Латину у проф. Захаріаса.

Въ 4-мъ, тогожь году, марта отъ 13 n. s., полученномъ 20, v. s.

Логику и гисторію философическую, такожъ политику и jus divinum positivum выслушалъ уже у професcора Genzke.

У професcора Matheseos Козе арифтетику и первую часть геометріи въ лѣтѣ на полѣ практиковать будетъ. Латины у професcора Захаріаса отсталъ.

Въ 5-мъ тогожъ году, апр. отъ 3 n. s., полученномъ апр. 19 v. s. у професcора Genzke логику, такожъ гисторію философическую уже выслушалъ, и весь курсъ его системы философической къ пріидучему 1-му октября n. s. окончить имѣлъ.

У профессора Козе арифметику и первые части геометріи и планиметріи прошелъ, а остальную континуетъ.

У професора Дреера гисторію правъ нѣмецкихъ окончилъ, а по воскресеніи имѣлъ слушать institutiones до правъ нѣмецкихъ.

Въ 6-мъ іюня отъ 6 n. s., полученномъ іюня 26 v. s.

У проф. Genzke ius naturae съ частію . . . . . въ которомъ включается tractatus de affectibus съ мѣсяца априля началъ, и скоро окончилъ.

У проф. Козе къ воинской и гражданской архитектурѣ, такожъ и наинужнѣйшей практической геометріи... геодезіи, стереометріи, тригонометріи и планиметріи collegium privatissimum.

Въ 7-мъ отъ 1 n. s. декабря, полученномъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Gentzke cursum totius philosophiae rationalis, отъ сего n. s. Михайлова дня началъ приватно новой философіи у проф. Генинга слушать логику Готтеда, Валеріевого послѣдователя, да Валеріеву политику у одного кандидата jurisprudentiae.

Языкъ французскій у академическаго шпрахмейстера, именемъ Гартана, и латину ексерцируетъ.

У проф. Козіуса оконча тригонометрію, и астрономію, имѣлъ начать географію.

Въ 8-мъ декабря отъ 7 n. s., полученомъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Genzke курсъ totius philosophiae practicae ei theoreticae, началъ у проф. Heninas слушать логику профессора липскаго Готтеда; латинскій языкъ приватно, а французскій у академическаго шпрахмейстера ексерцитуетъ.

Притомъ сообщилъ практической геометріи и р сунковъ двѣ пробы.

Quae collegia frequentanda et quae lingua addiscenda, ac alia exercitia tractanda, hoc. patet infra

In juridica et in philosophia, quae magis sunt necessaria. In Mathesi arithmetica, geometria cum suis partibus, trigonometria, astronomia, quae spectat ad geographiam, geodesia, architectura militaris et civilis, et pars magis necessaria mechanica. In oratoria: eloquentia et poesis latinae linguae, latina, gallica, italica, praeter germanicam.

Historia generalis et particularis, geographia.

Примѣчаніе редакціи: Не смотря на такой, до неузнаваемости испорченный текстъ дневника Н. Д. Ханенка, подлинника котораго не сохранилось, редакція печатаетъ его и въ такомъ видѣ, такъ какъ онъ содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя для жизнеописанія какъ самого Н. Д. Ханенка, такъ и для характеристики современнаго ему общества.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій. Приводимый ниже универсалъ Разумовскаго представляетъ собою въ высшей степени любопытный актъ, которымъ высшая въ краѣ администрація, публично свидѣтельствуя, что полковники и вся другая полковая и сотенная старшина чинитъ надъ подчиненной ей частью народа *несносные налоги и тяготы* и угрожая законопреступникамъ лишеніемъ чина, призываетъ этотъ народъ къ подачѣ жалобъ за насилія—*прямо* въ гетманскую канцелярію, причемъ обѣщается *безволокитное удовольствованіе* по такимъ жалобамъ. Однакожъ, повидимому, универсалъ этотъ не имѣлъ никакихъ благихъ результатовъ: старшинскій гнетъ народа въ это время былъ такою язвою, которую канцелярскими мѣропріятіями излѣчить нельзя уже было... Интересно-бы только доискаться – кто былъ иниціаторомъ этого во всякомъ случаѣ человѣчнаго распоряженія...

А. Л.

Графъ Кирилъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ. Нашей Генеральной Войсковой Канцеляріи. Извѣстно намъ учинилось, что малороссійскихъ полковъ полковники, полковая старшина, сотники и сотенные старшины, несмотря на многочисленные запретительные ея императорскаго величества высочайшіе указы, козаковъ употребляютъ во всегдашніе работизни для своихъ приватъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, а особливо въ жнивное и косовичное время, и отягощаютъ перевозками разныхъ припасовъ, съ ближнихъ и далнихъ мѣстъ, лѣсу на строеніе себѣ домовъ и хуторовъ и то въ нихъ вымогаютъ умышленнымъ прошеніемъ, маня будущою платою или уволненіемъ отъ походу, нарядовъ и другихъ общенародныхъ повинностей, а прочіе

угроженіемъ, воображая имъ въ походи и наряды дальнѣйшіе откамандированія отъ домовъ, чѣмъ ихъ легко и устрашать могутъ, якобы безочереднія высылки и прочіе несносные налоги и тягости нарочно для того часто отъ показанныхъ командировъ напрасно и затѣваютъ, что зъ многихъ справедливыхъ жалобъ самими нами усмотрѣно, чѣмъ козаки приходятъ въ крайнѣйшое разореніе и, оставя свои жилища, принуждены бѣжать за рубежъ и въ Слободскіе полки, зъ того великое умаленіе въ козакахъ во всей Малой Россіи послѣдовало и впредь неслыханнымъ безпорядкамъ конечне сдѣлаться можетъ козаковъ искорененіе, для чего выше писанные обстоятельства пріемля мы въ разужденіе и желая козаковъ отъ такихъ обидъ защитить, нашей генеральной войсковой канцеляріи чрезъ сіе приказуемъ—послать во всѣ малороссійскіе полки и сотни открытые ордеры зъ сообщеніемъ копіи сего нашего ордера, въ которомъ наисрогше запретить, дабы полковники, полковые старшины, сотники и сотенные старшины съ полученія сего козаковъ на свои работизни ни подъ какимъ видомъ неупотребляли, въ походы и командированія не высылали безочередно и излишними сверхъ указныхъ отъ генеральной войсковой канцеляріи учиненныхъ расположеній никакими налогами и взятками не отягощали, такожъ грунтовъ ихъ напрасно не отнималибъ. Буди же и за симъ нашимъ ордеромъ кто съ показанныхъ чиновъ въ дѣланіи прописанныхъ обидъ изобличенъ явится, тотъ по данной намъ власти отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей Государыни, кромѣ что лишенъ будетъ за свое преступленіе чина, зъ собственнаго имѣнія обиженному козаку всѣ его обиды вдвое заплатить долженствуетъ и дабы о семъ всѣ обще козаки вѣдали, для того имъ сей нашъ ордеръ по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ публиковать, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ обиженные за симъ ордеромъ козаки безъ всякой отъ кого либо опасности являлисябъ зъ своими объ обидахъ доношеніями прямо въ генеральной войсковой канцеляріи, гдѣ они зъ доказателствомъ въ своихъ обидахъ скоро и безволокитно удовольствованы будутъ, въ чомъ ихъ всемѣрно и обнадежить.

Оригиналной подписанъ посему: гетманъ графъ К. Разумовскій.

1754 году, іюня 29 д. Санктпѣтербурхъ.

На справочной копіи подписался старшый войсковый канцеляристь Серпій Дергунъ.

Дѣло (2—22 октября 1694-го г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣнье деньгами и сукномъ изъ Галицкаго и Малороссійскаго приказовъ. Печатаемое ниже дѣло извлечено мною изъ группы документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи подъ рубрикой столбцовъ *Московскаю стола Разряда* (№ 994, частный № 4, ставы 10—18). Въ этой группѣ подавляющее большинство документовъ дѣйствительно относится къ дѣлопроизводству Московскаго стола Разряда, но встрѣчаются цѣлые столбцы или отдѣлы въ нихъ, которые только по небрежности попали въ этотъ отдѣлъ да такъ въ немъ и остались. Такъ, здѣсь встрѣчаются документы Иноземскаго, Посольскаго, Малороссійскаго приказовъ, Сѣвскаго стола Разряда и др.; всѣ они требуютъ тщательнаго выдѣленія и особаго описанія. Печатаемое дѣло и взято мною изъ такого столбика Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, не имѣющаго никакого отношенія не только къ Московскому столу, но даже и къ Разряду (срв. дѣло дьяка А. А. Виніуса, напечатанное мною въ приложеніи къ журналу 53-го засѣданія Тверской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи и заимствованное изъ тѣхъ же столбцовъ). Подобныхъ дѣло не мало сохранилось въ дѣлопроизводствѣ приказа, вѣдавшаго въ XVII вѣкѣ Малую Русь, нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны, но въ общемъ они не изучены, не приведены въ наличность и не эксплуатированы въ извѣстной системѣ. Между тѣмъ они представляютъ нѣкоторый интересъ и цѣннѣе въ своей массѣ, чѣмъ взятые въ одиночку. Въ нихъ скрывается не мало бытовыхъ чертъ, съ ними связано не мало воспоминаній о томъ порядкѣ существованія, который теперь очень трудно вообразить себѣ, не вчитываясь въ архивные памятники далекаго прошлаго, или въ нервы народнаго пѣсеннаго творчества. Надѣясь въ будущемъ ознакомить съ матеріаломъ значительнаго количества такого рода дѣлъ, позволяемъ себѣ настоящее дѣло напечатать полностью, дабы подчеркнуть ту разницу въ порядкѣ допроса и распросныхъ рѣчей, которую можно подмѣтить въ записяхъ отъ 2 и 19 октября 1694-го г., сдѣланныхъ въ Сѣвскѣ и въ Москвѣ; послѣдней понадобились болѣе точныя справки о выходахъ, ибо она раскошеливалась на цѣлыхъ два рубля да на два гамбургскихъ сукна.

1.—Отписка окольничаго и воеводъ князя Петра Лукича Львова изъ Сѣвска въ Посольскій приказъ отъ 4 октября 1694 г.

Великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ холопи ваши Петрушка Львовъ съ товарыщи челомъ бьютъ.

Въ нынѣшнемъ, великіе государи, 203-мъ году октября въ 2 день явились въ Сѣвску въ разрядной избѣ полоняниковъ два человѣка *черкаской* породы.

И по вашему великихъ государей указу мы, холопи ваши, тѣхъ полоняниковъ велѣли роспросить, а въ роспросѣ они сказали: адного Тимошкою зовутъ Ивоновъ Нѣжинского полку города *Кабыджи*, другова Демкою зовутъ Александровъ изъ за Днѣпра города *Павловичи*. И тѣ ихъ распросные рѣчи за ихъ руками изъ Сѣвска къ вамъ, великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ, къ Москвѣ послали, и ихъ Тимошку и Демку отпустили мы, холопи ваши, съ сею отпискою октября въ 4 день нынѣшнего жъ 203 го году,—и велѣли имъ явитца и отписку и роспросные рѣчи подать въ вашемъ Государственномъ Посольскомъ приказѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову съ товарыщи.

Помѣчено на оборотѣ: «203-го году октября въ 19 день роспросить тѣхъ полоняниковъ [1]) поподлиннѣе.

Бывъ сложена пакетомъ, подписана: «великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ въ Посольской приказъ.

2. Распросныя рѣчи двухъ выходцевъ-черкасъ изъ турецкаго плѣна, сказанныя ими 2 октября 1694-го г. въ сѣвской разрядной избѣ.

7203-го году октября въ 2 день въ *Сѣвску* въ разрядной избѣ окольничему и воеводамъ князю Петрю Лукичу Львову съ товарищи явились *выходцы* два человѣка.

И по приказу околничего и воеводъ князя П. Л. Львова съ товарыщи тѣ выходцы роспрашиваны порознь.

I.

А въ роспросѣ одинъ человѣкъ сказался, *Тимошкою* завутъ, *Ивановъ* сынъ. Родомъ де онъ *черкашенинъ* Нѣжинского полку города Кабыджи. И въ прошломъ де во 169-мъ г. въ разборъ боярина Василья Борисовича Шереметева подъ Чюдновымъ взятъ онъ въ полонъ, и былъ въ Крыму у татарина у Приша, жилъ два годы; и

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на дьячью помѣту, распорядившуюся распросить „*поподлиннѣе.*“.

тотъ де татаринъ продалъ ево въ Царьгородъ турченину Карабею, а взялъ за него сто двадцать тарелей. И у того турченина жилъ онъ 36 лѣтъ, работалъ на катарги. И въ прошломъ де 202-мъ году везли де они моремъ въ войска турецкое запасы, и на Дунай де рѣкѣ въ урочищи Демиркоры съ катарги онъ Тимошка да съ нимъ полоняниковъ пять человѣкъ бѣжали на берегъ тому де нынѣ 15 недѣль. А шолъ де онъ на цесарской городъ Карашебешъ и жилъ въ томъ городѣ 8 дней; и цесарской камандатъ, давъ ему прохожей листъ отпустилъ до мажарской земли съ цесарскими людьми.

А съ мажарской земли шолъ онъ на Ляцкую землю, а съ Ляцкой земли шолъ на Каламыю самъ третей, а два де товарища остались въ Можарской земли; а съ Коломыи шолъ на городы на Подгаецъ, на Ляховецъ, на Полонецъ и пришолъ въ Кіевъ, и въ Кіевѣ де былъ онъ четыри дни. И исъ Кіева де шолъ онъ малоросійскими городами на Козелецъ, на Насовку, на Нѣжинъ, на Батуринъ, —и два де товарища одинъ *батуринской* житель Ѳедкой завутъ да *полтавской* житель Сенка остались въ Батуринѣ,—а изъ Батурина на Глуховъ, и пришолъ въ Сѣвескъ.

А какъ де онъ Тимошка пошолъ исъ турокъ, и въ то де время турецкое войска съ везирамъ пошли на цесаря христіанскаго подъ Бѣлгородъ.

А въ турецкой де земли и въ Полши на люди морового повѣтрія нѣтъ, и хлѣбъ радилъ.

А идетъ де онъ къ великимъ государемъ къ Москвѣ бить челомъ за полонное терпѣнье о жалованьи.

На оборотѣ второй и на лицевой сторонѣ третьей склеи и по составу написано: «к сему роспросу сѣвской площеди подъячей Сенка Климовъ вмѣсто выходца Тимошки Иванова по ево велѣнью руку приложилъ».

II.

Другой сказался, *Демкою* завутъ, *Александровъ* сынъ. Родомъ де онъ черкашенинъ города Павловича козакъ. И въ прошлыхъ де годѣхъ тому нынѣ будетъ 22 годы взятъ онъ Демка за Днѣпромъ въ городѣ Ладыжинѣ зъ запорожскимъ полкомъ въ полонъ, а взято де 2 тысячи человѣкъ. И былъ въ полону въ Царѣгородѣ у салтана турецкого, работалъ на ево катарги; и былъ въ Оранской земли и

въ Александріи шесть лѣтъ, а изъ Александріи пришедъ, жилъ въ Царѣгородѣ у салтанского дворового турченина у Гайвась двѣ недѣли.

И отъ того де турченина бѣжалъ онъ на ѳранцужскіе голены, и ѳранцужскіе де купцы привезли ево въ ѳранцужской городъ Масиля; и въ томъ де городѣ жилъ онъ мѣсяцъ. А исъ ѳранцужъ шолъ онъ на Дженевизи, на Спанелы, на Венедицкую землю, съ Венедіи на талянскую землю, съ талянской земли на Вянѣцыю, съ Венѣціи на словянскую землю, съ словянской на шленскую, съ шленской въ цесарскую, и съ цесарской земли на Польшу. И съ Польши потомъ въ Кіевъ и жилъ въ печерскомъ монастырѣ десять дней. А исъ Кіева де шолъ онъ на малоросійскіе городы на Козелецъ, на Прилуки и исъ Прилукъ былъ въ Запорожьи для сыску свойственниковъ и изъ Запорожья де пришолъ онъ въ Батуринъ, а изъ Батурина пришолъ въ Сѣвескъ.

А какъ де онъ Демка пошолъ исъ полону, и въ то де время въ тѣхъ мѣстахъ на люди морового повѣтрія не было, и хлѣбъ радилъ.

А идетъ де онъ Демка къ великимъ государемъ къ Москвѣ бить челомъ за полонное терпѣніе о жалованьи.

На оборотѣ написано: «к сему роспросу сѣвской площеди подьячей Ми—шка Кирпичевъ вмѣсто выхотца Демка Александрова по ево велѣнью руку приложилъ».

3. Распросныя рѣчи тѣхъ же выходцевъ—черкасъ изъ турецкаго плѣна, сказанныя ими 19 октября 1694-го г. на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ.

И октября въ 19 день нынѣшняго 203-го году по выше писанной сѣвской отписки явилось въ приказѣ Малыя Росіи полоняниковъ два человѣка *черкаскіе породы.*

И тѣ полоняники роспрашиваны, а въ роспросѣ сказали.

I.

Тимошка Ивановъ сказалъ:

Тому съ 38 лѣтъ былъ онъ въ полку боярина Василья Борисовича Шереметева при полковникѣ переяславского полку при Иванѣ Цыцурѣ въ козацкой службѣ. И какъ подъ Чюдновымъ обозъ боярской татаровья взяли, и въ то время взялъ ево въ полонъ крымской татаринъ Тарабердѣйко и, привезчи ево въ Крымъ, продалъ татарину жъ Пришу, взялъ за него 60 ефимковъ, и былъ у него два года въ

работѣ. А тотъ татаринъ продалъ ево на катаргу турченину Карабею, взялъ за него 120 ефимковъ; и у того турчанина работалъ на катаргѣ 36 лѣтъ. И въ прошломъ 202-мъ году на той катаргѣ исъ Царяграда Чернымъ моремъ везли въ войско турецкіе запасы и на Дунаѣ рѣкѣ въ урочищѣ Демиркопы передъ Петровымъ постомъ недѣли за двѣ съ той катарги они спущены были на берегъ тянуть тое катаргу бечевою, и въ то число онъ Тимошка съ той катарги да съ нимъ четыре человѣка полоняниковъ Адріянъ Моджаръ, Андрей Волошенинъ, Семенъ Поставской, Ѳеско Батуринской ушли въ лѣсъ, и шли лѣсомъ семь дней и пришли въ цесарскую землю въ городъ Карашебешъ; и были въ томъ городѣ 8 дней у камендата и тотъ де камендатъ, давъ имъ прохожей листъ, отпустилъ ихъ до моджарской земли, давъ имъ проводника. И пришедъ въ Можары, явились они того города державцу, и тотъ державецъ изъ Моджаръ отпустилъ ихъ въ путь въ Польшу. И они шли отъ Мотжаръ самъ третей, а два человѣка остались въ Мотжарахъ, чрезъ высокіе горы пѣши, и пришли въ полскую землю въ мѣстечко Коломыю; а исъ того мѣстечка шли на Подгайцы, на Леховцы, на Полоней, на Хвастовъ, и пришли въ Кіевъ въ прошломъ же 202-мъ году послѣ Преображеніева дни спустя двѣ недѣли, и явились въ Кіевѣ боярину и воеводамъ князю Петру Ивановичю Хованскому. И были въ Кіевѣ четыре дни. И исъ Кіева пошли безъ отпуску, и шли малоросійскими городами, и были въ Батуринѣ; а изъ Батурина пошелъ онъ въ Сѣвескъ, а товарищи ево два человѣка остались въ Батуринѣ. И пришедъ въ Сѣвескъ явился окольничему и воеводамъ князю Петру Лукичю Львову съ товарищи, и околничей и воевода, давъ ему отписку и проѣзжей листъ, отпустилъ въ Москвѣ бить челомъ великимъ государемъ о жалованьѣ за полонное терпѣніе).

II.

Другой человѣкъ *Демьянко Александровъ* сказалъ: въ прошлыхъ годахъ былъ онъ на Запорогахъ и служилъ десять лѣтъ козацкую жъ службу при полковникѣ Савѣ, а какъ по прозвищу сказать не упомнитъ. И тому нынѣ 22 года какъ къ городу Ладыжину приходилъ войною турской везиръ и, городъ Ладыжинъ взявъ, разорилъ, а полковниковъ Саву и Мурашку да съ ними козаковъ зъ двѣ тысячи человѣкъ взяли въ полонъ. И онъ Демьянко въ полонъ взятъ въ тожъ время и былъ въ полону въ Царѣградѣ и посаженъ былъ въ салтанскую тюрьму; и исъ тюрьмы посыланъ былъ для работы на катарги

салтанскіе; и былъ на катаргахъ въ Орабской земли въ Александріи шесть лѣтъ, и изъ Александріи былъ по прежнему въ Царѣградѣ и работалъ салтанской тюрьмы у сторожа Гайвача въ виноградномъ саду двѣ недѣли. И отъ того сторожа ушолъ онъ на пристань цареградскую на францужскую купецкую галену и у купцовъ на той пристани былъ недѣлю вскрыте. И тѣ купцы, какъ пошли отъ Царяграда Чернымъ моремъ, и ево взяли съ собою и пришли во францужскую землю къ городу Масилѣ, и въ томъ городѣ присталъ онъ къ капитаму Сикару, и былъ у него въ работѣ два мѣсяца, и отъ него отшедъ, присталъ на пристани къ францужскимъ же купцомъ на галену; (и шелъ на той галенѣ съ купцы бѣлымъ моремъ на Дженевизи, на Шпанелы, на Венедицкую земли; а изъ Венецыйскіе земли шелъ сухимъ путемъ на Таліянскую землю, и на Венецыю, и Цесарскою землею на словяны, и на Шленскъ да на полскіе городы на Краковъ, на Львовъ, на Дубны, на Олыку, на Звяглу, на Коростышевъ, на Берегородку и въ Кіевъ. А исъ Кіева въ Батуринъ, а изъ Батурину въ Сѣвескъ, а въ Сѣвску околничей и воеводы князь Петръ Лукичь Львовъ съ товарыщи давъ ему съ вышеписаннымъ полоняникомъ отписку вмѣстѣ и проѣзжей листъ отпустилъ ево къ Москвѣ, а къ Москвѣ пріѣхалъ онъ бить челомъ великимъ государемъ о жалованьѣ за полонное терпѣніе.

На оборотѣ приписано: «К симъ роспроснымъ рѣчамъ вмѣсто полонениковъ Тимоѳея Иванова да Демьяна Александрова по ихъ велѣнью посольского приказу площадной подьячей Ивашка Ивановъ руку приложилъ».

4. *Приговоръ думнаго дьяка Ем. Иг. Украинцева отъ 22 октября, 1694-го г.*

203-го г. октября въ 22 день, по указу великихъ государей, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ съ товарыщи приказалъ: тѣмъ козакамъ за ихъ службу, и за полонное терпѣнье, и на милостину дать ихъ великихъ государей жалованья по сукну амбурскому *изъ приказу Малые Россіи* да по рублю денегъ человѣку *изъ Галицкого приказу* изъ четвертныхъ доходовъ,—и послать о томъ въ тотъ приказъ указъ, и отпустить ихъ въ малоросійскіе городы, и дать имъ ихъ государеву проѣзжую грамоту по указу.

На оборотѣ всего дѣла по составамъ приписано: «Діакъ Василей Поснѣковъ».

Сообщилъ Василій Сторожевъ.

Бурты (чигир. у.), какъ мѣсто археологическихъ находокъ [1]).

Чигиринскій уѣздъ въ изданіяхъ по археологіи совершенно обойденъ; только благодаря случайнымъ находкамъ предметовъ древности, онъ не можетъ быть исключенъ изъ археологической карты. Неудобство-ли путей сообщенія, предположеніе-ли объ отсутствіи памятниковъ древности, кромѣ еще не выдохшихся и неистлѣвшихъ памятниковъ козацкой старины, или же отсутствіе указаній на хранилища предметовъ древности заставляютъ искателей вещественныхъ памятниковъ не заглядывать въ чигиринскій уѣздъ. Между тѣмъ наши доморощенные археологи продолжаютъ свое дѣло варварскаго разрушенія кургановъ и расхищенія предметовъ древности. Кара закона къ нимъ не примѣняется, потому что они не вѣдаютъ, что творятъ.

Въ Буртахъ происходитъ теперь то, что было на Княжей горѣ до начала правильныхъ раскопокъ: курганы разрываются и находимые предметы или уничтожаются, или переходятъ въ руки евреевъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я посѣтилъ Бурты, и глазамъ моимъ представилась величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ грустная картина: на поляхъ крестьянъ с. Цвѣтной (чигиринскаго уѣзда), въ 6 верстахъ отъ Цвѣтной и въ 2 отъ д. Фарпоста и с. Княжаго (херсонской губерніи) имѣется площадь величиной болѣе 1 десятины, сплошь усѣянная высокими курганами, представляющими собой въ общемъ четыреугольникъ. Площадь эта съ курганами называется крестьянами «бурты», «майданъ», «замковище». Отъ этой площади въ сторону Фарпоста и Княжаго на разстояніи $^1/_4$ версты имѣется отдѣльно стоящій высокій курганъ, а въ сторону Матронинской казенной дачи тянется по одной линіи болѣе 10 кургановъ, сравнительно низкихъ, еще нетронутыхъ нашими археологами. Курганъ же въ сторону Фарпоста въ настоящее время разрытъ по всѣмъ направленіямъ, по пріемамъ, нѣсколько напоминающимъ правильныя раскопки. Курганъ этотъ съ прилегающею частью поля принадлежитъ жителю д. Фарпоста, который поручилъ раскопать курганъ 100 лѣтнему старцу крестьянину, наложившему на себя епокуту рыть землю, чѣмъ онъ и занимается уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Дѣдъ въ этомъ курганѣ дорылся до какого-то склепа изъ большихъ погнившихъ дубовъ; дубы были вытянуты, и земля, прикрывавшая ихъ, обрушилась

[1]) Въ изд. В. Б. Антоновича „Археол. карта Кіев. губ.“ М. 1895 г. на стр. 101 помѣщено коротенькое извѣстіе о курганахъ при с. Буртахъ (чигир. у.).—*Ред*

и засыпала склепъ. Было-ли еще что найдено при раскопкѣ этого кургана, неизвѣстно. Раскопка производилась осенью прошлаго года и теперь продолжается по бокамъ кургана.

Въ Буртахъ вездѣ на курганахъ имѣются слѣды раскопокъ прошлой осени; пріемы раскопокъ одинаковы: съ вершины кургана идетъ глубокая, ниже почвы, яма съ подкопами въ разныя стороны на днѣ ямы; выкапываемая земля частью выбрасывается на вершину кургана, частью складывается въ самой ямѣ; боковыя раскопки кургановъ рѣдки и повидимому только пробныя. На склонахъ раскопанныхъ кургановъ и въ ямахъ валяются вездѣ человѣческія кости и куски разбитой глиняной посуды. Въ одной изъ глубокихъ ямъ мною поднятъ кусокъ уха глинянаго сосуда. По разсказу кр—на, присутствовавшаго при находкѣ этого сосуда, сосудъ былъ цѣлый, высокій, съ толстыми стѣнками; нашедшіе его кр—не пробовали крѣпость этого сосуда, какъ ни къ чему негодной вещи, сначала тѣмъ, что бросали его объ землю, но когда сосудъ не поддавался, то они стали колотить его желѣзными лопатками, и имъ удалось такп въ дребезги разбить его; были-ли какіе предметы въ сосудѣ, разсказывавшій не знаетъ, а величину сосуда онъ опредѣлилъ тѣмъ, что поднятый мною кусокъ уха составлялъ только $^1/_6$ часть уха. Какой же долженъ быть величины сосудъ, если поднятый мною кусокъ уха имѣетъ длины 2 вершка, ширины 1 верш. и толщины $^6/_8$ верш.? Допуская преувеличенія разсказчика въ размѣрѣ уха, слѣдуетъ все-таки предположить, что сосудъ былъ внушительныхъ размѣровъ.

О прошломъ раскопокъ въ Буртахъ я узналъ мало по той причинѣ, что крестьяне, скрывая свое участіе въ разрытіи кургановъ, большею частію говорятъ, что ничего не знаютъ или знаютъ только по слухамъ. Раскопки въ Буртахъ начались лѣтъ 15 тому назадъ и ведутся систематически каждую осень и весну. Для раскопокъ собираются партіи кр—нъ с. Цвѣтной отъ 3 до 7 человѣкъ и раскопки производятъ преимущественно въ лунныя ночи. Ищутъ въ курганахъ только серебра и золота—кладовъ, а не отдѣльныхъ вещей. Найденныя при поискахъ вещи лѣтъ уже 8 сбываются за безцѣнокъ евреямъ, которые эти вещи куда-то вывозятъ. На этотъ сбытъ вещей евреямъ имѣло вліяніе слѣдующее обстоятельство: лѣтъ 8 тому назадъ семь кр—нъ с. Цвѣтной искали въ курганахъ Буртъ клада; въ одномъ изъ разрытыхъ ими кургановъ они нашли золотую чашу, кадильницу и серебряную умывальную чашку; сосѣдній помѣщикъ

Б—ій предлагалъ счастливцамъ 300 руб. за эту находку, но они не согласились, считая найденные предметы стоющими больше. Тѣмъ временемъ полиція узнала объ этой находкѣ, отобрала ее и отослала въ С.-Петербургское Археологическое Общество. Черезъ значительно долгое время нашедшіе получили по 7 руб. на человѣка—всего значитъ 49 руб. Были-ли эти 49 руб. выданы нашедшимъ, какъ оцѣнка находки, или какъ награда, неизвѣстно. Послѣ этого случая искатели кладовъ въ Буртахъ находимыя ими вещи стали тайно сбывать евреямъ и скрывать свое участіе въ раскопкахъ. Но не всѣмъ это удается. Весной этого года партія кр—нъ начала свои поиски кладовъ въ Буртахъ и случайно нашла много древнихъ вещей; не успѣли евреи пристроиться къ этимъ вещамъ, какъ мѣстный урядникъ узналъ о находкѣ и таковую отобралъ; вещи были переданы Чигиринскому исправнику, который отослалъ ихъ г. Кіевскому губернатору. Изъ этой находки обращаютъ на себя вниманіе золотой браслетъ, костяныя бусы, два глиняныхъ кувшина въ видѣ теперешнихъ крестьянскихъ тыквъ, серебряная чашка, наконечники стрѣлъ и золотыя пластинки для украшеній.

Браслетъ оказался тождественнымъ съ браслетомъ, изображеннымъ въ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемыхъ В. Прохоровымъ 1881 г.» и отнесеннымъ въ этомъ изданіи къ скифскому періоду IV вѣка до Р. Х.

На переходъ находокъ въ руки евреевъ имѣются прямыя указанія въ разсказахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Буртахъ партіею кр—нъ былъ найденъ мѣдный котелокъ, окруженный 8-ю глиняными кувшинами; кувшины на мѣстѣ были разбиты, а котелокъ былъ проданъ какому-то еврею. Что было въ котелкѣ и кувшинахъ неизвѣстно, а также неизвѣстно,при какой обстановкѣ оказалась находка. Да этими вопросами кр—не и не интересуются. Злостное отношеніе искателей кладовъ въ Буртахъ къ глиняной посудѣ мною объясняется тѣмъ, что искатели—кр-не с. Цвѣтной, извѣстной далеко за предѣлами уѣзда своимъ горшечнымъ производствомъ. Въ Буртахъ были открыты два подземныхъ хода; пастухи проникали въ эти ходы, но тщательно ихъ не осматривали и ничего въ нихъ не нашли.

Въ послѣднее время хищническія раскопки въ Буртахъ ведутся весьма энергично въ виду распространеннаго, будто-бы тѣмъ же помѣ-

щикомъ Б., слуха между кр—нами, что въ Буртахъ должна быть церковь или костелъ, въ которыхъ хранятся драгоцѣнности.

Пока не поздно, археологамъ слѣдуетъ немедленно приступить къ раскопкамъ Буртъ, чтобы предупредить возможность перехода находокъ въ нихъ къ лицамъ, никакого касательства къ археологіи не имѣющимъ.

Н. Бо—скій.

Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. Mélanges pour servir à l'hisfoire des pays qui forment aujourd'hui le département de l'Oise (Picardie meridionale-Nord de l'Jle-de-France) par le vicomte de Caix de Saint-Aymour. Paris. 1895. Въ іюльской книжкѣ нашего журнала за 1884-й г. былъ помѣщенъ портретъ дочери Ярослава Мудраго, Анны Ярославны, бывшей въ замужествѣ за Генрихомъ I, королемъ французскимъ. Портретъ сопровождается небольшой замѣткой, посвященной очерку жизни этой королевы. Но послѣ 1884 года во Франціи появились новыя данныя и новыя изслѣдованія о бракѣ Генриха I и судьбы его супруги. Въ 1894 году въ январьской книжкѣ Историческаго Вѣстника была напечатана небольшая статья: «Французская королева Анна Ярославна», статья, въ которой были сгруппированы результаты новѣйшихъ французскихъ изслѣдованій. Но всего годъ спустя вопросъ снова поднимается новымъ изслѣдованіемъ, которому посвящена первая глава вышеуказанной книги. Эта глава имѣетъ такое обозначеніе «Anne de Russie, reine de France, puis comptesse de Valois, fondatrice de l'abbaye de Saint-Vincent de Senlis». Виконтъ де Кэ принялъ въ соображеніе всѣ изслѣдованія своихъ предшественниковъ и на основаніи первоисточниковъ изложилъ исторію брака и жизни Анны Ярославны. Мы вкратцѣ передаемъ здѣсь содержаніе изслѣдованія г. Кэ.

XI в. является эпохой, въ которую государи з. Европы обнаруживаютъ неудержимое стремленіе къ расширенію своихъ владѣній и къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній. Съ цѣлью усиленія своихъ государствъ они не стѣсняются въ средствахъ, изъ которыхъ главнымъ являются брачные союзы. Браки происходятъ иногда между самыми близкими родственниками. Естественно, что церковь выступаетъ энергично противъ такихъ злоупотребленій. Мало по малу дошло до запрещенія браковъ между родственниками даже седьмого колѣна; кромѣ

того, считались предосудительными болѣе близкія связи даже между союзниками, которые приравнивались къ родственникамъ по крови. Пользуясь провѣркой законности браковъ, папы вмѣшивались безпрестанно во внутреннія дѣла государей. Всѣмъ неудобствамъ и непріятностямъ отъ такого вмѣшательства подвергся король Робертъ, женившись на Бертѣ, дочери Прованскаго короля Конрада, приходившейся ему родственницей въ четвертомъ колѣнѣ. Шесть лѣтъ противился Робертъ папскимъ громамъ, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить. Въ этой борьбѣ значительно ослабъ престижъ королевской власти, столь необходимый для молодого королевства Капетинговъ.

20-го іюля 1031 года Робертъ умеръ, и ему наслѣдовалъ Генрихъ I. Ему предстояла трудная задача: поддерживать миръ съ Римомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько возможно, не допускать вмѣшательства въ свои дѣла. Когда умерла его первая супруга Матильда, дочь императора Генриха II, въ 1044 г., не оставивъ дѣтей, Генрихъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе относительно выбора новой подруги жизни: бракъ съ Матильдой поставилъ его въ родственныя связи почти со всѣми государями Германіи. Долго шло отыскиваніе такой личности, которая, сдѣлавшись королевой Франціи, удовлетворяла-бы вполнѣ требованіямъ каноническаго права и политическимъ стремленіямъ Генриха I. Въ это то время и дошли до него слухи о красотѣ принцессы, отецъ которой правилъ на другомъ концѣ Европы, въ сосѣдствѣ съ Византійской имперіей. Отдаленность этой страны, почти неизвѣстной латинскому западу, могла, казалось, дать Генриху надежду, что съ русской княжной онъ не состоитъ ни въ какихъ родственныхъ связяхъ, прямыхъ и косвенныхъ, и что черезъ бракъ съ нею онъ избѣгнетъ церковныхъ запрещеній и вмѣшательства въ свои дѣла со стороны духовенства.

Бракъ короля Франціи съ русской княжной являлся бракомъ равнымъ. Ярославъ Владиміровичъ, Карлъ В. Русской земли, поднялъ ее на высокую степень могущества. Цѣлымъ рядомъ брачныхъ союзовъ русскій княжескій домъ породнился съ сосѣдними династіями. Было-бы грубѣйшей ошибкой, на основаніи только лишь молчанія французскихъ источниковъ о Руси, предполагать, что эта страна находилась въ то время еще въ полуварварскомъ состояніи. Напротивъ, Русь занимала важное положеніе на Востокѣ. Кіевъ являлся столицей монархіи болѣе сплоченной, болѣе обширной и, можетъ быть, даже болѣе могущественной, чѣмъ королевская Франція. Русь находилась въ тѣс-

ныхъ сношеніяхъ политическихъ, торговыхъ и культурныхъ съ Византіей. Городъ Кіевъ представлялъ собой торговый центръ, гдѣ жили, въ отдѣльныхъ кварталахъ, купцы голландскіе, венгерскіе, нѣмецкіе, скандинавскіе. Греческіе художники украшали дворцы и храмы.— Исповѣдный вопросъ не могъ быть препятствіемъ къ браку, ибо раздѣленіе церквей Восточной и Западной не было еще окончательнымъ. Въ противномъ случаѣ союзъ между Генрихомъ I и Анной Ярославной оказался-бы абсолютно невозможнымъ. По прибытіи во Францію Анна Ярославна не имѣла ни отдѣльной церкви, ни особаго священника, какъ ошибочно утверждаютъ нѣкоторые, а посѣщала только церковь своего мужа и, вѣроятно, не замѣчала, что ей совершали обѣдню по латыни, а не по славянски. Благодѣянія, которыя Анна оказывала монастырямъ, письмо къ ней папы Николая II въ 1059 г., наполненное похвалами ея благочестію и благотворительности,—эти факты доказываютъ, что въ то время еще не чувствовалось глубокой разницы въ исповѣданіяхъ запада и востока. Рѣшивъ просить руки дочери Ярослава, Генрихъ поручилъ выполненіе этой миссіи Готьé I, епископу Мо и Госцелину де Шалиньякъ, присоединивъ къ нимъ нѣсколько другихъ вельможъ. Отправившись весною 1048 г., послы вернулись во Францію въ 1049 г. Бракосочетаніе было торжественно совершено въ Реймсѣ 14-го мая того-же года, въ день Пятидесятницы. Въ это время Аннѣ было 25 лѣтъ. Нѣсколько времени у королевы не было дѣтей, вслѣдствіе чего она дала обѣщаніе построить и обезпечить монастырь, если у нея родится сынъ. Затѣмъ у нея было трое сыновей: Филиппъ, который правилъ послѣ смерти отца, Робертъ, рано умершій, Гюгъ, позже графъ де Крепи и родоначальникъ королевской линіи Вермандуа. Они всѣ упоминаются вмѣстѣ съ матерью въ одномъ документѣ, датированномъ 12-го іюля 1058 г., слѣд. всѣ родились между 1049 и 1058 г., а такъ какъ Филиппъ уже въ 1059 г. былъ помазанъ въ короли, еще при жизни отца, то слѣд. долженъ былъ родиться около 1049 года. Почему-то, при жизни Генриха, Аннѣ трудно было исполнить данное обѣщаніе, но мы видимъ однако-же, что королева пользуется большимъ значеніемъ и уваженіемъ у своего супруга. До насъ дошло нѣсколько документовъ, въ которыхъ имя Анны стоитъ рядомъ съ именемъ короля. Утверждаютъ даже, что Генрихъ хотѣлъ поручить регентство своей супругѣ, и только формальный отказъ ея заставилъ его возложить эту обязанность на своего зятя Балдуина V, графа Фландрскаго.

Генрихъ умеръ 4-го августа 1060 года. Королева удалилась вмѣстѣ съ дѣтьми въ замокъ Senlis. Здѣсь Филиппъ I далъ монастырю Saint-Lucien de Beauvais царственную грамоту, подъ которой мы находимъ подпись и королевы Анны.

Анна Ярославна любила жить въ Senlis, частью вслѣдствіе прекраснаго воздуха, частью же благодаря охотѣ, въ которой Анна находила особое удовольствіе. Можетъ быть, она избрала это мѣсто для исполненія своего давняго обѣщанія построить монастырь. Около Senlis, въ предмѣстьѣ Vitel, существовала маленькая часовня св. Винцента, обратившаяся отъ древности въ развалившуюся лачужку. Тутъ и былъ основанъ монастырь. Учредительная грамота была дана ему въ 1060 г. Церковь была выстроена въ формѣ креста. Съ одной стороны была высокая башня для помѣщенія въ ней колоколовъ, а съ другой—южной—монастырскія зданія. Она была посвящена св. Троицѣ, Божіей Матери, св. Винценту и св. Іоанну Крестителю. Монастырь просуществовалъ до временъ революціи.

Грамота монастырю св. Винцента не была единственной. До насъ дошли такія-же грамоты Анны Ярославны монастырю въ Турню (Tournus) въ 1060 г., аббатству с. Дени—въ томъ-же году и др. Въ 1062 году мы находимъ ея имя въ грамотѣ монастырю св. Петра въ Шартрѣ: «Philippus cum regina matre sua» выдаетъ этотъ документъ. Наконецъ, самый интересный актъ—это грамота аббатству Saint-Crépin le—Grand въ Суассонѣ. Мы находимъ тутъ собственноручную подпись Анны Ярославны кириллицей: «Ана рѫина».

Въ числѣ лицъ, постоянно бывавшихъ въ Санли, мы видимъ Рауля III, графа Крепи и Валуа. Между нимъ и вдовствующей королевой зародилось взаимное чувство, и графъ, который былъ уже два раза женатъ, воспользовавшись однажды прогулкой Анны въ лѣсу Санли, похитилъ ее, привезъ въ свою резиденцію, гдѣ какой-то священникъ обвѣнчалъ ихъ. По всей вѣроятности, это произошло въ первой половинѣ 1063 года, такъ какъ послѣдній документъ, въ которомъ Анна титулуется королевой, датированъ этимъ годомъ. Вторая супруга Рауля добилась у папы признанія брака своего супруга съ Анной незаконнымъ и затѣмъ церковнаго на него отлученія. Но это мало помогло, и графъ де-Крепи не разстался съ Анной Ярославной. Интересно, что сынъ ея, король Филиппъ, во все это время не прерывалъ хорошихъ отношеній съ графомъ, а по смерти послѣдняго въ 1074 году Анна возвратилась къ королевскому двору. Ея имя вновь встрѣчается въ документахъ съ тою только разницей,

что она титулуется уже не королевой, а «матерью короля Филиппа» (signum Annae matris Philippi regis). Послѣдній такой документъ относится къ 1075 году, послѣ котораго мы уже не находимъ объ Аннѣ никакихъ упоминаній.

Предположеніе, будто по смерти своего второго мужа Анна Ярославна возвратилась на Русь, по мнѣнію автора, ни на чемъ не основано. Можно почти съ полной достовѣрностью указать мѣсто ея послѣдняго успокоенія. Ученый іезуитъ Менестріе (Ménéstrier) еще въ 1682 году указалъ могилу Анны Ярославны въ церкви аббатства Вилье (Williers) около Ферте—Алей (Ferté—Aleys), въ Гатинуа (Gatinois). На плоской плитѣ сохранилась надпись: «Hic jacet domina Agnes uxor quondam Henrici regis». Конецъ стертъ, а съ другой строки: «Eorum per misericordiam Dei requiescant in pace». Хотя аббатство Вильé основано въ 1220 году, но это обстоятельство, по мнѣнію автора, не препятствуетъ отождествленію королевы Agnès съ Анной Ярославной: королева-мать могла жить въ какомъ-нибудь замкѣ или монастырѣ тутъ по сосѣдству и быть погребенной въ каплицѣ Бенедиктинцевъ, изъ которой впослѣдствіи образовалось аббатство; можетъ быть, самая могила была перенесена сюда для сохраненія изъ другого сосѣдняго менѣе безопаснаго мѣста. Если даже эта могила есть простой монументъ, воздвигнутый въ честь королевы въ позднѣйшую эпоху, то и онъ показываетъ, что королева Анна умерла во Франціи, а не въ другомъ мѣстѣ. Какъ согласовать теперь Agnés и Anne. Во всѣхъ документахъ мы находимъ подпись «Anne». Но въ одномъ изъ нихъ, именно въ грамотѣ въ Санли, 1060 года, аббатству с. Дени, мы находимъ: «Signum Agne Regine». Древніе мартирологи и агіографы пишутъ часто: Agná и Anna.

Въ Національной библіотекѣ сохранился оригиналъ грамоты Филиппа I аббатству С. Крепи въ Суассонѣ На этомъ документѣ находится собственноручная подпись королевы Анны, представляющая самый древній образецъ русскаго письма. Въ заключеніе авторъ предполагаетъ, что корона королевы, изображенная въ видѣ колпака на плитѣ, такая, которую носили князья Рюрикова дома. Согласиться съ авторомъ, не видя передъ собой самаго изображенія этой короны, конечно трудно.

П. Голубовскій.

Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. Организованная въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія особая коммиссія (изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ) для перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, свои занятія въ 1735 г. вела въ Москвѣ. Въ числѣ ея духовныхъ членовъ здѣсь, между прочимъ, состояли въ этомъ году ректоръ кіевской академіи архим. Амвросій Дубневичъ, игуменъ Никольскаго Макошинскаго (черниговской епархіи) монастыря іеромонахъ Димитрій Билѣнскій и Роменскій протопопъ Василій Савицкій. Они, время отъ времени, каждый отъ себя, увѣдомляли своихъ архипастырей обо всѣхъ дѣйствіяхъ коммиссіи. Такъ, Дубневичъ 21 іюня 1735 г. сообщалъ митр Рафаилу Заборовскому, что коммиссія «въ дѣлѣ переводномъ» окончила «двѣ правные книги, статутъ и порядокъ «и исправила» третой книги Саксона не малую часть»; 7-го сентября, что она «переводомъ» окончила «послѣдныхъ чиселъ августа, а сводомъ начала»...

Лишь коммиссія приступила къ «своду», между ея членами произошло пререканіе.

Дѣло въ томъ, что «мирскіе» члены коммиссіи, основываясь на «восемнадцатомъ рѣшителномъ пунктѣ» указа Верховнаго Тайнаго совѣта, отвѣчавшемъ на просьбу гетмана Даніила Апостола предъ импер. Петромъ II въ 1728 году «отрѣшити указомъ предъбывшое въ Малороссіи обыкновеніе о наданю на монастыри духовному чину... грунтовъ и земель и о куплѣ всякихъ угодій», отказывались «въ сводѣ о свободной надачи на монастыри и церквы положить артыкули зъ правъ». Вслѣдствіе этого архим. Дубневичъ представилъ въ Глуховъ свое мнѣніе съ такимъ (пятымъ) пунктомъ.

«О надачѣ недвижимого имѣнія тестаментомъ кому кто похочетъ такъ духовнимъ особамъ, яко и мирскимъ, артыкули статута и другихъ правъ въ свободѣ показать не будетъ противно, хотя по прошенію покойного господина гетмана Апостола въ рѣшителномъ 18 пунктѣ и повелено въ Малой Россіи монастирамъ обрѣтаючимся, попамъ и всякого чина духовного людемъ козачихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и козакамъ и всякого мирского чина людемъ имъ не продавать и не закладивать и вноминовеніе вкладомъ и никакими здѣлками не давать, и не укрѣплять, ибо Всемилостивѣйшимъ указомъ ея Императорского Величества намъ повелено зъ трехъ правъ в едно токмо свесть, а не узаконять. Сія же власть узаконять въ волѣ и самодержавствѣ Ея Імператорского Величества состоитъ, и потому все духовенство малороссійское, такъ въ надачѣ грунтовъ на

поминовеніе, яко и въ покупкѣ оныхъ на самоповелительное Ея Императорскаго Величества узаконеніе и милостивѣйшій Монаршій указъ впредъ слагается».

Объ этомъ Дубневичъ увѣдомилъ митр. Заборовскаго, представивъ и копію приведеннаго пункта изъ своего мнѣнія.

Виленскій о прекаваніи членовъ коммиссіи далъ знать 15 сентября Иларіону архіеп. черниговскому, прося его войти по этому поводу въ сношеніе съ митроп. кіевскимъ, епископомъ переяславскимъ, и архимандритомъ печерскимъ.

Архіеп. Иларіонъ 23 сентября адресовался къ митр. Заборовскому, выражая ему свое соображеніе, что коммиссія, которой вообще «не повелѣно оставлять зъ правъ малороссійскихъ пунктовъ, кои прежде въ ненарушной были силѣ», не можетъ опускать и пункта «о паданю грунтовъ и земель на монастыры и о куплѣ духовному чину» тѣмъ болѣе, что и «рѣшителній» пунктъ, исходатайствованный гетм. Даніиломъ Апостоломъ («безъ согласія духовнаго чину», въ видахъ «единой козачей ползы» и именно «для того, чтобъ служба козачая не умалялась»), уничтоженъ Высочайшею грамотою князю Алексѣю Ив. Шаховскому на правленіе Малороссіею, такъ какъ въ этой грамотѣ, между прочимъ, «*дано на-волѣ* хто похочетъ зъ козаковъ и посполитыхъ спродаватся за кого—нибудь зъ мирскихъ господъ и жить за тѣми» («чрезъ що,—разумѣется,—умаленіе службы козачой дѣлается не малое»); и прося митрополита «здравій учинить совѣтъ» съ еп. Переяславскимъ и архим. Печерскимъ, чтобы написать затѣмъ отъ лица всего духовенства доношеніе на Высочайшее имя, «была бы по прежнему воля боголюбцемъ въ дачи коихъ либо угодій на монастыри и въ куплѣ свобода по правамъ малороссійскимъ духовному чину», съ обѣщаніемъ подписать и отъ себя такое доношеніе...

Доношеніе, дѣйствительно, было подано на Высочайшее имя митр. Заборовскимъ; и онъ 12 ноября написалъ Дубневичу, что уже предпринято «старателство» по поводу прекаваній коммиссіи, не указывая однако, «въ чемъ тое старателство естъ».

Между тѣмъ, пока небыло никакой резолюціи, свѣтскіе члены коммиссіи продолжали быть «спорливыми», «крѣпко» настаивая на своемъ, «чтобъ о надачи доброволной на монастыри и церквы грунтовъ артыкули въ сводѣ не были положены»... Духовные члены, видя, что «о покупки во всѣхъ правныхъ книгахъ, зъ которыхъ сводъ дѣлаетъся, артыкуловъ ни воспящающихъ, ни позволяющихъ не імѣетъся», и разсуждая, что «таковая покупка духовенству свободна можетъ быть

(уже и) потому, что духовный чинъ во всѣхъ тѣхъ правахъ съ шляхтою въ равенствѣ полагается, да и тая покупка зъдавна (до прошенія гетм. Д. Апостола) духовенству и священству воспящена не была», тревожились подобнымъ упрямствомъ свѣтскихъ своихъ сотоварищей. И вотъ Дубневичъ и Савицкій, желая имѣть у себя «для информаціи» что-либо вѣское въ глазахъ своихъ противниковъ по возбужденному дѣлу, обратились 28 ноября къ митр. Рафаилу Заборовскому, прося его извѣстить ихъ, для этой цѣли, въ чемъ *именно* состоитъ его «старателство», о которомъ онъ увѣдомлялъ Дубневича 12 ноября [1])

Что отвѣчалъ Заборовскій, не знаемъ.

Д. Вишневскій.

Къ біографіи Ивана Мазепы [2]). Въ недавно вышедшемъ II-мъ томѣ дневниковъ епископа Порфирія (Успенскаго), Спб. 1895, подъ 14 мая 1844 года читаемъ: «Богъ удостоилъ меня сегодня отслужить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня вмѣстѣ съ архіепископомъ газскимъ. Жертвенникомъ служилъ Гробъ, а престоломъ тотъ камень который отваленъ былъ ангеломъ отъ двери Гроба. На этомъ камнѣ положена была богатая серебряная доска съ прекраснымъ изображеніемъ Снятія со Креста подъ чернь и съ чеканными ликами четырехъ евангелистовъ по угламъ и другими фигурами и цвѣтами, тоже чеканными. Эта доска пожертвована была Ванькою Мазепою. Вверху оной есть надпись подъ чернь славянскими буквами: «Иждивеніемъ ясневельможнаго Іоанна Мазепы Россійскаго гетмана», а внизу на латинскомъ языкѣ: Sumptu illustrissimi Ducis Iohannis Mazepae Rossiae. «Вотъ судьба Мазепы, подумалъ я; въ Россіи его проклинаютъ, а здѣсь молятся о упокоеніи души его и прощеніи и оставленіи грѣховъ его. Не знаю, что дѣйствительнѣе предъ Богомъ: наше ли торжественное, всенародное проклятіе, или здѣшнія молитвы. Вѣрно, ни то, ни другое. Богъ воздалъ и воздаетъ ему по дѣламъ его, а не по нашему хотѣнію».

(Книга Бытія моего, часть II, стран. 85—86). **В. И.**

---

[1]) Письма, послужившія источникомъ настоящей замѣтки, нами будутъ переданы въ библіотеку церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи. Ихъ числомъ пять.

[2]) Въ „Кіевск. Стар." 1893 № 11 была помѣщена подробная замѣтка кн. А. Дабижи объ этомъ дарѣ Мазепы Гробу Господню, при чемъ былъ приложенъ и

Интересный народный обычай во время жатвы. Жизнь нашего простого народа, его вѣрованія имѣютъ много еще неизслѣдованнаго. Особенно много еще неизслѣдованныхъ, неизученныхъ этнографами народныхъ обычаевъ.

Нашъ народъ слѣпо и безразсудно исполняетъ всѣ обряды и обычаи,—но почему такъ, а не иначе нужно дѣлать—это для него никогда неразрѣшимая загадка.

На вашъ вопросъ, почему, напр. о пожарѣ нельзя говорить, что горитъ, а нужно говорить—«мокне», или почему журавлей нельзя называть журавлями, а нужно называть «веселыками»,—вы всегда, вездѣ и отъ всякаго изъ простого народа услышите одинъ короткій отвѣтъ—«такъ не годыться», но почему именно «не годыться»—такъ отъ народа никогда не добьетесь, не узнаете.

Въ такомъ точно положеніи очутился я предъ однимъ народнымъ обычаемъ, или, правильнѣе сказать, предразсудкомъ.

У крестьянъ есть обычай: во время жатвы на полѣ серпъ изъ рукъ въ руки одинъ другому ни зачто не дастъ, а непремѣнно положитъ серпъ на землю, и тотъ, кому нуженъ этотъ серпъ,—долженъ поднять его съ земли.

Сколько я ни спрашивалъ объ этомъ бабъ въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ (волын. губ.),—другого отвѣта кромѣ неопредѣленнаго слова «такъ негодытся»—добиться не могъ.

Этотъ предразсудокъ, какъ и многіе другіе, свято и слѣпо соблюдается нашимъ народомъ, и никто изъ народа ни за что не нарушитъ его.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ нужно истолковать этотъ обычай, я рѣшаюсь путемъ печати поставить вопросъ, обращенный преимущественно къ этнографамъ, не объяснитъ ли кто либо изъ нихъ значеніе этого интереснаго обычая.

Ив. Бѣньковскій.

Эпизодъ при выборахъ въ законодательную коммиссію 1767 г. Извѣстно, что манифестъ о выборѣ депутатовъ въ коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія вызвалъ въ Мало-

---

фототипическій снимокъ съ него. Въ дополненіе къ этому печатаемъ теперь справку изъ дневниковъ знаменитаго епископа Порфирія Успенскаго, причемъ замѣтимъ, что надписи еп. Порфиріемъ были неточно прочитаны.—*Ред.*

россіи довольно сильное броженіе. Отвлеченныя идеи французской просвѣтительной литературы, на основаніи которыхъ должно было вырабатываться новое законодательство, имѣвшее цѣлью «блаженство каждаго и всѣхъ», менѣе интересовало мѣстное населеніе, чѣмъ сохраненіе старинныхъ «правъ и вольностей» Малороссіи, во многомъ уже нарушенныхъ и подлежавшихъ полной отмѣнѣ со введеніемъ новаго, общаго для всей имперіи уложенія. Особенно боялась этой отмѣны козацкая старшина, эгоистическія стремленія которой давно уже представляли удобный поводъ къ ограниченію не только злоупотребленій, но и всего стараго строя Малороссіи; другія сословія также опасались за свои права— «вольному козачеству» грозило обращеніе въ безсловесную массу земледѣльцевъ, «посполитству» — прикрѣпленіе къ землѣ [1]). Недовольство обнаружилось при самыхъ выборахъ депутатовъ, и Румянцеву, управлявшему тогда Малороссіей, стоило большого труда руководить выборами согласно съ видами императрицы, что видно изъ его донесеній. Имп. Екатерина довольно легко относилась къ проявленіямъ недовольства, что можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго письма ея къ Румянцеву: «Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я препятствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 г. Однакожъ я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они несходственны съ общимъ добромъ; и только единственно надлежитъ требовать, чтобъ исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные подданные, изъ тѣхъ, коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключить не можемъ. Итакъ, тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, вполнѣ приличенъ былъ» [2]).

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ случаевъ примѣненія Румянцевымъ «тона начальничества» представляютъ выборы депутата отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства. Вотъ какъ описывалъ эти выборы самъ Румянцевъ въ своемъ донесеніи Им—цѣ. На выборахъ, происходившихъ въ Нѣжинѣ, предводителемъ былъ избранъ отставной полковникъ Тарнавіотъ, а депутатомъ земскій судья Лаврентій Селецкій. Послѣ этого избиратели, «не давъ ему полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разъѣхались, отложа все сіе на цѣлый мѣсяцъ, а потомъ, на срокъ собою положенный съѣхавшись, присту-

[1]) См. И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи („Кіевс. Стар". 1890, августъ.

[2]) Соловьевъ Ист. Россіи, т. XXIII, стр. 321 (изд. 1895).

пили къ сочиненію наказовъ и коснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отягощеній, разсуждать о сдѣланныхъ обѣщаніяхъ Е. И. В. предковъ въ сохраненіи ихъ всегда при ихъ правахъ и вольностяхъ непремѣнно и вносить особливо дарованныя грамоты и указы Петра В. во время бѣдственнѣшія для сей земли, и между тѣмъ, что будто безъ гетмана крайняя нужда и опасеніе всей Малороссіи состоитъ, и причитая быть все только одною тягостію, что государственными тамъ узаконеніями сдѣлано, а расположеніе войска наиглавнѣйшею, и чтобы выборъ гетмана, будто на прежнемъ основаніи, обще съ Запорожскою Сѣчью имъ сдѣлать должно было. «Когда нѣкоторые избиратели, въ томъ числѣ и Селецкій, стали возражать противъ предъявленныхъ требованій, а Селецкій предлагалъ слѣдовать черниговскому наказу (составленному Безбородкомъ въ самомъ умѣренномъ духѣ), большинство избирателей, пользуясь «простотою» предводителя Тарновіота, выбрали на мѣсто Селецкаго депутатомъ подкоморья Григорія Долинскаго. Румянцевъ требовалъ отъ предводителя отвѣта въ нарушеніи обряда выборовъ и увѣщевалъ отправить въ коммиссію Селецкаго, но увѣщаніе «не произвело никакого дѣйствія». Затѣмъ дѣло было передано въ Сенатъ, который постановилъ: 1) выбору Селецкаго остаться въ силѣ, а выборъ Долинскаго уничтожить; 2) предв. Тарновіота въ виду того, что онъ поступалъ незаконно «единственно по своей простотѣ» отъ штрафа освободить, но отрѣшить отъ должности предводителя, 3) зачинщиковъ непорядка отослать воинскихъ на военный, а гражданскихъ и неслужащихъ—на гражданскій судъ [1]).

Какіе суды и какъ судили обвиняемыхъ—намъ неизвѣстно, но въ одной изъ рукописей библіотеки К.-Соф. Соб. (Сборн. № 593) намъ встрѣтилась копія прошенія о помилованіи, поданнаго на Высочайшее имя въ 1769 Долинскимъ и его товарищами, изъ которой можно видѣть ихъ дальнѣйшую участь. Вотъ этотъ документъ.

Державнѣйшая Императрица Всемилостивѣйшая Государыня!

Претерпѣвшіе отъ Бога и отъ Монарха своего не только тяжкое наказаніе осмимесечнымъ заключеніемъ въ оковахъ и понынѣ состоящіе еще подъ гнѣвомъ В. И. В. лишеніемъ нашихъ чиновъ, дерзаемъ всеподданнѣйшіе и недостойные рабы подвергнуть себя ко священнымъ стопамъ В. В., проса помилованія.

Всемилостивѣйшая Государыня! Богъ сердцевѣдецъ; Онъ Самъ да будетъ на своемъ страшномъ судѣ свидѣтель душъ нашихъ, что

[1]) Дополн. Румянцева журналъ? у Соловьева XXVII, 322—323.

осуждены мы за такое преступленіе, которое не отъ злоумышленного нашего намѣренія началомъ своимъ произошло, и не отъ твердой нашей надежды на милосердіе безпрекладное, которымъ В. И. В. дать всѣмъ вѣрноподданнымъ новые законы, сродные матернему чадолюбію намѣреніе воспріяли (sic).

Когда обрядамъ публикованнымъ и мы вѣрноподданнѣйшіе по совѣту Нѣжинскаго и Батуринскаго малороссійскаго шляхетства состоящее изъ 54 человѣкъ дозволеніе получили выбрать себѣ депутата, то несчастіе насъ постигло, что выбраннаго недѣйствительнымъ еще почли депутатомъ, когда онъ нашего наказа принять отъ насъ не хотѣлъ, а сочинилъ свой безъ согласія нашего.

Сіе было причиною, что онъ депутатомъ болѣе быть отказывался, а мы на его мѣсто яко единожды выбраннаго дерзнули новаго выбрать, и въ томъ, по неразумѣнію нашему, правыми себя быть почитали, въ разумѣ такого нашего мнѣнія. Никогда мы не противлялися прямому толкованію обряда. Ежели бы могли мы отъ кого на то время лучшій совѣтъ получить, но къ несчастію нашему, ни предводитель нашъ, ни мы во отдаленіи нашемъ того не разумѣли.

Всемилостивѣйшая Государыня! Все что по сему отъ насъ происходило, хотя преступленіе наше можетъ быть умножало, но вѣрность и рабское повиновеніе ко священной Особѣ вашей такъ, какъ къ Монархинѣ Богомъ избранной, а любовь и усердіе такъ, какъ къ Матери всего отечества, въ сердцахъ нашихъ глубочайше вкоренены были, мы почитаемъ во священнѣйшемъ лицѣ вашемъ божественныя дарованія, между которыми блистаетъ наипаче въ правосудіи милосердіе ваше.

Не вниди въ судъ съ рабами своими, а паче не приносящими никакого оправданія. Помилуй и прости насъ разрѣшеніемъ отъ гнѣва вашего и возврати по милосердію своему тѣ намъ чины и должности, которыхъ мы прежними нашими вѣрнѣйшими заслугами къ престолу В. И. В. достигли. Обрадуй, милосердая мать, домы наши и потомство великодушіемъ вашимъ; отри слезы и отъими воздыханія наша, сокращающія вѣкъ нашъ; дай, благоутробная мать всего отечества, намъ и дѣтямъ нашимъ соучаствовать радость, которою отъ милосердія В. В. всѣ вѣрноподданные рабы съ веселіемъ наслаждаются, сего прося и моля, съ подобострастіемъ повергаемъ себя ко освященнѣйшимъ стопамъ В. И. В. всеподданнѣйшіе и недостойные рабы бывшій подкоморій повѣту Батуринского Григорій Долинскій, бывшій полковой нѣжинскій писарь Яковъ Почека; бывшій сот-

никъ Басанскій Михайло Яновичъ; бывшій войсковой товарышъ Петръ Жураковскій. Октября « » дня 1769 году.

Копія передаетъ и положенную на прошеній резолюцію. «На подлинномъ надписано такъ: «*Богъ проститъ*».

В. Щербина.

Письмо архимандрита Кіево—Печерской Лавры Тимоѳея Щербацкаго къ митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому.

(Съ подлинника, хранящагося въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторіи). Ясне въ Богу преосвященнѣйшій Владико, Высокомилостивый мой по Дусѣ Святѣ Господине, отче и собственнѣйшій патроне.

При нижайшомъ поклонѣ моемъ объявляю Вашему преосвященству, что благоноспѣшествующими архипастирскими Вашего преосвященства молитвами сего априля 6 прибылъ я въ Москву (кроме дорожной нужди) благополучно. Девятого же числа чрезъ милость добрыхъ благодѣтелей представленъ Высокомонаршему Ея Императорскаго Величества лицу, и по принесеніи моего всеподданнѣйшаго Ея Императорскому Величеству поздравленія удостоенъ я тогожъ дни при Высочайшей Ея Императорскаго Величества персонѣ кушать. При томъ случае слишалъ я всемилостивѣйшее Ея Величества непремѣнное намѣреніе посѣтитъ святіе Кіевскіе мѣста: точію би всемогуществомъ Божіимъ паки воспослѣдовала мирная з сосѣдственныхъ государствъ тишина, которо и чаятелно естъ. День коронаціи Ея Императорскаго Величества объявленъ сего априля 25 числа, но еще не твердо, точію уповательно, что конечнѣе далѣй отъ 27 числа не продолжится. За симъ нижайшимъ моимъ объявленіемъ наступающими высокими и всеторжественными празденства Ваше преосвященство всеблагопріятнѣйше поздравляю и праздновать оніе въ добросостоятелномъ здравіи и всеблагополучнѣйшемъ поведеніи всеусерднѣйше желаю и остаюсь.

Ясне въ Богу преосвященства Вашего вѣрножелателнѣйшій Богомолецъ, послушнѣйшій сынъ и нижайшій слуга Кіево-печерскія Лавры Архімандритъ Тимоѳей.

Априля 15 д. 1742 году. Москва.

Къ этому письму приложены двѣ записки («цедулы» — по тогдашнему) слѣдующаго содержанія:

I.

«Ея Императорскому Величеству отъ Вашего преосвященства всенижайшій рабскій поклонъ отдалъ я прежде кушания, на что

изволила испросить о здравіи вашемъ: я отвѣтствовалъ обстоятелно о болѣзни вашей архіерейской часто бываемой, и всегдашней ножной и сіе сказалъ: всѣмъ усердіемъ желалъ преосвященный Рафаилъ собо—персонално всеподданнѣйшое свое Вашему Величеству отдать поклоненіе точію крайная болѣзнь къ тому желаемому намѣренію воспрепятствовала: сіе Вашему Архипастирству по вѣрной моей синовской склонности доношу всенижайше.

II.

Всемилостивѣйшая Государыня по высокоматерному своему милосердію всѣхъ впадшыхъ въ вины всемилостивѣйше простить для наступающего высокого торжества соизволила, о чемъ изъ Правительствующаго Сената во всѣ Коллегіи и Канцеляріи, а изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Духовные консисторіи указы посланы. Вышеозначенному высокомонаршому милосердію ревнуя, Ваше преосвященство, протоіерея Павла Свѣта вину простить и отъ платежа на немъ положеннаго для наступающей радости милостивно свободить повелѣте, всепокорнѣйше и всеприлѣжнѣйше прошу и несумѣнно въ вышеписанномъ благонадежденъ остаюсь.

Всенижайшій слуга Архімандритъ Тимоѳей.

По вопросу о происхожденіи названія „Полтава“. Въ Майской книжкѣ «*Кіевской Старины*» текущаго 1896 г. въ отдѣлѣ *Библіографіи*—помѣщены замѣчанія г. Н. В. по поводу мнѣній г. Л. В. Падалки о происхожденіи названія города *Полтавы*. Намъ кажется, что въ этомъ возникшемъ спорѣ весьма кстати будетъ припомнить мнѣнія по этому предмету такого филолога и историка, какъ приснопамятный *Осипъ Максимовичъ Бодянскій*,—мнѣніе, остающееся, повидимому, неизвѣстнымъ ни г. Л. В. Падалкѣ, ни г. Н. В.

Въ московскомъ журналѣ «*Телескопъ*» за 1834 г. № 21-й помѣщенъ разборъ книги: «Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С. Харьковъ, въ универс. типографіи. 1834. (8). 34. Разборъ подписанъ: *І. Мастакъ*—псевдонимомъ, несомнѣнно принадлежащимъ О. М. Бодянскому. Здѣсь—по поводу пословицы *пропавъ якъ Шведъ пидъ Полтавою*, І. Мастакъ дѣлаетъ слѣдующее любопытнѣйшее *подстрочное примѣчаніе*:

«Замѣчателенъ случай, подавшій поводъ къ названію Полтавы. Въ 1608 году, по словамъ одной Малороссійской Лѣтописи (издан.

Рубаномъ), козакъ Миргородскаго полка, *Масло*, вышелъ съ шестью семьями изъ *Олтавы* (Олтвы, Голтвы), бывшей тогда Малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней *Полтавы*, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежняго своего жительства *По-Олтавою*, (о—оо) *Полтавою*, (оо—у) *Пултавою*, *По-Олтвою*, т. е. *другою, новою Олтавою*. Самая же *Олтава*, безъ сомнѣнія, названа по рѣкѣ *Олтавѣ*, при которой и рѣкѣ Ислѣ она находится, и въ которую впадаютъ еще двѣ маленькія рѣчки, одна *Олтава-Олшана*, а другая *Суха Олтава* (см. карту Украйны Боплана). Но откуда сіи рѣчки получили свое названіе? Для рѣшенія сего нужно сообразить такое же имя одной изъ рѣкъ, при коей стоитъ Переяславль (Переясловъ) Малороссійскій, или какъ говоритъ Никоновская Лѣтопись, *Переславль Русскій, иже въ Кіевѣ*, именно рѣки *Альты* по Нестору *Олты, Олуты* (по Малоросс. *Ильты*, уменьш. *Ильтыци*: а—о—и); припомнить объ одной провинціи Руссовъ Черноморскихъ и столичномъ ихъ городѣ, называемыхъ, по словамъ Арабскихъ Писателей: *Ибн-ел-Варди* (около 1232 г.) и *Кассини* (въ первой полов. XIV ст.), *Атлава* (Отлава, Олтава, а—о—т переставлено), *Тлава* (Отлава, Лтава, Олтава); далѣе въ Валахіи есть рѣка *Алута*, и еще, не помню гдѣ, другая какая-то *Алута*. Многія Украинскія рѣки имѣютъ названія совершенно непонятныя для самихъ Украинцевъ, напр., *Ворьсколь*, нынѣ *Ворскла*, *Супой*, *Псёлъ;* послѣднимъ подобныя встрѣчаете и на Кавказѣ: *Субой*, *Псса*, *Псё;* также въ степяхъ Кавказскихъ и за-Уральскихъ находится и озеро *Ильмень*»... («*Телескопъ* 1834 г. часть XXI, стр. 345—346»).

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) Съ могилы Т. Г. Шевченка видъ группы пилигриммовъ—22 р.; 2) изъ Баку—отъ А. И. Побѣдоносцева, А. Н. Шрамченка по 5 руб., К. К. Пелеховича—3 р. и Н. А. Афонскаго—2 р.; 3) отъ Н. А. Б—скаго 1 р.,—всего—38 р., что вмѣстѣ съ прежними 529 р. 82 к. (см. № 6-й) составитъ—567 р. 82 к., которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое подъ ред. Николая Тихонравова и Владиміра Шенрока. Т. VI и VII. Москва и С.-Петербургъ 1896. Изданіе А. Ф. Маркса. Стр. VIII+827 и V+1087.

Въ 1889—90 г. покойнымъ акад. Н. С. Тихонравовымъ выпущено было въ свѣтъ пять первыхъ томовъ образцоваго изданія сочиненій Гоголя (М., изд. книжнаго магазина В. Думнова), обратившаго на себя всеобщее вниманіе. Глубокій знатокъ своего дѣла, изощренный въ особенности въ критическомъ изданіи памятниковъ древнерусской литературы, Тихонравовъ и на Гоголя взглянулъ, при изданіи его сочиненій, съ точки зрѣнія строго-научныхъ критическихъ пріемовъ, вездѣ стараясь представить окончательно выработанный Гоголевскій текстъ и пользуясь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ рукописями Гоголя и печатными изданіями для варьянтовъ; текстъ этого изданія, очищенный отъ постороннихъ искаженій и снабженный варьянтами, большею частью впервые опубликованными, далъ Тихонравову, при его глубокихъ и разносторонникъ познаніяхъ въ русской литературѣ, обильный и важный матеріалъ для изученія жизни и дѣятельности Гоголя, чѣмъ онъ въ полной мѣрѣ воспользовался при составленіи своихъ редакторскихъ «примѣчаній», составляющихъ обширныя и любопытнѣйшія изслѣдованія почти о каждомъ отдѣльномъ произведеніи Гоголя. По своимъ выдающимся достоинствамъ, какъ относительно метода редактора, такъ и его выполненія, это изданіе сочиненій Гоголя составляетъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ исторіи изученія послѣдняго, но оно не было доведено до конца, и когда въ ноябрѣ 1893 года Н. С. Тихонравовъ скончался, то любители русской литературы имѣли полное основаніе глубоко сожалѣть объ этой крупной потерѣ особенно по отношенію къ изданію сочиненій Гоголя.

Хотя въ пяти вышедшихъ томахъ напечатаны уже были всѣ главнѣйшія произведенія Гоголя, и на послѣдующіе томы матеріала оставалось сравнительно не много, но этотъ матеріалъ былъ исключительно почти въ рукописяхъ, да и взяться за продолженіе и окончаніе такой образцовой работы было дѣломъ въ высшей степени отвѣтственнымъ и труднымъ: приходилось другому редактору поставить себѣ задачей докончить начатое изданіе такъ же образцово, какъ оно было начато Тихонравовымъ, владѣвшимъ для этого, по общему признанію, исключительными свѣдѣніями и талантомъ. Собственникомъ начатаго изданія сочиненій Гоголя, перешедшимъ отъ фирмы В. Думнова къ фирмѣ А. Ф. Маркса, приглашенъ былъ для его продолженія и окончанія г. Шенрокъ. Выборъ этотъ можно назвать вполнѣ удачнымъ, такъ какъ имя г. Шенрока, въ отношеніи изученія Гоголя, занимаетъ у насъ, особенно послѣ смерти Тихонравова, едвали не самое видное мѣсто: г. Шенрокъ, съ замѣчательной настойчивостью и умѣньемъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимается изученіемъ жизни и дѣятельности Гоголя, и ему принадлежитъ, кромѣ значительнаго количества вновь опубликованнаго матеріала, большой систематическій трудъ «Матеріалы для біографіи Гоголя», котораго вышло уже три тома (М. 1892—1895).

Въ вышедшихъ теперь двухъ томахъ сочиненій Гоголя, редактированныхъ и снабженныхъ примѣчаніями г. Шенрокомъ, новый редакторъ, при выполненіи своей задачи, въ характерѣ работы старался слѣдовать своему предшественнику: «мы поставили своей задачей—говоритъ онъ въ предисловіи къ VI тому — сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнять дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено покойнымъ (Тихонравовымъ)». И въ самомъ дѣлѣ, внимательный читатель, ознакомившись съ обоими вышедшими томами, долженъ прійти къ тому заключенію, что по тщательности, основательности, добросовѣстности работы, по обнаруженному въ ней знанію дѣла и по любопытнымъ результатамъ, эти томы, заканчивающіе изданіе, могутъ достойнымъ образомъ стать рядомъ съ первыми пятью томами, вышедшими изъ-подъ редакторскаго пера Н. С. Тихонравова.

Что касается содержанія, то въ VI томѣ почти сплошь мы находимъ матеріалъ, впервые опубликованный въ печати и рѣшительно впервые появляющійся въ составѣ «сочиненій» Гоголя. Это—стихотвореніе «Непогода» (школьнаго періода); прозаическіе отрывки «Хромой чортъ», «О поэзіи Козлова», «Петербургская сцена въ 1835—

36 году», «Александръ», «1846 годъ», «О сословіяхъ въ государствѣ», «Объявленіе объ изданіи русскаго словаря», «Помѣщики», «Трудъ», «Альбомная замѣтка», «Строки, написанныя за нѣсколько дней до смерти» (молитвенно-религіознаго содержанія); болѣе крупныя вещи «Первоначальная редакція Коляски», «Переводъ комедіи Мольера Сганарель», «Наброски изъ древней исторіи», «Учебная книга словесности», «Карманныя записныя книжки» и нѣк. другія. Въ VII томѣ напечатаны, также большею частію впервые: первая и вторая полная редакція перваго тома «Мертвыхъ Душъ»; отрывки изъ первоначальной редакціи «Мертвыхъ Душъ»; страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»; размышленія автора о нѣкоторыхъ герояхъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»; вновь найденныя страницы изъ второй части «Мертвыхъ Душъ» и новые наброски изъ первой части этой же поэмы. Конечно, совершенно новаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннаго въ художественномъ отношеніи въ вышедшихъ двухъ томахъ немного, но этотъ матеріалъ имѣетъ большое значеніе въ біографическомъ и историко-литературномъ отношеніи, такъ какъ представляетъ новыя и важныя данныя какъ для исторіи развитія самого Гоголя, такъ и для исторіи возникновенія и выполненія его творческихъ замысловъ. Смотря, очевидно, съ этой точки зрѣнія на свою задачу, г. Шенрокъ не жалѣлъ труда при отысканіи и подготовкѣ къ печати даже самыхъ незначительныхъ письменныхъ остатковъ отъ Гоголя; онъ относился къ Гоголю какъ къ настоящему классику, малѣйшая черта котораго должна быть сохранена для потомства и можетъ такъ или иначе пригодиться для всесторонней будущей его оцѣнки. Поэтому, напечатаны, напр., не только случайные наброски и отрывки произведеній, къ которымъ Гоголь никогда потомъ не возвращался, или безпорядочныя замѣтки записной книжки, но даже газетное объявленіе Гоголя, шутливое условіе дружескаго пари или фрагменты комедіи «Женитьба», не вполнѣ сохранившіеся на изорванныхъ листахъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ редакторъ, видя историческую цѣну въ каждомъ словѣ, написанномъ рукою Гоголя, не упускаетъ случая комментировать самымъ обстоятельнымъ образомъ все, помѣщаемое въ текстѣ: такъ, по поводу напечатанныхъ изъ записной книжки Гоголя разныхъ интересовавшихъ его отдѣльныхъ словъ и выраженій, г. Шенрокъ съ величайшей внимательностью производитъ сравненіе этихъ словъ и выраженій со словаремъ Даля; по поводу сдѣланныхъ Гоголемъ записокъ изъ научныхъ сочиненій во время его историческихъ занятій, г. Шенрокомъ

приводятся отрывки изъ Геродота въ подлинникѣ. Наконецъ, къ VII тому приложено весьма обширное «описаніе рукописей» Гоголя (стр. 827—947) съ извлеченіемъ изъ нихъ всего неизданнаго въ предыдущихъ томахъ. Разумѣется, такіе пріемы понятны также при взглядѣ на Гоголя, какъ на совершенно признаннаго классика, и только историческій интересъ спеціалиста оправдаетъ эти, иногда не имѣющія границъ, увлеченія редактора; для широкой читающей публики эти два тома существовать не будутъ, какъ не будетъ существовать и многое въ пяти первыхъ томахъ, редактированныхъ Тихонравовымъ.

Сверхъ всего этого, VII томъ снабженъ полнымъ хронологическимъ указателемъ ко всѣмъ томамъ «Сочиненій Н. В. Гоголя» и подробнѣйшими алфавитными указателями собственныхъ именъ и предметовъ. При VI томѣ имѣются художественныя приложенія—портретъ Гоголя и три снимка съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя къ послѣдней сценѣ «Ревизора»; къ VII тому также должны быть приложенія—портретъ А. С. Пушкина, набросанный Гоголемъ и домики Гоголя,—но въ нашемъ экземплярѣ этихъ рисунковъ неимѣется.

Не претендуя на сколько-нибудь обстоятельную оцѣнку такого капитальнаго явленія въ нашей историко-литературной наукѣ, какъ 10-е изданіе «Сочиненій Н. В. Гоголя», исполненное трудами Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, мы имѣли лишь въ виду, въ нашей краткой замѣткѣ, привѣтствовать окончаніе большаго и важнаго литературнаго предпріятія, по качествамъ своего исполненія вполнѣ достойнаго великаго имени того писателя, трудамъ и генію котораго оно посвящено.

Е. Пѣтуховъ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. VIII-й. Харьковъ 1896 г. стр. 1—18+1—67+1—323+67—112 (Прилож.).

Настоящій томъ «Сборника» особой нумераціей для каждаго дѣлится на четыре отдѣла: некрологическій, оффиціальный, отдѣлъ изслѣдованій, сообщеній и матеріаловъ и приложеніе.

Въ некрологическомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, посвященныя памяти почившихъ членовъ Общества И. М. Собѣстіанскаго и И. Ф. Одарченка, нагробныя рѣчи, говоренныя при погребеніи Собѣстіанскаго и обзоръ его ученой дѣятельности.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ главное мѣсто занимаетъ «Отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго Общества въ $18^{94}/_{95}$ академическомъ году», составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ. Изъ него мы узнаемъ, что въ отчетномъ году Общество имѣло десять засѣданій, но въ нихъ сообщеній съ характеромъ изслѣдованія было сдѣлано три: А. С. Лебедевымъ: «О просвѣтительной дѣятельности бѣлгородскаго архіепископа Ѳеоктиста Мочульскаго», и М. М. Плохинскимъ: 1, «О почетныхъ членахъ Харьковскаго университета за первое десятилѣтіе его существованія (до 1815 г.)» и 2, «О Нѣжинскомъ греческомъ братствѣ» и «Торговлѣ нѣжинскихъ грековъ въ прошломъ вѣкѣ» (два послѣднія сообщенія мы предполагаемъ однимъ цѣлымъ); остальныя сообщенія въ засѣданіяхъ касались большею частью печальныхъ событій, постигавшихъ общество и государство.

Педагогическій отдѣлъ Общества имѣлъ семь засѣданій; изъ читавшихся въ нихъ докладовъ по вопросамъ правильной постановки преподаванія исторіи, географіи, логики и проч. выдѣляется изслѣдованіе М. И. Демкова: «Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго».

Какъ и въ прежнихъ томахъ «Сборника», отчетъ страдаетъ недостаточно строго проведенной систематизаціей предметовъ занятій Общества въ засѣданіяхъ, что при сплошномъ однообразномъ шрифтѣ сильно затрудняетъ чтеніе.

«Отчетъ объ историческомъ (!) архивѣ Общества» походитъ больше на библіотечный отчетъ. Къ чему этотъ хаотическій перечень пожертвованныхъ книгъ? Не лучше ли было бы сообщить, вмѣсто него, подробности о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Архива—старыхъ дѣлахъ, какихъ-либо рукописяхъ, а перечень книгъ соединить съ такимъ же перечнемъ книгъ, пожертвованныхъ Обществу Академіей Наукъ, только все-таки расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, игнорируемомъ редакціей «Сборника», но очень удобномъ для справокъ.

Въ «Приложеніи» къ «Отчету» мы находимъ: 1, правила о преміи имени А. А. Потебни; 2, темы, интересовавшія покойнаго ученаго и служащія руководствомъ для выбора темъ на премію его имени; 3, разборъ студенческихъ работъ, представленныхъ на эту премію; 4, записку Г. В. Левицкаго объ организаціи курганныхъ раскопокъ въ харьковской и смежныхъ губерніяхъ; 5, отчетъ и программы «научныхъ» чтеній для женщинъ, и 6, протоколъ юбилейнаго засѣданія 13 ноября 1895 г., посвященнаго чествованію памяти Г. С. Сковороды, и рѣчи по этому поводу А. С. Лебедева, Ѳ. А. Зеленогорскаго и Д. И. Багалѣя. Наиболѣе важнымъ изъ этихъ приложеній

мы считаемъ отчетъ и программы «научныхъ» чтеній для женщинъ. Важность эта тѣмъ больше, чѣмъ меньше женщина имѣетъ возможности пополнить скудный запасъ своихъ знаній. Починъ Харьковскаго Общества въ такомъ благомъ дѣлѣ, какъ чтенія, заслуживаетъ полнаго сочувствія и подражанія со стороны ученыхъ обществъ другихъ городовъ. Чтенія открыты по иниціативѣ и ходатайству Харьков. Общества взаимнаго вспоможенія учительницамъ по примѣру такихъ же чтеній, ведущихся въ Тифлискомъ, Нижегородскомъ и Московскомъ Обществахъ. При открытіи чтеній въ Харьковскомъ Обществѣ сразу записалось 247 слушательницъ; семью членами Общества было прочтено 48 лекцій, а всѣхъ посѣщеній слушательницами было сдѣлано 5181 (должно было бы быть болѣе 10,000, т. е. ровно вдвое); разсматривая таблицу посѣщеній по лекціямъ (за напечатаніе ея нельзя не поблагодарить редакцію «Сборника»), мы замѣчаемъ, что вообще къ послѣднимъ лекціямъ интересъ слабѣетъ, при чемъ къ однимъ лекціямъ интересъ очень мало слабѣетъ (г. Багалѣя), къ другимъ слабѣетъ больше (г. г. Сумцова, Овсянико-Куликовскаго, Собѣстіанскаго и Соловьева) и къ третьимъ рѣзко слабѣетъ (г.г. Лапина и Шепелевича). Гдѣ же лежатъ причины этого грустнаго явленія? Мы думаемъ, что онѣ лежатъ не въ преподавателяхъ (хотя, несомнѣнно, кое-что слѣдуетъ отнести и на ихъ счетъ) и не въ слушательницахъ, а въ самой постановкѣ чтеній, въ способѣ сообщенія высшихъ знаній людямъ болѣе или менѣе уже подготовленнымъ къ ихъ воспріятію; такое явленіе наблюдается и въ университетахъ. Обѣ стороны, безъ всякаго сомнѣнія, горячо желали достичь поставленной себѣ цѣли: одни научить, другіе научиться; но число слушательницъ на лекціяхъ стало замѣтно падать; слѣдовательно, слушательницы испытывали неудовлетворенность (да, пожалуй, еще во всемъ винятъ своихъ безкорыстныхъ учителей). Но вопросъ о желательной постановкѣ чтеній—вопросъ сложный и серьезный, и обсуждать его въ краткой рецензіи неудобно.

Переходимъ, поэтому, къ отдѣлу сообщеній, изслѣдованій и матеріаловъ.

Въ статьѣ г. *Алякритскаго*, посвященной *«памяти Н. С. Тихонравова»* представленъ обзоръ трудовъ профессора за время его студенчества и преподавательской дѣятельности до выступленія на университетскую кафедру; труды эти обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ человѣка недюжинныхъ способностей.

Между рукописями Императорскаго Общества любителей древней письменности есть коллекція бумагъ, заключающая въ себѣ нѣкоторые «*матеріалы для исторіи Харьковскаго университета*»; г. Лященко извлекаетъ изъ этой коллекціи циркуляръ попечителя Харьковскаго учебнаго округа З. Я. Корнѣева Харьковскому университету отъ 25 января 1819 г. и письмо В. Н. Каразина къ министру В. Н. Кочубею по поводу этого циркуляра; эти два документа имѣютъ не только частное значеніе для исторіи университета, но и общее, представляя господствовавшій въ началѣ текущаго столѣтія характеръ университетскаго преподаванія и ту крайность, къ которой оно приходило вслѣдствіе того, что цѣлью преподаванія ставилась не сама наука и ея незыблемыя истины, а выработка людей желательнаго направленія.

На нѣсколькихъ замѣчаніяхъ г. *Ѳ. Корша* «*Къ греческой фонетикѣ Брунмана*» мы не будемъ останавливаться, какъ на статьѣ, не имѣющей общаго интереса и важной лишь для немногихъ спеціалистовъ; замѣтимъ только, что она лишній разъ показываетъ слабость современной филологіи, какъ науки, не вышедшей до сихъ поръ изъ области гаданій.

«*Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, градскіе и подкоморскіе въ XVIII в.*» —выдающійся научный трудъ г. *Д. Миллера*. Потребность въ разъясненіи существовавшихъ смутныхъ и сбивчивыхъ понятій о судахъ полковыхъ и сотенныхъ, отношеніи ихъ къ земскимъ, градскимъ и подкоморскимъ судамъ, о формѣ и компетенціи послѣднихъ въ связи съ исторіей ихъ давно уже чувствовалась всѣми занимавшимися изслѣдованіемъ южно-русскихъ актовъ лѣвобережной Украины. Названное сочиненіе и пытается удовлетворить этой потребности. Оно основано авторомъ на неизданномъ матеріалѣ, главнымъ образомъ, на дѣлахъ существовавшей въ прошломъ столѣтіи Малороссійской Коллегіи, хранящихся теперь въ центральномъ Архивѣ Харьковскаго университета. Въ началѣ своего изслѣдованія авторъ говоритъ о малорусскомъ судоустройствѣ до 1648 г., которое ничѣмъ не отличалось отъ таковаго же польскаго; войны Хмельницкаго вызвали къ жизни полковые и сотенные суды; но первые годы польскіе суды, говоритъ авторъ, продолжали еще существовать; указаніе на это онъ видитъ въ томъ, что королевская грамота, данная Хмельницкому въ 1652 г., внесена въ актовыя книги Кіевскаго градскаго суда; но, прибавимъ мы, суда королевскаго, потому что Кіевъ продолжалъ оставаться польскимъ

городомъ, и Кіевскіе гродскіе и земскіе суды не переставали существовать до окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и только послѣ уступки Кіева Московскому государю переходили то въ Овручъ, то въ Житомиръ; козацкіе же суды на правомъ берегу Днѣпра (а тѣмъ болѣе это должно было быть на лѣвомъ) мы встрѣчаемъ рядомъ съ королевскими въ эпоху войнъ Хмельницкаго; полковые, напр., суды въ это время сливаются съ магистратскими, какъ показываютъ акты, касающіеся козацкаго землевладѣнія [1]). Доказательствъ того, чтобы въ этотъ же періодъ времени на правомъ берегу существовали сотенные суды, мы не имѣемъ, да едва ли, въ виду небольшихъ территорій полковъ и подчиненія населенія въ весьма значительной степени польскимъ панамъ и старостамъ, они и были тогда; между тѣмъ на лѣвомъ берегу обширныя пространства полковъ, при полномъ отсутствіи польскаго вліянія, должны были привести къ необходимости учрежденія сотенныхъ полковъ, изъ которыхъ потомъ выдѣлились полковые, какъ высшая инстанція; высшимъ апелляціоннымъ учрежденіемъ былъ войсковый генеральный судъ и въ періоды междугетманства малороссійская коллегія, исторію развитія которыхъ авторъ и излагаетъ, говоря о нихъ. Въ половинѣ XVII в., съ отдѣленіемъ малороссійскаго дворянства отъ массы остальнаго населенія, явилась мысль о коренной реформѣ судовъ и соглашеніи ихъ съ малороссійскими правами, т. е. говоря проще, о возстановленіи польскихъ судовъ, память о которыхъ въ лѣвобережной Украинѣ была жива. Авторъ подробно излагаетъ хлопоты объ этомъ дворянства, созывъ гетманомъ малороссійскихъ чиновъ на съѣздъ въ г. Глуховъ, выработка на съѣздѣ проекта судебной реформы и сдѣланныя въ немъ гетманомъ измѣненія. Измѣненный гетманомъ проектъ универсаломъ отъ 19 ноября 1763 года былъ предложенъ полковымъ и сотеннымъ судомъ къ свѣдѣнію и руководству; исполненіе универсала, вслѣдствіе противодѣйствія со стороны старыхъ судовъ шло очень медленно. Высочайшею властью проектъ было утвержденъ лишь указомъ отъ 10 ноября 1764 года, одновременно съ уничтоженіемъ гетманства. Далѣе авторъ приводитъ любопытныя подробности открытія земскихъ судовъ, ихъ устройство, квартиры и матеріальную обстановку; указываетъ на случаи проявленія вражды старыхъ судовъ къ новымъ, которая вмѣстѣ съ другими непредвидѣнными препятствіями тормозила дѣятельность послѣднихъ; изображаетъ выборы должностныхъ лицъ,

[1]) Чтенія въ Истор Общ. Нест. Лѣтоп. кн. VIII, отд. 3-й, стр. 19—22.

ихъ утвержденіе, и, наконецъ, опредѣляетъ компетенцію земскихъ и гродскихъ судовъ; опредѣленіе компетенціи ихъ до сихъ поръ составляло камень преткновенія многихъ изслѣдователей, и мнѣніе автора очень интересное и важное, заслуживаетъ полнаго вниманія и провѣрки [1]). Малороссійскіе суды, говоритъ онъ, не знали раздѣленія дѣлъ на уголовныя и гражданскія; въ XVIII в. ихъ дѣлили обыкновенно на колодничьи и челобитчиковы. Но и это дѣленіе не можетъ служить основаніемъ для разграниченія компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, ибо тотъ же гродскій судъ, который вѣдалъ дѣла колодничьи, разбиралъ и постановлялъ свои рѣшенія и по дѣламъ челобитчиковымъ. Гораздо вѣрнѣе опредѣляется кругъ вѣдомства каждаго суда, если мы примемъ дѣленіе «справъ» *по степени наказуемости.* Литовскій статутъ, служившій главнымъ основаніемъ малороссійскихъ правъ, различаетъ «речи кравые, за што горломъ каратъ» и «речи меншіе, некрвавые, где о горло нейдетъ»; и вотъ, если мы выдѣлимъ въ особую группу «речи кравые», то и получимъ какъ разъ тотъ кругъ дѣлъ, который подлежалъ исключительно вѣдѣнію гродскихъ судовъ»; его-же вѣдѣнію подлежали кое-какія полицейскія правонарушенія; былъ еще родъ дѣлъ, одинаково подсудныхъ и гродскому и земскому суду: уходъ слугъ, угрозы здоровью и жизни, захватъ имѣній и т. п. Всѣ остальныя дѣла были подсудны земскимъ судамъ, исключая дѣлъ объ имѣніяхъ выморочныхъ и государственныхъ, разбиравшихся въ особыхъ коммиссіяхъ. Высказавъ мнѣніе о компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, которое справедливо можетъ быть оцѣнено лишь послѣ его повѣрки по актовымъ книгамъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію законовъ, которыми руководствовались гродскіе, земскіе и подкоморскіе суды: Литовскаго Статута, Порядка, Правъ цесарскихъ, магдебургскихъ, Саксона и общерусскихъ узаконеній XVIII в. и въ заключеніе характеризуетъ отношеніе къ шляхетскимъ судамъ малороссійскаго дворянства; отношеніе его къ нимъ было вполнѣ благопріятно; новоучрежденные суды пользовались общей симпатіей, однако они сильно страдали медленностью и волокитой вслѣдствіе недоконченности судоустройства, халатности судящихъ, несовершенства законодательства, «нехожденія» самихъ челобитчиковъ и злоупотребленія судейскаго персонала; тѣмъ не менѣе разница между велико-

[1]) D-r Ałojzy Winiarz въ недавной статьѣ своей („Ziemia sanocka w latach 1463—1552"), помѣщенной въ „Kwartaln. Histor." (№ 2 за 1896 г.) указываетъ также на трудность опредѣленія компетенціи земскихъ и гродскихъ судовъ (стр. 305 и 306).

русскими и малорусскими судами была весьма значительна: «одного права выбора урядниковъ вольными голосами, а тѣмъ болѣе свободы отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній было вполнѣ достаточно, чтобы заставить шляхетство держаться за свой «національный» судъ обѣими руками. Послѣ же указа Петра III о вольностяхъ дворянъ и высочайшей грамоты о дворянствѣ, когда преимущества малороссійскаго суда стали достояніемъ и суда великороссійскаго, стоять за свой судъ малороссійскому дворянству не было уже смысла. Земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды просуществовали до 1782 г., когда въ лѣвобережной Украинѣ было введено екатерининское учрежденіе намѣстничествъ. При Павлѣ статутовые суды были вновь возстановлены, но лишь на короткое время.

Въ «Приложеніяхъ» къ изслѣдованію г. Д. Миллера помѣщены: ордеръ гетмана Разумовскаго объ избраніи подкоморыхъ, ордеръ полковникамъ о съѣздѣ въ Глуховъ и универсалъ объ учрежденіи земскихъ и гродскихъ судовъ. Мы не сомнѣваемся, что почтенный трудъ г. Миллера послужитъ основаніемъ для появленія нѣсколькихъ новыхъ работъ.

Въ дополненіе къ изданному раньше А. М. Лазаревскимъ и Н. П. Василенкомъ генеральному слѣдствію о маетностяхъ полковъ Кіевскаго, Черниговскаго и Гадяцкаго г. *В. Мякотинъ* печатаетъ въ настоящей книгѣ «*Слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка*» по рукописи (№ 1159) Румянцев. музея; этому матеріалу онъ предпосылаетъ небольшое предисловіе, въ которомъ старается показать важность «слѣдствія» для изслѣдователей, извлекая изъ него нѣкоторыя данныя по землевладѣнію малороссійскихъ чиновъ.

Г. *М. Плохинскій*, печатая во многихъ отношеніяхъ интересное путешествіе въ 1697 г. іеромонаха Тарасія Поклонскаго въ г. Баръ въ Италію на поклоненіе мощамъ святителя Николая Чудотворца (перепечатано въ нашемъ журналѣ за прошлый мѣсяцъ), приводитъ въ предисловіи и цифры богомольцевъ, направляющихся въ Кіевъ на поклоненіе печерскимъ угодникамъ.

Г. Н. Сумцовъ, сообщая сказанія о затонувшихъ городахъ, селахъ или монастыряхъ, передаваемыя во многихъ мѣстахъ Малороссіи и въ разныхъ другихъ странахъ, въ пріуроченіи къ озерамъ, болотамъ и рѣкамъ, приходитъ къ заключенію, что въ основаніи ихъ лежатъ воспоминанія объ исключительно рѣдкихъ явленіяхъ природы; при передачѣ ихъ собственныя имена перепутывались, обобщались, исчезали, и получалось общее излюбленное сказаніе съ разными мѣстными

пріуроченіями и легендарной окраской; легендарная окраска проистекала отъ введенія морали—неси наказанія за грѣхи; нѣкоторыя сказанія носятъ на себѣ слѣды вліянія библейскаго сказанія о разрушеніи Садома и Гоморры.

Кромѣ того, г. Сумцовъ, указывая на важность изученія апокрифовъ и легендъ, дѣлаетъ подборъ не многихъ старинныхъ малорусскихъ легендъ, связанныхъ большей частью съ малорусскими историческими лицами и событіями, именно, о странствованіи церкви изъ одного мѣста въ другое, о сверхъестественномъ огражденіи русскихъ во время татарскаго нашествія, о порчѣ иконъ татарами, о построеніи церквей на мѣстахъ побѣдъ и т. п.

Г. М. Линда сообщаетъ историческія преданія о селѣ Рублевкѣ (богодухов. у. харьков. губ.), рисующія колонизацію далекой окраины того времени и условія жизни колонистовъ въ борьбѣ съ кочевниками. Настоящій томъ «Сборника» заключается продолженіемъ описи старыхъ дѣлъ центральнаго Архива при Харьков. у—тѣ, но разборъ этой описи мы откладываемъ до окончанія ея печатанія.

И. Каманинъ.

Fontes historiae Ukraino-Russicae (Ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae editi. Vol. I.

Жерела до історіи Украины-Руси. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Люстрациі королівщин в земляхъ Галицькій, Перемиській 3 р. 1565—66. У Львові 1895.

Основанное въ 1892 г. въ Львовѣ ученое общество имени Шевченка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяетъ свою дѣятельность. «Записки» общества, выходившія сначала по одной книжкѣ въ годъ, въ 1895 г. вышли уже въ 4 книгахъ, а съ 1896 г. предполагается издавать по 6 кн. въ годъ. Одновременно съ «Записками» обществомъ велись слѣдующія изданія: 1) юридическій трехмѣсячникъ «Часопись правнича», который съ настоящаго года преобразовывается въ ежегодникъ «Розвідки правничі історично-філозофічної секціи Н. Т. ім. Шевченка»; 2) «Історична Бібліотека» (переводы важнѣйшихъ сочиненій по южно-русской исторіи—Костомарова, Антоновича и др.); 3) журналъ «Зоря». Съ настоящаго года общество пред-

принимаетъ новый рядъ изданій: 4) «Жерела до історіи Украины-Руси», 5) Памятки українско-руськои мови и літературы» (для веденія этихъ изданій избрана особая археографическая коммиссія); 6) «Етнографічний збірник». Изданія общества представляютъ большой интересъ для всякаго занимающагося южно-русскою исторіею, такъ какъ въ нихъ помѣщается много важныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся не къ одной только Галиціи, но и ко всей территоріи, населенной малорусскимъ племенемъ.

Книга, заглавіе которой выписано выше, представляетъ первый томъ изданій археографической коммиссіи общества. Въ немъ помѣщена часть древнѣйшей люстраціи «русскихъ земель» (т. е. Галиціи), окончанію которой будутъ посвящены и два слѣдующихъ тома изданія, и вступительная статья редактора проф. Грушевскаго «Економічний стан селян на Подністровѣ галицькім въ половині XVI в.»

Значеніе люстрацій королевскихъ имѣній для изученія экономическихъ и соціальныхъ отношеній края настолько уже выяснено, что едва-ли нужно говорить о научной важности помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ матеріаловъ. Значеніе ихъ увеличивается еще тѣмъ, что они относятся къ странѣ, мало затрагиваемой русскими историками и досихъ поръ не находившей изслѣдователей среди мѣстныхъ ученыхъ. Самое изданіе сдѣлано съ подобающею тщательностію: издатель пользовался двумя рукописями—люстраціею, сохранившеюся въ части Коронной Метрики, хранящейся въ Московскомъ архивѣ М. Юстиціи, и инвентарями, сохранившимися въ архивѣ Варшавской казенной палаты; въ предисловіи дано подробное описаніе обѣихъ рукописей и объясненіе того, какъ пользовался ими издатель.

Вступительная статья, составленная преимущественно на основаніи помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ матеріаловъ, представляетъ начало цѣлой серіи подобныхъ работъ относительно внутренняго строя Галиціи въ XVI в., задуманныхъ авторомъ. Въ данномъ случаѣ онъ ограничивается очеркомъ экономическаго положенія крестьянъ галицкаго Поднѣстровья, а именно—староствъ Снятинскаго, Теребовльскаго, Галицкаго, Рогатинскаго, Стрыйскаго, Дорогобычскаго и Самборскаго. Самое изслѣдованіе распадается на слѣдующія рубрики: 1) разряды крестьянъ; 2) формы землевладѣнія; 3) подати и повинности; 4) благосостояніе крестьянъ. Вотъ главныя положенія, къ которымъ приходитъ авторъ по этимъ вопросамъ. Наиболѣе многочисленный разрядъ крестьянъ представляютъ тяглые (въ люстр. по-

тужники, затяжные, работные, данные и т. п.), переходъ къ которымъ составляютъ «свободные» (т. е. живущіе извѣстное число лѣтъ «на свободѣ»); встрѣчаются еще служки, загородники, подсусѣдки—какъ поселяне менѣе состоятельные и, наконецъ убогіе. Основная форма землевладѣнія — дворищная, находящаяся уже въ упадкѣ: дворища почти всѣ «мѣряныя», т. е. обращенныя въ ланы; въ нѣкоторыхъ старостваxъ и ланы уже распадаются на $^1/_2$ и $^1/_4$ ланы. Вообще грунта уменьшаются по направленію съ В. на З. и съ Ю. на С. (такъ въ ст. Снятынскомъ и Теребовльскомъ преобладаютъ цѣлодворищныя хозяйства; въ Дорогобычскомъ полдворищныхъ хозяйствъ 150, $^1/_4$ дворищныхъ 76, но есть $^1/_6$ и $^1/_8$ дворищ. Вопросъ о крестьянскихъ податяхъ и повинностяхъ разработанъ съ особенною полнотою: каждому старостству посвящена особая глава. Мы приведемъ только заключительныя обобщенія. Главныя формы обложенія—денежный чиншъ, хлѣбная дань, десятина отъ скота и пасѣкъ, стація и работы. Величина чиншей и хлѣбной дани втеченіе нѣсколькихъ поколѣній оставалась безъ измѣненій; работа представляла большія колебанія; стація и десятина также. Особенно измѣняется количество работъ: въ инвентарѣ Теребовльскаго, стар., относящемся къ болѣе раннему времени, работа является только въ видѣ т. наз. «помочи», составляющей 8 рабочихъ дней въ годъ; въ люстраціи устанавливается уже 2 дня рабочихъ въ недѣлю (за что нѣсколько уменьшенъ чиншъ), но помочные дни остаются по прежнему; въ другихъ случаяхъ помочь прямо замѣняется еженедѣльною работою; въ тѣхъ случаяхъ когда работа замѣнялась денежнымъ платежемъ, оставались помочи, размѣръ которыхъ впослѣдствіи увеличивался; еще удобнѣе подвергалась увеличенію работа неопредѣленная («роблять що скажуть»), иногда обращавшаяся въ ежедневную (въ нѣкоторыхъ селахъ Галицкаго и Теребовльскаго стар.). Наконецъ работа могла увеличиваться вслѣдствіе раздробленія грунтовъ: особенно ясно это явленіе замѣчается въ повѣтѣ Стрыйскомъ, гдѣ податною единицею считается дворище, а работа отбывается съ $^1/_4$ дворища. Таже причина приводила и къ чрезмѣрному возрастанію денежнаго обложенія; при этомъ старосты могли увеличивать свои доходы, оставляя безъ измѣненія номинальные размѣры податей и повинностей, но облагая ими меньшіе надѣлы; земли, неоставшіяся свободными послѣ помѣра, они или отдавали прежнимъ владѣльцамъ въ видѣ «прирѣзковъ» за увеличенныя повинности, или же принимали на нихъ новыхъ поселенцевъ. Размѣры повинностей и податей въ различныхъ старостваxъ были неоди-

наковы. Не вдаваясь въ изложеніе подробныхъ вычисленій г. Грушевскаго, не сведенныхъ по недостатку матеріала къ какимъ либо опредѣленнымъ выводамъ, ограничимся только числомъ рабочихъ дней въ нѣкоторыхъ старостваxъ: въ Снятинскомъ на дворище приходилось отъ $^1/_4$ до 2 рабочихъ дней, Теребовльскомъ—3, Галицкомъ—4—6, Стрыйскомъ—4, Рогатинскомъ—8,—т. е. и здѣсь положеніе крестьянъ ухудшилось по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З. Кажется, къ подобному выводу можетъ привесть и помѣщенная на стр. 49 предисловія общая таблица податей и работъ въ разл. сторонахъ, Въ заключительной главѣ авторъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній о благосостояніи крестьянъ, насколько его можно видѣть изъ данныхъ люстрацій. Такъ, на основаніи количествъ десятины онъ опредѣляетъ общее количество скота и пасѣкъ на каждое хозяйство. Для Снятынскаго—10 воловъ, $7_{,3}$ свиней, $4^1/_2$ пня; для Галицкаго—12 воловъ, 6 пней; для Теребовльскаго—$8_{,3}$ вола, $5^1/_2$ овецъ, 6 пней. Но въ этихъ ю.-з. сторонахъ крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ въ сѣверо-зап. Тамъ грунты были уже такъ роздроблены, что становились недостаточными для веденія хозяйства; новые поселенцы избѣгали этихъ повѣтовъ; въ Стрыйщинѣ сама администрація находила обложеніе чрезмѣрнымъ; въ ст. Рогатинскомъ положеніе крестьянъ было такъ тяжело, что они разбѣгались, не смотря на то, что правительство казнило смертью за побѣгъ; въ этомъ старостваѣ сама администрація освобождала нѣкоторыхъ крестьянъ отъ налоговъ «для ихъ нужды».

Таково содержаніе интересной статьи г. Грушевскаго. Общій характеръ ея вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ автора на современныя потребности южно-русской исторіи, высказаннымъ въ предисловіи къ изслѣдованію его о Барскомъ старостваѣ. «Южно-русская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ на всемъ своемъ протяженіи трудами предшествующаго поколѣнія историковъ, требуетъ для провѣрки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно детальныхъ изслѣдованій—въ особенности въ видѣ «изученія различныхъ явленій внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи... Это будутъ какъ-бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ». Настоящая работа несомнѣнно представляетъ новую попытку въ томъ же направленіи. Придавая большое значеніе подобнымъ работамъ, не можемъ не замѣтить, что авторъ въ данномъ случаѣ м. б. слишкомъ увлекся своимъ «лабораторнымъ» методомъ и слишкомъ тщательно избѣгалъ

всякихъ обобщеній и болѣе или менѣе общихъ объясненій приводимыхъ фактовъ. Впрочемъ, эта особенность въ значительной степени объясняется неполнотою матеріала, которымъ пользовался авторъ, а также намѣреніемъ его отложить общіе выводы до окончанія цѣлаго ряда детальныхъ изслѣдованій, открываемыхъ настоящею статьею. Изъ частныхъ недосмотровъ не можемъ не указать непонятное для насъ вычисленіе количества скота въ послѣдней главѣ: въ Снятинщинѣ съ 300 тяглыхъ хозяевъ и 36 вольныхъ и загородниковъ берется десятина въ 30 воловъ, и въ результатѣ получается 10 воловъ на хозяйство (вѣроятно это опечатка: вм. 30 д. б. 300). Несовсѣмъ понятна и заключительная фраза этого отдѣла: опредѣливъ, что на хозяйство приходилось 8—10 воловъ, г. Грушевскій прибавляетъ «достатокъ не великій»! Нельзя не пожалѣть также, что г. Грушевскій не сдѣлалъ попытки вычислить, насколько позволяли его матеріалы, количество населенія и его густоту въ старостваxъ.

В. Щербина.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ. СПБ. 1895 г., стр. 1—356; 1—29; 1—167.

Какъ и всѣ прежніе отчеты Императорской Публичной Библіотеки, о которыхъ намъ приходилось говорить уже нѣсколько разъ, данный отчетъ отличается полнотой и обстоятельностью свѣдѣній о матеріалахъ, поступившихъ въ Публичную Библіотеку въ 1892 году. Разсмотрѣвъ этотъ отчетъ, каждый интересующійся спеціальнымъ вопросомъ можетъ смѣло идти въ библіотеку, зная болѣе или менѣе точно, съ какими матеріалами онъ тамъ встрѣтится, а это одно изъ существеннѣйшихъ условій пользованія обширными книгохранилищами. Мы не будемъ перечислять со всей подробностью громаднаго матеріала рукописнаго, поступившаго въ библіотеку въ 1892 году, а отмѣтимъ только то, что можетъ интересовать преимущественно читателя нашего журнала, т. е. матеріалы, касающіеся жизни юга Россіи.

На первомъ планѣ нужно отмѣтить переданныя изъ Мин. Нар. Просв. бумаги и брошюры, хранившіяся до того времени при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ наибольшій интересъ представляютъ выписки изъ цензурныхъ дѣлъ и разныя бумаги по вопросамъ цензуры, находившейся прежде въ вѣдѣніи Мин. Народ. Просв., а не Мин. Внутр. Дѣлъ. Укажемъ, напримѣръ, переписку по поводу

издававшагося въ 1846—49 гг. альманаха «Gwiazda», который главнымъ образомъ принадлежитъ Кіеву (объ этой перепискѣ, равно какъ и о самомъ альманахѣ см. нашу замѣтку въ «Кіев. Стар.» 1896 г. № 2); а также любопытную подлинную памятную записку генералъ-фельдмаршала князя И. Ѳ. Паскевича о сочиненіи профессора Мацѣевскаго «Pamiętniki o dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie Słowian». (см. этотъ документъ также въ нашей замѣткѣ въ «Кіев. Стар.» 1896 г. № 2). Кромѣ этого, отмѣтимъ еще одинъ документъ: два черновыхъ проекта всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія о разсказѣ М. Елагина «Откупное дѣло», помѣщенномъ въ № 9 «Современника» за 1858 годъ, въ каковомъ разсказѣ новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ усматривалъ пасквиль противъ нѣкоторыхъ лицъ общественнаго круга г. Екатеринослава (Отчетъ, стр. 148). Самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ изъ рукописныхъ матеріаловъ, безспорно, нужно признать купленныя Библіотекою бумаги извѣстнаго профессора Московскаго университета и академика Степана Шевырева, который, благодаря своимъ многолѣтнимъ ученымъ и литературнымъ трудамъ, велъ обширную переписку съ разными лицами. Всѣхъ писемъ къ нему сохранилось 3437; изъ нихъ очень немногія пока опубликованы, главнымъ образомъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 и 1885 гг., да письма Н. В. Гоголя къ С. П. Шевыреву напечатаны въ сочиненіяхъ Гоголя, подъ редакціей П. Кулиша. Всѣ эти письма принадлежатъ 565 лицамъ, алфавитный перечень которыхъ и напечатанъ въ «Отчетѣ» (стр. 182—192), съ указаніемъ, сколько писемъ какому лицу принадлежитъ. Нечего и говорить о томъ, что среди этихъ лицъ мы находимъ много именъ такихъ, которыя по дѣятельности своей всецѣло или отчасти принадлежатъ нашему югу Россіи; перечислять мы не станемъ, а упомянемъ лишь о томъ, что изъ этого собранія мы списали 11 писемъ М. А. Максимовича, которыя и напечатаемъ въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Цѣнный даръ получила Библіотека отъ С. Н. Батюшковой, а именно: альбомъ автографовъ, принадлежавшій ея покойному мужу Помпею Николаевичу Батюшкову и содержащій 250 писемъ разныхъ лицъ, тутъ-же въ «Отчетѣ» и перечисленныхъ, а также отдѣльное собраніе писемъ къ самому П. Н. Батюшкову (Отчетъ, стр. 209—221). Тутъ встрѣчаемъ тоже цѣлый рядъ именъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ культурной жизни нашего края, какъ-то: Я. Ѳ. Головацкій, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, М. О. Кояловичъ, прот. П. Г. Лебединцевъ, И. И. Малышевскій, Н. И. Петровъ, М. В. Юзефовичъ.

Кромѣ того, ею же пожертвованы разныя дѣловыя бумаги покойнаго мужа—то по части учебнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то касающіяся греко-уніатскаго дѣла и католической пропаганды въ этомъ краѣ, то относящіяся къ церковно-строительному дѣлу здѣсь-же, то, наконецъ, касающіяся изданія «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ».

Изъ старопечатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ Библіотекою въ отчетномъ году, отмѣтимъ только одну, имѣющую для насъ спеціальный интересъ: Малороссійская пѣсня «На бережку у ставка», съ полнымъ хоромъ и со всею вокальною и инструментальною музыкою. Москва. 1794, въ листъ (Отчетъ, стр. 258); объ этой книгѣ нѣсколько словъ мы скажемъ въ слѣдующей книжкѣ въ видѣ особой замѣтки.

Какъ и раньше, къ «Отчету» даны очень цѣнныя приложенія, а именно—разныя письма, представляющія большой интересъ для занимающихся вопросами литературными и общественными. Дѣлать выписки изъ этихъ писемъ значило-бы перепечатывать ихъ цѣликомъ, а потому мы ограничимся указаніемъ только на нихъ и помѣстимъ одну выдержку изъ письма Н. Ф. Павлова къ С. П. Шевыреву о постановкѣ «Ревизора» Гоголя на московской сценѣ въ 1839 г. въ присутствіи его самого. «Гоголь здѣсь и онъ немножко гримасничаетъ. Аксаковъ и я постарались, чтобы его вызвали въ Ревизорѣ. Загоскинъ [1]) нарочно далъ піесу. Гоголь сидѣлъ въ бенуарѣ у Чертковой [2]). Послѣ второго дѣйствія стали вызывать, хотя въ театрѣ было немного, но публика приняла единодушное участіе въ вызовѣ, а Гоголь посидѣлъ, посидѣлъ, да и уѣхалъ, не показавшись. Загоскинъ лѣзъ на стѣну. Еслибъ публика не вызывала Гоголя, мы бы назвали ее публикой вандаловъ да готтентотовъ; теперь она узнала о его пріѣздѣ, и тутъ виновата. На другой день, разумѣется по внушенію Погодина, а можетъ быть и нѣтъ, Гоголь написалъ извинительное письмо, въ которомъ говоритъ, что онъ былъ разстроенъ, что у него есть семейныя отношенія, какое-то горе, которое помѣшало ему выйти. Этого письма въ ходъ не пустили и умно сдѣлали». (Приложенія къ «Отчету», стр, 119).

Тутъ-же, въ Приложеніяхъ, въ одномъ изъ писемъ А. Ѳ. Воейкова къ П. И. Гаевскому находимъ любопытную приписку, относя-

---

[1]) Мих. Ник. Загоскинъ, бывшій въ то время директоромъ Императорск. Московск. театровъ.

[2]) Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева.

щуюся къ личности А. А. Перовскаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Антонія Погорѣльскаго (о немъ см. стат. «Кіевск. Стар.» 1888 г. № 4). Вотъ эта приписка: «Позвольте узнать, можно-ли будетъ, напримѣръ, Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, заявя о семъ своему цензору, подписываться Антоніемъ Погорѣльскимъ? Разрѣшите меня, ради самого Бога». Что можетъ означать этотъ вопросъ въ связи съ біографіей А. Перовскаго?

В. Науменко.

левца на Ревутинци и Андрѣевку, а зъ Кролевца до Тулиг., де и обѣдалъ, а по обѣдѣ вечоромъ пріехалъ въ Глуховъ, где матки незасталъ, отехавшой сегодня въ Богдановку до образа.

Вовтор. 10. День и ночъ были сходніе зъ вчорайшими зъ жаромъ. Сегодня рано былъ я у генерала и посля у генералской церквѣ. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ былъ на Бѣлополовцѣ, откуду поехалъ я до Паска, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ. Получилъ листъ отъ Янѣшевского и реестри коней ежджалихъ 21 въ футорѣ Гамал., да сеголѣтнихъ всѣхъ лошачковъ 20, да лошичокъ 16, всего 36.

Середа. 11. День былъ свѣтелъ и тепелъ, толко велми вѣтрянъ, а передъ вечоромъ дожчъ зъ силнимъ громомъ, а на ночъ знову собрался дожчъ, который въ ночъ ишолъ. Толко жъ воздухъ теплій и тихій. Рано въ Сварковѣ осмотрѣлъ и приказалъ: 1) людей висилать войту и Забарѣ пахать Шовкунувщину и Горловщину; 2) Омельку здѣлать другое пуздро; 3) окна переправитч теслямъ; 4) Ковернику смотрѣть теселъ и млина и требовать, що потреба до оного; 5) да ему жъ требовать свитъ двохъ машталѣру Павлу и Омелкови. Пріехалъ у футоръ и приказалъ дворнику: 1) сискать клунниковъ, чтобъ клунѣ доробыли; 2) чтобъ Крисковци скирту вимолотили жита; 3) чтобъ зъ того жъ жита четверть 1 взять тамъ на росходъ. Поехалъ до пасѣки Вистровской и пріехалъ передъ полднемъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ и, не доежджая Уздицѣ, дожчъ силний змочилъ. А якъ пересталъ, то я, пріехавши въ пасѣку Уздицкую, мало позабавилъ, и оттоль поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ за 3 часа позно.

Четвер. 12. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодній, осѣнний, а къ вечору пересталъ, ночъ свѣтла, ясна и холодна. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я на Бѣлополовку, где зъ и. Михайломъ и Валкевичемъ видѣлся. До Василя Филипъ писалъ писмо въ Криски и денегъ 6 р. 50 к. послалъ, а писалъ: 1) чтобъ былъ приставъ, когда подводи сюда отправляются; 2) чтобъ колодки привозили должніе и еще, буде хто похочетъ, жита; 3) Василя Шапченка, утекшаго, вибить 10 кіевъ; 4) драть сюда

присилать и крокви зъ Розлетъ и 15 пѣшихъ на сѣнокосъ; 5) мѣрочника Стелка зъ Казимовки сискать и хто искуснѣйшій, тому строить; 6) зъ денегъ, якихъ всѣхъ у его есть 17 р., по сей день платить тертичникамъ и грабарей нанимать; 7) впредъ тертичникамъ платить зъ шинковихъ криск., а урѣзать тертиць шеліованихъ 500, двоедалнихъ 200, а остатокъ на брусся до будинку и складать; 8) старостѣ,якъ пріедетъ смотрѣть греблѣ, а Демяну въ Роменъ.

Пятокъ. 13. День былъ почасти подобній вчорайшому, дожчоватъ отъ перебѣгаючихъ хмаръ и холодноватъ, у вечору випогодилось. Ночъ тиха, свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо въ дому ради праздника, а по обѣдѣ жена поехала въ Сварковъ, а родитель до матки въ Кролевець, а я на Бѣлополовку, где играли у карти зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ у панфиля, зъ проиграшомъ 50 к.

Субота. 14. День былъ свѣтлій, вѣтрянъ и съ ранку холодноватъ, ночъ тиха, свѣтла. Отъ грека Іотія, после порахунку, принялъ я черезъ Тараса 10 р., а еще на немъ 51 р. Да принялъ же я отъ Тараса шинковнихъ свар. 5 р. 44 к. въ доплатку за куеу. Обѣдалисмо дома зъ женою, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку, где игралъ у карти зъ виграшомъ 20 к.

Неделя. 15. День былъ свѣтлій, теплій, чили рачей жаркій, тихій. Ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами п. Миклашевская и Кондзеровская и Гапка, а по обѣдѣ пріехали п. Михайло, Валкевичъ и Холодовичъ, зъ которимъ игралъ въ карти зъ виграшомъ 1 р. и 70 к. Жена передомъ зъ дѣтми отехала у Тулиг., а я заночовалъ самъ въ Глуховѣ. Алексѣй Полуденскій, Максимъ Забара и Леско Дѣдикъ виправлени въ Лещѣ у Астрахань по Гилю и Архипа, и дано имъ на дорогу 15 р., и приказъ и писма, чего всего копія тутъ оставленна.

Понедел. 16. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій, а къ вечору вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано ездилъ я на Бѣлополовку за пріездомъ зъ Кролевца въ Глуховъ родителскимъ и, простившись, повернулся и обѣдали совокупно. А по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ, оттоль въ футоръ Калюжновскій, зъ футора до

Тул. черезъ Некрасовъ, поузъ Щебри и пріехалъ о полночѣ въ Тул. Далъ я приказъ Тарасови, другій войту свар. и Забарѣ, третій коберникови, да словесно приказалъ дворникови футорнику пашню у клунѣ складать и клуню оправить.

Вовтор. 17. День былъ свѣтлій, тихій, зъ малимъ вѣтромъ, жаркій, ночъ сперва свѣтла, почасти хмарна, а после знову свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо зъ женою у Тулиг. а по обѣдѣ поехали вечоромъ и, пріехавши смеркомъ у Мутинъ, стали у дворцѣ и ночевали. Далъ Роману, стар. тулиг., на росходи 5 р. и записалъ. Роіовъ 9 стало у Тулиг. пасѣцѣ.

Середа. 18. День былъ подобній прежнимъ, тихій, свѣтлій и жаркій, ночъ почасти хмарна, толко жъ тиха и тепла. Рано зъ Мутина поехали и, переехавши поромомъ черезъ озеро Мутинъ, а Сеймъ другимъ поромомъ, пріехали до Грузской, где и обѣдали. Отъ обѣда уехали верстъ зъ 10 до Терну, где полкъ Гадяцкій стоитъ, и переехавши тамъ черезъ греблю, вновъ онимъ полкомъ здѣланную, уехали зъ милю и стали надъ болотомъ, Московкою именуемимъ, на ночлѣгъ. Сеймъ у своемъ стремю сталъ ити и еще почасти вода спадаетъ.

Четвер. 19. День былъ теплій, сперва хмаренъ и дощеватъ, а после свѣтлій, знову дощеватъ, а къ вечору випогодился, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Зъ ночлѣга поехавши, пріехали въ Смѣлое и, для найшовшого дожчу, стали въ дворѣ Греся и обѣдали, а по обѣдѣ оттоль поехали и пріехали позно у Роменъ, где застали въ добромъ здоровю брата Марка зъ женою, братовую п. Семенову и сестру Олесю и другихъ.

Пятокъ. 20. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, у вечеру вѣтрянъ и хмаренъ, ночъ свѣтла, тиха почасти и почасти вѣтряна и холодна барзѣй къ свѣту. Сей день пробавили зде, въ Ромнѣ; были у мене протопопъ Савѣцкій и Лучанскій отецъ Ѳедоръ.

Субота. 21. День былъ зранку холоденъ и почасти хмаренъ и вѣтрянъ, а после теплъ и зъ дощемъ густимъ, переходячимъ. Ночъ свѣтла, вѣтряна и холодновата. Сей день тутъ въ Ромнѣ пробавилисмо. Вѣжевскому для покупокъ ярмарковихъ далъ я 10 р.

Получилъ я писмо зъ Крисіокъ отъ Василя, что договорился онъ зъ мѣрочникомъ строить греблю и млинъ, а ему за то 6 р., сукно и габа.

Неделя. 22. День былъ зранку хмаренъ и холоденъ, после тепелъ и свѣтелъ до вечора, ночъ тиха, свѣтла и мѣрна, къ свѣту хмарна зъ дощикомъ. Сей день тутъ продновалисмо, купили сутой парчи золотой локоть за 6 р., а у юріевого шафара Павла взяли локоть красной парчи за 3 р., да локоть блакитной за 12 зол., да 14 локоть канавацу безъ чвертки по 65 к. штабного желѣза 3 пуда по 19 а., полъ пуда свинцу за 1 р., да полтори тисячи чабаковъ за 12 зол., полуедвабной матеріи у жидовъ локоть 33 по 11 а., оливи по 8 к. фунтъ, мидаловъ по 12 а.

Понедел. 23. День былъ хмаренъ велми зранку и холодноватъ, а после свѣтелъ, вѣтрянъ, однакъ тепловатъ, ночъ свѣтла, ядрана и вѣтряна почасти. Вѣжевскій отправленъ въ Глуховъ, а данъ ему приказъ въ 12 пунктахъ о зняттю пашнѣ и сѣнокосѣ и проч. Обѣдалисмо въ Ромнѣ, а по обѣдѣ поехали и пріехали въ футоръ свой Артополотскій передъ вечоромъ, где и ночовали.

Вовтор. 24. День былъ зранку холодноватъ вѣтромъ холоднимъ велми и хмарками переходячими, свѣтелъ по болшой части, ночъ сперва свѣтла, после хмарна зъ малимъ дощикомъ, а къ свѣту знову ясна. Сей день пробавилисмо тутъ въ футорѣ, рано ездилъ осматривать пашнѣ и сѣно, которого уже на нѣсколько скиртъ укошено. У пасѣцѣ пчоли показалось всеой старой и новой, зде у футорѣ 146, а 2 у Данила, да у другого подданого, которіе они половили. Набѣлу тутъ у футорѣ 2 дѣжки болшихъ, а 2 меншихъ масла, а 2 кодовба сира.

Середа. 25. День былъ сперва свѣтелъ, после почасти хмаренъ и вѣтрянъ велми, однакожъ тепелъ. Ночъ свѣтла, тиха, а после хмарна и тепла. Рано поехалъ зъ футора своего Гамал. до Андрѣевки, где службы Божой вислухавши, пріехалъ на обѣдъ въ Токарѣ. Приказалъ дворникови Гамал., чтобъ толоки еще зоралъ столко жъ; да чтобъ давалъ съ третой копицѣ косить сѣно постороннимъ на нашомъ статку. Получилъ я писмо отъ Шоха и Куз-

мѣнского, что сказку Ерофѣеву въ судѣ пол. чер. перемѣнено черезъ Березнячого. По обѣдѣ поехалъ и пріехалъ на ночъ въ Лохвицю и стали въ гаи, въ дворѣ тіотки п. Павловой.

Четвер. 26. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, потомъ вѣтрянъ велми, толко жъ тепловатъ. Ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ ночлѣга отъ тіотки п. Павловой поехали и пріехали на обѣдъ въ Сухоносовку, где и ночевали.

Пятокъ. 27. День былъ свѣтелъ и жарокъ, зъ малимъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Въ Сухонос. по мой отездъ было всеей пчоли 146 и еще роилась. Получилъ я отъ род. зъ Глух. вѣдомость, что Архипъ съ товарищи повернулся зъ низу и привезлъ... Поехали зъ Сухонос. и, переехавши Удай, въ Оробяхъ, заночовали. До брата Марка писалъ черезъ козака Токар., чтобъ завернуть Алексѣя послалъ зъ дороги.

Субота. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, а около полдня вѣтряний, потомъ тихшій, ночъ свѣтла, тепловата, толко ядрана и тиха. Рано отъ Оробювъ поехали и пріехали въ Лубнѣ на обѣдъ и въ дворѣ Іванихи Корнѣенковой стояли. А по обѣдѣ поехали зъ Лубенъ и пріехали къ Березнякамъ, перебувши зъ трудностю рѣчку Багачку чили болото и стали на ночлѣгъ. Петру Кухару далъ на росходъ столовий 2 р.

Неделя. 29. День былъ зранку тихъ, а заразъ вѣтрянъ, хмаренъ и гараздъ холоденъ зъ маленкимъ дощикомъ, а къ полдню тепелъ и посля свѣтелъ и жарокъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана велми. Зъ ночлѣга поехали и проехали Березняки и пріехали передъ полднемъ у футоръ свой Криворудскій миль зъ 4 было, где и обѣдали и ночевали. Сего лѣта вездѣ тутъ въ поляхъ степнихъ, взявши отъ Сейму, жита худи, овси добри и лутшіе гречки, проса и ячменѣ и пшеница нехуди.

Понедел. 30. День зранку тихъ, свѣтелъ и велми жарокъ, ажъ до вечора, ночъ свѣтла, тиха, ядрана велми, къ свѣту хмарна и почасти вѣтряна. Ездилемъ по заору, отъ Горошинціовъ уступленному, якому таковий слѣдъ: взявши отъ футора Горошка по могилу Майданъ, и отъ Майдану просто до могили Столповахи,

где шляхъ идетъ зъ Говтви говтвянскій, и тимъ шляхомъ (поузъ которий идетъ старий заоръ Жостѣрскій) по дорожку, зъ Лубенъ до футора нашего идучую, чили барзѣй поузъ тотъ старий жостѣрскій заоръ до заору Криворудского, которий идетъ черезъ Кривуху по узъ могилки Близници, близкіе къ футору нашему, а сѣнокосніе луки здавна наши бивали отъ шляху говтвянскаго, где дорожка зъ Лубенъ до нашего футора идетъ, почавши просто черезъ могилки и Кривуху до могилокъ Близниць далшихъ, где футоръ сѣла теперъ бувшая сотничка Лукомская до Довгой могили.

Вовтор. 31. День былъ зранку ядраний, свѣтлій, жаркій велми, ночъ подобная вчорайшимъ, свѣтла, тиха и ядрана. Сей день тутъ позабавили у футорѣ и переночевали. Набѣлу по сейчасъ у футорѣ: дѣжокъ меншихъ масла 9, девятая неповна, а 3 дѣжки великихъ, всѣхъ 12, сира куховъ 5, чили кадовбовъ, а особливо было 3 горшки болшихъ сметани и молока, въ гладушахъ. Ездилъ я передъ обѣдомъ къ футору Глумишиному, оттоль къ бугру, где усмотрѣлъ мѣстце гребелку загатить, вмѣсто тоей, что въ слободцѣ.

Августъ. Середа. 1. День былъ свѣтлій, тихій и очинъ жаркій, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Рано зъ футора Криворудского поехали на службу до Горошина, где вислухавши службы, поехали до перевозу Горошинского, отколь перевезшись, поехали и пріехали на ночъ въ Денисовку, миль 3 добрихъ отъ Сули.

Четвер. 2. День былъ зранку мало хмаренъ, потомъ свѣтелъ и жарокъ, ночъ свѣтла, толко по бокамъ хмарна, почасти вѣтряна, толко жъ тепловата. Зъ Денисовки по службѣ Божой, которую служилъ отецъ Орановскій, поехали и пріехали на обѣдъ въ Перервинцѣ, куда будетъ миль 3. Застали тутъ набѣлу: масла фасокъ 9, сира дѣжокъ 5. Увѣдомился я, что Климъ вибраковалъ зде 40 овецъ и продалъ по 32 к., а срокъ отдачѣ грошей объ Успеніи положенъ.

Пятокъ. 3. День былъ свѣтелъ и жарокъ, ночъ такъже тепла, свѣтла и тиха. Рано ездилемъ за село и за Левкову долину, где футоръ Троцкій, на степъ, где сѣно мое кошено, которого въ скиртахъ сотеннихъ будетъ скиртъ 20. Да тамъ же осмотрувалъ

заору давнего и теперешняго весняного, которий отъ дороги пошолъ горбомъ по надъ Левкою (?), да завернувшись пришолъ до Оржицѣ Сухой, противъ Исаенкового футорця. Ячменю нажали тутъ всего копъ 24, да жита на лану однимъ 35 копъ.

Субота. 4. День былъ свѣтлій, жаркій, толко вѣтряний, а къ вечеру тихъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Приобщались Прест. Тайнамъ; духовнимъ билъ отецъ Потапий Городисскій, зъ Василкова попъ, которий зъ другими попами, зъ Орановскимъ, священнодѣйствовавшимъ, и Петромъ перервинскимъ и обѣдали. По обѣдѣ поехалъ я зъ Перервинець по узъ яръ Мехеевскій и стѣнки Тараненкови до яру Исаенковъ, где заоръ видѣли и пріехали позно велми въ Короваи, где и ночевали. Приказалъ я въ Перервинцяхъ: 1) денги 13 р. зъ чимсь, у Василя Крутня обрѣтаючихся, употребить ему на сѣно поденное и укосить скиртъ 10 или болшъ великихъ. 2) Старостѣ Демяну Тараненку въ харчъ призапаситись. 3) Пашню забрать, въ заорѣ насѣянную, отъ футорянъ сотничихъ. 4) Сѣно забрать Свѣчки Ивана, въ заорѣ покошенное. 5) Болше прежнего жита посѣять. Послалъ я 3 р. до Кращенка, дворника Криворудского, на куплю жита,—засѣвать черезъ слобожанъ Криворудскихъ.

Неделя. 5. День былъ зранку хмаренъ и холодноватъ, а после свѣтелъ и теплъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, тиха и зъ великимъ дощемъ и густимъ. Службы Божой вислухавши въ Короваяхъ, и обѣдали, а по обѣдѣ виехали до Пѣратина и пріехали, а оттоль пріехали позно до Сухоносовки, где застали зятя п. Стефана и Клима и машталѣра, отъ швакгра п. Андрѣя Полуботка присланнаго, зъ листомъ просительнимъ объ отсрочкѣ денегъ, должнихъ, позиченнихъ. Петро Кухаръ посланъ въ Лубнѣ для напитку и хлѣба и риби.

Понедел. 6. День былъ зранку вѣтряний, и холодний, и хмарний зъ дощемъ, а передъ полуднемъ дощъ пересталъ, а после, а особливо къ вечеру, очинъ израдно ведро, таково жъ въ ночѣ, свѣтло, тихо, ядрано. Сей день въ Сухонос. пробавилисмо и отъ зятя п. Стефана получилъ я листи родителя его, такъ же писаря енер. и род.

Вовтор. 7. День былъ свѣтлій, теплій, мало вѣтряний, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, а около полночи дощикъ малий. Сей день продновалисмо у Сухонос. и съ нами зять нашъ Стефанъ. Ездилъ осмотривать левадъ, одной поповской, другой Куцубовской, третей Шереметишиной, где тютюнъ саженъ не въ пору, и садовъ Канатовскаго, Козубувщини и Шереметовщини. Пчоли осмотривали Сухонос. и означили въ зиму пустить 109, а убить 36, а всеей 135 (?).

Середа. 8. День былъ свѣтлій и теплій, а зъ полудня хмаренъ, а посля свѣтелъ, а къ вечору хмаренъ, ночъ была хмарна и вѣтряна, толко жъ тепловата, къ свѣту дощикъ. Рано поехалисмо зъ Сухонос. до Лохвицѣ всѣ обще и обѣдали у тіотки п. Павловой въ гаи. Далъ я приказъ Янѣшевскому о Кривой Рудѣ: 1) Поле орать на жито слобожанамъ къ заору. 2) Толоку одну имѣть имъ къ Горошину. 3) Скопщини зъ... брать. 4) Овець доить не переставать. 5) Жита сѣять до 20 четвер. луб. 6) Лѣсъ поблизу для хворосту сторговать. 7) Гребелку низше загатить. По обѣдѣ отъ п. Павловой поехали, виехавши отъ греблѣ Лохвицкой, розехались зъ зятемъ п. Стефаномъ, онъ поехалъ просто въ Роменъ, а мы въ Токарѣ, где и заночовалисмо.

Четвер. 9. День былъ хмарний зъ переходячими хмарами и дощеватъ, а посля свѣтелъ и жарокъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ Токаровъ пріехалисмо въ Гамалѣевскій футоръ, а я, едучи, заездилъ до нового футора вигонного родителского, которій межи слободкою Галецкого и футоромъ обозного луб. Мартоса устроенъ. Обѣдалисмо въ Гамал. футорѣ, а у вечеру ездили въ Андрѣевку до родителки, где вечерали и ночевали. Сѣна тутъ у Гамал. футорѣ отъ шляху Ромадановскаго скиртъ 7, на Поповщиной 4, а къ Андрѣевцѣ, на томъ боцѣ, скиртъ 12, всего 23, а торочная 1. Жита нажато зде, опрочъ зажонного, копъ 71, а ячменю копъ „ “. Пчоли у футорѣ Гамал. 146, въ томъ числѣ старой 83, молод. 61, да у людей 2, въ томъ же числѣ допулнихъ старихъ 20, а молод. 14, зъ того числа убить старихъ 21, а молодихъ 5, всѣхъ 26, а на зиму оставить 120.

Пятокъ. 10. День былъ свѣтлій, теплій и мало вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано зъ Андрѣевки поехалисмо я футоръ Гамал., а оттоль зъ полдня у Роменъ, куда пріехали смеркомъ и заночевали.

Субота. 11. День былъ зранку холодноватъ, свѣтелъ и послу тепелъ, ночъ тиха, свѣтла и очинь ядрана. Родителка зъ Андрѣевки пріехала на обѣдъ въ Роменъ, зъ которою обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали зъ Ромна и съ нами племѣнница Заборовская, и не доежджая Хмѣлова, близъ луки Савуского старого, заночевали.

Неделя. 12. День былъ свѣтлій, спервa ядранъ, посля тепловатъ и почасти вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано отъ ночлѣга поехавши, были на службѣ у Смѣломъ, а обѣдали у слободцѣ Стаховичевой, а отъ обѣда поехавши, ночевали на Кроснахъ.

Понедел. 13. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій, ночъ хмарна зъ дощемъ и вѣтромъ, а къ свѣту випогодилась почасти. Отъ Кросенъ поехали и обѣдали въ Мутинѣ, а по обѣдѣ зъ Мутина поехали и пріехали въ Тулиг. на ночъ, где и ночевали. Въ Тулиг. ужали жита 150 копъ, опрочъ отшедшихъ женцямъ 30 копъ, а сѣна укосили 300 воз. Въ имбарѣ гор. куеа вел. 1, а въ другой—4 или 5 нос.

Вовтор. 14. День былъ свѣтлій и почасти хмарній, толко жъ теплій, о полднѣ дощъ и хмарно до вечора, ночъ хмарна и почасти свѣтла, къ свѣту вѣтеръ. Зъ Тулиг. рано поехали на обѣдъ въ Глуховъ, где застали родителя при добромъ здоровю, зъ которимъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ былъ я на Бѣлополовки у гетмана и п. Михайла. Тутъ увѣдомился, что по іменному ея величества указу, которий приеланъ до генерала порутчика Загрязского, обозний енер. Яковъ Лизогубъ зъ бунчуковими товарищи и съ полками рушилъ къ Смоленску за границу у Полщу, а велено ему стать у селѣ Мисновичахъ.

Середа. 15. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, толко вѣтряний велми, ночъ хмарна и тиха стала, а къ свѣту вѣтеръ. Рано были мы, род. и я, у генерала Нарѣшкина зъ поздравленіемъ праздника и обѣдали у него, и до вечора позабавились.

Четвер. 16. День былъ свѣтлій, толко велми вѣтрянъ, а къ вечору тихъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, толко къ свѣту ядрано. Рано ездили зъ род. на службу на Бѣлополовку, заходили до двора гетманского, а обѣдали у себе и никуда не ездили. Принялъ я отъ Тараса шинковихъ сварков. 10 р. да отъ Іотія 10 р. да за склепъ отъ грека 13 р.

Пятокъ. 17. День былъ подобній вчорайшому, вѣтряний, свѣтлій и тепловатий. Ночъ тожъ подобна вчорашой, тиха, свѣтла и тепловата. Архипомъ привезенніе денги роздѣлилъ родитель себѣ и мнѣ; мнѣ далъ 1200 р. и платковъ топъ 90, а во всякой топѣ по 4 платка, а себѣ изволилъ взять 800 р. Ярема посланъ и дано ему 27 р. 50 к., зъ которихъ велено дать ему на Кривой Рудѣ приставу 20 р., на сѣно, тамъ же дворнику 2 р. на гуси и утята, тамъ же дворничцѣ за услугу ей прежную 1 р. 50 к., а 4 р. въ Лохвицѣ п. Павловой и 2 платка гостинця, а денги на пшеницю, и данъ ему во всемъ томъ на писмѣ приказъ. Заболѣлъ я на ухо лѣвое.

Субота. 18. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ и почасти тихъ, толко жъ теплій. Ночъ тиха, тепла и почасти свѣтла до половини, изъ половини хмарна, дощъ, громъ и блистанія до свѣта, дощъ пересталъ, толко билъ вѣтеръ и холодъ. Купилъ я у Кузми, Якима и Федора Лядвижченковъ млинъ зъ боромъ и сѣножатки близъ Бистрика ихъ 3 части, а 2-хъ частей не куповалъ, и купчую принялъ и далъ 90 р. Были на службѣ у церквѣ генералской и обѣдали зъ род. въ дому. Далъ я 4 р. Роману, господареви тулиг., на росходи, а 1 р. на сѣно, на Клевени,—косить Вѣжевскому.

Неделя. 19. День былъ вѣтрянъ, хмаренъ и холоденъ, а съ полдня свѣтелъ, ясенъ, а къ вечору и теплъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Никуда я не ходилъ для умножившойся во мнѣ въ ушахъ болезни. Толко п. Михайло въ день пріездилъ ко мнѣ и посидя отехалъ.

Понедел. 20. День былъ свѣтелъ, теплъ и тихъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, толко къ свѣту ядрана. Принималъ я вчера, спать ляговлячись (sic), пѣлуль 16 зъ аптеки своей и имѣлъ стол-

цовъ зъ 9 и вомётъ 1, а опёрацёя била часа 8, 9 и 10-го зъ полночё, и никуда я не ездилъ. Сторжился я зъ Марею Ксенчинхою Лядвижченковою за часть ея въ млинё и бору и сёножатехъ за 44 р. и кадку гор., и 10 р. задатаку ей далъ, а она мнё дала писмо. Кровъ у вечеру зъ головной жили пускалъ доволно.

Вовтор. 21. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, свётліе, тихіе и тепліе. Лутше мнё, слава Богу, стало сего ранку. Обёдалисмо зъ род. совокупно. Спалню здёлали плотники, новий станокъ передний за 1 р. 50 к.

Середа. 22. День былъ почасти свётлій и почасти хмарній, дощеватъ и вётрянъ, ночъ хмарна и зъ великимъ дощемъ. Жена поехала у Сварковъ на обёдъ, а мы зде зъ род. обёдали, пріехалъ у вечеру п. Михайло, зъ которимъ у пёкетъ игралъ. Архипа и другихъ о ихъ дорозё стали допрашивать.

Четвер. 23. День былъ хмарній, вётряній, холодній, осённий, после випогодилось мало, ночъ почасти болшой хмарна, толко тиха. Сегодня обёдали всё совокупно и жена, а по обёдё п. Михайло пріехалъ и въ пёкетъ долго играли. Отъ архиерея Кіевского писмо къ намъ ответное пріишло о Гамал. обители и пункта, рукою архиерейскою закрёпленніе.

Пятокъ. 24. День былъ хмарній сперва и вётряній, а после ясенъ и тихъ и тепловатъ, ночъ тиха, ясна и тепловата, а къ свёту ядрана. Сей день знову умножилась боль въ ушахъ моихъ, чего нёчимъ не лёчилъ, кромё что мёшечки зъ сухимъ зёллемъ прикладалъ до ушей. Доношеніе далъ я въ енер. к—рію о посилкё повторного указа въ полкъ Чернёг. о безволокитномъ вершеніи дёла моего зъ Ероёемъ. Послалъ я до Максима Ровнёцкого на покупку олеи 5 р. черезъ нового старосту.

Субота. 25. День былъ свётлій, а найпаче по полднё, тихій и теплій и ночъ такова жъ. Принялъ я денегъ за 8 куёъ останнихъ отъ Михайла Гавриленка 79 р., а еще долженъ о Покровё отдать 13 р. и 58 к. Да Архипъ отдалъ теперъ денегъ, удержаннихъ у себе, 70 р. Писалъ письма до князя и Ахтирского полковника Лсевицкого, прося на веселле дочери моей, такъ же и о

томъ же до мачухи жениной и Войцеховичевой. Посланъ опять (?) въ Криски Василь Филимоновъ и данъ ему приказъ пунктами о медовой десятинѣ и строеніи млина и присилцѣ сюда 500 дранѣ и денегъ; далъ ему 8 р., итого всѣхъ денегъ у его 25 р.

Неделя. 26 День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ тиха, первей свѣтла, посля хмарна и зъ густимъ дощемъ. Билъ у мене зъ Устюга архимандритъ Пахомій, бывшій городничій Смѣлянскій [1]). Обѣдалисмо обще зъ род. Сватба была у господара за сына бывшого сотника Глуховского Омеляновича, где была жена и проч. Архипъ по окончанію щоту остался виноватъ 203 р. 60 к. за дорогу. Мѣди, Архипомъ привозной, пудовъ 4 безъ двохъ фунтовъ, якую всю въ имбаръ взято.

Понедел. 27. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодній, а зъ полдня вияснился, а посля знову хмаренъ и дощеватъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Андрушка признался, что вивезлъ денегъ 45 р. зъ Глухова въ домъ свой и зверхъ росходу, которій имѣлъ теперъ въ дому, осталось въ дому 32 р. Обѣдалисмо у себе зъ род., я въ болезни своей поможку имѣлъ зъ приложенного пластра, которий составленъ зъ цибулѣ печеной, фѣкъ и саля (?).

Вовтор. 28. День былъ холодноватъ, однакожъ свѣтелъ почасти и вѣтрянъ, ночъ тихшая, но холоднѣйшая, почасти свѣтла и почасти хмарна. Посланъ Климъ въ Кролевець, продавать овець 100 и коней 2. Андрушкову мѣдь удержали тутъ, которой 59 фунт.

Середа. 29. День былъ хмарній, вѣтряний, а посля свѣтелъ, а особливе къ вечору, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сегодня ездилъ я въ Сварковъ, где и ночевалъ. Господаръ посланъ въ обѣ пасѣки пчоли бить.

Четвер. 30. День былъ ясний, свѣтлій и теплій, ночъ холоднѣйша, хмарна зъ дощемъ, особливе къ свѣту и зъ холодомъ. Рано зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ у футоръ, а зъ футора на обѣдъ въ Глуховъ. Копачѣ около Калюжновского футора окопали 300 са-

---

[1]) Т. е. управляющій Смѣлянскимъ имѣніемъ (Роменск. уѣзда) Кіево-Печерской лавры.

женъ по 6 пядей въ ширъ и въ глибъ ровъ, которимъ велѣлъ я Тарасови заплатить 5 р. и 50 к., а 50 к. перше имъ дано, толко бы поровняли ровъ.

Пятокъ. 31. День былъ хмарній зъ великимъ дощемъ, а посля свѣтелъ и тихъ, къ вечору; такова жъ и ночъ, къ свѣту хмарна и вѣтряна. По службѣ Божой ездилъ я у склепъ и зъ бутель повисипалъ вино. Панъ гетманъ по обѣщанію повезенъ до образа Пресвятой Б—цы въ Богдановку. Архипъ отпущенъ отъ оковъ въ домъ свой за свою вину. Прислана грамота, чтобъ зъ землѣ зъ Малой Россіи собрать 2000 лошадей, а генералу Вейзбаху принимать оніе лошадѣ, а платить зъ скарбу войскового отъ 10 р. до 18 р., да чтобъ еще 10000 козаковъ нарадить къ походу и били бъ по всякой готовости.

М-ць Септевр. Субота. 1. День былъ вѣтрянъ почасти, однако жъ теплъ и свѣтелъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Праздновали день тезоименитства генерала нашего Нарѣшкина и всѣ подпіяхомъ, а я позно зъ п. Михайломъ пріехалъ домой. Жена отехала зъ дѣтми и со всѣмъ въ Тулиг., забираючи путь къ Ромну.

Неделя. 2. День былъ сперва хмаренъ и вѣтрянъ, а посля свѣтелъ, тихъ и тепелъ. Ночъ хмарна и дощевата, дощъ ишолъ передъ полноччю, а къ свѣту пересталъ. Рано я прикази оставилъ Вѣжевскому и Тарасу и отехалъ по службѣ у Тулиг., где зъ женою и обѣдалъ. Писалъ я писмо до войта нѣжинского Стерѣевича о денгахъ моихъ на Юріи Горѣ (?) 339 червон., чтобъ онъ отобралъ и удержалъ.

Понедел. 3. День былъ сперва хмарній, а посля свѣтлій и велми теплій, ночъ свѣтла, тиха и между тимъ хмарна, а къ свѣту знову свѣтла. Рано зъ Тулиг. поехалъ я и, обехавши млинокъ зъ боромъ, у Лядвижченковъ купленний, пріехалъ зъ женою у Кролевець на обѣдъ и обѣдалъ зъ родител. Василь Филимоновъ явился и объявилъ, что медовую десятину у Крискахъ вибылъ, а именно у Данила Пилипенка 1, у Гаврила Гребеника 2, у Федора Березнячого 1, а небытихъ: у Ковшика 5, у Бази 5, у Івана Ступа-

ченка 1, у Кривоносенка 1, у Гребенника и въ Панаса 2, итого 14 небитихъ.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, тихій и теплій и ночъ такова жъ, а къ свѣту вѣтеръ. Сегодня торговали, а за поворотомъ родителя зъ Добротова обѣдали. Василь Филимоновъ отправленъ въ Криски и дано ему денегъ еще 5 р.

Середа. 5. День былъ свѣтлій, теплій, а къ вечору хмаренъ и холодноватъ, ночъ такъ же почасти свѣтла и почасти хмарна и холодновата зъ вѣтромъ. По обѣдѣ родитель отехалъ зъ Кролевца въ Глуховъ, а мы остались. Продали наши персидскихъ поясовъ 8 по 3 р. и 30 к, да одинъ болшій за 5 р. и 50 к.

Четвер. 6. День былъ свѣтлій и теплій или болше сказать жаркій, ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Обѣдалисмо въ Кролевцѣ для неспораженныхъ покупокъ, а особливе для пріехавшихъ зъ лѣпскими товарами Димитрія Лѣпскана. Генералъ Нѣрѣшкинъ пріехалъ посля зъ Глухова въ Кролевець. Клима Пѣщанского оставилъ я въ Кролевцѣ и при немъ облѣкъ Димитрія Лѣпскана на 330 червон., да карту на 50 чер., да облѣкъ Анастасія Шакота на 104 р., да облѣгъ Михайла Шати на 110 чер. и 55 р., и приказъ далъ ему по тихъ облѣкахъ денги доправлять на должникахъ, а именно, у Шакоти доправить 104 р., отдать Миколаю Греку давний долгъ 50 р. да Енченку за прежнее и нинѣшное сукно 9 р. 72 к., да за гарла лисѣи заплатить, 2 пари, 3 р. 60 к., да за дуклю венецкую алую заплатить 4 р. да 60 к., да стар. Роману тулиг. 15 р. на росходи дать, да ему Климу взять себѣ 6 р., а зъ Михайла тіе до 50 р. доправить. А вновъ Николаю Греку задолжился я на 69 р. 87 к. Виплатилъ я всѣ денги за четвертую часть млина вдовѣ Ксѣнчисѣ Лядвизской до даннихъ ей въ задатокъ 100 р. еще теперъ отдалъ 34 р., итого за всѣ 4 части млина и пущи и сѣножатей заплатилъ я четиромъ 134 р., опрочъ росходу, якого будетъ на 6 р., итого 140 р.

Пятокъ. 7. День былъ свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Рано поехалисмо зъ Мутина и, перевюзшись черезъ Сеймъ, догнали воловий нашъ обозъ, зъ Глухова зъ Демяномъ

идучій, а пріехавши мы до Кросенъ, тутъ на становиско стали, а отъ становиска поехавши, не доездя Сухого. Ромна въ милю, стали на ночлѣгъ. Черезъ Петровскаго, слугу гетманского, писалъ я до Вѣжевского о принятію соли 9 воз. четвернихъ, Дядею зъ Криму припроваженной въ Глуховъ, и зложенню оной въ Сварковѣ.

Субота. 8. День былъ подобній вчорайшому, тихій, свѣтлій и жаркій и ночъ такова жъ. Зъ Смѣлого писалъ я до свата о нашемъ отездѣ въ Роменъ и до п. писара енер. объ отсилцѣ оного писма къ нему. Тако жъ до Клима о куплѣ ока качве, готоваленки, сукна поставовъ, каруну, тузѣнку и бенкліового. Въ Смѣломъ службы Божой слухали и обѣдали, а по обѣдѣ поехали и пріехали въ Роменъ передъ заходомъ слонца и не застали матки, въ Андрѣевку отехавшой. Сегодня погребена зде баба флоровская, давно при дворѣ служачая.

Неделя. 9. День былъ подобній прежнимъ, толко жъ нежаркій уже, ночь подобна жъ. Отправленъ Уласъ до Кролевца для куплѣ ложокъ и талѣрокъ краснихъ по 100, да ножовъ дюжинъ 3-хъ, на что ему дано 5 р. и приказъ. Отправленъ Петро въ Кривую Руду и Сухонос. за дробиною и за денгами, у Андрушкиномъ домѣ оставленними.

Понедел. 10. День былъ хмаренъ, однако жъ почасти тепловатъ, а къ вечеру дощъ, и въ ночѣ дощъ такъже ишолъ и стало холодно. Родителка пріехала на обѣдъ зъ Андрѣевки и обѣдалисмо вкупѣ. Послалъ я козака въ Кролевець о куплѣ двохъ косяковъ лудану красного.

Вовтор. 11. День былъ хмарній, холодноватій, а въ день потеплѣло, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла, толко жъ холодновата. Паробокъ тулиг. отправленъ рано въ домъ и черезъ его повторно до Клима писалъ о косякахъ лудану червоного. У вечеру паробки зъ волами, пятма парами и 4-ма возами, отправлени въ Глуховъ, которіи сюда привозили коляску и проч.

Середа. 12. День былъ вѣтряний, хмарній и холодній, такова жъ и ночъ осѣнніе. Сей день по прежнему въ Ромнѣ отправилисмо, а рано посѣщалъ насъ... (?) гость Несторовичъ.

Четвер. 13. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ и холоденъ, а съ полдня сталъ дощикъ прориватись до ночи, а черезъ всю ночъ до свѣта вѣтеръ жестокій съ густимъ дощемъ и великимъ холодомъ былъ. Родитель зъ Глухова пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ. Пріехалъ Грицко Дядя зъ Глух., припровадившій зъ Криму соли 10 воз. и въ Сварковѣ зложившій 9 воз., зъ якихъ возовъ одинъ середнѣй зважили и показалось ваги 90 пуд. Стратилъ денегъ на всю соль 20 червонныхъ, которіе менялъ по 14 зол, а вернулъ въ цѣлости 32 р., да утерялъ вола одного, которого оцѣнено за 3 р. При обѣдѣ пріехалъ посланець отъ свата нашего Есимонтовского, обозного пол. стародуб., что сынъ его, а нашъ зять, Степанъ едетъ зъ веселною компанѣею въ домъ родителскій въ Роменъ, а мы многихъ персонъ запрошували на 16 число сего септевр., когда имѣетъ актъ веселний отправлятись дочерѣ моей Аннѣ. Поехалъ я по обѣдѣ въ Андрѣевку, где заночевалъ для наступуючого праздника.

Пятокъ. 14. День былъ холодній, вѣтряний зъ густимъ дощемъ до вечора, а у вечеру пересталъ ити дощъ, ночъ холодная, хмарная и тихая. По службѣ Божой зъ Андрѣевки поехалъ я въ футоръ свой Гамалѣевскій, где вибралъ за Гаппусею коней 21, въ томъ числѣ цугъ воронихъ и верховихъ. У футорѣ вилучили барановъ 40, яловиць старихъ 2, а молод. 1, воловъ 2 на зарѣзъ для веселля. Жита съ поля у футорѣ зняли копъ 70, пшеницѣ ярой 30, отзѣмной 20, да еще овса 50, ячменю 35, гречки 60, проса 60, конопель 4, сѣна было при мнѣ скиртъ 36, да еще скиртъ на 4 въ покосахъ; а посѣяно жита на лану 8 четвериковъ луб., а на гречк... 10, да еще 2, итого 20, гороху знято четвериковъ 9.

Субота. 15. День былъ хмарній вѣтряний, холодний, ночъ такова жъ, а къ свѣту дощъ. У вечеру пріехалъ зять мой Стефанъ Есимонтовскій въ Роменъ въ домъ родителскій зъ веселною компанѣею, а съ нимъ въ старостахъ швагеръ его Іванъ Максимовичъ, да Максимъ Турковскій, въ дружкахъ Косачъ, да Лѣвинскій, жена Максимовичева, да жена Семена Карпѣки, сестра его Стефанова, зъ бояръ: Іванъ Турковскій, Роговскій, Якимовичъ и братъ двоеродний зятевъ.

Неделя. 16. День былъ хмарній зъ дощемъ переходячимъ, вѣтряний и холодній, ночъ была хмарна, холодна и мокра. Сватба совершилась сегодня дочерѣ моей Аннѣ зъ зятемъ моимъ Стефаномъ Есимонтовскимъ, вѣнчалъ ихъ въ церквѣ намѣсникъ Роменскій Іоаннъ.

Понедел. 17. День былъ мокрий, вѣтряний и холодній зъ дощемъ и ночъ такова жъ. Сей день пробавилисмо зъ музикою, стрелбою и подпіяхомъ. Дарилисмо дѣтей новобрачнихъ денегъ 300 р. да сребра зъ полпуда, въ томъ числѣ родитель подарилъ отъ себе коновку, чарокъ 10, кубковъ 2, пучаръ и ложокъ 6 сребраной посуди. Жена швакгра моего Андрея Полуботка умре.

Вовтор. 18. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, безъ дощу однакъ, такова жъ и ночъ, а къ свѣту вияснился воздухъ зъ морозомъ и перемѣною отъ дощу. Сей день продновали компанѣею и подпіяхомъ до ночи.

Середа. 19. День былъ зранку ясенъ и холоденъ, воздуха сухого, а после хмаренъ, знову свѣтелъ, ночъ ясна и холодна, а къ свѣту хмарна. Сей день продновали зде мы и съ нами весѣлніе гостѣ всѣ и подпіяхомъ.

Четвер. 20. День былъ сперва хмарній, а после свѣтлій, тихій и погодній, ночъ свѣтла, тиха и сухого воздуха зъ морозомъ. Обѣдали у насъ всѣ веселніе гостѣ, а после обѣда дѣтей и гостѣй всѣхъ опроважалисмо зъ женою до Процювки, где и заночевали у... и зъ братовъ Марко зъ женою и Лука поехали зъ дѣтми. Зъ дѣтми дано: новая коляска зъ вороними 6-ма конми и конь сивий верховий зъ кулбакою зеленою и сутимъ рондомъ, палубовъ маліованихъ 3, возковъ 2, и будка и молодиковъ при нихъ два, Ярема и Уласъ, коней всѣхъ 21; да особливо палубъ и возокъ для харчи, да при томъ Демянъ, коней 5, якіе вернутся назадъ; Демяну жъ далъ я на расходъ 10 р., да особливо дочерѣ Ганнусѣ 10 р.

Пятокъ. 21. День былъ почасти болшой свѣтелъ, нѣжели хмаренъ, воздухъ сухій и холодноватъ, ночъ сперва свѣтла, а потомъ хмарна, а къ свѣту знову свѣтла. Въ Процювцѣ розеха

лисмося зъ дѣтми нашими и зъ гостми и зъ братами; они поехали въ Стародубъ, а мы зъ женою и п. Войцеховичевою въ Роменъ, отколь они обѣ знову поехали въ Слободку до Заборовского, где и ночевали, а я въ Ромнѣ остался.

Субота. 22. День былъ по болшой части свѣтлій, тепловатъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сей день передновалисмо зде зъ женою у Ромнѣ. У банѣ кровъ банками пускалъ я себѣ.

Неделя. 23. День былъ подобній вчорайшому, а къ вечеру хмарно и дощъ. Ночъ хмарна и до полночи дощъ, а зъ полночи хмарно жъ и холодно. Сей день тутъ въ Ромнѣ забавилисмо.

Понедел. 24. День былъ почасти холодній и почасти свѣтлій, толко жъ холодноватъ, осѣнний воздухъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ маткою и женою въ Ромнѣ, а по обѣдѣ поехалъ я къ Нѣжину и ночевалъ у Бубнахъ, у отца Свѣта; верстъ 18 зъ Ромна до Бубновъ.

Вовтор. 25. День былъ сперва хмаренъ, посля свѣтелъ и тепелъ, особливо надъ протчіе. Ночъ тиха, хмарна и почасти тепловата, а въ ночѣ дожчъ ишолъ маленкій. Рано зъ Бубновъ поехалъ я и на дорозѣ откушавши, пріехалъ до Ярошовки, села Горленкового, въ 3-хъ миляхъ, а верстъ 27 отъ Бубновъ отстоящого, где мало отдохнувши, уехали миль 2 еще въ 18 верстахъ до Парафѣевки Сави Рагозинского, где въ дворци графскомъ и ночевалъ.

Середа. 26. День былъ хмарній и холодноватъ, а посля тепелъ и почасти свѣтелъ, ночъ почасти свѣтла и холодновата, воздуха сухого. Зъ Парафѣевки уехалъ до Рожновки села милю, а оттоль до Максимовки полмилѣ, а зъ Максимовки до Крупичъ-поля болшъ полъ милѣ, где и обѣдалъ. Зъ Крупичъ-поля простою дорогою лѣсомъ поехалъ я, а ехалъ миль болше 3-хъ лѣсомъ и виехавши зъ лѣса, заночовалъ у футорцѣ, недоежджая Нѣжина въ милю. Зъ Ромна до Нѣжина верстъ около 120.

Четвер. 27. День былъ сперва свѣтелъ, а посля хмаренъ и къ вечеру дощеватъ, ночъ такъ же хмарна, воздуха мокрого толко жъ не дощевата. Сегодня рано зъ ночлѣга поехалъ и пріехалъ въ

Нѣжинъ, и сталъ квартерою въ дворѣ грека Петракѣя и ночевалъ тутъ же.

Пятокъ. 28. День былъ почасти хмаренъ, толко жъ посля свѣтелъ и тепловатъ, воздуха сухого, ночъ хмарна и мокровата, къ свѣту дощъ. Сей день тутъ я въ Нѣжинѣ позабавилъ и ночевалъ, въ день ездилъ до войта и видѣлся съ нимъ. Часи у Пѣпера взялъ ценою у 25 р.

Субота. 29. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, къ вечору зъ дощемъ, ночъ хмарна и мокра зъ дощикомъ. Обѣдалъ сегодня въ дому.

Неделя. 30. День былъ свѣтлій почасти и хмарній почасти, подобній вчорайшому, и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ я у асаула полкового Левицкого зъ Голяховскимъ канцеляристою и, позабавивши, повернулся въ свою квартеру.

М—ць Октоврій. Понедел. 1. День былъ сперва хмаренъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, воздуха сухого, ночъ свѣтла, тиха, а къ свѣту хмарна. Обѣдалъ я у Терезѣя, а у вечеру билъ у войта.

Вовтор. 2. День былъ сперва хмаренъ и почасти дощеватъ, а посля свѣтелъ и тепловатъ, потомъ знову хмаренъ и дощеватъ, ночъ хмарна, а къ свѣту дощевата. Сегодня обѣдалъ я зъ Добронизкимъ и проч. у войта Нѣжинского. У Пѣпера взялъ пару пѣстолетовъ за 10 р. да табакерку за 40 а., да 3 хустки за 1 р. и 50 к., да пряжку до портупея за 50 к., а у Енченка 10 локоть сукна зъ чверткою за 40 а. зъ 5 копѣйками локоть и заплатилъ.

Середа. 3. День былъ сперва хмаренъ и дощеватъ по малу, а къ вечеру свѣтелъ, ночъ свѣтла, тиха и холодна, а къ свѣту хмарна. Сегодня обѣдалъ я у себе и дновалъ зде въ Нѣжинѣ. Купилъ у Пѣпера сукна понсового полъ 5 локтя по 12 зол., перцового полъ 5 локтя по 9 зол., блакитного, тонкого по 9 зол. и сѣрого локоть 5, по 7 зол. Каракатицю готовала баба, въ окропъ сперва вложила и варила, а посля соллю перетирала и покраяла, да цибулю въ оливѣ усмаживши, туда вложила и каракатицю,

а виномъ налила, что поняло и роздѣнковъ укинула, а приваривши, до столу дала.

Четвер. 4. День былъ свѣтелъ по болшой части, а хочай и хмаренъ, толко жъ воздуха сухого, ночъ свѣтла, холодна и велми вѣтряна, а къ свѣту потихше. Обѣдалъ я у Нѣжинѣ еще, а по обѣдѣ віехалъ и пріехалъ до Комаровки, села архіерея Кіевского, отъ Нѣжина верстъ 26, где и ночевалъ у дворцѣ архіерейскомъ. У Пѣпера взялъ я часи ценою у 27 р. Зъ Михайлатѣемъ роздѣлались, поручились за его Янъ Гасанъ и Анастасій Шалита въ 183 р. до 1635-го году, октовр. 4-го, а на 26 р. самъ далъ облѣкъ половину дать 1734-го году, февр. 1-го, а другую половину 735-го февр. 1-го. Климъ у Нѣжинѣ оставленъ и зъ нимъ оставилъ я облѣкъ у 330 чер. да въ 5 червон., для того первое, чтобъ Пѣперу взялъ поруку, что отдастъ денги 1735-го генвар. 26-го; другое, чтобъ по Юріи Готѣ взалъ поруку Терезѣя въ 300 р.; третее, чтобъ купить дрикганта, хочай гнѣдого, вел. турецкого у Димитрія Коцаро за 160 р., хочай гнѣдого меншого у Терезѣя за 60 р. и человѣка до досмотру его принанялъ. Да ему жъ Климу для харчи далъ я 5 р. денегъ.

Пятокъ. 5. День былъ свѣтлій, ясний, толко вѣтряний велми, ночъ свѣтла и ясна, холодна да вѣтряна жъ. Рано зъ Комаровки поехалъ я черезъ Берестовець село полковничее и пріехалъ до Борзни верстъ у 19 отъ ночлѣга, где и становиско имѣлъ, а отъ Борзни до Шаповаловки верстъ 9, а отъ Шаповаловки до болота Дочи верстъ 11, где мостъ и уездний дворъ, оттоль до Батурина верстъ 12, где у Клима Стожка и ночлѣгъ имѣлъ.

Субота. 6. День былъ свѣтелъ, толко вѣтрянъ, а послѣ хмаренъ, да вѣтрянъ. Ночъ сперва вѣтряна велми зъ дощемъ, а посля свѣтла и велми холодна зъ морозомъ. Рано зъ Батурина поехалъ и пріехалъ до Ксендзювки верстъ 14, зде у дворѣ Тарицина и обѣдалъ.

Неделя. 7. День былъ свѣтлій и холодній велми, а посля хмаренъ, ночъ хмарна и вѣтряна, толко холодна. Сегодня у

Подоловѣ у сестри обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ оттоль и пріехалъ до Тулиг. на ночъ.

Понедел. 8. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, а особливе къ вечеру толко вѣтрянъ и холоденъ, ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. У Тулиг. стар. далъ на росходъ 5 р. и приказалъ ему 3 рѣчи, о греблѣ Лядвижганской, чтобъ коло устроить дабы мололо, да о броварѣ, чтобъ посудъ и броварника зъ Воронѣжа сискать, о чемъ и писалъ я до п. Заруцкой, да о зробленню деревяного на рибу сажа. Обѣдалъ я у Тулиг. а оттоль по обѣдѣ поехалъ на Некрасовъ, куда ехалъ полъ 3 ч[illegible], оттоль зъ полчаса до футора, где засталъ овину Демкову згорѣвшую.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодний велми, ночъ холодна, свѣтла. Дновалисмо здесь въ Сварковѣ и подпіяхомъ для моего тезоименитства, и съ нами п. Кондзеровская, Гапка, попи сварковскій и капелянъ Кучарскій. Зъ Царицина прійшолъ Дѣдикъ зъ Максимомъ Забарою и привезли короповъ 116, визики пучокъ, да осятровъ кореннихъ 16, съ ними кобилъ 3, въ томъ числѣ бурая кобила колмицкая, куплена за 4 р.

Середа. 10. День былъ свѣтлій, тихій, толко зъ морозомъ, а къ вечеру хмаренъ зъ малимъ дощикомъ, ночъ сперва хмарна, а посля свѣтла, тиха и зъ морозомъ. Дновалисмо зде у Сварковѣ и съ нами гостѣ, Кондзеровская и Гапка. Войтомъ забара устроенъ по прежнему.

Четвер. 11. День былъ свѣтлій, сперва холоденъ велми, тихъ, ночъ свѣтла, тиха, къ свѣту морозъ. Обѣдалисмо тутъ въ Сварковѣ, а посля обѣда поехали всѣ, я на футоръ Калюжновскій, а жена, зъ п. Кондзеровскою и Гапкою, просто въ Глуховъ, пріехали позно уже. У Сварковѣ у млинѣ моемъ стало коло другое молоть.

Пятокъ. 12. День былъ свѣтлій, отчасти вѣтрянъ, толко велми холоденъ, ночъ свѣтла, тожъ почасти вѣтряна, а велми холодна. Ставъ здешній Глуховскій по берегахъ стявся. Отъ Григорія Гиля отобралъ я привезеннихъ денегъ 188 р., да мѣднихъ 30 р., да мѣди 3 пуда и 9 фунт., юхту красную, коней двое и

другіе мѣлочи и два барана. Черезъ Стар. Криск. Шоха послалъ писмо до Клима и 65 р. за дриганта до Нѣжина и ему, Шоху, далъ приказъ въ 11 пунктахъ, о чемъ въ термѣнахъ. Янѣшевскій отпущенъ и съ нимъ отправилъ дриганта вороного нѣмецкого, такого жъ третяка и стрижака и далъ ему приказъ и 3 р. о чемъ въ термѣнахъ. Купили овса четверикъ и осмухъ 6 по рублю зъ 10 к., дано 1 р. 94 к.

Субота. 13. День былъ свѣтлій, тихій зъ великимъ морозомъ, ночъ свѣтла вѣтряна зъ великою стужею, ставъ поболше стявъся. Сегодня билъ я у генерала, а оттоль въ домъ пріехалъ и обѣдалъ. Въ лазнѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 14. День былъ свѣтлій, холодній и вѣтрянъ велми, ночъ хмарна зъ дощемъ и зъ вѣтромъ великимъ. Былъ я на службѣ у ст. Анастасіи и въ гетманскомъ дому, обѣдалъ у себе и съ нами тіотка Кондзеровская и никуда неездилъ.

Понедел. 15. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний, у вечеру дощикъ и черезъ ночъ. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ на Красную Горку и до Паска.

Вовтор. 16. День былъ хмарній, вѣтрянъ велми, дощеватъ отъ хмаръ, перебѣгаючихъ, такова жъ и ночъ была, саміе осѣнніе. Родитель пріехалъ на обѣдъ рано, зъ которимъ обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла въ городъ и посидя, повернулся. Климъ повернулся зъ Нѣжина и припровадилъ зъ собою купленнаго аргамака турецкого, гнѣдого за 165 р. у Димитрія Коцари.

Середа. 17. День былъ хмарній, дощеватъ, холоденъ и ночъ такова жъ зъ вѣтромъ. Праздновалисмо именини родителскіе въ которихъ обѣдали и зъ Кандзеров. и Александ. подпіяхомъ.

Четвер. 18. День былъ вѣтрянъ велми зъ силнимъ морозомъ, хмаренъ и ночъ токова жъ, а въ ночѣ и ставъ истявся увесь впервое. За поле и сѣнокосъ Дорофѣевскій черезъ Глуховского и Семена Заруцкого заплатилъ 30 р. за росписко. Обѣдалисмо обое зъ женою у гетмановой.

Пятокъ. 19. День былъ хмарній,. вѣтрянъ почасти и холоденъ велми, отчего все померзло грудою, ночъ такъже холодна, хмарна и вѣтряна. Купили жита впервое четвериковъ 2 и осмухъ 6, а на тое далъ я Алексѣеви Полуденскому да Тарасови 10 р. впервое. Дровъ купилъ 8 воз. по 6 и по 7 к., да сѣна 3 вози по 18 и по 20 к. Братъ п. Марко пріехалъ зъ братовою и братомъ Лукою, который себѣ заручилъ дочъ п. Плотной въ Стародубѣ за невѣсту. Панѣ гетманова бочку прислала вина намъ кримского.

Субота. 20. День былъ подобній вчорайшому, толко почасти свѣтлѣйшій, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и братомъ, а жена зъ братовою у паней гетмановой. Братъ п. Михайло поехалъ въ Суми до князя Шаховского, черезъ которого писалъ я до швакгра Андрея Полуботка въ утоленіе скорби его. Далъ я людямъ своимъ крисковскимъ два конѣ заложить за нихъ по указу понеже зъ 50 дворовъ коня рослого двохъ аршинъ и двохъ вершковъ велено дать подъ армѣю. Получилъ я указъ зъ суда енер., чтобъ до попа Криск. трудовъ не интересоватись до переверненія.

Неделя. 12. День былъ свѣтлій, тихій зъ сухимъ морозомъ силнимъ, ночъ тиха, свѣтла и еще холоднѣйшая, а зъ полночи снѣгъ сталъ ити до свѣта самого и покрилъ всю землю. Обѣдалисмо въ дому и съ нами род. п. Якимъ Горленко и хоружий енер., братъ зъ братовою, которіе после обѣда отехали въ Роменъ. Дарилъ я брата и братовую за трудъ ихъ, что ездили за дѣтми нашими въ Мглинъ, далъ ей канавацу, а ему сукно бѣлое, а дитинѣ рубля.

Понедел. 22. День былъ хмарній, тихій зъ морозомъ, а зъ снѣгомъ великимъ, который покрилъ такъ землю, что можно санми было ездить и ездили; ночъ хмарна, тиха, толко безъ снѣгу. Обѣдалисмо у генерала зъ род. и оттоль пріехали домой. Стар. Сухонос. пишетъ что на Кривой Рудѣ собралось набѣлу; сира кунъ 6 и кадовбовъ 2, масла фасокъ 17, сѣна скиртъ 25; воли, что зъ соллю прійшли, отослалъ на кривую Руду. Пчоли въ погребъ уставили 119, а убили 20. Зъ Крисіокъ вѣдомость, что пчоли на зиму

уставили старой 12, а молодой 5, всеей 17; да что зъ поля знято жита копъ 68, вимолотили 38 четвериковъ, а посѣяли на приидучій годъ четвериковъ 7 и пол., яриви зняли, гречки копъ 40 и 5 полукопковъ, овса копъ 37. Тарасу и Алексѣю на куплю жита вновъ далъ я 10 р.

Вовтор. 23. День былъ хмарній, тихій, зъ мокроватимъ воздухомъ, отчего сталъ снѣгъ пропадать, ночъ еще зъ болшимъ растворенiемъ и нехолодна. Сегодня былъ я въ судѣ енер. и допрашиванъ Запясоцкій по дѣлу Петра Коховского смолянина, сторони бѣглого его.

Середа. 24. День былъ мокроватого воздуха почасти ясенъ, а зполдня свѣтелъ и ясенъ, ночъ свѣтла, ясна, холодна зъ морозомъ, къ свѣту хмарна. Отправленъ каберникъ въ Криски и съ нимъ отправили жита четвертей 7, да Василю послалъ 6 р. на докладку тертичникамъ. До стар. повторно писалъ до грунтовъ попа Крис. не интересоватись и чтобъ на 6 казановъ гор. робилась. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ и по обѣдѣ ездилъ до млина Радіоновского, оттоль заехалъ до Борзни.

Четвер. 25. День былъ хмарній, толко жъ воздуха сухого, такова жъ и ночъ безъ вѣтра. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ, а по обѣдѣ ездилъ я до Синявина и до енерала, где долго посидѣвши повернулся ноччю въ домъ. До стар. Сухонос. писалъ о конѣ подъ мѣру на Сухонос. наложенную, взять моего, если прiйдетъ, о заплатѣ 20 р. полков. луб. за сѣно. О конѣ жъ писалъ и до конюшого Янѣшевского.

Пятокъ. 26. День былъ сперва хмаренъ, а посля къ вечору свѣтелъ зъ морозомъ же, ночъ сперва свѣтла, а посля хмарна зъ морозомъ же. Повторно далъ я на куплю жита 10 р. Принималъ я 120 капель R. panch. magag. и имѣлъ доволно онерацѣй. Уговорили нового дворника у футоръ Калюжновскій на годъ за 5 р. и 50 к. и напередъ далъ ему 3 р.

Субота. 27. День былъ хмарній, вѣтрянъ почасти, воздуха сухого, ночъ такова жъ. У лазнѣ кровъ банками пускалемъ.

Неделя. 28. День былъ хмарній, а зъ полдня дощоватъ, такова жъ и ночъ, отчего гразко становится начало. Рано были у генерала, служби слухали у ст. Анастасіи, обѣдалисмо у себе.

Понедел. 29. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, хмарніе, тихіе и мокріе. Новий дворникъ устроенъ въ Калюжновскомъ футорѣ Леско Кубрачeнко, житель ясманскій, за 5 р. и 50 к., якіе ему денги передомъ дани, а у его росписка взята. Купили овса полъ четверика за 50 к.

Вовтор. 30. День былъ и ночъ сходни вчорайшимъ, толко у вечеру вѣтеръ силний. У гетманскомъ дворѣ банкетъ билъ: Максимовича служителя виправляли зъ дому до Глинска женится на Глинского сотника дочерѣ.

Середа. 31. День былъ хмарній зъ туманомъ и зъ дощемъ, ночъ хмарна, тиха и мокровата, отъ чего еще грязи умножилось. Сегодня обѣдалисмо у себе, а у вечеру пріехали дѣти п. Стефанъ зъ Ганнусею. Отобралъ я отъ Тара(са) горѣлочнихъ свар. грошей 2 р. 60 к. отъ шинкарки.

М—ць Ноеврій. Четвер. 1. День былъ хмарній зъ дощемъ маленкимъ, ночь свѣтла, зъ перемѣною воздуха, такъ что къ свѣту все померзло. Принялъ я отъ Вѣжевского денги имъ собранніе въ Сварковѣ, а именно: отъ Богомаза 21 р.; отъ Сивака старос. 8 р. отъ молодого Опанаса 7 р. и 50 к. Ездили дѣти въ городъ у дворъ гетманскій при женѣ и тамъ обѣдали.

Пятокъ. 2. День былъ хмаренъ зъ морозомъ, ночъ свѣтла, тиха зъ стужею. Неездилъ я никуда, господареви далъ 2 р. на задатокъ за Леска 3 р. Получилъ вѣдомость отъ Янѣшевского, что сѣна уроблено у футорѣ Гамал. скиртъ 40, у Сухонос. скиртъ 5, у кривой Рудѣ скиртъ 25, у Перервинцяхъ скиртъ коповихъ 50, поденнихъ 12, забраннихъ у людей скиртъ 8, итого скиртъ всѣхъ 20, а везде скиртъ 140. Овса полъ четверика купилъ за 50 к. и отослалъ въ Тул. на конѣ.

Субота. 3. День былъ свѣтлій, тихій, холодній зъ морозомъ, отчего ліодъ на ставу еще укрѣпился, ночъ такова жъ была, а зъ полночи вѣтеръ зъ хмарою. Сегодня рано ездили мы до генерала, которого на утро къ себѣ просили, такъже и протчіихъ. Обѣдалисмо у себе. До Крисіокъ послалъ 2 пуздерка до Гути для зробленя фляшокъ и писалъ до стар. объ устроенню дворникомъ Трохима Прокопенка и чтобъ сюда прислалъ Клима подданного крис.

Неделя. 4. День былъ хмарній, холодній, а после мокрий, почасти зъ силнимъ вѣтромъ, ночъ хмарна зъ дощемъ и зъ вѣтромъ, къ свѣту снѣгъ и холодъ. Банкетъ билъ у насъ для пріезду дѣтей нашихъ. Билъ генералъ зъ генералшою и гетманова, и прочіихъ много и подпіяхомъ.

Понедел. 5. День былъ хмарній, холодний и снѣжокъ упадшій примерзлъ, а после растворенъ, къ вечору знову зъ морозомъ, ночъ тиха, хмарна, зъ болшимъ снѣгомъ, которий изрядно покрилъ землю изъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому и никуда я неездилъ.

Вовтор. 6. День былъ по болшой части ясній, нежели хмарній, холодний зъ морозомъ, ночъ свѣтла, тиха, холоднѣйшая еще. Банкетъ билъ у Радищева, где генералъ билъ и проч., родитель и я, куда санками ездили, толко жъ санная дорога худа. Климъ Пѣщанскій посланъ въ Роменъ для заарештованя Пѣкера въ Сухонос. для устроенія Миколая Товкаченка, нового тамъ старости, ему жъ далъ я 12 р. на покупку сукна зеленого 8 локоть, 10 р. на покупку жита въ Сухонос. винницю, 20 р. на уплатку пол. Луб. за сѣно, 38 р. на куплю грунту у Сеника близъ Чорнухъ, всѣхъ денегъ 80 р. и приказъ далъ въ особливыхъ пунктахъ. Черезъ его жъ писалъ до родителки, братовъ п. Семена и п. Марка.

Середа. 7. День былъ по болшой части свѣтлій, подобній вчорайшому, толкожъ холоднѣйшій, воздуха сухого, ночъ еще холоднѣйшая и мало вѣтряна и хмарна. Сей день у себе праздновали и никуда неездили. Далъ я интеллѣгаториви тестаментъ Compendium medicale—и 3 лѣбри зъ 5 аркушами, книжицею оправить, за все 90 к., а 40 к. далъ наперед, а зробить къ другой недѣлѣ по слѣдуючой. Капачей на двѣ ями у футоръ наняли отъ четверика по 2 а., а отъ 10 четвериковъ 3 путивки жита, полъ путивки гречанихъ крупъ, 5 фунт. сала и задатку далъ имъ Тарасъ 1 р.

Четвер. 8. День былъ свѣтлій поболшъ, нежели хмарній, сходній зъ вчорайшимъ, холодний, тихій, ночъ такова жъ зъ стужею тиха. Рано былисмо у генерала на службѣ у ст. Михаила, обѣдалисмо у себе, на вечеринку ездили до Паска, где доволно сидѣли и подпіяхомъ.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій, холодний зъ морозомъ, ночъ такова жъ, зъ болшимъ холодомъ. Климу Прокопенку Крисковскому далъ я 60 р., на покупку жита въ Крискахъ до винницѣ Крисковской, зъ которимъ отправленъ и Василь Шмуйло, на время сюда пріездившій.

Субота. 10. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, а къ вечору зъ отмѣною воздуха, для чего ноччю и малий снѣжокъ випалъ, которая била хмарна и тиха. Обѣдалисмо у себе, а на вечеринцѣ били у коменданта Кишкина, где ужинали генералъ и проч., и я.

Неделя. 11. День бынъ подобній вчорайшому и ночъ потепляе прежнихъ. Рано были у гетманскомъ дворѣ по службѣ, а обѣдали въ дому, у вечеру били на вечеринцѣ у подполковника Жураховского, у которого совершилась сватба дочерѣ его зъ прапорщикомъ гварнѣзону глуховского.

Понедел. 12. День былъ хмарній, почасти вѣтрянъ съ полдня зъ отлигою знатною, а особливе къ вечеру, что роставать стало. Ночъ такова жъ, а зъ полночи къ свѣту морозъ невеликій, однако жъ примерзло. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ род., а у вечеру были на сватанню Зварковского нашего у госпожи Островской, которой дочъ онъ себѣ приговорилъ.

Вовтор. 13. День былъ хмаренъ и мокроватъ, ночъ хмарна и болѣе мокровата. Были рано зъ род. у генерала, обѣдалисмо у гетманскомъ дворѣ, прошени за тимъ, что Максимовичъ Іванъ, женясь на дочерѣ глинского сотника, пріехалъ зъ женою.

Середа. 14. День былъ хмарній, дощеватъ и зъ мокримъ же туманомъ, у день дощъ ишолъ, ночъ такова жъ была, толко безъ дощу, а къ свѣту перемѣна воздуха отъ мокрого на сухій и на морозъ, бо и примерзло. Сегодня я не ездилъ никуда. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру забавлялись картами зъ собою и дѣтми. Писалъ я до Клима о неприсилки сюда, но объ отсилки всего дойва въ Кіевъ для продажи, а сюда толко Гамалѣевскаго, да о покладѣ у Ромнѣ тютюну Гамал. и Сухонос. и о видачѣ брату п. Марку 20 рунъ вовни и проч., о чемъ въ терм.

Четвер. 15. День былъ зъ морозомъ свѣтелъ, а къ вечеру и прибавилось стужи, ночъ свѣтла, а болше хмарна, зъ вѣтромъ и зъ морозомъ. Ездилъ я до п. Борозни, жени его болѣзнуючой посѣщать, оттоль до п. Михайла. Архипъ зъ конемъ подъ мѣру отправленъ до Борзни до капитана Арапова, до которого я и писалъ и 1 р. сцѣлного Архипу далъ, а буде не прійметь довести въ Прилуку до полковника фонъ—Венделя, которого о пріемъ оного коня просить—пана Федора дядка просилемъ писмомъ.

Пятокъ. 16. День былъ тихій, свѣтлій зъ морозомъ, къ вечеру хмарно, ночъ такъ же хмарна и почасти свѣтла зъ морозомъ. Принялъ я на службу машталѣромъ Павла, Івашкиного батка, а дать ему въ годъ 4 р., сукно и кожухъ и чоботи и харчи на и—ць неболшъ четверичковъ 2-хъ жита, одного крупъ и 5 фунт. сала въ мясницѣ. Принималъ я R. Panch. mag. 150 капель и имѣлъ доволно операцѣй. Боку доктору позичилъ 20 р., а отъ его взялъ дукатъ въ 20 чер. въ заставу.

Субота. 17. День былъ свѣтлій, тихій, холодний велми, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо всѣ въ дому и никуда неездили для бездорожжя и грузы. Послалъ я доношеніе до п. писара енер. о Нѣперу. Пускалъ я кровъ зъ головной жили.

Неделя. 18. День и ночъ сходніе вчорайшимъ, толкожъ ночъ хмарна, а холодно. Рано били у генерала и обѣдали и до полночи просидѣли.

Понедел. 19. День былъ свѣтелъ почасти, холоденъ велми, сухого воздуха, зъ великимъ инеемъ, которий вмѣсто тумана сталъ, ночъ хмарна, холодна, такъже и почасти вѣтряна отъ полдня. Сегодня обѣдалисмо у себе и никуда я не ездилъ.

Вовтор. 20. День былъ хмарній, снѣгъ зъ полдня ишолъ до вечора, ночъ вѣтряна отъ полночи холодна, къ свѣту со жестокимъ морозомъ. Обѣдалисмо въ себе, а по обѣдѣ посѣщалъ братъ п. Михайло и Валкевичъ, вчора сюда пріехавшій, которіе, посидѣвши у мене и кофе напившись, отойшли во свояси.

Середа. 21. День былъ свѣтлій, тихій съ жесточайшимъ морозомъ и еще небывалимъ, ночъ такъже свѣтла и тиха съ такимъ

же морозомъ. Рано были у генерала съ поздравленіемъ праздника Воведенія, у службѣ били зъ род. у ст. Михайла; обѣдалисмо у себе.

Четвер. 22. День былъ весма сходний зъ вчорайшимъ, тихій и холодний на збитъ, ночъ такова жъ, якъ и вчорайшая. Сегодня обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездилъ до п. Михайла, где съ нимъ, съ Валкевичемъ и съ Холодовичемъ, сотникомъ Воронѣжскимъ, играли у карти зъ моимъ виграшомъ зъ полъ 2 рубля.

Пятокъ. 23. День и ночъ были во всемъ вчорайшимъ и позавчорайшимъ подобніе. Никуда я сегодня не ездилъ, а праздновали сегодня Александра Невского.

Субота. 24. День и ночъ были такіе якъ вчорайшіе и позавчорайшіе. На службѣ Божой у генералской церквѣ били и по службѣ у себе обѣдали, после игралъ у карти зъ товаришамъ своимъ, проигралъ 1 р.

Неделя. 25. День былъ и ночъ во всемъ подобніе прежнимъ, а зъ полночи къ свѣту вѣтеръ сталъ великій и снѣжокъ приватись. Рано били у генерала у службѣ у ст. Анастасіи, а у вечеру на вечеринцѣ у маіора Хрипунова, где зъ енераломъ и п. Михайломъ игралъ у ломбаръ зъ проиграшомъ 39 к. Зъ Крисіокъ пріехалъ каберникъ и привезлъ пробу винника Березинского, которий вновъ далъ носатку отъ прежней Крисковской болшую 25-ма квартами. Черезъ Романа, стар. тулиг., писалъ стар. Криск., что у Чернѣг. у магистратовомъ судѣ срокъ положенъ Лопатѣ до ноевр. 8-го 1734 году уплатить долгъ нашъ 75 р.

Понедел. 26. День былъ вѣтряний, хмарній зъ снѣгомъ дробнимъ и сухимъ, и холодъ уменшился, ночъ такъже была хмарна, почасти вѣтряна и не такъ холодна. Обѣдалъ я сегодня у столу гетмановой, игралъ въ карти зъ товарищи зъ проиграшомъ 3 р. Романъ тулиг. былъ и отехалъ, которому велѣлъ лѣсъ на дрова купить.

Вовтор. 27. День былъ хмарній, тихій зъ снѣгомъ, которій до полдня ишолъ и пересталъ, ночъ хмарна, тиха зъ отлигою воздуха. Обѣдалъ я у дому, а по обѣдѣ у енерала подпіяхомъ и игралъ зъ проиграшомъ 1 р. 30 к. у ломбаръ.

Середа. 28. День былъ хмарній зъ маленкимъ снѣгомъ, ночъ хмарна, тиха. Сегодня обѣдалъ я зъ п. Михайломъ и играли въ карти зъ нимъ, Валкевичемъ и Максимовичемъ зъ проиграшомъ 38 к. Указъ присланъ до генерала Нарѣшкина ехать ему у С.-П.Бурхъ. Коберникъ отправленъ въ Криски зъ писмомъ до стар. и Василя.

Четвер. 29. День былъ подобній вчорайшому и ночъ такова жъ зъ отлигою. Обѣдалисмо у себе род. и мы зъ дѣтми, по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, оттоль зайшли совокупно до генерала, которій правленіе генералной к—ріи уручивши суддямъ тромъ, отъ великороссійскихъ Радищеву, да коменданту Кишкину, Синявину, да смоленскому ротмистру Паску, отехалъ по указу въ С.-П.Бурхъ и при немъ Денисовъ, Филатіевъ и Ассонъ. Росплатилися мы работникамъ 8 человѣкамъ великороссійскимъ, крестянамъ Дорогобузкого уезду, Пауского стану, вотчини Івана Качалова, деревнѣ Артюшина, по имени: Семенъ Матвѣевъ, Ѳедоръ Ігнатіевъ, Филипъ Юревъ, Ілля Івановъ, Сидоръ Дорофѣевъ; да тогожъ уезду, вотчини Димитрія Ѳедорова сына Нелидова, деревнѣ Сковородина, Іванъ Дмитріевъ, Захарій Ѳедоровъ, да его жъ, Нелидова, вотчини, деревнѣ Алешина, Степану Василіеву, которимъ изъ штатного двора дани печатніе пашпорты до 1734-го году со срокомъ, а заплатили имъ теперъ повторно 7 р. 64 к. зъ скиртъ трохъ жита оніе работники одну вимолотили, зъ которой вийшло 11 овинъ, да 5 овинъ ячменю со стога у футорѣ Калюжновскомъ.

Пятокъ. 30. День былъ хмарній зъ снѣгомъ густимъ, толко не долгимъ, тихій. Ночъ хмарна, тиха зъ отлигою, подобная вчорайшей. Рано были на службѣ у церквѣ. ст. Анастасеи, обѣдали у себе. У вечеру играли у мене въ карти зъ проиграшомъ 2 р.

М—ць Декаврій. Субота. 1. День былъ хмарній зъ невеликимъ на малое время снѣгомъ, ночъ хмарна тиха и мѣрно холодна. Звани били до Паска на банкетъ для тезоименитства его вчорайшого и подпіяхомъ зъ протчіими. Въ газетахъ иностранніхъ написано, что октовр. 5-го полского, а нашего септ. 24-го, електоръ саксонскій Фридерикъ Августъ избранъ отъ конфедератовъ королемъ полскимъ на мѣсто отца его, а король прежде избранний Станѣс-

лавъ Лещинскій зъ Варшави ушолъ зъ своими партизанами въ Гданскъ, для того, что енералъ аншефъ Лессій зъ великороссійскими и малороссійскими войсками и бунчуковимъ товариствомъ пришли въ Варшаву совокупно съ конфедератами.

Неделя. 2. День и ночъ хмарніе, тихіе и мѣрно студеніе. У службѣ били енаралской, а по службѣ у генералшѣ по чаркѣ водки випили; обѣдали въ дому. У вечеру ездилъ до п. Михайла, игралъ въ карти зъ проиг. 1 р.

Понедел. 3. День и ночъ подобніе прежнимъ, хмарніе, тихіе, мало холоднѣйшіе. Никуда сегодня не ездилемъ, а обѣдалисмо всѣ въ дому, родитель, мы, дѣти; а по обѣдѣ посѣщали мене братъ п. Михайло, Валкевичъ и Максимовичъ и посидя и чаю напившись, отойшли домой, неигравши въ карти.

Вовтор. 4 День былъ хмарній зъ густимъ и дробнимъ снѣгомъ, которий черезъ день до вечора ишолъ, отчего прибавилось снѣгу, ночъ такова жъ была зъ снѣгомъ, мѣрно холодна. Банкетъ билъ у маіора Неплюева, у которого подпіяхомъ, а оттоль я, едучи, рѣкою, провалился и заледво коней виратовали.

Середа. 5. День былъ хмарний зъ снѣгомъ, отъ чего дорога санная первая стала хорошая, такова жъ и ночъ била, толко зъ мелкимъ снѣгомъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, где играли въ карти безъ проиграшу моего.

Четвер. 6. День былъ хмарній, холодний, а къ вечеру вѣтеръ и метѣль снѣжной, ночъ зъ вѣтромъ и зъ метелицею силною, отчего много велми снѣгу стало. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ у вечеру билъ у п. Михайла, брата, играли въ карти зъ виграшомъ 1 р. 50 к. Послани въ Нѣжинъ Вѣжевскій зъ Алексѣемъ за доправкою долговъ.

Пятокъ. 7. День билъ хмарній зъ вѣтромъ и зъ силною метелицею, отчего премного прибавилось снѣгу, ночъ тиха и снѣгъ переставъ. Праздновали день рожденія принцесси Анни и кушали всѣ въ гетманскомъ дворѣ; у вечеру игралисмо въ карти зъ виграшомъ моимъ 1 р. 20 к. зъ залишкомъ.

Субота. 8. День былъ хмарній, тихій и холодний, ночъ такова жъ. Никуда я не ездилъ сегодня, а обѣдалисмо у себѣ зъ род. У вечеру пріехалъ слуга брата п. Семена зъ звяромъ родилнимъ, что дочъ ему Варвара сего декабр. 4-го родилась.

Неделя. 9. День и ночъ были тихіе, тепловатіе зъ нѣкоторою отлигою, а хмарніе, ночъ почасти свѣтлѣйша. Праздновали день тезоименитства ея височества принцесси Анни и подпіяхомъ у дворѣ гетманскомъ, откуду пріехавъ домой и уснувъ мало, ездилъ до Валкевича и просидѣлъ доволно, а онъ розговоръ... (?) зъ черцомъ о гол. и... (?) и со мною билъ Косовичъ. Стар. Крис. Шохъ отпущенъ въ Криски и данъ ему приказъ въ пунктахъ.

Понедел. 10. День былъ хмаренъ и почасти вѣтрянъ, толко жъ тепелъ. Ночъ хмарна, тиха и тепловата. Ездилъ по вчорайшемъ банкетѣ и витверизовался. Отпущенъ служитель брата Семена въ Роменъ, черезъ которого до его и до родителки писалъ я. Получилъ я писмо отъ швакгра моего п. Якова Полуботка зъ походу войскового отъ Бреста Литовского писанное — ноевр. 3-го, въ якомъ обявляетъ, что монета наша идетъ особливою ценою, копѣйка за 3 шеляги, а рубль за 6 или 7 гривенъ. Да онъ же писалъ до жени, уступаючи ей и другой сестрѣ, Войцеховичевой, имѣнія, по покойной племѣнницѣ Журавковнѣ оставшогося, по сей часъ въ вѣдомствѣ мужа ея Максима Турковского имѣючогося.

Вовтор. 11. День былъ хмарній, тихій, а къ вечору вияснилось зъ морозомъ, ночъ была свѣтла, тиха и холодна. Сегодня обѣдалъ я у брата п. Михайла зъ Валкевичемъ и Косовичемъ, у вечеру игралъ зъ ними въ карти зъ виграшомъ 45 а. Генералша Нарѣшкинова, Анна Івановна, отехала въ Москву.

Середа. 12. День былъ хмарній, тихій, а особливе къ вечору, ночъ такова жъ и нѣчто туманное на примѣръ инею было, посля вияснилось. Обѣдалъ я въ дому, а по обѣдѣ уснувъ ездилъ до п. Михайла и игралъ съ нимъ и товарищи въ карти зъ проиграшомъ 2 р. Жена отехала въ Тулиг. и съ нею дѣти и зять п. Стефанъ.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій зъ морозомъ и тихій, ночъ такъже свѣтла и тиха зъ морозомъ же, а посля хмарна. Ездилъ я

98. Любезная моя вънучка Н. П. Знаи, что вамъ надобна лиліея, которой 27 стеблушокъ посилаю, дай Господи ползу въ семъ ратующимъ получать. Естли ещо мастеръ не виездилъ, не запомнить, прошу, его вислать, яко въ работѣ остановка. Увѣдоми мене, ангелъ мой, о своемъ здоровьи, равно и о Алексашенкиномъ, также когда Иванъ Степановичъ віехалъ и какъ скоро оттоль ожидаете. Въ насъ коръ весьма худой, дѣти мрутъ часто. Сохраняйте, Бога ради, Алексашенку, а луче въсего мое мнѣніе, что естли тамо хорошой коръ етотъ, не берегти, ибо сего не миновать, а во время доброго кору или оспи скриватись не должно. Какого матушка ваша, а моя Парасковья Григоріевна будетъ о семъ расположенія, увѣдомить прошу. Сахару голову одну посилаю, прошу, душенка, попросить матушки, чтобъ дозволить сварить вишенъ, яко у мене ничемъ ничево нѣтъ онихъ. А вари, душа моя, тако: въ сей головѣ 14 фунтовъ, то десеть сварить по полтора фунта на фунтъ ягодъ сахару положить, а четыри фунта сколько ягодъ столько и сахару положить, и сіе то будутъ для пирожнаго хороши. Я для тебя толко рожи ещо съварила, а болше—ничего болше. За недосугомъ не распространяю, а скажу только то, что я здорова, дай Господи, чтобъ и ти въ такихъ лѣтахъ такова была. Засимъ цалую въ мисляхъ тебя, ангелъ мой, и чадо твое тысячу разъ, препоручивъ божему милостивому призрѣнію и покровительству, пребивая во всю мою жизнь, тебѣ въсего доброжелательнѣйшею бабкою и маткою Н. П. 1790 году, іюля 2. Изъ Боровичъ. М. г-нѣ моей, а вашей драгоцѣнѣйшей матушки Парасковьи Григоріевнѣ прошу мое почтеніе засвѣдительствовать, равно и м.м. моимъ г.г. Маріи, Варварѣ, Евфросиніи и Катеринѣ Степановнамъ прошу низіохенкой поклонъ засвѣдительствовать. Уляна Семеновна всѣмъ вамъ нижайшой поклонъ свѣдительствуетъ и цалуетъ ручки всѣхъ. Благодарствую за присилку кузнеца, котораго одначе жъ теперъ прошу не присилать.

99. Любезніи мои внуки Н. П. и И. С. Я только, что хотѣла своего нарошного посилать къ вамъ съ мохнатинскимъ войтомъ, которого приказчикъ побилъ, по его показанію, невино, а какъ нарошной сію жъ минуту едетъ къ вамъ съ вѣдомостю изъ Жукотокъ, то съ нимъ и посилаетця сей жалобщикъ. Ви, какъ хознева своему добру, такъ и ислѣдуйте, какъ вамъ угодно, а мое мнѣніе—запретить отнюдь побои дѣлать приказчику; однакъ вамъ то знать, а побоевъ изволте освѣдительствовать. Тутъ било ихъ два пришло, но я, знаи рабочое время, одного отправила, а сей все прескажетъ вамъ обсто-

ятельно. Въ приказчика вашего жукоцкого двое дѣтокъ померло съ мору, да и у насъ весма нехорошъ коръ, берегите ради бога Сашенку. А когда хорошъ у васъ коръ, такъ мое мнѣніе не берегите, луче будетъ, когда она перебудетъ оной при хорошемъ кору, чего отъ искренѣйшаго моего сердца ей и желаю. За присилку вишень чувствително благодарю, малинъ весьма мало да здѣсь онихъ почти и нѣтъ; я послала въ Каруковку варить, когда есть до свару, только страно мнѣ, что ви пишите, чтобъ въ меду сварить, на что оніе, увѣдомте чрезъ сего—въ меду или въ сахарѣ сварить для васъ? Я теперь глазомъ не могу, запухъ и болитъ, и сижу въ комнатѣ, никуда ни ногою. Что у васъ слышно о новомъ нашемъ намѣстникѣ, а у насъ ничево и слиху нѣтъ. А губернаторъ пріехалъ и ни за что не принимаетця и не обявляетъ о себѣ, что онъ опредѣліонъ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1790 году, іюля 11. Изъ Боровичъ. М. моей г. драгоцѣнѣйшей матушки вашей и сестрицямъ всѣмъ низіохенко кланяюсь.

100. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Для вашей драгоцѣнѣйшей матушки, а моей м. г. Парасковьи Григоріевны посилаю лилей корней восѣмъ, кои нерозреваніе и кои розорвавши, будетъ боле двадцяти; и всѣ зубочки посадитъ же, счистивши понемножку, а корнѣ раздѣлить такъ же всѣ, чтобъ не било по два, землю смѣшать съ пѣскомъ, чтобъ отнюдъ не чорнозѣмъ била, а что на зиму укривать должно, то о томъ Настасія Петровна знаетъ совершено, равно какъ и розривать и зубки садить—знаетъ же, цибья изъ средини въ каждой повикручивать, а изъ цибями не садить. Съкоро ли къ намъ пожалуете, прошу чрезъ сего увѣдомить. Вашъ человѣкъ, кой за письмами потераними пошолъ у Жукотки, такъ подбился, что я ему принужденна дать подводу, кой ещо въчерась толко отехалъ отсель. Засимъ препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 году, іюля 22, изъ Боровичъ.

101. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Отездъ вашъ столко мнѣ прискорбенъ, что я ничему и уподобить не въ силахъ, когда притомъ одно съ васъ несовсемъ здорово. Прошу увѣдомить чрезъ сего каково ви даехали, не безпокоила ли болѣзнь извѣстная Настенку? И где ночевали и какъ заранѣй пріехали въ домъ? Застали ли въ домѣ драгоцѣнѣйшую вашу матушку и здоровихъ ли застали домашнихъ, ровно и Алексашенка здорова ли—увѣдомить прошу не оставить мене. Сей податель просилъ мене, чтобъ его отпустить въ домъ, коего и посилаю съ тіемъ, чтобъ на сей же подводѣ и возвра-

титись ему непремѣнно въ слѣдующій понедѣльникъ. Тутъ же и работникъ вашъ отпущенъ отъ мене съ награжденіемъ. Нѣтъ ли извѣстія о намѣстнику нашему и вашему? Проехалъ ли или ещо нѣтъ? Да и о старемъ нашемъ намѣстнику нѣтъ ли какихъ вѣстей? Увѣдомить прошу. Засимъ, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году іюля 29 изъ Боровичъ.

102. Ангелъ мой Н. П. Знаю, что Ивана Степановича нѣтъ въ домѣ, почему къ нему и не пишу, а буди паче чаянія въ домѣ, то извини мене и кланятись отъ мене прошу. Кирушка твой не поехалъ въ Жукотки, не знаю почему, то онъ самъ перескажетъ, котораго посилаю къ вамъ по просби его. Каплуновъ ужо и неудобно каплунить, ибо послѣ Семена отнюдь не каплунятъ, а для Жукотокъ я отселѣ отправлю 40 каплуновъ, но по крайности, чтобъ сей же Кирушка принялъ оніе на свои руки и отвезъ порядочно и до морозовъ. Я хотела било въ Каруковку поехать, но что-то нездорова, на подобіе лихорадки, а таперъ вся въ испаринѣ, и голова болитъ, и такъ, покуда совершено не виздоровлю, не поеду. Котли (винокуренные) приказала я видать въ Савинки и чтобъ саміе лучіе видани били, то до вашего приказчика писала, чтобъ онъ самъ поехалъ и вибралъ, и всѣ четири съ трубами би били бъ, о чемъ и до своего приказчика писала же, чтобъ саміе лучіе вибралъ. Трубку Ивана Степановича и забутой вами гребешокъ посилаю, а для Сашечки коробочку гриби брать, какъ таперъ и время оніе собирать. Прошу за мене ея поцаловать сто разъ и вручить оную. Какъ ви скоро намереваете пріехать, и сюда ли или прямо въ Савинки—увѣдомить прошу. Болше писать чего не сискую, препоручая васъ всѣхъ трохъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, августа 25, изъ Боровичъ. Напиши, душа моя, какова ти въ своемъ здоровьи? Да и обо всѣхъ вашихъ домашнихъ не оставъ увѣдомить, а у мене въ дворѣ полно болнихъ. М. г-нѣ моей вашей драгоцѣнѣйшей матушки Порасковьи Григоріевнѣ прошу засвѣдителствовать мое почтеніе, такъ же м. моимъ г-нямъ Маріи Степановнѣ, Варварѣ Степановнѣ, Ефросинѣ Степановнѣ и Катеринѣ Степановнѣ кланятись прошу.

103. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Получила я отъ вашего жукоцкого уприказчика писмо, кой пишетъ, требуючи вѣрующей, а по какому дѣлу—усмотрите съ оного, кой и прилагаю, а яко ви

имѣете оную вѣрующую отъ мене, то и не умедлѣть послать къ нему, вашему приказчику. Сей вручитель перескажетъ вамъ, что никогда Закревской не вдирался, почему и недопущать можетъ быть прикажете, а въ томъ какъ вамъ угодно. Я сегодня получила билетъ о выстатченіи трохъ человѣкъ по губерній Новогородской, которого копію къ вамъ посилаю, потому что и Савинки и Тѣлное здесь же приписани. Пожалуйте, расположите, какъ ви намиреваете—кого ли примете въ дополніе къ себѣ? Да и мнѣ прошу посовѣтовать, какъ съ приписними поступить, т. е, отъ нихъ я думаю требовать лошадей и убору съ нимъ да повидимому и доплатка слѣдуетъ, но, не знавъ совершенно ничево какъ должно поступить, прошу не оставить мене въ семъ, яко у васъ ужо по сіе время здѣлано вѣрно порядокъ. Болше писать чего не сискую, препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 г., августа 27, изъ Боровичъ.

104. Ангелъ мой Н. П. Къ несказаному моему соболѣзнованію получила я отъ тебе, душа моя, писмо, въ коемъ пишешъ, что Иванъ Степановичъ весма слабъ, но какой болѣзнію страдаетъ или послѣ болѣзни таковая слабость—того не поясняешъ. Зачемъ посилаю сего нарошнего единственно для того, чтоби знать мнѣ о здоровьи Ивана Степановича, а также прошу, ангелъ мой, немедля сего увѣдоми мене со всякимъ обстоятелствомъ о страніи, о виздоровленіи болящего. Совѣсть мнѣ запрещаетъ указивать тіемъ, кои не менше моего усердствуютъ, но чистосердечно жалѣя толко, прошу увѣдомить со всякимъ обстоятелствомъ, какъ и чѣмъ страдалъ Иванъ Степановичъ и отъ чего таковая слабость. Мнѣ сдесь толко остаетця за его Господа помолить, на которого все мое упованіе. Онъ да пошлетъ первобитное здоровье ему и всѣмъ вамъ и должайшіе лѣта при покровителствѣ своемъ височайшемъ, всѣмъ сердцемъ и всею душею вамъ того желаю. Что принадлежитъ до вибору извѣстнихъ людей, то вовся не такъ приходитъ, какъ ви пишете, почему виписку посилаю съ присланого оповѣстка и вибирать, по моему, съ людей съ души по 25 к. весма много сего будетъ для бѣднихъ нашихъ людей, а, по моему мнѣнію, приписніе должни положить на вспомоганіе, то есть: лошадѣ, приборъ лошадиной; довольно съ насъ и того, что ми людей лишаемось. Совсѣмъ тіемъ послала я ещо и до брата Г. Г., прося совѣта. Зачемъ ви и не безпокойтесь о семъ, а толко ещо прошу увѣдомить о здоровьи Ивана Степановича, твоемъ, ангелъ мой, и Сашенкиномъ. А я глазами страдаю, половину зрачка заслоняетъ, а въ протчемъ здорова, до коего часу Богъ велитъ. За присилку сапо-

говъ чувствителнѣйше благодарю, они такъ хороши, что желать лучшихъ нелзя, а тіемъ ещо луче, что съ вашихъ рукъ. За яблока, огурци, лимони равно благодарю, но жаль, что яблока побити весма доволно, развѣ десято дай то не совсемъ, а всѣ боки обити, а видно, что чрезвычайно хороши. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентября 1, изъ Боровичъ.

105. Любезнѣйшіе мои вънуки Н. П. и И. С. По требованію вашему, бабиного сина посилаю, а при томъ прошу его не слушатись, онъ сказивалъ мнѣ съказать, что съкучили безъ матери, но я ему грозила жестоко, чтобъ онъ сего не сказивалъ, а сказавъ би, что не скучили, а ви напишѣте, что онъ будетъ говоритъ. Естли оздоровилъ совершенно Иванъ Степановичъ, то бъ весма нужно расположить о солдатахъ по расположенію приписнихъ вамъ къ Савинкамъ и тѣхъ, кому толко надлежитъ душъ 85, а мнѣ къ моимъ душъ 220 надлежитъ и по моему естлиби захотѣли приписніе дать отъ себе лошадѣ и уборъ, тобъ намъ толко однихъ людей дать да и толко, ибо предводитель полагаетъ цену человѣку рублей 300, лошадѣ 40, уборъ на 20 р. А приписнихъ душъ къ нашимъ отъ Прохора Иванов. 157 ду., отъ Мар. Мит.—148 душъ; когда жъ таковую цену положить, то виходитъ на всякую душу по 94 ко. и 4 четѣ, а такъ за сіе души довлѣло би имъ вистатчить лошадѣ и уборъ, ибо съ нихъ приписнихъ 287 д. 46 ло., а когда положить на трохъ лошадей по 40 р., то 120 ру. да на убори по 20 р., на трохъ 60; итакъ переходу не лишнево, почему списатись надлежитъ съ ними непремѣнно. Я послала вамъ билета копію, съ коего ви разсмотрѣте порядочно, то и увидите, что точно виходитъ съ души възять по вишеписаному и что вамъ къ Савинкамъ толко приходитъ, какъ више сего значитъ. Мнѣ кажетця, что ещо и дешево положено человѣка въ 300 ру. Подумайте не довлѣетъ того, что я вѣчно его лишаюсь, но еще и подушное платить, жену и дѣтей кормить. Что жъ ви написали, что по 25 копеекъ съ души възять, то тутъ вовся несходно будетъ, да естли намъ ещо изъ своихъ брать и денги, то и тутъ обѣда бѣдномъ немалая. Какого ви будете о семъ мнѣнія—не оставте увѣдомить. Болше не распространяю и проч. Н. П. 1790 году, сентября 7, изъ Боровичъ.

106. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Писмо отъ Гурина вашего, какое получила, изъ симъ нарошнимъ къ вамъ посилаю, при которому и всѣ заграбленіе вещи. Я для то сіе дѣлаю, что ви тамо можете поценить (?) какъ одной губерніи, а здесъ отнюдъ не хотятъ въ Городнѣ сего дѣлать. Весма би хорошо сдѣлали, естлибъ то учи-

нили, что било положили, ибо такъ рублятъ всѣ, что и способу нѣтъ оборонитись. Мой приказчикъ билъ у мене каруковской, которой сказивалъ, что лѣсничіе мои и онъ боятця въ лѣсъ и за своею надобностію ехать: по меншай мѣри по пятисотъ и болше въежаютъ и рублятъ. Данька вашего я ту же минуту отправила на своихъ лошадяхъ въ Чернѣговъ. Вы мене въ такой страхъ привели вашимъ писмомъ въ разсужденіи дѣла вашего въ Новогородки, что я истино чуть съ ума не сошла. А болше то мене смутило, что не написали, что то значитъ—уничтожить ли бракъ или что изъ сего можетъ худо здѣлатись, отъ чего Предвѣчной толко васъ сохрани. Естли сами съкоро не можете бить, то по крайнеи мѣри напишѣте ко мнѣ со всякимъ обстоятелствомъ, что предслѣдуеть для васъ худое. Григорій Григоріевичъ предъ симъ писалъ, что онъ и Николаша къ маслянищѣ буду(тъ) сюда; вамъ би весма хотя на короткое время пріехать, чтобъ положитъ мѣри всему. Алексашенка и я слава Богу здорови. За симъ и проч. Н. П. 1791 году, февраля 7, изъ Боровичъ.

107. Государи мои, любезніи внуки Н. П. и И. С. Что вашъ человѣкъ прямо съ Брахлова поехалъ на Городню, то я тому радуюсь; правда, что виноватъ, но я Богъ знаетъ въ какихъ била мисляхъ и думала уже била сей день посилать въ Брахловъ, что тамо дѣлаетця и думала, чтобъ человѣкъ по дороги где либо не заболѣлъ; однакъ легче сіе слишить, что онъ ужо пріехалъ къ вамъ. Что принадлежитъ до вашихъ денегъ, присланнихъ на хлѣбъ, то ви увидите все тое съ прилагаемой отъ вашего писара вѣдомости и квитанціи, которіе и посилаю при семъ. Равно и оплетки (?) записку, сколко оной теперъ отправлено, а что вамъ по сіе время не прислано отсель, какъ вѣдомости, такъ и объ отправки хлѣба и о денгахъ, то потому что ожидали изъ Брахлова человѣка вишеписаного. Писмо къ матушки вашей при первой оказѣи отправлено будетъ. Стелмахъ, пріехавши съ Чернѣгова, отехалъ тую жъ минуту доканчивать вашихъ кибитокъ, чему ужо прошла нужда. Ярмонку, что завели ви въ Жукоткахъ, радуюсь, даруй Господи съ оной вамъ получить мильони. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно, кой да пошлетъ вамъ все по желанію сердца вашего, отъ искренего моего сердца желаю. Вовни посилаю рунъ двадцять, въ коихъ два пуда ровно, но немитая еще. Шляпку такъже посилаю, а перчатокъ вездѣ искали, но не сискали нигдѣ. Основы не давала ещо, яко работа есть у ткачовъ, да и какимъ узоромъ ткать не написала, Настенка, ти, и понеже оніе не поспіеютъ въ бѣль, то кажется и спѣшить нѣчево,

а луче какъ пріедешь, то сама скажешь, какъ угодно будетъ виткать. Поедете ль и когда ви на свадбу Николая Ми., не оставте увѣдомить, да ещо спросѣтесь Николая Михайловича, онъ мнѣ сказивалъ, что отецъ вашъ не хотитъ васъ видѣть, а онъ о семъ слишилъ отъ Григорія П. Сами ви о семъ обстоятельно поговорѣте и пріймѣте мѣри, но все мнѣ кажетця луче поехать и старатись, нежели опасатись и не ехать; при томъже, ежели Андрей Степановичъ за сее озметця, дакъ то мнѣ кажетця, что едучи до свадби сіе дѣлать, а не изъ свадби заехать, тутъ ужо кажетця не будетъ почтително. Просѣте Андрея Степановича, чтобъ онъ доказалъ, какъ обѣщалъ вамъ. Весма би хорошо, когда бъ хоть на маленкое время съ Чернѣгова заехали сюда, чего и ожидать буду, пребивая во всю мою жизнь и проч. Н. П. 1792 году, мая 12, изъ Боровичъ.

Лящовъ посилаю вялихъ 5, а печонихъ нѣтъ. Когда и болше надобно, то пишѣте, да съ таковихъ еще 5.

108. Государи мои любезніе внуки, Н. П. и И. С. Сей вручитель привезъ отъ матушки вашей Сашечки кроватку, которая весма хороша и за которую она чувствителнѣйше благодарить и цалуетъ обѣихъ васъ ваши ручки. Благодареніе Бога, обое ваши дѣточки дужи и здорови, и обое вамъ нижайшой поклонъ и почтеніе свѣдителствуютъ, а между тѣмъ и просятъ, съ которими и я прошу, естли что не мѣшаетъ, къ намъ пожаловать пріехать; буди же зачемъ невозможно, то хотя часто прошу писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровьи, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшія лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. Что у васъ тамо происходитъ въ расужденіи вашего къ отцу віезда увѣдомить прошу. Вчерась у меня Габрилловци [1]) били, привозили кирпичъ на подмуровку церкви, которіе сказивали, что козаки займу Габрилловецкую не ту, что близъ села, а другую, которая съ полемъ каруковскимъ граничитъ, совсемъ випустошили, лики и лубя подрали и что человѣка по двѣстѣ въежаютъ, но прикажчикъ ни слова не пишетъ о семъ, почему я той же часъ отправила Якова Онищенка и писала, чтобъ и вашъ савинской и мой каруковской приказчикъ и Яковъ старались всячески не допускать и грабить сколько возможно, а Горлянскій сейчасъ прислалъ би отвѣтъ—почему онъ ни о чемъ не упоминаетъ, о таковой шкодѣ. Болше писать чего не скискую и проч. Н. П. 1792 году, мая 29. изъ Боровичъ.

---

[1]) Д. Габриліовка въ сосницкомъ уѣздѣ.

109. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Письмо отъ васъ я получила чрезъ романовскаго человѣка, въ которомъ яко не поснили о Настенкиномъ здоровьи, въ несказаномъ соболѣзнованіи сего нарочно посилаю, прошу со всякимъ обстоятелствомъ не оставить написать, что̀ съ нею дѣлаетця. О дай, Всевидущой, получить мнѣ рядосніе вѣсти, отъ искренего моего сердца обѣимъ вамъ здоровья и всякого благосчастія желаю. Я и дѣточки ваши, благодареніе Всевишнего, дужи и здорови и зъ самого вашего отезда, чрезъ часъ мѣста, сестра Пелагея С. съ дочерью Варварою и унучкомъ пріехали. За ею Александеръ на третой день изъ супругою и синами обѣима; и по сей день гости мене прямо ужо безъпокоятъ, хотя и свои, ни минути нѣтъ, чтобъ все розъехалось. Какіе у насъ разговори били съ Александромъ—описивать весма много, а скажу толко, что онъ 2 часи на колѣнахъ предъ братомъ Г. Г. стоялъ, самъ расказивалъ и братъ тоже пишетъ, а за пріездомъ ко мнѣ, что блевалъ, уподобить ничему не могу, яко и повѣрною мене дѣлавъ, въ чемъ я ему грубо отказала. Таперъ же пишетъ братъ ко мнѣ и его письмо присилаетъ, въ которомъ благодаритъ за прощеніе, а между темъ пишетъ, чтобъ братъ въ семъ іюлѣ на урадѣ ствердилъ, чемъ онъ помилуетъ. Я би вамъ письмо прислала его, но нарочной едетъ сей же день, а письмо Лисенково обратно велено прислать, кое и послано сей же часъ. Сестра раскаеваетця и сказиваетъ, что по мужнему приказанію здѣлала; что будетъ, не знаю далше. За присилку лампади премного благодару и денги за оную 9 рублей посилаю, а пять другіе рублей посилаю, покорно прошу приказать хорошой оливи купить и чрезъ сего прислать. Никола Ми. и Полинѣ ещо не било и извѣстія никакого не имѣю, даруй Господи, чтобъ толко здорови били обое. Болше бъ писала, да право не имѣю времени. Поручаю наконецъ обѣихъ васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 1, изъ Боровичъ.

110. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С., что я такъ долго не писала къ вамъ и нарочного сво(его) не посила(ла) сими днями, то сіе здѣлалось отъ пресилнихъ безпокойствъ, а вотъ они: 19 числа сего мѣсяца, въ 12 часу, старіе Боровичи со всемъ вигорѣли, такъ что мои осталось толко три двора, да козачихъ четири, а згорѣло моихъ 47 и шинокъ 48-й; и такъ згорело все, что ничемъ ничево и не вихватили, яко всѣ люде били въ полѣ и кромѣ дѣтей никово не осталось, которіе то и запалили. Я и сама ездила туда, но способу нѣтъ въ чемъ либо помочь, за великимъ жаромъ, да покудово я собралась поехать, яко на ту пору былъ у мене Прохоръ

Ивановичъ, то и совсемъ вигорѣло до основанія, такъ что ни одной улицѣ, ни огорода, а о садахъ и хатахъ нѣчево ужо и говорить; и съ тихъ то поръ ни минути покою не имѣю, безпрестано приходятъ люде съ плачемъ то за хлѣбомъ, то за одѣяніемъ, за хатами, словомъ однимъ сказать—сердце болитъ, да что дѣлать и помогти трудно и нѣчимъ—доволно, что изъ скотомъ не знаю,—что дѣлать, кой пришедши съ череди и несискавъ въсякъ своего мѣста, бѣжатъ и сами не знаютъ куда, и люде бѣдніе одно толко теперъ—въсякъ свое гонитъ скотину и не знаютъ куда загонить. Я приказала займи рубить и городитись поскорѣе, а тутъ самое рабочое время, но ни свого не могутъ бѣдніе снимать съ поля за печалю, а о моемъ ужо и думать нѣчего. Вотъ мое таперешное состояніе! Посудѣте, какъ хочете. Хлѣбъ же такой у мене на бору—изъжали совсемъ, где сѣяли 25 четвертей, а нажали толко сто копъ съ чемъ то маленкимъ и такъ ліогокъ, что и робіонекъ сноповъ 4 понесетъ. Завозу ни малѣйшее нѣтъ ничево, но все сіе для мене не такъ чувствително, какъ пожаръ. Что принадлежитъ до здоровья моего, то хотя не совсемъ, но движуся жъ какъ нибудь, а дѣточка ваши, благодареніе Богу, здоровенки и дужи, Сашечка и Петрушенка благодарятъ васъ за гостинчикъ и цалуютъ ручки ваши, какъ милостивихъ своихъ родителей. Петрушенка на зубочки немножечко било проносомъ заболѣлъ, однакъ теперъ, благодареніе Бога, луче стало и зубочки показались Софія Василіевна ещо и сама не знаетъ, когда поедетъ. Григорія Григоріевича ожидаетъ въ суботу. А отсель еще поедетъ въ Тупичевъ и во всю тамошную околицу до своихъ. Пріедь, ангелъ мой Настасія Петровна, я знаю, что Ивану Степановичу отлучитись нелзя и естли бъ передъ заговѣнами, тобъ луче било пріехала. Здѣсь можетъ быть и Софію Василіевну бы застала, ибо кажетця, что еи до заговѣнъ успіеть нелзя віехать буде. Бублики изъ вашимъ нарочнимъ пришлю, которіе толко что учинили таперъ поутру, ибо очень ужо поздо пріехалъ. А госпожа Бренцевичева едетъ по своей надобности къ вамъ, то и сіе пишу, а чрезъ вашего буду я и Софія Василіевна писать же, а таперъ изволитъ рибку удить, которой я и не мѣшала. За симъ поручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 22. Изъ Боровичъ.

111. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Понеже я сей же день писала къ вамъ чрезъ панѣ Бренцевичеву, то и нѣчево болше писать, кромѣ то, что прошу васъ не оставлять при оказѣяхъ писать о вашемъ для мене драгоцѣномъ здоровю, которое да сохранитъ предвѣчной на должайшіе лѣта отъ искренѣйшаго моего сердца

желаю. Бубликовъ посилаю, желаю здоровенькимъ кушать, засимъ препоручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 23. Изъ Боровичъ.

P. S. Что принадлежитъ до Николая Михайловича въ разсужденіи приказа обѣщаного, вамъ извѣстного, чтобъ далъ, то сумнюсь, ибо предоставте себѣ, когда отехалъ онъ отсель, то моихъ лошадей въсѣхъ и Улянкину взялъ подъ свои повозки и ещо три подводи мужичіе, чему другая неделя пошла отъ прошедшаго воскресенія; не присилаетъ и по сіе время и что они тамо дѣлаютъ я ужо не понимаю, а бралъ съ тіемъ, чтобъ той же часъ и прислать. Одна подвода пріехала, которой повозчикъ съказивалъ мнѣ, что нудимось, да нѣчево дѣлать, какъ толко увидимъ де господина и станемъ просить, чтобъ отправили, то толко и скажетъ: вотъ тотъ часъ отправлю, позабавтесь маленко! И когда де я ужо съ терпѣнія вишолъ, что въсякой день симъ отбуваетъ, то пришедши сказалъ, дозволте ехать, здесь ещо остаютця два человѣка, то онъ толко и съказалъ: хорошо, поежай, а тѣ пусть останутця... А до коихъ поръ и на что оніе— Богу ужо свѣдущу. Посему судѣте, можно ли, чтобъ онъ вздумалъ на приказъ, когда ви ещо не приказали къ нему явитися приказчику вашему. А мнѣ съ клятвою съказалъ, что тотчасъ пошлю приказъ, дакъ не пустили довжичане. Пишетъ же ко мнѣ чрезъ моего человѣка, которого особо я посилала до Григорія Г., что они въ следующую пятницу выежаютъ въ Полтаву, а о лошадехъ моихъ и подводахъ ни слова не упоминаетъ. Вотъ съ такимъ то хозяиномъ какъ хочете думайте, поправляй толко Господи ужо. Анна Артемовна и Улина Семеновна благодарятъ васъ за неоставленіе, а при томъ и низохенко вамъ кланяютця.

112. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Каково писмо я получила отъ Катенкиной тіотки, посилаю для вашего знанія къ вамъ, равно и какого ви будете въ немъ содержанія, не оставте мене увѣдомить, даби знать, что отвѣчать къ ней мнѣ. Мое мнѣніе не терять лѣтъ и времени бѣдной сиротѣ, когда при томъ откриваетця ей отъ тіотъ(ки) щастіе, какъ ви и сами о томъ совершенно изъвѣстни о томъ, что тіотка неубога и небездѣтна, то не смотря на отца, которой, оженясь, не мислитъ дѣтямъ никакого добра, а когда Катенка утеряетъ свою тіотку и благодѣтелницу, то вѣчно на васъ можетъ плакатись. Я знаю и ваши резони не неправедніе въ разсужденіи вашего обѣщанія отцу, но ви и въ полъ того добра не можете сдѣлать, что она отъ тіотки получить можетъ. Вотъ мои мисли, какъ вамъ покажутця, ви сіе писмо тіоткино и я ещо къ вамъ напишу за

вашимъ совѣтомъ, тако что я не дожидаючись вашего отвѣта, какъ такая пишетъ ко мнѣ съ прозбою, отправила Катенку къ тіотки, а ви можете отца о семъ увѣдомить, сообщивъ то и другое писмо къ нему. Таперъ ей ничево ненадобно, какъ покрайности рубликовъ 50 для доставки въ Москву, да когда есть какое лишное въ Настасьи Петровни плате пару одну. А ехать ей таперъ весма къстатѣ въ Москву, когда Ефросинія Герасимовна едетъ туда жъ, въ Москву, а тамо Катенки тіотка родная и тамо какъ себѣ хотятъ ужо. Они хотятъ вѣздить после Крещенія заразъ. Естли ви на сіе согласни, то пожалуйте напишѣте обстятелно, какъ бить сему, ибо мнѣ надобно до тіотки писать что нибудь. Естли получили отъ Софіи Василіевни писмо, прошу чрезъ сего прислать. Отъ Григорія Григоріевича извѣстія никакого нѣтъ еще и по сіе время. Вѣстей никакихъ нѣтъ, чѣмъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я, слава Богу, здорови и дужи. Не оставте увѣдомить о своемъ здоровьи и проч. Н. П. 1792 году, декабря 3. Изъ Боровичъ. Карандашовъ пришлѣте для Сашенки, начала учитись.

При семъ и я вамъ, драгоцѣнѣйшіе мои родители, нижайше кланяюсь и цѣлую ваши руки и ножки. Простѣте, залѣнилась, ваша всепокорнѣйшая слуга Александра Л.

113. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и І. С. Какъ сей вашъ нарочной посилаемой едетъ къ вамъ съ благопріятнимъ вѣстю, то есть, что куплено вамъ хлѣба четвертей 290, въсякая четверть по 2 р. 40 14-ти пудовая, то и васъ симъ поздравляю, дай толко, Господи, чтобъ еще и горелка хорошая родила съ оного, да къ тому ещо, какъ я и сама знаю, что Биковъ весма недалеко отъ Нѣжина, теперъ вотъ толко и старатись отискать оной безъ замедлѣнія, что все и возможно въ разсужденіи томъ, что завремено исъкупленъ. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, чемъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я слава Богу здорови. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1792 году, декабря 5, изъ Боровичъ.

114. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку покупки, коя вся въ цѣлости получена, покорно и премного обѣимъ вамъ благодарю. Писмо отъ Софіи Василіевни въ вашемъ ковертѣ я получила, а что не писала въ полученіи и не благодарила васъ за доставку, какъ къ ней, такъ и до мене, прошу извинить, свѣдитель Богъ, что столко имѣла безпокойства, что и описать вамъ не могу; изъ сего судѣте: что вомисто писма отъ тіотки Катерини Ивановни ваше обратно послала, да и ви пишете, что обратно ваше писмо посилае-

те, но видно и ви въ таковичъ же обстоятелствахъ, яко не сискала я болше никакого, какъ таперешное писмо отъ тіотки Катенкиной, таперъ посилаю, по которому, что заблагоразсудѣте, не оставте увѣдомить. Она, послишивши, что ви пишете, причини всѣ я ей переказала, неутѣшно плачетця. Я на писмо тіоткино, что пишу къ ней для знанія вашего посилаю термѣну, на которое иначе отвѣту получить нелза, какъ недель семъ или болѣе, какъ то отецъ Романъ пересказиваетъ. Что касаетця, что ей съ кѣмъ ехать, то отець Романъ на себе сіе беретъ, онъ и самъ съ нею едетъ до Москви. Разсуждайте на все и не теряйте лѣтъ сиротѣ, даби не могла плакатись на васъ вѣчно. По моему мнѣнію къ отцу можете сіе писмо послать, или отвѣта пождать на мое писмо къ тіотки, что и будетъ развѣ по веснѣ. А таперъ то ей и отцу Роману хочетця, чтобъ вмѣстѣ изъ сестрою ехать и ему и Катенки, которая послѣ крещенія едетъ въ Москву, а оттоль никакой нужди нѣтъ, чѣмъ и съ кемъ ей ехать, вамъ въ томъ нѣтъ нужди, такъ то мнѣ кажетця, а впротчемъ вамъ луче знать. За присилку двохъ зайчовъ премного вамъ обѣимъ, моимъ государямъ, благодарю, что вашей собственой обѣихъ охоти, то ещо тіемъ оніе тисячу разъ пріятнѣйшими будутъ. Алексашенка, слава Богу, дужа и здорова и получивъ отъ васъ карандаши, благодаритъ безпримѣрно и наичувствителнѣйше и цалуя ваши ручки и ножки по сту разъ въ мисляхъ. Календаръ на новой годъ слѣдующой полученъ, премного вамъ благодарю за присилку оного. Болше писать чего не сискую, и проч. Н. П. 1792 году, декабря 18, изъ Боровичъ.

115. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. 24-го числа получила я писмо о позволеніи Катенки ехать въ извѣстную дорогу, она столко обрадовал(ась), что и виздоровила. Вы весма хорошо сдѣлаете, что дозволили ей сіе. Лишнево давать нѣчево, а по возможности; мнѣ кажетця, что болѣе 50 рублей ненада, а я обѣщалась 30 дать, да съ платя тоже не лишное. Они скоро хотятъ ехать и для того и не укоснѣте присилкою, что будетъ ваша милость. Что братецъ Григорій Григоревичъ здесь, то увидите на семъ же листу.... Дай Господи, чтобъ на семъ остановилось. Писать болѣе чего не сискую. Поздравивъ васъ, мои драгоцѣніи, симъ празникомъ, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца провождать радостно и благополучно и слѣдующихъ дождать, по крайной мѣри отъ сего времени въсякому изъ васъ—по сто таковихъ радоснихъ празниковъ. Съ коимъ моимъ желаніемъ по гробъ мой пребуду вашею вѣрною и всехъ добръ желателнѣйшею бабкою Н. П. 1792 году, декабря 26, изъ Боровичъ.

Радуясь нечаяной оказіи, что и увѣдомить о себѣ васъ могу. Пріехавши въ Черниговъ 22 декабря, выехалъ оттоль на праздникъ 24, а сюда 25-го прибылъ. И поздравивъ съ празникомъ обоихъ васъ, государей моихъ, желаю засимъ новый годъ продолжать во всѣхъ благощасливыхъ поведеніяхъ и здравими со всѣми вашими домашними. Тутъ же и благодарнмъ васъ, государя моего, Ивана Степановича за здѣланіе трубъ, о коихъ слышу, что очень хороши и изъ коихъ съ начала донынѣ горѣлка самая лучшая пробная выходитъ отъ 10 пуд. муки—50 в. и 2 квар., а видѣть не довелось. Въ Смячи рѣка общая (sic) Сновъ не пустила переехать. Дорогу я имѣлъ пребезпокойнѣйшую, съ 15 числа выѣхавши изъ Золотоношки, съ крайнимъ поспѣшеніемъ, насилу въ 6 дней до вашего нового трактира доѣхалъ, гдѣ лошади и повозки два дни еще простояли, пока перевезлись. Въ скотопитателныхъ тамошнихъ мѣстахъ, видѣли мы снѣгъ въ Николинъ день, да на завтрѣе, а потомъ дожди и туманы такъ дорогу раз(г)рязили, что я не ехалъ да плылъ. Нового вамъ сообщить нѣчего, а развѣ, что я Настасіи Петровны дядюшку видѣлъ отчасти нездорового съ завязаннымъ глазомъ. Таможни здѣсь по по прежнему, сказуютъ, учреждены будутъ, такъ съ Петербурга пишутъ. Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій, сенаторъ, проѣхалъ къ графу въ Ташань 24 числа, черезъ Черниговъ, а я у его былъ. Михайла Никитича (Кречетникова?) ожидаютъ въ Кіевъ, чрезъ Тулу дорогу свою отправляющого. Каховского изъ Варшавы отозвано въ столицу, а на мѣсто его отправленъ генералъ Игельтромъ. Все тутъ, да и бумаги болше не остало. Прощайте! Дай Богъ васъ здоровихъ видѣть. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ.

116. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Чрезъ вашего сего нарочного, получила я писмо и при немъ присилку пуда митой вовни. По первому радуюсь, что слишу о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровьи, а по фторомъ, благодарю премного за вовну и труди Настасіи Петровни, но почему не написали цени,—пожалуйте дайте знать; я знаю, что не дешева оная, а ви люде ново(го) хазяйства, на все сіе имѣть должно уваженіе, прошу безъ церемонѣ(и) дать знать, я съ превеликою охотою денги пришлю. Здесь въ ярмонки била вовна по 60 копеекъ руно немитой и я не купила, зная сколько дорого прійдетъ и немитое руно, когда зважила, то толко по 3 фунта било. Ещо васъ безпокоить осмиливаюсь, покорно прошу, коль у васъ тамо близко, приказать здѣлать мнѣ три кварти одинацятковіе и три чвертки по квартамъ тіемъ же, и что за оніе

подлежатиметь денегъ вмѣстѣ съ вовною написать, да не замедля овіе кварти и чвертки и прислать прошу. О Лисенку и писать нѣчево, когда читали мое писмо, то и доволно ужо, а толко скажу то, что брата и сватью посадилъ подъ караулъ въ уездѣ, и дѣти одни одиніошенки остались безъ и малѣйшаго кого либо призрѣнія. Въ доми же Войцеховичей все судъ попечаталъ, такъ сказиваютъ, но я не знаю совершенно. Я спскивала Настасью Дмит., которой совѣтовала поѣхать къ унукамъ, но и та отказалась по слабости здоровья. Вѣстей здѣсь никакихъ нѣтъ, а толко скажу, что дожчи безпрестаніе и бури тяжкіе. Дѣточки ваши и я съ ними, благодареніе Бога, здорови и дужи, пріезда Настасіи Петровни ожидать буду и проч. 1793 году, іюня 21, изъ Боровичъ. Алексаничка за башмачки чувствително благодаритъ и цѣлуетъ ручки ваши, а съ нею и Ульяна Семеновна низіохенко кланяетця и цалуетъ ваши ручки.

117. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе вънуки Н. П. и И. С. Какъ сей вручитель едетъ по своей нуждѣ къ вамъ, то не пропущая сей оказѣи, увѣдомить васъ не пропущаю, что дѣточки ваши, благодареніе Господа, дужи и здорови и Николашенка *буки-азъ-ба* учитъ. Проситъ наиприлѣжнѣйше, чтобъ шляпу ему прислали, я ему пошила суртучокъ и какъ надѣлъ, то говоритъ: бабушенка! у мене шляпи нѣтъ, напишѣте, чтобъ папинка прислалъ, у Брахловѣ есть моя шляпа.—По сію пору сплятъ обое, а то би онъ много насказалъ, а теперъ въсѣ трое вамъ нижайшее почтеніе свидѣтелствуютъ и цалуютъ ваши ручки и ножки, какъ милостивихъ своихъ родителей. Я, благодареніе Богу, свободилась отъ кашлю совсемъ, не принимая болѣе ничево, какъ одну магнезію, а присланой травки и не починала; Уляна Степановна пила, но помощи никакой нѣтъ, да посилала Григоріевичу Василію Ждановичу, но оная ничево не помогла, онъ ужо приказалъ вамъ долго жить, а самъ отидетъ ко Господу сего мар. 27. За присилку осятрини премного вамъ благодарю, риби здесь отнюдь нѣтъ, таперъ и ліодъ ещо держитця и по сіе время. Григорій Петровичъ пишетъ, просячи неможно ли ему клевѣра (sic) Настасіи Петровни для Сонечки прислать, пожалуйте естли возможно, не откажѣтесь. За присилку домашнего канѣфасу чувствително благодарю. Вѣстей никакихъ нѣтъ и тіемъ кончу, поручивъ васъ и проч. Н. П. 1796 году, мар. 29, Боровичи.

118. Душа моя, ангелъ, Н. П. Первоначално скажу вамъ то, что дѣточки ваши, а съ ними и я, благодаримъ Господа, дужи и здорови, дай Господи и о васъ тоже слишить, а ещо бы луче, естли бъ

васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, здоровихъ видѣть, сего то нетерпеливно желаю, да думаю, что ужо ви въ своемъ хазяйствѣ и упоралисъ доволно, кажетця, можно проездитця, съ чемъ прошу и не оставить. Мадамъ пріехала вчера, но оная по своимъ лѣтамъ, далѣй ехать не желаетъ, которой, по ея показанію, 68-мъ лѣтъ; сказуетъ, что естли до дѣтей, то она съ охотою превеликою, до чего то она съ младихъ лѣтъ привикла, а до хозяйства несродна, а толко учить понѣмецки, пополски, шить на дѣтей и смотрѣть за ними; а имѣетъ дочъ 18 лѣтъ, которая въ нѣмца и которой годъ о Петрѣ кончитця, та—такъ велика хазяйка, что какъ можно за всѣмъ въ домѣ того смотритъ, не доволно ключи въ ея всѣ, но и за панщиною, дойвомъ, огородомъ, прядивомъ, въсемъ отъ мала до велика, всего смотритъ и велику охоту къ тому имѣетъ. Да кажетця при тебѣ, душа моя, съказивалъ Корицкой о ея дочери, что она всего смотритъ и порядочно. Весма би хорошо, когда нелзя обѣимъ, хотя би ти сама пріехала, то би поговорить съ нею обо всемъ, какъ тебѣ угодно, то то и здѣлаешь. Батюшка твой давно ужо отехалъ обратно, но точного извѣстія нѣтъ, а сказивала Лукяна кучера жена, которая на прошедшой неделѣ здѣсь била. А Уляна Семеновна, какъ поѣхала ещо предъ Николаевимъ днемъ, то ни ея, ни извѣстія никакого нѣтъ, а толко тоже Лукяниха сказивала, что у Николая Михайловича оставалась. Вотъ и всѣ вѣсти вамъ здешніе. За симъ поручаю васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, и проч. Н. П. мая 19, 1796 году. Изъ Боровичъ.

Швачка скоро дошъіотъ ризъ Богороди(цы), сътарайтесь дисейномъ (рисункомъ) и золотомъ, яко будетъ гулять. Г. Корицкой прислалъ мнѣ турецкого гороху, я двѣ мѣрки посеяла у себе, а вамъ мѣрку посилаю, сія мадамъ сказивала, что чрезвичайно хорошъ въ кушаньи и что весма родитъ сей горохъ у того господина, где она била.

119. Ульяна Семеновна сію минуту пріехала съ писмомъ симъ, что тутъ написано, что она то перескажетъ, то я, услиша отъ ея, поясняю, а вотъ то: батюшка вашъ, будучи въ Чернѣговѣ сказалъ Александрѣ Павловнѣ при Якову Кириличу, первое, спросилъ Алек. П—ну: видаетесь ли ви съ дочерью моею Нас—ю?—Она тутъ съказала, что весма часто. Да гдѣ ви такъ часто видитесь?—она сказала: въ Жукоткахъ. Тутъ онъ сказалъ: съкажѣте ей мое прощеніе и благословеніе, Господь ея да благословитъ, а я прощаю и благословляю ея и дѣточокъ ея, да съкажѣте ей, съкажѣте... И тутъ то, сказивала Алек. П., горко сталъ плакать. Изъ сею вестю вчера Н. Богдановна,

пріехавши, прежде Уляни Семеновни, съказала мнѣ, что сіе Яковъ Кириличъ говорилъ ей и совѣтовалъ, чтобъ вы сейчасъ поехали къ батюшкѣ, ибо онъ нарочито сіе сказалъ при Якову Кириличу, чтобъ било извѣстно; при томъ же съказиваютъ, что весма слабъ Петръ С. Бога ради, посовѣтуйтесь сами изъ собою и не оставте сего случая въ ползу вашу, а инако, чтобъ не могли сожалѣть, да и всѣ ваши друзя совѣтуютъ вамъ сіе здѣлать. Пріежайте безъ укоснѣнія, пожалуйте абое, мои ангели. (*1796 г., въ маѣ*).

120. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Я пріехавши суда, застала брата въсе въ одномъ положеніи, а сама, благодарю Бога, здорова, прошу и о вашемъ и любезныхъ дѣточкахъ вашихъ здоровьи не оставить увѣдомить. Где я буду празновать ещо совершенно знать не могу, обстоятелствъ весма много разныхъ, а положителного ничево нѣтъ, а со временемъ писать къ вамъ буду. Что получите о горелки не оставте увѣдомить. Новостей много, но то самое болше въсего важнѣе, что точно будетъ толко двѣ колегіи въ Чернѣговѣ и Кіевѣ и таперъ господа присутствующіе въ превеликихъ клопотахъ. О траурѣ указъ посилаю. Адье, недосугъ крайне. Прошу прислать обратно, яко здесь нѣтъ. Графъ, нашъ общій благодѣтель, Петръ Александровичъ восмого декабра съкончался и сказиваютъ, что просилъ, чтобъ погребенъ билъ въ Рихлахъ, а где погребутъ ещо неизвѣстно. Константинъ Павловичъ здесь будетъ великимъ гетманомъ, а при немъ Гудовичъ—регентомъ. Всѣ невестки императорскіе—дѣлами обовязани, императрица въ смолномъ манастирѣ—директоръ, болшая—сама смотритъ и располагаетъ милостиню, меншая—надъ сиротскимъ домомъ. Вотъ смотрѣте какъ хорошо, что нихто въ празности не будетъ! (*Декабрь, 1796 г.*).

121. Государи мои, драгоцѣннѣйшіе вънуки Н. П. и І. С. Предверіемъ нового года васъ, моихъ ангеловъ, проздравляю, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца оного провождать въ радости, помислномъ благощастіи, ненарушимомъ здравіи, со всѣми вашими любезними дѣточками и со всею вашею почтеною фамиліею до самихъ глубочайшихъ лѣтъ. Новостей никакихъ нѣтъ, а хотя и много получено указовъ, но не смѣетъ нихто смотрѣть, яко на имя нового къ намъ губернатора Везмитина, котораго съ дня на день ожидаютъ. Каково у васъ слухъ о губернскихъ членахъ, а у насъ непрестанно стонаютъ, что мѣстъ лишаютця и при немъ [illegible] Вотъ и все тутъ, а у насъ все одно за одно и ни малѣишей поправи нѣтъ. Симъ кончу и пишу. Н. П. 1796 году, декабря 20. [illegible]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.